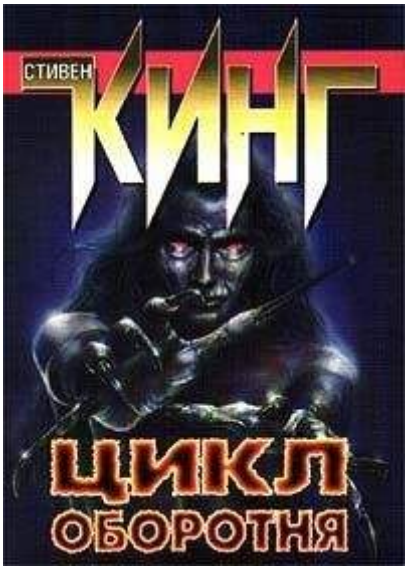

"Стивен Кинг - Цикл оборотня (сборник рассказов и повестей)"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

(сборник рассказов и повестей)

ЦИКЛ ОБОРОТНЯ

ЯНВАРЬ

Где-то высоко вверху светит полная луна, но здесь, в Таркерз-Миллз, январский ветер запорошил небо снегом. Поземка заметает пустынную Центральную авеню. Смирившись с поражением, оранжевые снегоочистители покинули поле боя.

Арни Веструм, путевой обходчик на железной дороге, застигнут бураном в своей будке в девяти милях от города. Снежные заносы не дают пройти его маленькой дрезине, работающей на бензине, поэтому Арни коротает время здесь, раскладывая пасьянс. Карты у него старые, засаленные. Снаружи завывания ветра переходят в пронзительный вопль. Веструм в тревоге поднимает голову, но тут же возвращается к пасьянсу, но это всего лишь ветер…

Хотя ветер обычно не царапает в дверь и не скулит, словно прося, чтобы его впустили.

Арни – высокий худощавый мужчина в шерстяной фуфайке и железнодорожном комбинезоне – встает. В углу рта зажата сигарета «Кэмел», на лицо, типичное для уроженца Новой Англии, падает оранжевый отсвет от висящей на стене керосиновой лампы.

В дверь вновь заскреблись. Чья-то собака, думает Арни.

Потерялась и теперь просит, чтобы ее впустили. Всего-навсего… Но тем не менее Арни медлит. Конечно, нехорошо оставлять собаку на холоде (хотя в будке сейчас не намного теплее – несмотря на обогреватель, изо рта Арни вырывается пар), думает железнодорожник, но все же колеблется. Страх холодными пальцами сжимает его сердце. Таркерз-Миллз ждут скверные времена. То и дело встречаются дурные предзнаменования, и это очень не нравится Арни, в жилах которого течет кровь древних обитателей Уэльса.

Прежде чем железнодорожник успевает решить, что же ему делать с непрошеным гостем, повизгивание переходит в рычание. Раздается глухой стук, как будто в дверь ударили чем-то невероятно тяжелым.., непродолжительная тишина.., затем удар повторяется. Дверь дрожит, в помещение влетают клубы снега.

Арни Веструм оглядывается в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы подпереть дверь. Но он успевает только схватиться за шаткий стул, на котором сидел.

Рычащее существо вновь с невероятной силой ударяет в дверь и раскалывает ее сверху донизу.

На миг оно, брыкаясь, застревает в образовавшейся щели, встав почти вертикально. Желтые глаза горят ярким пламенем, пасть ощеривается в рычании. Это самый большой волк из всех, каких доводилось видеть Арни…

И его рычание ужасно напоминает человеческую речь.

Дверь стонет и трещит. Через секунду существо будет внутри.

В углу, рядом с кучей инструментов, у стены стоит кирка. Бросившись туда, Арни хватает ее.

Волк уже протиснулся внутрь и припал к земле, глядя желтыми глазами на зажатого в угол

человека. Уши у волка стоят торчком, язык свисает. В разбитую до середины дверь летят хлопья снега.

Волк с рычанием прыгает, и Арни Веструм взмахивает киркой.

Он успевает это сделать только один раз.

Через разбитую дверь на снег падает слабый свет керосиновой лампы.

Ревет и стонет ветер.

В будке слышатся крики.

В Таркерз-Миллз пришло нечто страшное, скрытое от людских глаз, подобно плывущей за тучами по ночному небу полной луне. Это оборотень, и для его появления не больше причин, чем для появления ракового заболевания, маньяка-убийцы или смертоносного торнадо. Просто пришло время ему объявиться именно здесь – в этом маленьком городишке штата Мэн, где раз в неделю устраивается церковный ужин с жареными бобами, где маленькие мальчики и девочки все еще приносят своим учителям яблоки и где местный еженедельник с религиозным трепетом сообщает о загородных прогулках, организуемых Клубом пожилых горожан. На следующей неделе газета сообщит о других, гораздо менее приятных вещах.

Следы загадочного существа уже начало заносить снегом. В пронзительном вое ветра слышится злобное удовлетворение. В этих диких, бездушных звуках воплощаются только тяжелое дыхание и ледяной холод зимы. И ничего от Бога или Света.

Цикл оборотня начался.

ФЕВРАЛЬ

Любовь, думает Стелла Рэндольф, лежа на своей узкой девичьей постели. В окно льется холодный голубой свет полной луны. Сегодня был День святого Валентина.

О любовь любовь любовь! Любовь – как…

В этом году Стелла Рэндольф, владевшая в Ааареерс-Мееес магазином модной одежды, получила двадцать «валентинок» – от Пола Ньюмена, от Роберта Рэдфорда, от Джона Траволты.., даже от Эйс Фрили из рок-группы «Кисе». Все они стояли на бюро в другом конце комнаты, освещенные холодным голубым светом луны. Все до одной Стелла отправила себе сама – как и в прошлые годы.

Любовь – кок поцелуй на рассвете.., или как последний, настоящий поцелуй в конце любовных романов серии «Арлекин»… Любовь – как розы в сумерках…

Несомненно, в Таркерз-Миллз над ней все смеются. Ну и пусть! Пусть маленькие мальчики хихикают над ней, прикрывая лицо рукой (а иногда, находясь на безопасном расстоянии и убедившись, что поблизости нет констебля Ниари, начинают своими чистыми, высокими голосами напевать: «Толстый, толстый – три, четыре!»). Стелла знает: что такое любовь и что такое луна. Пусть ее магазин прогорает: пусть она слишком много весит; но сейчас, в эту ночь грез, когда сквозь замерзшие стекла льется лунный свет, ей кажется, что любовь все-таки еще придет: Придет вместе с ароматом лета, и появится он…

Topreading.ru

Любовь – как грубое прикосновение к щеке, резкое, царапающее…

И в этот момент кто-то стал царапаться в окно.

Стелла приподнимается на локте, одеяло сползает с ее полной груди. Лунный свет заслоняет темный силуэт – неясный, но, несомненно, мужской. Я сплю, думает Стелла, и во сне я его впущу, во сне я кончу. Это слово считают грязным, но оно чистое, хорошее; оно неразделимо с любовью.

Она встает, уверенная в том, что это всего лишь сон, что сейчас там, за окном, мужчина, которого она знает, мимо которого каждый день проходит по улице. Это…

(любовь любовь приближается любовь пришла)

Но когда толстые пальцы Стеллы касаются холодного стекла, она видит, что перед ней вовсе не человек, а животное – огромный косматый волк. Его передние лапы опираются на подоконник, а задние почти полностью погружены в сугроб, нанесенный ветром с западной стороны ее дома на окраине городка.

Но сегодня День святого Валентина, и меня ждет любовь, думает девушка. Глаза обманывают ее даже во сне. Это мужчина, тот самый мужчина, которого она ждет, ослепляющий ее своей греховной красотой.

(грешной да любовь будет грешной)

И он пришел этой лунной ночью и возьмет ее. Он будет…

Стелла поднимает окно, и порыв холодного воздуха, от которого не спасает тонкая ночная рубашка, убеждает девушку, что это не сон.

Мужчина исчез, и Стелла внезапно понимает, что его никогда здесь не было. Ноги подгибаются, она делает шаг назад, волк легко прыгает в комнату и встряхивается, рассеивая в темноте сказочную снежную пыль.

Но любовь! Любовь – это как.., как.., как пронзительный крик…

Слишком поздно она вспоминает про Арни Веструма, которого всего лишь месяц назад нашли в железнодорожной будке разорванным на куски. Слишком поздно…

Волк бесшумно приближается к ней, его желтые глаза горят холодным вожделением.

Стелла Рэндольф пятится к своей девичьей кровати, пока не упирается пухлыми ногами в ее железную раму и не падает навзничь.

Лунный свет придает волчьему меху серебристый оттенок.

«Валентинки» на бюро вздрагивают под порывом ветра, одна из них срывается с места и, кружась, медленной бесшумно планирует на пол.

Волк кладет лапы на постель по обе стороны от Стеллы. Она может чувствовать его дыхание.., горячее, хотя нельзя сказать, что неприятное. Волк пристально смотрит на нее.

– Любовь, – шепчет девушка и закрывает глаза.

Topreading.ru

Волк бросается на нее.

Любовь – все равно что смерть.

МАРТ

Последний в этом году буран с тяжелым, мокрым снегом, который с наступлением ночи превращается в лед, по всему городку с треском ломает ветви деревьев.

– Мать-природа избавляется от сухостоя, – говорит за кофе своей жене Милт Штурмфуллер, городской библиотекарь.

Это худой мужчина с узким лицом и голубыми глазами, который уже двенадцать лет держит в страхе свою красивую молчаливую жену. Почему – догадываются лишь немногие, в том числе жена констебля Ниари, Джоан.

Город умеет хранить свои тайны.

Милту так понравилась сказанная им фраза, что он вновь ее повторяет:

– Ну да, мать-природа избавляется от сухостоя. – И тут свет гаснет, а Донна Ли Штурмфуллер тихо вскрикивает. Кроме того, она разливает свой кофе.

– Вытри, – холодно говорит ей супруг. – Вытри это, и сейчас же.

– Да, милый. Конечно.

В темноте Донна Штурмфуллер нащупывает кухонное полотенце и принимается вытирать пролитый кофе. Внезапно она ударяется подбородком о скамеечку для ног и кричит от боли. В темноте слышится смех ее супруга. Он веселится от всей души. Штурмфуллер находит все это очень забавным. Смешнее могут быть только шутки из «Ридерз дайджест». Читая анекдоты под рубриками «Армейский юмор» и «Жизнь в этих Соединенных Штатах», Штурмфуллер всегда смеется так, будто его щекочут под мышками.

В эту мартовскую ночь мать-природа избавилась не только от сухостоя, но и от линии электропередачи вдоль ручья Таркер-Брук. Под тяжестью льда провода день ото дня клонились все ниже и ниже, пока не рухнули на дорогу подобно клубку змей, лениво извиваясь и изрыгая голубые искры.

Все в Аареерс-Мееес погрузилось в темноту.

Как будто удовлетворившись этим, ветер начал стихать, и незадолго до полуночи температура воздуха сгустилась с тридцати трех до шестнадцати градусов. Слякоть мгновенно застыла, образовав причудливые рельефы. Сенокосный луг старика Хейга, известный под названием Поле в сорок акров, покрылся неровной коркой льда. В домах по-прежнему темно и холодно. Ни один ремонтник еще не смог пробраться к месту аварии по превратившимся в каток дорогам.

В облаках появляется просвет, в нем показывается полная луна.

Лед, покрывающий Травную улицу, сверкает в лунном свете, как кости мертвеца.

И тут раздается вой.

Никто не смог бы сказать, откуда исходит этот звук. Кажется, он идет отовсюду и в то же время ниоткуда. Полная луна ярко освещает темные дома. Звук доносится из зловещего сумрака, а мартовский ветер плачет и стонет, как будто мертвый берсеркер изо всей мочи дует в свой рог. Одинокий и яростный вой сливается с завываниями ветра.

Этот вой слышит Донна Ли, рядом с которой сном младенца спит ее отвратительный супруг. Его слышит констебль Ниари, стоящий у окна своей спальни на Лорел-стрит. В своей спальне слышит его Олли Паркер – толстый неудачник, директор средней школы. Слышат также и остальные. Среди них мальчик в инвалидной коляске.

Но никто ничего не видит. И никто не знает имени бродяги, которого на следующее утро нашел ремонтник, все-таки добравшийся до ручья Таркер-Брук, чтобы починить линию электропередачи. Бродяга весь обледенел, голова откинута в молчаливом крике, старое, поношенное пальто и рубашка разодраны на груди. Бедняга сидел в замерзшей луже собственной крови, пристально глядя на упавшие провода, его руки, пальцы которых сковал лед, все еще были подняты вверх, как будто он защищался от неведомой опасности.

А вокруг было множество отпечатков звериных следов.

Волчьих следов.

АПРЕЛЬ

В середине месяца снегопады сменились дождями, и в Таркерз-Миллз все начало зеленеть. Растаял лед на выгоне Мэтти Теллингэма, почти исчезли последние пятна снега в роще, которая называлась Большие леса. Словом, природа готовилась вновь преподнести свой старый, но все равно удивительный сюрприз: начиналась весна.

Несмотря на окутавший городок страх, каждый его житель готовится на свой лад отпраздновать приход весны. Грэмма Хейг печет пироги и выставляет их охлаждаться на подоконник. В воскресенье священник церкви Милосердия Господня преподобный Лестер Лоу читает проповедь под названием «Весна любви Господней», перемежая ее отрывками из «Песни Соломоновой». Что же касается мирских дел, то в эти дни Крис Райтсон, главный пьяница в Таркерз-Миллз, начинает Большой Весенний Запой. При фантастическом серебряном свете почти полной луны он, шатаясь, выходит из питейного заведения на улицу. Билли Робертсон, бармен и владелец единственного в городе салуна, провожает алкоголика взглядом.

– Если этот волк схватит кого-нибудь сегодня ночью, то это наверняка будет Крис, – бормочет он, обращаясь к барменше.

– Не говори так, – вздрогнув, отвечает барменша.

Ее зовут Элиза Фурнье, ей двадцать четыре года. Девушка посещает церковь Милосердия Господня и поет в хоре, потому что очень увлечена преподобным Лоу. Но к лету она все-таки собирается покинуть Таркерз-Миллз. Любовь любовью, а эта история с волком начинает ее пугать. Элиза уже начинает думать о том, что в Портсмуте чаевые, возможно, побольше.., да и волки там только морские.

Topreading.ru

Третий раз в году наступает полнолуние, и ночи в Таркерз-Миллз проходят в тревоге. Днем обитатели городка чувствуют себя спокойнее. Над городским парком каждый день вьется целая стая воздушных змеев.

Одиннадцатилетний Брейди Кинкейд на день рождения получил в подарок воздушного змея, в виде грифа. Он потратил массу времени, наблюдая за тем, как змей, словно живое существо, рвет у него из рук веревку, рыская в небесах из стороны в сторону. Увлеченный этим зрелищем, мальчик начисто забыл об ужине, не обратив внимания на то, что мало-помалу на лужайке остается все меньше и меньше детей. Держа под мышкой катушки с бечевкой и змеев, они постепенно разошлись по домам, оставив Брейди одного.

Угасающий свет дня и сгустившиеся тени наконец заставили его вспомнить о времени.

Над деревьями встала полная луна. Впервые в этом году наступило полнолуние в теплую погоду, поэтому свет луны уже не ослепительно белый, он приобрел более теплый, оранжевый оттенок. Но Брейди этого не замечает. Он думает сейчас только о том, что слишком задержался, отец, возможно, задаст ему перцу.., а кроме того, уже темнеет.

В школе Брейди посмеивался, когда его одноклассники рассказывали леденящие душу истории об оборотне, который, как говорили, месяц назад убил бродягу, еще за месяц до этого – Стеллу Рэндольф и три месяца назад – Арни Веструма. Но теперь мальчику не до смеха. Когда луна окрашивает апрельские сумерки в багрово-красный цвет, все эти истории начинают казаться ему реальными…

Стараясь двигаться быстрее, Брейди наматывает бечевку на катушку, спуская на землю своего грифа, налитые кровью глаза которого смотрят вниз. Мальчик слишком спешит, змей теряет ветер и падает где-то за эстрадой.

Брейди идет туда, на ходу сматывая бечевку и нервно оглядываясь через плечо. Внезапно веревка в его руках начинает ходить из стороны в сторону. Это напоминает Брейди о том, как он ловил большую рыбу в Таркерз-стрим. Нахмурившись, он смотрит на бечевку, а она внезапно провисает.

Темнота вдруг наполняется рычанием, и Брейди Кинкейд отчаянно кричит. Вот теперь он верит – да, верит! – но уже слишком поздно. Его крики заглушает рев, переходящий в пронзительный вой.

Волк бежит к мальчику, мчится на двух ногах, его косматая шкура озаряется оранжевым блеском луны, глаза светятся, как две зеленые лампочки. В одной его лапе – лапе с человеческими пальцами и когтями вместо ногтей – зажат трепещущий воздушный змей.

Брейди поворачивается, чтобы убежать, но его обхватывают сильные худые руки. Он чувствует запах крови и корицы…

На следующий день мальчика находят около мемориала, возведенного в честь участников войны, – без головы, с вырванными внутренностями. В окоченевшей руке зажат воздушный змей.

Змей дрожит, как будто рвется в небо. Члены поисковой группы в ужасе отворачиваются, их тошнит. Уже поднялся ветер. Воздушный змей по-прежнему рвется в небо, как будто знает, что сегодня благоприятная погода для полетов.

МАЙ

В ночь перед Днем возвращения домой преподобному Лестеру Лоу приснился ужасный сон, от которого он проснулся весь в поту. Выглянув на улицу, священник смотрит на стоящую через дорогу церковь. Сквозь узкие окна спальни все еще льются серебристые лучи лунного света, и на миг преподобному кажется, что сейчас он увидит оборотня, о котором уже давно шептались старые чудаки. Тогда он закрывает глаза и молит Бога простить его за нечистые помыслы.

– Во имя Иисуса, аминь! – произносит священник в конце молитвы. Именно так мать учила его в детстве.

Да, но сон…

Во сне завтра уже наступило, и Лоу читал проповедь по случаю Дня возвращения домой. В День возвращения домой (только старейшие из старых чудаков все еще называли его Днем старого дома) церковь всегда бывает заполнена. В отличие от других воскресений, когда скамейки бывают или полупустыми, или совершенно пустыми, в День возвращения здесь яблоку негде упасть.

Во сне преподобный проповедовал слово Божье с такой неистовой страстью, какую редко проявлял в действительности (у него была склонность бубнить и говорить монотонно – возможно, именно поэтому в последние десять лет число прихожан в церкви Милосердия Ainiодня значительно сократилось). Но в это утро устами Лестера, казалось, говорил сам Господь Бог. Преподобный понимал, что сейчас произносит лучшую в своей жизни проповедь, тема которой – «ЗВЕРЬ БРОДИТ СРЕДИ НАС». Снова и снова Лестер бил в одну точку, не замечая, что голос его порой возвышается до крика, а речь изобилует почти поэтическими образами.

«Зверь, – говорил преподобный, – присутствует повсюду. Сатана может оказаться везде. Он может быть на танцах в школе. Может покупать блок „Мальборо“ или газовую зажигалку фирмы „Бик“ в фактории. Может стоять перед аптекой Брайтона, жевать гамбургер и дожидаться автобуса из Бангора, который отправляется в четыре сорок. Зверь может сидеть рядом с вами на концерте или есть пирог в забегаловке на Равной улице. Зверь, – говорил преподобный, и голос его падал до дрожащего шепота. – вокруг нас».

Слушатели смотрели на него как зачарованные.

Слушатели смотрели на него как зачарованные.

«Остерегайтесь Зверя. – говорил преподобный, – ибо он может улыбаться и прикидываться вашим соседом, но, братия, у него острые зубы! Это Зверь, и он сейчас здесь – в Таркерз-Миллз. Он…» Тут преподобный Лоу осекся, его красноречие истощилось, потому что в этот момент в залитой солнцем церкви начало твориться что-то ужасное. Его паства начала менять облик, и преподобный с ужасом понял, что его прихожане превращаются в оборотней – все до одного, все триста человек. Глава городского самоуправления Виктор Боул – бледный полный мужчина.., его кожа потемнела, стала грубеть и покрываться темными волосами! Преподавательница музыки Вайолет Маккензи.., ее худое.

Старушечье тело стало вытягиваться, а длинный нос – сплющиваться! Толстый преподаватель естественных наук Элберт Фримэн, кажется, стал еще толще, его блестящий синий костюм треснул по швам, клочья волос полезли по всему телу, как набивка из старого дивана, а под

приоткрытыми толстыми губами обнаружились зубы размером с клавишу пианино!

«Вот он. Зверь!» – пытался сказать во сне преподобный Лоу, но не мог выговорить ни слова. Кэл Блодуин, старший дьякон церкви Милосердия Господня, с рычанием двинулся вперед по центральному проходу, и Лоу в ужасе отпрянул назад со своей кафедры. С серебряного подноса для сбора подаяний посыпались деньги. Вайолет Маккензи прыгнула на дьякона, и они вместе покатились по проходу, кусаясь и пронзительно визжа, причем голоса их были очень похожи на человеческие.

Тут же к ним присоединились остальные, и стало шумно, как в зоопарке во время кормежки. «Зверь! Зверь повсюду! Повсюду! Повею…» – в экстазе закричал преподобный Лоу. Но его голос тоже перешел в нечленораздельное рычание, и, опустив глаза, священник увидел, что его руки, выглядывавшие из рукавов добротного черного костюма, превратились в изогнутые лапы.

И тут преподобный проснулся.

Это всего лишь сон, подумал он, снова опускаясь на подушку. Слава Богу, это всего лишь сон.

Однако когда на следующее утро, утро после полнолуния, священник открыл двери церкви, он понял, что это был не сон. Перегнувшись через кафедру лицом вниз, на ней лежало выпотрошенное тело Клайда Корлисса, много лет убиравшего храм.

Да, это был не сон. Преподобный Лоу многое бы отдал за то, чтобы видение оказалось лишь ночным кошмаром. Священник открывает рот и, задыхаясь, начинает кричать.

Вновь пришла весна, и в этом году в Таркерз-Миллз вместе с ней пришел Зверь.

ИЮНЬ

На Таркерз-Миллз опускается самая короткая в году ночь. Альфи Нопфлер, владелец единственного в городе кафе, механически протирает и без того сверкающую стойку бара. Рукава его белой рубашки закатаны до локтей, открывая загорелые руки, покрытые татуировками. В кафе совершенно пусто. Покончив со стойкой, Альфи на миг замирает, вспоминая о том, как когда-то в такую же благоухающую летнюю ночь он потерял невинность. Девушку звали Арлин Маккьюн, а теперь она стала Арлин Бесси, женой одного из самых преуспевающих молодых юристов Бангора. Боже, как восхитительны были ее движения на заднем сиденье автомобиля и какой сладостной была та ночь!

Дверь в лето остается открытой, пропуская в кафе яркие лучи лунного света. Видимо, посетителей нет потому, что считается, будто Зверь гуляет именно при полной луне, но это Альфи не беспокоит. Во-первых, потому, что он весит девяносто килограммов, большая часть которых приходится на все еще крепкие мышцы, накачанные во время службы на флоте. А во-вторых, потому, что постоянные посетители завтра все равно чуть свет явятся отведать яичницу, жаркое и кофе. Может быть, думает Альфи, он сегодня закроет кафе немного пораньше – отключит кофеварку, запрет помещение и отправится на второй сеанс в кинотеатр под открытым небом. Июнь, полная луна – прекрасное время для того, чтобы посмотреть кино и выпить немного пива. Прекрасное время для того, чтобы вспомнить свои прошлые успехи.

Альфи уже повернулся было к кофеварке, но тут дверь отворяется, и он со вздохом вновь поворачивается к посетителю.

– Здравствуйте! Как дела? – спрашивает Альфи, потому что этот человек относится к числу его постоянных клиентов,; хотя его редко можно увидеть здесь позднее десяти утра.

Посетитель кивает, и они обмениваются несколькими дружескими фразами.

– Кофе? – спрашивает Альфи, когда мужчина опускается на одну из красных табуреток возле бара.

– Да, пожалуйста.

Да, еще можно успеть на второй сеанс, думает Альфи, поворачиваясь к кофеварке. А он выглядит неважно. Какой-то у него усталый вид. Может быть, болен? Да, еще есть время, чтобы…

Окончить свою мысль Альфи не успевает и застывает на месте, глупо разинув рот. Как и повсюду в кафе, на кофеварке нет ни пятнышка, ее стальной цилиндр сверкает, как металлическое зеркало. Вот только на ее выпуклой поверхности Альфи видит нечто столь же отвратительное, сколь и невероятное. Человек, которого он встречает каждый день, которого все в Таркерз-Миллз видят каждый день, начинает меняться. Лицо его словно как-то сдвигается, плывет, на глазах изменяя форму. Хлопчатобумажная рубашка натягивается, натягивается.., и вдруг начинает рваться. Как это ни нелепо, но Альфи сразу вспоминается шоу, которое любит смотреть его маленький племянник Рей, – «Неуклюжий детина».

В приятном, хотя и непримечательном лице посетителя появляется нечто зверское. Его кроткие карие глаза загораются, приобретая ужасный золотисто-зеленый оттенок. Посетитель кричит, но крик его сразу обрывается и переходит в яростное рычание…

Существо – Зверь, оборотень, или как там оно называется – бросается к стойке, переворачивая сахарницу. Тонкий стеклянный цилиндр катится по полу, его содержимое рассыпается. Все еще рыча, существо хватает его и с силой швыряет об стену.

Альфи резко оборачивается, сбивая с полки кофеварку. Она со звоном падает на пол, разбрызгивая повсюду горячий кофе. Альфи кричит от боли и страха. Да, теперь ему страшно, он уже забыл и о девяноста килограммах натренированных мускулов, и о племяннике Рее, и о совокуплении с Арлин Маккьюн на заднем сиденье. Сейчас он поглощен только одним – Зверем, ужасным монстром, как будто сошедшим с киноэкрана.

С ужасающими легкостью и быстротой чудовище прыгает на стойку. Брюки его разлетелись в клочья, от рубашки остались одни лохмотья. Альфи слышит, как в карманах оборотня звенят ключи и мелочь.

Оборотень прыгает на Альфи, тот пытается увернуться, но цепляется за кофеварку и падает ничком на красный линолеум. Вновь слышится рычание, Альфи ощущает горячее дыхание Зверя, а затем неописуемую боль, когда чудовище смыкает челюсти на дельтовидных мышцах его спины и с устрашающей силой тянет их вверх. Кровь заливает пол, прилавок и решетку для поджаривания мяса.

С огромной рваной дырой в спине Альфи, пошатываясь, встает. Он пытается кричать. Серебристый лунный свет, свет летней луны, льется в окна и ослепляет его.

Зверь снова прыгает.

Последнее, что видит Альфи, – это лунный свет…

ИЮЛЬ

Они отменили Четвертое июля!

Эти слова Марти Кослоу окружающие встречают без особого сочувствия. Возможно, никто просто не понимает, как глубоко постигшее его разочарование.

– Не глупи! – резко говорит ему мать. Она часто бывает резка с сыном, объясняя это себе нежеланием избаловать мальчика-инвалида, которому всю жизнь предстоит провести в инвалидной коляске.

– Подожди до будущего года! – говорит отец, хлопая Марти по спине. – Будет вдвое лучше! Вот увидишь, парень! Эге-гей!

Герман Кослоу работает учителем физкультуры в средней школе Таркерз-Миллз, и он всегда разговаривает со своим сыном таким бодряческим тоном. Он также всегда говорит ему «эге-гей!». Дело в том, что Марти заставляет Германа Кослоу немного нервничать. Горман живет в мире чрезвычайно подвижных детей, которые бегают наперегонки, играют в бейсбол, плавают. Когда разгораются спортивные баталии, он часто замечает где-то поблизости Марти, который сидит в инвалидной коляске и внимательно за всем наблюдает. Это заставляет Гормана нервничать, а если он нервничает, то начинает похлопывать сына по плечу и говорить с ним нарочито бодрым тоном со всякими там восклицаниями типа «эге-гей!».

– Ха-ха, наконец-то ты не получишь то, чего хочешь! – говорит Марти старшая сестра, когда он пытается объяснить ей, как ждал этой ночи, как каждый год ждет момента, когда в небе над парком расцветут огненные цветы, а глухое ТРРАХ-ТАХ-ТАХ будет долго отражаться эхом от окружающих город низких холмов.

Кейт тринадцать лет, она старше Марти на три года. Девочке кажется, что все его любят только потому, что он не может ходить. А сегодня она злорадствует, что фейерверка не будет.

Даже дедушка, на сочувствие которого обычно Марти может рассчитывать, сейчас не склонен его жалеть.

– Никто не отменял Четвертое июля, мальчик, – сказал он, как всегда с сильным славянским акцентом. Это было два дня назад, второго июля. Дедушка как раз сидел на веранде, и Марти проехал туда через французские двери на своей коляске, работающей от батареек. Дедушка Кослоу сидел со стаканом водки в руке и глядел на спускающуюся к лесу поляну. – Отменили только фейерверк. И ты знаешь почему.

Даже дедушка, на сочувствие которого обычно Марти может рассчитывать, сейчас не склонен его жалеть.

– Никто не отменял Четвертое июля, мальчик, – сказал он, как всегда с сильным славянским акцентом. Это было два дня назад, второго июля. Дедушка как раз сидел на веранде, и Марти проехал туда через французские двери на своей коляске, работающей от батареек. Дедушка Кослоу сидел со стаканом водки в руке и глядел на спускающуюся к лесу поляну. – Отменили только фейерверк. И ты знаешь почему.

Марти знал. Из-за убийцы – вот почему. В газетах его называли теперь «Убивающий в полнолуние». Марти часто слышал о нем в школе, пока не наступили летние каникулы. Многие

ребята говорили, что «Убивающий в полнолуние» и не человек вовсе, а какое-то сверхъестественное существо. Может быть, оборотень. Марти этому не верил – ведь оборотни бывают только в фильмах ужасов – и считал, что убийца – это какой-то псих, у которого желание убивать появляется только в полнолуние. Фейерверк отменили из-за отвратительного комендантского часа.

В январе, когда Марти, сидя в коляске около французских дверей, глядел, как ветер заносит снегом ледяной наст или как другие дети катаются с горки на санках, только мысль о фейерверке приносила ему радость. Мысль о теплой летней ночи, холодной кока-коле, о расцветающих в темноте огненных розах и об американском флаге, составленном из «римских свечей».

А теперь фейерверк отменили… И кто бы что ни говорил, для Марти это означает, что отменили сам День независимости – его праздник.

Только дядя Эл, приехавший в город ближе к полудню, чтобы разделить со всей семьей традиционный обед с лососем и зеленым горошком, понял чувства Марти. Стоя после обеда на веранде в мокром купальном халате – остальные, смеясь, -плавали за домом в новом бассейне, – он внимательно слушал мальчика.

Марти помолчал, а затем с беспокойством посмотрел на дядю Эла.

– Ты понимаешь, что я имею в виду? Понимаешь?

Дело совсем не в том, что я инвалид, как говорит Кейти, или в том, что и без фейерверка праздник есть праздник, как думает дедушка. Просто это несправедливо, когда ты чего-нибудь так сильно ждешь, и вдруг… Просто несправедливо, что Виктор Боул и какой-то дурацкий городской совет решают все отменить. Причем отменить то, что тебе действительно нужно. ТЫ понимаешь меня?

Последовала долгая, мучительная пауза – Эл обдумывал слова мальчика. Пока дядя хранил молчание, Марти успел услышать скрип трамплина на дальнем конце бассейна и восклицание отца:

– Хорошо, Кейти! Эге-гей! Очень.., очень хорошо!

– Конечно, понимаю, – наконец тихо сказал Эл. – И знаешь, я тебе кое-что привез. Возможно, ты сможешь устроить себе свое собственное Четвертое июля.

– Собственное Четвертое июля? Что ты хочешь этим сказать?

– Пойдем к моей машине, Марти. У меня есть кое-что.., ну, лучше я тебе сам покажу. – И прежде чем Марти успел задать следующий вопрос, Эл двинулся вперед по бетонной дорожке, окружавшей дом.

Коляска Марти с жужжанием покатилась вслед за дядей Элом к подъездной аллее, удаляясь от доносившихся со стороны бассейна звуков – плеска воды, смеха, скрипа трамплина, нарочито бодрого голоса отца. Коляска издает ровное низкое гудение, которого «Марти почти не замечает – оно сопровождает его всю жизнь.

Дядя Эл приехал на «мерседесе» с поднимающимся верхом. Марти знал, что его родители не одобряли эту покупку («Купил себе гроб за двадцать восемь тысяч долларов», – однажды, неодобрительно фыркнув, сказала мама), но Марти машина нравилась. Однажды дядя Эл

провез его по проселочным дорогам вокруг Таркерз-Миллз. Он ехал быстро – семьдесят, может быть, даже восемьдесят миль в час. Дядя Эл так и не сказал Марти, с какой скоростью они ехали.

– Если не знаешь, то не испугаешься, – усмехнулся он. Но Марти и не думал пугаться, он так весело смеялся, что на следующий день живот болел от смеха.

Дядя Эл вытащил что-то из отделения для перчаток, а когда Марти подъехал к машине и остановился, положил мальчику на колени объемистый пакет.

– Вот, детка! – сказал он. – С Четвертым июля тебя.

Первое, что увидел Марти, – это причудливые китайские иероглифы на упаковке. Когда же он разглядел, что находится внутри, сердце мальчика сжалось от восторга. Целлофановый пакет был наполнен ракетами, петардами и бенгальскими огнями.

Вне себя от радости, Марти попытался заговорить, но не смог издать ни единого звука.

– Если ты зажжешь вот эти, они будут выбрасывать пламя самых разных цветов – как из пасти дракона. Трубочки с тонкими стержнями – это специальные ракеты для бутылок. Положи их в пустую бутылку из-под кока-колы и запускай. Вот эти, маленькие, дают фонтанчики искр. А это – «римские свечи»… Ну и, конечно, упаковка петард. Но их ты лучше запусти завтра.

Дядя Эл посмотрел в сторону бассейна, откуда доносились громкие звуки.

– Спасибо! – наконец выдохнул Марти. – Спасибо, дядя Эл!

– Только не говори маме, откуда ты это взял, – сказал дядя Эл. – Намек понял?

– Понял, понял, – пробормотал Марти, в действительности ничего не понимая. – Но тебе самому это точно не понадобится, дядя Эл?

– Я могу достать еще, – сказал дядя Эл. – Я знаю одного парня в Бриджтоне, он будет заниматься этим делом до темноты. – Эл положил руку на голову Марти. – Отпразднуй свое Четвертое июля, когда все лягут спать. Старайся не шуметь, чтобы никого не разбудить. И ради Христа не обожги себе руки, а то моя старшая сестра больше не захочет со мной разговаривать.

Дядя Эл засмеялся, сел в свою машину и завел мотор. Затем, приветственно помахав рукой Марти, все еще бормотавшему слова благодарности, он уехал. Марти долго глядел вслед дяде, стараясь сдержать подступившие слезы. Потом он положил пакет себе в рубашку и поехал в свою комнату. Теперь оставалось только дождаться момента, когда настанет ночь и все уснут.

Вечером он первый ложится спать. Входит мать и торопливо целует Марти, стараясь не смотреть на его похожие на спички ноги, обтянутые одеялом.

– У тебя все в порядке, Марти?

– Да, мамочка.

Она медлит, как будто собираясь сказать что-то еще, затем слегка качает головой и уходит.

Появляется сестра Марти – Кейти. Она его не целует, а просто наклоняет голову так низко, что Марти чувствует запах ее волос, и шепчет:

– Вот видишь?

Хоть ты и инвалид, но не всегда получаешь то, что хочешь.

– Au бы удивилась, если бы узнала, что я получил, – тихо говорит Марти, и сестра с подозрением смотрит на него, прежде чем уйти.

Последним входит отец и садится на край кровати.

– Все в порядке, малый? – своим бодряческим тоном говорит он. – Ты сегодня что-то рано лег спать. Действительно рано.

– Просто немного устал, папа.

– Ну ладно. – Своей большой рукой он хлопает Марти по ноге, подмигивает и поспешно встает. – Мне жаль, что так получилось с фейерверком, но все же подожди до следующего года! Эге-гей! Елки-палки!

Марти про себя улыбается.

Потом он ждет, когда все в доме отправятся спать, ждет довольно долго. В гостиной гремит телевизор, пронзительное хихиканье Кейти перекрывает смех за кадром. Дедушка в своей спальне с шумом спускает воду в туалете. Мама болтает по телефону, поздравляя кого-то с Четвертым июля. Да, очень жаль, что отменили фейерверк, но при сложившихся обстоятельствах каждый понимает, почему приняли такое решение. Да, Марти был очень разочарован. В конце беседы мать смеется, и ее смех совсем не кажется резким и отрывистым. Рядом с Марти она редко смеется.

Семь тридцать, восемь, девять. Время от времени рука Марти проскальзывает под подушку, чтобы удостовериться, там ли еще целлофановый пакет. Около девяти тридцати, когда луна поднимается достаточно высоко и заливает комнату Марти серебристым светом, дом наконец начинает погружаться в сон.

Телевизор выключается. Кейти отправляется в постель, ее протесты и слова о том, что все подруги летом ложатся поздно, остаются без внимания. После ее ухода родные Марти еще некоторое время сидят в гостиной, их голоса сливаются в сплошной невнятный гул, в котором не разобрать слов. И…..

Возможно, Марти задремал, потому что, когда он наконец берет в руки заветный пакет, в доме совершенно тихо и луна светит гораздо ярче – настолько ярко, что предметы в ее свете отбрасывают тени. Марти заправляет рубашку пижамы в пижамные брюки, кладет за пазуху пакет и спички, которые раздобыл раньше, и готовится выбраться из постели.

Для Марти это целая операция, хотя и безболезненная – в отличие от того, что думают некоторые. Его ноги вообще ничего не чувствуют, так что не ощущают и боли. Марти обхватывает переднюю спинку кровати, принимает сидячее положение и затем по одной переносит ноги через край кровати. Он проделывает все это одной рукой, держась второй за поручень, который начинается у кровати и опоясывает всю комнату. Однажды Марти попробовал передвигать ноги обеими руками и беспомощно перекувырнулся, оказавшись на полу. На шум от его падения тогда сбежался весь дом.

– Зачем ты пускаешь пыль в глаза, дурак! – злобно прошипела ему на ухо Кейти после того, как

Марти был водворен в свою, коляску. Слегка потрясенный, он смеялся как сумасшедший, несмотря на шишку на голове и разбитую губу. – Ты хочешь себя убить? Да? – И она с плачем выбежала из комнаты.

Сидя на краю постели, Марти вытирает руки о рубашку, чтобы они были сухими и не скользили. Затем, держась за поручень, он перемещается к коляске. Бесполезные ноги волочатся по полу. Луна светит достаточно ярко, чтобы на полу четко выделялась тень Марти.

Инвалидная коляска стоит на тормозах, и мальчик уверенно забирается в нее. Он на миг замирает, сдерживая дыхание, и прислушивается к тишине. Старайся не шуметь сегодня ночью, предупредил дядя Эл. Марти понимает, что дядя был прав. Он отпразднует Четвертое июля, и никто об этом не узнает. По крайней мере до завтра, когда все увидят почерневшие гильзы, но тогда это уже не будет иметь значения. Пламя самых разных цветов, как из пасти дракона, сказал дядя Эл. Но Марти думает, что дракон вполне может дышать совершенно бесшумно.

Он снимает коляску с тормозов и включает питание. В темноте загорается маленький золотисто-желтый огонек, который говорит о том, что батарейки заряжены. Марти включает ПОВОРОТ ВПРАВО.

Коляска поворачивается вправо. Эге-гей! Когда перед Марти появляется дверь на веранду, он нажимает кнопку ВПЕРЕД. С тихим жужжанием коляска катится вперед.

Марти поворачивает рукоятку двустворчатой двери, снова давит на кнопку ВПЕРЕД и выкатывается на улицу. Там он раскрывает заветный сверток и на миг застывает, охваченный очарованием летней ночи – убаюкивающим стрекотанием цикад, легким, благоухающим ветерком, играющим в листве деревьев на краю леса, почти неземным сиянием луны.

Марти больше не может ждать. Он достает «змейку», чиркает спичкой, поджигает фитиль и в восторженном молчании смотрит, как «змейка» с шипением выбрасывает зелено-голубое пламя.

Четвертое июля! – думает мальчик. Глаза его сверкают. Четвертое, четвертое – с Четвертых июля, Марти!

Яркое пламя «змейки» опадает, мерцает и сходит на нет. Марти поджигает одну из «пирамидок» и смотрит, как она извергает огонь – желтый, как любимая папина рубашка для игры в гольф. До того, как первая «пирамидка» прогорает, Марти успевает поджечь вторую. Она горит темно-красным огнем – под цвет роз, растущих около изгороди, окружающей новый бассейн. Воздух наполняется волшебным запахом пороха.

Марти на ощупь достает плоский пакет с петардами. Открыв их, он понимает, что может вызвать переполох – их пулеметный треск поднимет на ноги всю округу. И тогда один десятилетний мальчик по имени Марти Кослоу скорее всего до самого Рождества окажется в немилости у родителей.

Он отодвигает петарды в сторону, снова со счастливой улыбкой шарит в пакете и достает самую большую «пирамидку» – можно сказать, мирового уровня (если, конечно, такой бывает). Она почти с его кулак. Со смешанным чувством страха и восторга Марти поджигает «пирамидку» и подбрасывает ее вверх.

Ночь озаряется красным светом, ярким, как адское пламя… Неровный, дрожащий огонь освещает кусты на краю леса. И тут раздается какой-то низкий звук, не то кашель, не то

рычание, и.., появляется Зверь.

Мгновение он стоит на краю лужайки и, кажется, принюхивается.., а затем начинает подниматься по склону – туда, где в своей коляске сидит Марти, вытаращив глаза и вжавшись в ее полотняную спинку. Зверь сутулится, но видно, что он идет на задних лапах. Он передвигается так, как это делал бы человек. Дьявольский красный отблеск фейерверка дрожит в зеленых глазах Зверя.

Он ступает медленно, его широкие ноздри равномерно то расширяются, то опадают. Зверь чует, что жертва рядом, и почти наверняка понимает, как она слаба. Марти ощущает запах чудовища – запах его волос, пота, аромат его жестокости. Зверь снова рычит. Его толстая верхняя губа темно-каштанового цвета приподнимается, обнажая большие, похожие на бивни слона зубы. На шкуре играет серебристо-красный отблеск.

Чудовище уже почти подобралось к Марти, а его когтистые лапы, одновременно похожие и не похожие на человеческие руки, уже тянутся к горлу мальчика – и тут он вспоминает о пакете с петардами. Едва соображая, что делает, Марти чиркает спичкой и подносит ее к главному фитилю. Фитиль молниеносно выбрасывает длинный сноп красных искр, опаляющих нежный пушок на руке мальчика. Оборотень, моментально потеряв равновесие, отступает. В его недоумевающем хрюканье, как и в контурах рук, проглядывает что-то человеческое. Марти бросает ему в морду пачку петард.

Они с грохотом срабатывают. Зверь издает хриплый крик боли и ярости, отшатывается, пытаясь ухватить когтями то, что вгоняют ему в лицо пламя и горящий порох. Марти видит, как четыре патрона с громоподобным ТРРАХ! срабатывают одновременно и один из горящих зеленых глаз мгновенно гаснет. Теперь в реве существа слышится только страдание. Оно хватается руками за лицо, мычит и, когда в доме Кослоу зажигаются лампочки, поворачивается и бежит по лужайке к лесу, оставляя позади запах паленой шерсти и испуганные крики.

– Что это было? – Голос матери звучит сейчас совсем не резко.

– Кто там, черт побери? – В тоне отца не заметно нарочитой бодрости.

– Марти! – В дрожащем голосе Кейти нет обычной недоброжелательности. – Марти, с тобой все в порядке?

А дедушка Кослоу этой ночью так и не проснулся.

***

Марти сидит, откинувшись на спинку своей инвалидной коляски, и наблюдает за тем, как догорает большая красная «пирамидка». Сейчас ее мягкий, розовый свет напоминает о том, что скоро наступит утро. Марти слишком потрясен, чтобы плакать. Но нельзя сказать, что это потрясение сказалось на нем отрицательно, хотя родители и собираются отправить его на следующий день к дяде Джиму и тете Иде в Вермонт до конца школьных каникул (полиция с этим согласна; она считает, что «Убивающий в полнолуние» может вновь попытаться напасть на Марти, чтобы заставить его замолчать навеки). В глубине души Марти ликует, и это чувство сильнее, чем шок. Марти торжествует потому, что увидел ужасный лик Зверя и остался после этого жив. Кроме того. Марти испытывает радость, но не собирается делиться ею ни с кем, даже с дядей Элом, который смог бы его понять. Он рад тому, что фейерверк состоялся – несмотря ни на что.

И хотя родители охают и беспокоятся за его психику (а не будет ли мальчик потом страдать от каких-либо комплексов?), сам Марти Кослоу убежден, что это было самое лучшее Четвертое июля в его жизни.

АВГУСТ

Конечно, я думаю, что это оборотень, – произносит констебль Ниари.

Он говорит слишком громко – может быть, случайно, а может быть, и нет, но беседа в парикмахерской Стэна Пелки сразу замирает. Сейчас середина августа – самого жаркого из всех, что помнят старожилы Таркерз-Миллз, – и сегодня наступает вторая ночь полнолуния. Так что город ждет затаив дыхание.

Констебль Ниари окидывает взглядом аудиторию и, восседая в парикмахерском кресле, продолжает вещать. Он говорит веско, его речь изобилует юридическими и психологическими терминами, которые он почерпнул за время учебы в средней школе (Ниари – крупный мускулистый мужчина – в школе основное внимание уделял игре в бейсбол: контрольные работы приносили ему главным образом тройки).

– Есть такие ребята, – говорит Ниари, – в которых сидят как бы два человека. Что-то вроде раздвоения личности, знаете ли. Я таких назвал бы долбанными шизиками.

Воцаряется уважительное молчание. После паузы констебль продолжает:

– Я считаю, что этот парень как раз такой. Не думаю, что он понимает, что делает, когда в полнолуние выходит и кого-нибудь убивает. Это может быть кто угодно – кассир в банке, работник заправочной станции где-нибудь на дороге, даже кто-нибудь из тех, кто сейчас сидит здесь. В том смысле, что внешне с ним все в порядке, но где-то внутри сидит Зверь – ну да, оборотень. Вот и получается, что этот парень в один миг обрастает волосами и воет на луну… Хотя нет, это детские сказки.

– А как быть с мальчишкой Кослоу? – спрашивает Стэн, продолжая тщательно обрабатывать жировик у основания шеи констебля. Длинные острые ножницы делают щелк.., щелк.., щелк..

– Это только подтверждает мои слова, – с некоторым раздражением отвечает Ниари. – Детские сказки!

По правде говоря, он действительно испытывает раздражение из-за того, что произошло с Марти Кослоу. Этот мальчик – первый, кто видел гада, который убил в городе шесть человек, включая ближайшего друга Ниари, Альфи Нопфлера. И что, констеблю позволили допросить мальчика? Нет. Он хотя бы знает, где сейчас мальчик? Нет. Ниари должен довольствоваться показаниями под присягой, предоставленными ему полицией штата, да еще пришлось кланяться и только что не умолять, чтобы и их ему дали. А все потому, что он констебль в маленьком городке и полиция штата считает его несмышленышем, не способным завязать шнурки. А показания! Да они годятся только на то, чтобы ими задницу подтереть. По словам мальчишки Кослоу, этот Зверь двухметрового роста, без всякой одежды, а все его тело покрыто темными волосами. У него большие зубы и зеленые глаза, и пахнет от него как от кучи дерьма. Еще мальчишка утверждает, что у оборотня есть когти, но лапы похожи на человеческие руки. В общем, похоже на сказку. Да, именно на сказку.

Topreading.ru

– Может быть, – говорит Кении Франклин, он сидит у стены и ждет своей очереди, – может быть, он так маскируется. Знаете, типа маски и все такое.

– Я в это не верю, – твердо говорит Ниари и подтверждает свои слова кивком головы. Стэн вынужден поспешно убрать ножницы, чтобы не вонзить их в жировик на шее констебля. – Нет-с! Я в это не верю! Мальчик наслушался в школе всяких историй про оборотней, так что ему ничего не оставалось, кроме как сидеть в своем кресле и думать обо всем этом.., прокручивать в своем сознании. Как видите, все это очень логично с точки зрения психологии. Если бы это ты тогда вышел из кустов при свете луны, парень принял бы тебя за волка, Кении.

Кении смеется, правда, несколько напряженно.

– Ну нет! – с мрачным видом повторяет Ниари.

– Показаниям мальчика доверять нельзя.

Презрительное отношение констебля к показаниям, взятым у Марти Кослоу в доме его дяди и тети в Стоу, штат Вермонт, способствовало тому, что он пропустил в них один важный пункт: «Четыре петарды разом взорвались прямо у его лица – если это можно назвать лицом – и, возможно, выбили ему глаз. Его левый глаз».

Однако если бы констебль Ниари даже обдумал эту фразу – чего он не сделал, – то его реакция скорее всего была бы еще более пренебрежительной. Дело в том, что жарким августом 1984 года только один человек в городе носил на глазу повязку. И представить себе, что именно он убийца, было совершенно невозможно. Ниари более охотно допустил бы, что убийцей является его собственная мать, чем поверил бы в такое.

– Единственное, что может сдвинуть дело с мертвой точки, – говорит констебль Ниари, указывая пальцем в сторону тех четырех или пяти человек, которые в это субботнее утро ждут своей очереди на стрижку, – это хорошая работа полиции. И я возьмусь за эту работу. Тех важных типов из полиции штата перекосит от зависти, когда я приведу к ним этого парня. – Лицо Ниари принимает мечтательное выражение. – Да, – продолжает он, – это может быть кто угодно. Кассира банке.., работник заправки.., просто парень, с которым вы пьете пиво в баре. Но хорошая работа полиции решит эту проблему. Помяните мои слова!

Однако уже этой ночью хорошая полицейская работа констебля Лэндера Ниари подходит к концу, когда освещенная луной волосатая рука проникает в открытое окно его «доджа», стоящего на перекрестке двух пыльных дорог к западу от Таркерз-Миллз. Слышится низкое ворчание, и чувствуется чудовищный запах – как будто рядом клетка льва.

Констебль поворачивает голову и глядит в устремленный на него единственный зеленый глаз. Еще он видит черный нос и покрытую шерстью морду. А когда пасть оскаливается, видит также и зубы. Зверь, словно играя, проводит когтями по лицу полицейского, и его правая щека сразу повисает, словно лоскут, обнажая зубы. Кровь брызжет фонтаном.

Ниари чувствует, как она теплой волной стекает по плечу его рубашки. Он кричит. Над Зверем констебль видит луну, изливающую на землю серебристый свет.

Ниари начисто забыл про пистолеты тридцатого и сорок пятого калибра, висящие у него на поясе. Он не думает о том, насколько все это логично с точки зрения психологии. Он позабыл о хорошей полицейской работе. Вместо этого его сознание сосредотачивается на том, что сегодня утром в парикмахерской сказал Кенни Франклин: Может быть, он так маскируется. Знаете, типа маски и все такое.

Поэтому, когда оборотень хватает Ниари за горло, тот пытается уцепиться за его лицо и тянет за грубую шерсть – в безумной надежде снять со Зверя маску. Констеблю кажется, будто вот-вот раздастся треск лопнувшей пластмассы – ион увидит убийцу.

Но ничего подобного не происходит – Зверь издает вопль боли и ярости. Он ударяет констебля когтистой рукой – да, это действительно рука, хотя и деформированная, мальчик был прав – и разрывает ему горло. Кровь хлещет на лобовое стекло и приборную доску, она капает на бутылку пива, которую Ниари поставил между ног.

Другой рукой оборотень хватает констебля за только что подстриженные волосы и рывком наполовину вытаскивает его из кабины. Зверь издает победный рык и опускает лицо к шее Ниари. Он насыщается кровью, в то время как из опрокинутой бутылки льется пиво и, пенясь, растекается по полу возле педалей.

Открывается широкое поле для психологических изысканий.

Открывается масса возможностей для хорошей работы полиции.

СЕНТЯБРЬ

Месяц подходит к концу, и приближается полнолуние, испуганные обитатели Таркерз-Миллз ждут, когда кончится жара. Но жара все не спадает. Где-то там, в большом мире, одно за другим заканчиваются соревнования по бейсболу, начинается футбольный сезон; как сообщает старый добрый Виллард Скотт, в канадских Скалистых горах 21 сентября выпал снег, толщина его слоя – около фута. Но в Таркерз-Миллз лето никак не закончится. Днем температура не опускается ниже восьмидесяти градусов: дети, вернувшиеся в школу три недели назад, нисколько этому не рады. Им совсем не нравится сидеть в душных классах, изнемогая от жары, когда стрелки часов, кажется, вообще замерли на месте. Без всякой причины мужья злобно ругаются с женами, а на заправочной станции О'Нила, находящейся за городом, у въезда на главную магистраль, даже разгорелся скандал. Заезжий турист произнес что– то дерзкое по поводу цены топлива, вот Паки О'Нил и треснул его форсункой по голове, туристу, оказавшемуся жителем Нью-Джерси, пришлось наложить четыре шва на верхнюю губу. Уезжая, он вполголоса что-то злобно бормотал насчет судебного иска и возмещения ущерба.

– Не знаю, чего он там скулил. – вечером того же дня мрачно говорит Паки, сидя в пабе. – Я же его только вполсилы стукнул! Если бы я стукнул его со всей силы, то вообще из него дух бы выбил. Верно?

– Ну конечно! – поспешно говорит Билли Робертсон, потому что у Паки такой вид, будто он ударит со всей силы его. Билли, если он вздумает не согласиться. – Может, еще пива. Пак?

– Да, самого лучшего! – говорит Паки.

***

Милт Штурмфуллер отправил свою жену в больницу из-за кусочка яйца, которое осталось на тарелке после посудомоечной машины. Бросив всего один взгляд на высохшее желтое пятно на тарелке, на которой ему собирались подавать завтрак, Милт отвешивает жене хорошую оплеуху. Как сказал бы Паки О'Нил, Штурмфуллер стукнул ее со всей силы.

– Подлая похотливая сука! – сказал он, стоя над Донной Ли, распростертой на полу кухни. Нос ее оказался сломанным и кровоточил. Затылок женщины тоже был весь в крови. – Моя мать имела привычку мыть тарелки дочиста, хотя у нее не было посудомоечной машины. А ты вот что делаешь?

Позднее Милт скажет врачу отделения «Скорой помощи» в больнице Портленда, что Донна Ли упала с лестницы. Донна Ли, вконец запуганная за годы супружеской жизни, это подтвердит Около семи часов вечера, перед полнолунием, поднимается ветер – первый холодный ветер за этот затянувшийся летний сезон. Он приносит с севера облака, и некоторое время луна играет с ними в пятнашки, то скрываясь, то выглядывая из-за туч и окрашивая их края в серебристый цвет. Потом облака становятся плотнее и луна исчезает.., но она по-прежнему здесь; морские волны в двадцати милях от Таркерз-Миллз чувствуют ее притяжение, так же как и Зверь, который находится гораздо ближе.

Около двух часов ночи в загоне Элмера Циммермана, живущего на Вест-Стэйдж-роуд, что в двенадцати милях от города, раздается пронзительный визг. В одних пижамных брюках и шлепанцах Элмер отправляется за ружьем. Его жена, которая в 1947 году, когда Циммерман на ней женился, была почти красивой, в слезах умоляет его остаться с ней и не выходить во двор. Элмер отстраняет ее и достает ружье. Его свиньи уже не просто визжат – они пронзительно кричат. Должно быть, примерно так кричат очень молодые девушки, на которых ночью набрасывается маньяк. Он пойдет, и ничто его не остановит, говорит Элмер.., и, протянув руку к дверному засову, застывает в неподвижности, услышав победный вой. Это воет волк, но его голос так похож на человеческий, что хозяин дома оставляет заднюю дверь закрытой и позволяет Алисе Циммерман увести себя в гостиную. Он обнимает жену за плечи, они садятся на диван и молча сидят там, как испуганные дети.

Крик свиней слабеет и затихает. Да, они затихают – одна за другой. Теперь слышны хриплые, булькающие звуки – Зверь насыщается. Затем он снова начинает выть, и в голосе его звенят серебристые нотки, напоминающие о свете луны. Элмер подходит к окну и видит, как что-то – он не может точно сказать, что именно – растворяется в темноте.

Потом приходит дождь, он барабанит по стеклам, а Элмер и Алиса, обнявшись, сидят на кровати, включив везде свет. Дождь холодный, это первый в нынешнем году настоящий осенний дождь, значит, завтра утром в листве на деревьях появятся желтые и красные пятна.

В загоне Элмер обнаруживает именно то, что и ожидал увидеть: все девять его свиноматок и оба хряка мертвы – выпотрошены и частично съедены. Они лежат в грязи, холодный дождь льется на их останки, а выпученные глаза смотрят в осеннее небо.

Крик свиней слабеет и затихает. Да, они затихают – одна за другой. Теперь слышны хриплые, булькающие звуки – Зверь насыщается. Затем он снова начинает выть, и в голосе его звенят серебристые нотки, напоминающие о свете луны. Элмер подходит к окну и видит, как что-то – он не может точно сказать, что именно – растворяется в темноте.

Потом приходит дождь, он барабанит по стеклам, а Элмер и Алиса, обнявшись, сидят на кровати, включив везде свет. Дождь холодный, это первый в нынешнем году настоящий осенний дождь, значит, завтра утром в листве на деревьях появятся желтые и красные пятна.

В загоне Элмер обнаруживает именно то, что и ожидал увидеть: все девять его свиноматок и оба хряка мертвы – выпотрошены и частично съедены. Они лежат в грязи, холодный дождь льется на их останки, а выпученные глаза смотрят в осеннее небо.

Рядом с Элмером стоит его брат Пит, вызванный из Майнота. Они долго молчат, затем Элмер высказывает то, что тревожит и Пита:

– Отчасти это покроет страховка. Не все, но хоть какую-то часть. Остальное я уж как-нибудь оплачу. Уж лучше мои свиньи, чем еще кто-то из людей.

Пит кивает.

– Уже достаточно, – говорит о» тихим голосом, едва слышным из-за дождя.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты знаешь, что я хочу сказать. В следующее полнолуние на улице должно дежурить сорок человек.., или шестьдесят.., или даже сто шестьдесят! Пришло время перестать делать вид, будто ничего не происходит, тогда как любой дурак понимает, что это не так. Ради Бога, посмотри сюда!

Пит указывает на землю. Рядом с убитыми свиньями много очень крупных следов. Они похожи на следы волка.., хотя чем-то напоминают и человеческие.

– Ты видишь эти долбанные следы?

– Я их вижу, – соглашается Элмер.

– Ты думаешь, их оставила Милашка Бетси?

– Нет. Наверное, нет.

– Следы оставил оборотень, – говорит Пит, – и ты это отлично знаешь. Алиса это знает, большинство людей в городе это знают. Черт побери, даже я это знаю, хотя приехал из другого графства. – Пит смотрит на брата, лицо его строго и сурово – это лицо пуританина из Новой Англии образца 1650 года. – Уже достаточно, – повторяет он. – Пора с этим кончать.

Дождь по-прежнему льет как из ведра на их непромокаемые плащи.

Элмер долго раздумывает над словами брата, затем кивает:

– Пожалуй. Но не в следующее полнолуние.

– Ты хочешь подождать до ноября?

Элмер кивает:

– Деревья облетят. По снегу будет легче выслеживать.

– А что будет в октябре?

Элмер Циммерман смотрит на растерзанные тела свиней, потом переводит взгляд на своего брата Пита.

– Людям придется поостеречься, – говорит он.

ОКТЯБРЬ

Topreading.ru

Тогда Марти Кослоу возвращается домой в ночь накануне Дня всех святых, батарейки на его инвалидной коляске почти полностью разряжены. Мальчик отправляется прямиком в постель и лежит там без сна, глядя, как месяц поднимается вверх в холодном небе, усеянном звездами, словно алмазной пылью. Во дворе, рядом с верандой, где подаренные к Четвертому июля петарды спасли Марти жизнь, холодный ветер гоняет туда-сюда опавшие коричневые листья. Они шуршат, как старые кости. Октябрьское полнолуние обошлось без новых убийств – уже второе полнолуние в году. Некоторые из горожан – один из них Стэн Пелки, парикмахер, другой Кэл Блодуин, единственный в городе торговец автомобилями – считают, что террор закончился. Убийцей был бродяга, который жил где-то в лесах, а теперь он уехал, как они говорили. Другие, однако, в этом не уверены. Те, например, кто обратил внимание на останки четырех оленей, найденные у поворота к главной дороге на следующий день после октябрьского полнолуния, и на одиннадцать свиней Циммермана, растерзанных в полнолуние сентябрьское. В долгие осенние ночи в пивной не смолкают споры.

Однако Марти Кослоу уже знает, в чем дело.

В эту ночь он отправился вместе со своим отцом колядовать (его отец любит Хэллоуин, любит обжигающий холод, любит громко смеяться, изображая рубаху-парня, и выкрикивать такие идиотские восклицания вроде «эге-гей!» или «гоп-ля-ля» в тот момент, когда открываются двери и появляются знакомые лица обитателей Таркерз-Миллз). Нацепив большую резиновую маску, Марти нарядился Йодой. Его неподвижные ноги скрывает просторный халат.

– Ты всегда получаешь все, что хочешь, – увидев маску, говорит Кейти.., но Марти знает, что на самом деле она на него не сердится (и, как бы доказывая это, девочка сама делает для него изящно изогнутый посох, дополняющий одеяние Йоды).

Возможно, Кейти грустит оттого, что она считается уже слишком взрослой, чтобы идти колядовать. Вместо этого сестра Марти отправляется на вечеринку со своими одноклассниками. Она будет танцевать под пластинки Донны Саммер, а потом, когда свет погасят. – играть «в бутылочку» и, вероятно, станет целоваться с каким-нибудь мальчиком. Не потому, что ей так хочется, а потому, что на следующий день сможет очень весело хихикать, вспоминая об этом с подружками в школе.

Папа везет Марти в фургоне, так как в фургоне есть встроенный пандус, чтобы можно было вкатывать и спускать вниз коляску. Марти скатывается по пандусу, а потом самостоятельно разъезжает взад-вперед по улицам. Он кладет на колени сумку, и они заходят во все дома на своей улице и даже в некоторые из тех, что находятся подальше: к Коллинзам, Макиннам, Манчестерам, Милликенсам, Истонсам. В пивной ему вручают кулек леденцов, в доме священника-конгрегациониста – «Сникерсы», в доме священника-баптиста – «Чанки». Потом – к Рэндольфам, Куиннам, Диксонам и еще в два десятка домов. Марти возвращается домой с полной сумкой сластей и.., с почти неправдоподобной новостью.

Теперь он знает.

Марти знает, кто оборотень.

В одном из домов, где оказался Марти, путешествуя по округе, сам Зверь, сейчас не представляющий опасности, опустил шоколадку в сумку Марти. Чудовище, конечно, не знало, что под маской Йоды лицо мальчика покрылось смертельной бледностью и что его одетые в перчатки руки очень крепко сжали посох – даже ногти побелели.

Оборотень улыбается Марти и похлопывает его по оцепеневшей руке.

Перед ним действительно оборотень. Марти точно это знает, и дело не только в том, что у этого человека повязка на глазу. Есть кое-что еще – некоторое сходство этого человека с рычавшим животным, которого Марти видел в ту серебристую летнюю ночь четыре месяца назад.

После возвращения из Вермонта в Таркерз-Миллз сразу после Дня труда Марти все время был начеку, уверенный, что рано или поздно увидит оборотня, а увидев, узнает его, потому что оборотень должен быть одноглазым. Хотя когда мальчик сказал полицейским, будто он совершенно уверен в том, что выбил оборотню глаз, те согласно покивали головами и обещали поискать одноглазого, но Марти показалось, что на самом деле они ему не поверили. Может быть, потому, что он еще ребенок, а может, потому, что они сами не были там в ту июльскую ночь. В любом случае это теперь не имеет значения. Марти знает, как все обстоит в действительности.

Таркерз-Миллз – маленький городок, но довольно разбросанный, и до сегодняшнего вечера Марти не видел человека с одним глазом и не смел задавать вопросов взрослым. Его мать и так боялась, что воспоминания об июльском инциденте будут постоянно преследовать ее сына, и если бы Марти вздумал предпринять какие-то розыски, это обязательно дошло бы до нее. Кроме того, Марти понимал, что рано или поздно– все равно увидит Зверя в его человеческом обличье на улицах городка.

Возвращаясь домой, мистер Кослоу (Тренер Кослоу, как называют его тысячи бывших и нынешних учеников) думает, будто Марти так спокоен потому, что его утомил и сам вечер, и связанные с ним волнения. По правде говоря, это не так. Еще никогда – за исключением той ночи с замечательным фейерверком – мальчик не чувствовал себя настолько бодро. Сейчас его занимает одна мысль: на то, чтобы опознать оборотня, потребовалось целых шестьдесят дней именно потому, что он, Марти, католик и посещает церковь святой Марии в городском предместье. ? еловек с повязкой на глазу, который опустил в его сумку шоколадку «Чанки», улыбнулся и похлопал Марти по голове, не был католиком. Зверь – это преподобный Лестер Лоу, священник баптистской церкви Милосердия Господня.

Улыбаясь, Марти ясно видит в желтом свете лампы повязку на его глазу. С ней маленький робкий священник похож на пирата.

– Жаль, что с вашим глазом что-то случилось, преподобный Лоу, – грохочущим голосом рубахи-парня говорит мистер Кослоу. – Надеюсь, ничего серьезного?

Улыбка преподобного Лоу выражает смиренное страдание. Собственно, он потерял глаз. Доброкачественная опухоль: пришлось удалить глаз, чтобы добраться до опухоли. Но на то Божья воля, и он уже приспособился обходиться без глаза. Священник похлопывает Марти по скрытой маской голове и говорит, что некоторым из тех, кого он знал, пришлось перенести куда большие испытания.

Так что теперь Марти лежит в постели, слушает завывания октябрьского ветра, который ворошит увядшие листья, и смотрит на месяц, путешествующий по усыпанному звездами небу. Вопрос в том, что ему теперь делать?

Марти этого не знает, но чувствует, что в нужный момент подходящий ответ найдется сам собой.

Он засыпает крепким сном без сновидений, какой бывает только в детстве, а над Таркерз-Миллз дует свежий ветер, прогоняя октябрь и принося с собой холодный звездный ноябрь.

НОЯБРЬ

Приближается конец года, и в Таркерз-Миллз приходит унылый серый ноябрь. По главной улице движется странная процессия, из дверей своего дома за ней наблюдает преподобный Лестер Лоу Он только что вышел взять почту и сейчас держит в руках шесть циркуляров и одно письмо. Двигаясь один за другим, из города выезжает вереница автомобилей – «форды», «шевроле» и «интернэшнл-харвестеры».

По сообщению синоптиков, скоро пойдет снег, но людей в машинах это не пугает, они не собираются убегать от плохой погоды в теплые края – к благословенным берегам Флориды или Калифорнии никто не отправляется в охотничьих костюмах, с ружьями за плечами и со свирепыми псами на задних сиденьях. Вот уже четвертый день Элмер Циммерман и его брат Пит во главе группы людей рыщут по округе с собаками, ружьями и изрядным запасом пива. Приближается полнолуние. Сезон охоты на пернатых и оленей закончился. Но охота на оборотней все еще открыта, и большинство тех, кто надеется с ним расправиться, несмотря на суровое выражение лиц, говорящее о решимости стоять насмерть, развлекается вовсю. Как сказал бы Тренер Кослоу – эге-гей!

Некоторые из охотников, ясно видит преподобный Лоу, просто резвятся. Им представился шанс побродить по лесам, попить пивка, порассказывать анекдоты про поляков, лягушатников и ниггеров, пострелять в белок и ворон. Это настоящие животные, думает Лоу, непроизвольно дотрагиваясь рукой до повязки на глазу, которую носит с июля. Они вполне могут друг друга перестрелять. Их счастье, что до сих пор никто не пострадал Последний грузовик исчезает из вида, затихают автомобильные гудки и лай собак. Да, некоторые просто развлекаются, однако другие.

Например, Элмер и Пит Циммерманы, относятся к этому вполне серьезно.

Если это существо – человек, или зверь, или кто бы это ни был – отправится в этом месяце на охоту, собаки учуют его запах. Преподобный Лоу слышал, как Элмер две недели назад говорил это в парикмахерской. А если оно – или он – не выйдет на охоту, то тогда мы, может быть, спасем чью-то жизнь. Или по крайней мере чью-то живность.

Да, некоторые из них – может быть, десяток, может, два – относятся к охоте на оборотня серьезно. Однако не они беспокоят Лоу, вызывая неведомое до сих пор чувство тревоги, как будто его загнали в угол.

И все это из-за записок – самая длинная состоит из двух предложений, – написанных старательным детским почерком, иногда даже с орфографическими ошибками.

Лоу смотрит на письмо, пришедшее сегодня. Адрес на конверте написан той же детской рукой:

Преподобному Лоу, баптистская церковь, Таркерз-Миллз, Мэн 04491.

Опять это странное ощущение… Так, должно быть, чувствует себя лиса, которую собаки сумели обложить со всех сторон. Выхода нет. Инстинктивно в этот момент лиса оборачивается и обнажает зубы, готовясь вступить в безнадежную схватку с собаками, которые непременно разорвут ее на куски.

Преподобный Лоу плотно закрывает дверь и входит в гостиную, где торжественно тикают старые часы. Он садится, аккуратно кладет религиозные циркуляры на стол, который миссис Миллер протирает два раза в неделю, и открывает новое письмо. Как и в прежних, в нем нет

обращения. Как и прежние, оно не подписано. Посередине листка, вырванного из школьной тетради, написано предложение:

Почему бы тебе не покончить жизнь самоубийством?

Преподобный Лоу подносит руку ко лбу – она слегка дрожит. Другой рукой Лоу мнет листок и кладет его в большую стеклянную пепельницу, стоящую в центре стола, – преподобный Лоу принимает прихожан у себя дома, и некоторые из них курят. Из кармана домашнего свитера, который он чаще всего надевает по субботам, Лоу Достает коробок спичек, поджигает письмо – так же, как поджег остальные, и смотрит, как оно горит.

Преподобный наконец стал познавать самого себя. Это происходило постепенно. После майского кошмара, в котором все собравшиеся на службу в честь Дня старого дома превратились в оборотней, и после того, как преподобный Лоу обнаружил выпотрошенное тело Клайда Корлисса, он начал понимать, что с ним творится что-то.., ну, неладное. Он не знал тогда, в чем дело. Просто чувствовал: что-то неладно. Но Лоу ясно осознавал, что иногда по утрам, особенно в периоды полнолуния, он просыпается и чувствует себя очень хорошо, чувствует себя очень бодрым и очень сильным. Он заметил, что это ощущение ослабевает по мере уменьшения луны и вновь усиливается по мере роста луны новой.

После того кошмарного сна и смерти Корлисса преподобный вынужден был обратить внимание и на кое-что другое – на то, что до сих пор игнорировал, – на грязную и порванную одежду, на царапины и ссадины, о происхождении которых Лоу ничего не знал. В отличие от обычных синяков и ссадин они не болели, о них было легко забыть, если просто не думать о них. Точно так же он не обращал внимания на следы крови, которые обнаруживал на своих руках.., и губах.

Потом, пятого июля, все изменилось: Лоу проснулся слепым на один глаз. Как и синяки со ссадинами, рана не болела, но вместо левого глаза он обнаружил выжженную глазницу, всю в запекшейся крови. И внезапно преподобный понял: это он оборотень, это он Зверь.

В последние три дня Лоу испытывал знакомые ощущения: сильное беспокойство, почти приятное возбуждение, ощущение напряжения во всем теле. Это наступает снова – вот-вот он превратится в чудовище. Сегодня полнолуние, и охотники со своими собаками будут рыскать повсюду. Ну что же, это ничего не меняет. Он умнее, чем они думают. Они говорят о человеке-волке, но считают его скорее волком, чем человеком. Они могут разъезжать на своих пикапах, и он тоже может сесть за руль своего маленького седана марки «воларе». Он поедет по Портлендскому шоссе и остановится в каком-нибудь пригородном мотеле. И если произойдет превращение, то поблизости не будет ни собак, ни охотников. Их он не боится.

Почему бы тебе не покончить жизнь самоубийством?

Первое письмо пришло в начале месяца. В нем просто говорилось:

Я знаю, кто ты.

Второе гласило:

Если ты. Божий человек, уезжай из города. Отправляйся куда-нибудь в такое место, где сможешь убивать животных, а не людей.

Третье было совсем лаконичным:

Кончай с этим.

Вот как просто: кончай с этим – и все.

А теперь новое послание:

Почему бы тебе не покончить жизнь самоубийством?

Потому что я не хочу, раздраженно думает преподобный Лоу. Я об этом не просил – что бы это ни было. Меня не покусал волк и не проклял цыган. Просто так.., получилось. Однажды в ноябре прошлого года я нарвал цветов для церковной ризницы – на том симпатичном маленьком кладбище на Холме Радости. Я никогда раньше не видел таких цветов.., и когда я вернулся в город, они уже завяли. Они почернели – все до одного. Наверное, тогда это и случилось. Конечно, для того, чтобы так думать, нет никаких оснований.., но я все равно так считаю. И я не стану кончать жизнь самоубийством. Это они животные, а не я.

Кто же пишет эти письма?

Преподобный не знает. В выходящем в Таркерз-Миллз еженедельнике о нападении на Марти Кослоу не сообщалось, а Лоу гордится тем, что никогда не прислушивается к сплетням. К тому же они с Марти придерживаются разных вероисповеданий, так что как Марти до Дня всех святых не знал о Лоу, так и тот до сих пор не знает о Марти. И преподобный совершенно не помнит о том, что происходит с ним, когда он превращается в Зверя; он только испытывает по завершении цикла блаженство, сходное с алкогольным опьянением, и беспокойство вначале.

Я Божий человек, встав, думает Лоу. Он принимается шагать взад-вперед, и с каждой минутой движется все быстрее и быстрее. В гостиной торжественно тикают старые часы.

Я Божий человек и не стану кончать жизнь самоубийством. Я творю здесь добро, а если иногда и творю зло – что ж, люди творили зло задолго до меня. Зло также служит воле Господа, как учит нас Библия. Если я проклят. Господь в свое время уничтожит меня. Все служит воле Господней… Да кто же он такой? Может, попробовать поискать? На кого напали Четвертого июля? Каким образом я (оно) потерял (потеряло) свой глаз? Возможно, надо заставить его замолчать.., но не в этом месяце. Пусть сначала собаки уйдут из леса. Да…

Лоу ходит все быстрее и быстрее, низко наклонив голову, не замечая, что растительность на его лице, обычно судная – он бреется всего один раз в три дня.., в другое время месяца, разумеется, – становится все более густой и жесткой, а единственный карий глаз приобретает желто-коричневый оттенок – перед тем, как ночью стать изумрудно-зеленым. Священник горбится и начинает говорить сам с собой… Его голос становится все более низким, а речь все больше напоминает рычание.

Наконец, когда на город опускаются серые ноябрьские сумерки, Лоу бросается на кухню, срывает с крючка ключи от машины и почти бегом направляется к «воларе». Улыбаясь, он мчится к Портленду и не замедляет движения, когда в лучах фар начинают плясать первые снежинки. Он чувствует, что луна где-то за облаками; это она придает ему силу; его грудь расширяется, разрывая по швам белую сорочку.

Лоу включает радио, звучит рок-н-ролл, и он чувствует себя.., просто великолепно!

Возможно, то, что происходит с ним в ночи полнолуния, – наказание Господне, а может, шутка тех старых богов, которым люди поклонялись лунными ночами, находясь в безопасности, за

каменными кольцами. О, это забавно, просто забавно! Незаметно добравшись до самого Портленда и вновь став Зверем, Лоу в эту снежную ноябрьскую ночь разорвет там на куски Милта Штурмфуплера, всю жизнь прожившего в Таркерз-Миллз. Возможно, это действительно перст Божий, потому что если в Таркерз-Миллз и есть первоклассное дерьмо, так это Милт Штурмфуллер. Как обычно, ночью он уехал из дома, сказав своей забитой жене Донне Ли, что уехал по делам. Однако все, что он намерен сделать, – это потискать второсортную девицу по имени Рита Тоннисон, наградившую Милга очень миленьким лишаем. А тот не замедлил передать его Донне Ли, с момента замужества даже не взглянувшей на другого мужчину.

Преподобный Лоу останавливается в мотеле под названием «Плавник» около дороги Портленд – Вестбрук, в том самом мотеле, который в эту ноябрьскую ночь выбрали для свидания Милт Штурмфуллери Рита Тоннисон.

Милт выходит из номера в четверть одиннадцатого, поздравляя себя с тем, что даже полнолуние не помешало ему уехать так далеко от Таркерз-Миллз. В этот момент одноглазый Зверь прыгает на него с заснеженной крыши пятиосного фургона и одним мощным движением отрывает голову. Последнее, что слышит Милт Штурмфуллер, – это победный рык оборотня; оторванная голова Штурмфуллера с широко раскрытыми глазами закатывается под колеса грузовика, из мгновенно ослабевших рук выпадает бутылка бурбона. Зверь утыкается рылом в его шею, из которой хлещет кровь, и начинает насыщаться.

На следующий день, возвратившись в свой дом в Таркерз-Миллз и чувствуя себя.., просто великолепно, преподобный Лоу прочтет в газете сообщение об убийстве и благочестиво вздохнет. Он был плохим человеком. Все в деснице Божией.

Вслед за этим Лоу подумает:

Что за мальчик шлет мне письма? Пора это выяснить. Настало время прислушаться к сплетням.

Преподобный Лоу поправляет повязку на глазу, разворачивает другую часть газеты и думает:

Все в деснице Божией. Если Господь пожелает, я его найду. И заставлю замолчать. Навсегда.

ДЕКАБРЬ

До наступления Нового года остается пятнадцать минут. Как и во всем мире, в Таркерз-Миллз старый год подходит к концу. Как и во всем мире, старый год принес в Таркерз-Миллз определенные перемены.

Милт Штурмфуллер умер, и его жена Донна Ли, наконец освободившись от крепостной зависимости, уехала из города. Одни говорят, в Бостон, другие считают, что в Лос-Анджелес.

Какая-то женщина попыталась открыть в Таркерз-Миллз книжный магазин, но безуспешно, однако парикмахерская, универсальный магазин и пивная, слава Богу, все еще работают.

Клайд Корлисс умер, но два его никудышных брата – Элден и Эррот – по-прежнему живы и здоровы. Цээмма Хейг, которая пекла лучшие в Таркерз-Миллз пироги, умерла от сердечного приступа. Вилли Харрингтон, которому исполнилось девяносто два года, в конце ноября поскользнулся на пороге своего маленького дома на Болл-стрит и сломал бедро. Но зато по завещанию богатого дачника библиотека получила неплохое наследство, и на следующий год

Topreading.ru

начнется строительство детского отделения, о котором говорили с незапамятных времен. У директора школы Олли Паркера весь октябрь шла носом кровь, и ему поставили диагноз «гипертония в тяжелой форме».

– Слава Богу, что не вытекли все мозги, – проворчал доктор, снимая с руки Олли манжету для измерения кровяного давления, и посоветовал ему сбросить килограммов двадцать. К всеобщему удивлению, Олли действительно сбросил к Рождеству двадцать из них. Теперь он выглядит совершенно другим человеком.

– И ведет себя совсем по-другому, – с порочной улыбкой говорит его жена своей близкой подруге – Делии Берни.

Брейди Кинкейд, убитый Зверем во время сезона воздушных змеев, по-прежнему мертв. А Марти Кослоу, который обычно сидел в классе позади Брейди, по-прежнему инвалид.

Все меняется, и все остается по-прежнему. В Таркерз-Миллз год кончается так же, как и начинался, – на улице завывает снежная буря, а где-то поблизости от жилья бродит Зверь, Где-то совсем неподалеку.

Марти Кослоу и его дядя Эл, расположившись в гостиной дома Кослоу, смотрят новогоднюю передачу Дика Кларка. Дядя Эл устроился на кушетке, Марти сидит в своей инвалидной коляске. На коленях Марти лежит пистолет – «кольт-вудсмен» тридцать восьмого калибра. Пистолет заряжен двумя пулями, и обе из чистого серебра.

У дяди Эла есть друг в Хэмпдене, Мак Маккатчеон, он их и отлил. Поворчав немного, этот Мак Маккатчеон расплавил на пропановой горелке серебряную конфирмационную ложку Марти и точно отмерил количество пороха, необходимое для того, чтобы пуля не кувыркалась в полете.

– Я не гарантирую, что они сработают, – сказал дяде Злу его приятель, – но это вполне возможно. Кого ты там собрался убивать, Эл? Оборотня или вампира?

– Обоих, – ухмыляясь, ответил Эл. – Вот почему я попросил тебя сделать две пули. Кроме того, там поблизости часто бродила баньши, но ее отец недавно умер в Северной Дакоте и духу пришлось срочно улететь туда на самолете. – Они посмеялись, и затем Эл добавил: – Это для моего племянника. Он сходит с ума по фильмам ужасов, и эти пули будут для него хорошим рождественским подарком.

– Ну, если он влепит одну пулю куда-нибудь в перегороди, принеси деревяшку сюда, – попросил его Мак. – Мне бы хотелось посмотреть, что из этого получится.

***

По правде говоря, дядя Эл не знает, что и думать. После третьего июля он не видел Марти и не был в Таркерз-Миллз. Как и предсказывал Эл, его сестра, мать Марти, узнав о фейерверке, просто взбесилась.

– Его ведь могло убить, ты, тупая задница! Как ты только до такого додумался? – кричала она в телефонную трубку.

– Так ведь именно фейерверк его и спас… – начал было Эл, но в трубке раздался резкий щелчок.

Связь прервана. У него взбалмошная сестра, и уж если она не желает о чем-то слышать, то и не станет этого делать.

Потом, в начале декабря, позвонил Марти.

– Мне нужно тебя видеть, дядя Эл, – сказал Марти. – Ты единственный, с кем я могу поговорить.

– Я разругался с твоей мамой, парень, – ответил Эл.

– Это очень важно, – умоляюще произнес Марти. – Ну пожалуйста. Пожалуйста!

***

Эл приехал, стойко встретив неодобрительное молчание сестры. В один из холодных, ясных декабрьских дней он повез Марти на своей спортивной машине кататься, осторожно усадив мальчика на пассажирское сиденье. Только на этот раз обошлось без бешеной гонки и дикого смеха: Марти говорил, а дядя Эл слушал. И слушал с нарастающим беспокойством.

Марти начал с того, что рассказал Элу о замечательном фейерверке и о том, как выбил глаз чудовищу с помощью пачки петард «Черная кошка». Потом он поведал ему про Хэллоуин и преподобного Лоу. Затем сообщил дяде Элу, что начал посылать преподобному Лоу анонимные письма.., да, анонимные, за исключением двух последних, отправленных после убийства Милта Штурмфуллера в Портленде. Эти он подписал так, как учили на уроках, английского:

Искренне Ваш, Мартин Кослоу.

– Не следовало посылать этому типу письма, даже анонимные! – резко сказал дядя Эл. – Господи, Марти! А тебе не приходило в голову, что ты можешь ошибиться?

– Конечно, приходило, – ответил Марти. – Вот почему я подписал последние два письма. Ты, наверное, спросишь меня, что произошло потом? Думаешь, он позвонил моему отцу и рассказал, что я прислал два письма, в одном из которых предложил ему покончить жизнь самоубийством, а в другом пообещал, что мы с ним скоро покончим?

– Он этого не сделал, не так ли? – спросил Эл, заранее зная ответ.

– Нет, – тихо ответил Марти. – Он не стал говорить с моим папой, не стал говорить с моей мамой и не стал говорить со мной.

– Марти, ведь, может быть сотня причин, чтобы…

– Нет. Только одна. Он оборотень, он Зверь. Это он, и он дожидается полнолуния. Пока остается преподобным Лоу, он не может ничего сделать. Но в качестве оборотня он способен на многое. Он может заткнуть мне рот. – Марти сказал это так хладнокровно, что почти убедил Эла.

– Так что же ты хочешь от меня? – спросил Эл.

И Марти сказал, чего хочет. Ему нужны две серебряные пули, пистолет, чтобы ими стрелять, и кроме того, необходимо, чтобы дядя Эл приехал сюда на Новый год, когда наступит полнолуние.

– Так что же ты хочешь от меня? – спросил Эл.

И Марти сказал, чего хочет. Ему нужны две серебряные пули, пистолет, чтобы ими стрелять, и кроме того, необходимо, чтобы дядя Эл приехал сюда на Новый год, когда наступит полнолуние.

– Я этого не сделаю, – ответил дядя Эл. – Марти, ты хороший мальчик, но ты начал сходить с ума. Если ты как следует все обдумаешь, то согласишься со мной.

– Может быть, – кивнул Марти. – Но подумай, как ты себя будешь чувствовать, если первого января тебе позвонят и скажут, что я лежу в своей постели мертвый, разорванный на куски? Ты хочешь, чтобы это было на твоей совести, дядя Эл?

Эл начал было что-то говорить, но тут же закрыл рот. Он остановил машину, развернулся и поехал обратно. Эл воевал во Вьетнаме и получил там пару медалей; он успешно отделался от нескольких чересчур похотливых юных леди; и вот теперь Эл чувствовал, что его загнал в ловушку десятилетний племянник. Причем инвалид! Конечно, Эл не хочет, чтобы нечто подобное было на его совести, даже сама возможность этого ужасала, о чем прекрасно знает Марти. Как знает и то, что если дядя Эл допустит существование хотя бы одного шанса из тысячи…

Через четыре дня, десятого декабря, дядя Эл позвонил.

– Прекрасная новость! – радостно объявил Марти, въезжая в большую комнату. – Дядя Эл приедет к нам на Новый год!

– Нечего ему здесь делать, – насколько могла холодно произнесла его мать.

Марти это не смутило.

– Надо же! А я его уже пригласил, – сказал он.

Весь остаток дня мать испепеляла Марти взглядом.., но не стала звонить брату, чтобы тот не приезжал. А это было важнее всего.

За ужином Кейти прошипела на ухо Марти:

– Ты всегда добиваешься того, чего хочешь! И только потому, что ты инвалид!

– Я тоже тебя люблю, сестричка, – с ухмылкой прошептал ей в ответ Марти.

– Ты маленькая дрянь! – И с этими словами она бросилась вон из комнаты.

***

И вот наконец наступило тридцать первое декабря. Мать Марти была уверена, что Эл не приедет. Погода ухудшалась, ветер стонал и выл, занося дорогу снегом. По правде говоря, Марти и сам испытал несколько неприятных моментов.., но около восьми приехал дядя Эл – не на спортивном «мерседесе», а на взятой напрокат машине.

К одиннадцати тридцати все в семье отправились спать, за исключением Эла и Марти. И хотя дядя Эл все еще скептически относился ко всей этой затее, он привез даже не один, а целых два пистолета, тщательно спрятав их под полой тяжелого пальто. Один из пистолетов,

заряженный серебряными пулями, после того, как семья отправилась спать, Эл молча передал Марти (как бы поставив точку в разговоре, мать Марти перед тем, как лечь спать, Громко хлопнула дверью спальни).

Другой пистолет заряжен обыкновенными свинцовыми пулями.., но Эл считает, что, если безумец вломится сюда ночью (по мере того как время идет, а ничего не происходит, Эл начинает сомневаться, что это произойдет), «магнум» сорок пятого калибра его остановит.

По телевизору камеры все чаще и чаще выхватывают большой освещенный шар на крыше здания «Эллайд кемикал» на Таймс-сквер. Истекают последние минуты года. Толпа ликует. В противоположном от телевизора углу стоит уже пожелтевшая и осыпавшаяся рождественская елка.

– Марти, ничего не… – начинает дядя Эл, и тут с треском вылетает разрисованное стекло окна в большой комнате и со звоном разлетается на мелкие кусочки, в комнату врываются порывы ветра, тучи снега… Врывается Зверь.

Не веря своим глазам. Эл в ужасе замирает. Он очень большой, этот Зверь, возможно, больше двух метров ростом, хотя сутулится так, что его передние лапы-руки почти волочатся по ковру. Взгляд его единственного зеленого глаза

(единственного – как и говорил Марти, ошеломленно думает Эл, все так, как говорил Марти) обшаривает комнату и останавливается на Марти, садящем в инвалидной коляске. Зверь прыжком подскакивает к мальчику, из груди его вырывается торжествующее рычание.

Совершенно спокойно, не меняя выражения лица, Марти поднимает пистолет тридцать восьмого калибра. В своей коляске Марти кажется очень маленьким, его неподвижные ноги, одетые в выцветшие мягкие джинсы, похожи на палки. Не веря своим ушам, несмотря на дикое рычание оборотня, завывания ветра, сумятицу собственных мыслей о том, как такое возможно в реальном мире, Эл слышит голос своего племянника:

– Бедный старый Лоу! Я постараюсь вас освободить.

И когда оборотень прыгает, протянув вперед когтистые руки, Марти стреляет. Пороха в патроне мало, и пистолет издает смехотворно слабый, почти неслышный хлопок, как у «воздушки».

Однако яростное рычание оборотня поднимается до еще более высоких нот – теперь это безумный крик боли. Зверь ударяется об стену, пробивая плечом дыру в другую комнату. Картины Кюрье и Ива падают ему на голову и соскальзывают по спине на пол. Кровь заливает волосатое лицо чудовища, его зеленый глаз бешено сверкает. Рыча, зверь подступает к Марти. Оборотень то сжимает, то разжимает ладони, челюсти щелкают, сбрасывая на пол клочья окровавленной пены. Марти держит пистолет обеими руками, так маленькие дети держат чашку с питьем. Он ждет, ждет… Когда же оборотень вновь бросается вперед, мальчик стреляет. Живительно, но единственный глаз Зверя тут же гаснет, как свечка на ветру! Ослепленное существо снова кричит и, шатаясь, передвигается к окну. Ветер взметает кверху занавески и закручивает их вокруг головы оборотня – Эл видит, что на белой ткани начинают расцветать кровавые цветы. По телевизору показывают, как большой освещенный шар начинает опускаться на землю.

Когда отец Марти, одетый в яркую желтую пижаму, с дикими глазами влетает в комнату, оборотень падает на колени. «Магнум» сорок пятого калибра все еще лежит на коленях у Эла. Он так и не смог его поднять.

Зверь падает ничком.., вздрагивает.., и умирает.

Мистер Кослоу смотрит на него разинув рот.

Марти поворачивается к дяде Элу. В руке у мальчика дымится пистолет. Марти выглядит усталым, но спокойным…

– С Новым годом, дядя Эл, – говорит он. – Оно умерло. Зверь мертв. – И тут он начинает плакать.

На полу запутавшееся в лучших белых занавесках миссис Кослоу тело оборотня внезапно начинает меняться. Волосы, покрывающие его лицо и тело, каким-то образом втягиваются внутрь, губы, изогнутые в яростном рыке, расслабляются и закрывают оскаленные зубы. Когти магическим образом превращаются в ногти – жалкого вида ногти, обгрызенные и обломанные.

Завернутый в окровавленный саван из занавесок, перед ними лежит преподобный Лестер Лоу, а вокруг него белеют пятна снега.

Отец Марти, вытаращив глаза, смотрит на распростертое на полу обнаженное тело. Запахнув халат, в комнату неслышно проскальзывает мать мальчика. Дядя Эл подходит к Марти и крепко-крепко его обнимает.

– Здорово у тебя получилось, парень, – шепчет Эл. – Я люблю тебя.

На улице под заснеженным небом стонет и плачет ветер. Первая минута нового года уже стала историей.

ЭПИЛОГ

Любой астроном-любитель заметит, что, независимо от того, в каком году происходили эти события, я допустил слишком большие вольности с фазами луны. Я сделал это, чтобы упомянуть те дни (День святого Валентина, Четвертое июля и т, д.), которые в нашем сознании отличают тот или иной месяц. Я соглашусь с теми читателями, которые считают: что я поступил неосмотрительно.., но искушение было слишком велико, чтобы перед ним устоять.

ЗНАЕТЕ, ОНИ КЛАССНО ИГРАЮТ

Когда Мэри проснулась, оказалось, что они заблудились. Она это сразу поняла, да и Кларк понимал, хотя вначале не хотел этого признать; его лицо приняло этакое выражение: «я и так лажанулся, так отцепитесь от меня», рот у него сжался и становился все меньше, пока почти совсем не исчез. И он не принимал формулировку «заблудились» – он предпочитал «где-то не там свернули», и даже такое признание было для него верхом поражения.

Они выехали из Портленда вчера. Кларк работал в одной из гигантских компьютерных фирм – и это была его идея посмотреть так часть Орегона, которая находилась за пределами приятного, но скучноватого пригорода Портленда, где они жили, – района, населенного сливками верхнего среднего класса и именуемого в просторечии Городком программистов.

«Говорят, там, на воле в пампасах, очень красиво, – сказал он ей. -Хочешь посмотреть? У меня свободная неделя, и уже пошли слухи о переводе. Если мы не посмотрим настоящий Орегон, то

Topreading.ru

последние шестнадцать месяцев останутся в моей памяти лишь черной дырой».

Она охотно согласилась (занятия в школе закончились десять дней назад, а летней группы ей не дали), предвкушая удовольствие от путешествие наудачу, забыв о том, что проводимый на авось отпуск часто заканчивался довольно плачевно – отдыхающие теряются на каком-нибудь переселке, который, петляя в зарослях, ведет в никуда. «Это будет приключение, -думала она, – по крайней мере, можно на это и так посмотреть», – но ей в январе исполнилось тридцать два, и она считала себя чуть староватой для приключений. В ее понимании настоящий отпуск означал чистый мотель со сверкающей ванной, купальными халатами на кровати и работающей сушилкой для волос.

Первый день, однако, был прекрасным – местность оказалась необычайно красивой, и даже Кларк, что было весьма непривычно, несколько раз в восхищении замолкал. Они провели ночь в чудесной деревенской гостинице западнее Юджина, занимались любовью не один, а два раза (для этого она определенно не считала себя староватой), а утром направились на юг, рассчитывая попасть на водопад Кламат-Фоллс. Они ехали по шоссе штата N 58, и это было правильно, но потом, после ленча в городке Окридж, Кларк предложил съехать с трассы, забитой грузовиками и лесовозами.

– Ну, не знаю… – Мэри отвечала с осмотрительностью женщины, которая от своего мужа уже наслышалась подобных предложений и навидалась их последствий. – Я не хочу там заблудиться, Кларк. там слишком пусто. – Она ткнула ухоженным ноготком в зеленое пятно на карте с надписью «Пустынный район Боулдер-Крик». – Видишь, «пустынный»; значит, ни заправочных станций, ни комнат отдыха, ни мотелей.

– Давай, поехали, – сказал он, отодвигая остатки бифштекса. Из музыкального автомата доносилась песня «Шесть дней в пути» в исполнении Стива Эрла и группы «Дьюкс», а за заляпанными грязью окнами носились на роликах мальчишки со скучающими лицами. Вид у них был такой, словно они лишь отбывают номер в ожидании, когда подрастут и разнесут к чертям весь этот город, и Мэри прекрасно понимала их состояние. – Ничего страшного. Через несколько миль к востоку мы вернемся на 58-е… потом свернем на юг, на шоссе штата N 42… вот тут, видишь?

– Ага. – Она увидела также, что шоссе N 58 обозначено жирной красной линией, тогда как 42-у – лишь еле заметной черной рисочкой. Но она наелась мяса с картофельным пюре и, чувствуя себя удавом, только что проглотившим козленка, не хотела вступать в спор с инстинктом первопроходца своего мужа. Ей хотелось только разложить сиденье их доброго старого «Мерседеса» и немножко поспать.

– Потом, – продолжал Кларк, – вот эта дорога. Она без номера, значит, просто проселок, но зато ведет прямо в Токети-Фоллс. А оттуда остается только выскочить на федеральное шоссе N 97. Ну так как?

– Скорее всего, ты заблудишься, – ответила она – проблеск мудрости, о котором она потом вспоминала с запоздалым сожалением. – Но это не страшно, лишь бы нашлось где развернуться нашей «Принцессе».

– Вот это истинно по-американски! – просиял он и снова придвинул к себе тарелку. И принялся сосредоточенно доедать.

– Тьфу, – сказала она, прикрывая рот рукой и морщась. – И как ты можешь это есть?

– Совсем неплохо, – произнес Кларк таким бесцветны тоном, что только жена могла понять его значение. – Кроме того, путешественнику надлежит питаться туземной пищей.

– Похоже, кто-то вычихнул нюхательный табак на осклизлую котлету, -продолжала она. – Повторяю: тьфу.

Они выехали из Окриджа в хорошем расположении духа, и поначалу все шло замечательно. Неприятности начались, когда они свернули с шоссе N 42; на необозначенный проселок, который, по мнению Кларка, должен был вывести их прямо в Токети-Фоллс. Первое время было нормально: проселок был гораздо лучше 42-го, которое даже летом было все в ухабах и ямах. Они весело ехали, по очереди меняя кассеты в плэйере. Кларк обожал Уилсона Пикетта, Эла Грина и группу «Поп стейплз». Вкусы Мэри были диаметрально противоположными.

– Что ты находишь во всех этих белых парнях? – спросил он, когда она поставила свою любимую вещь – «Нью-Йорк» Лу Рида.

– За одного из них я вышла замуж, – ответила она, и Кларк рассмеялся. Первый признак тревоги появился пятнадцать минут спустя, когда они доехали до развилки. Оба участника выглядели одинаково многообещающими.

– Ну и ну, – произнес Кларк, протягивая руку и щелкая кнопкой отделения для перчаток, чтобы достать карту. Он долго изучал ее. – Этого нет на карте.

– Приехали, – сказала Мэри. Она уже засыпала, когда Кларк наткнулся на развилку, и поэтому была слегка раздражена. – Хочешь совет?

– Нет, – ответил он тоже несколько раздраженным тоном, – но, видимо, все равно его получу. А я теперь не могу, когда ты вот так пялишься на меня, хотя сама ничего не знаешь.

– Что это за дорога, Кларк?

– Я чувствую себя, как старый пес, который пукнул под столом, где обедает семья, давай, говори все, что ты обо мне думаешь. Изливай все это на меня. Твоя очередь.

– Давай вернемся, пока еще есть время. Вот мой совет.

– Ага. Отчего бы тебе не вывесить на дороге знак «ПОКАЯНИЕ»?

– Это что, шутка?

– Не знаю, Мэри, – мрачно произнес он и уселся, поглядывая то на карту, то на местность за заляпанным ветровым стеклом. Они были женаты почти пятнадцать лет, и Мэри достаточно хорошо знала его и была уверена, что он будет настаивать на том, чтобы ехать вперед… не только несмотря на неожиданную развилку, а как раз из-за нее.

«Когда Кларка Уиллингема гладят против шерстки, он не отступит», -подумала она, прикрывая рот, чтобы он не заметил ее усмешки.

Она не успела. Кларк взглянул на нее, приподняв бровь, и ее кольнула неприятная мысль: если она за столько времени научилась читать его так же легко, как школьную хрестоматию, то ведь и для него она так же ясна.

– В чем дело? – спросил он чуть-чуть повышенным тоном. Вот тут-то -даже до того, как она

уснула, дошло до нее теперь, – рот у него начал стремительно уменьшаться. – Хочешь принять участие, дорогая?

Она покачала головой:

– Просто горло прочищаю.

Он кивнул, сдвинул очки на лоб и склонился над картой, почти уткнувшись в нее носом.

– Ладно, – сказал он, – свернуть надо налево, потому что мы так попадем на юг, в Токети-Фоллс. Другое ответвление ведет на восток. Наверно, к какому-то ранчо.

– Если на ранчо, то почему дорога имеет разметку посередине?

Рот Кларка еще чуть уменьшится.

– Дорогая, ты не представляешь, какие богачи бывают среди этих фермеров.

Она хотела сказать ему, что времена разведчиков пионеров давно прошли, что он вовсе не рискует головой, а потом решила, что ей гораздо больше хочется подремать на солнышке, чем грызться с мужем, особенно после такой восхитительной прошлой ночи. В конце концов, куда-то же они приедут, так ведь?

С этой утешительной мыслью, под тихое мурлыканье Лу Рида о последнем великом американском ките Мэри Уиллингем уснула. К тому времени, когда выяснилось, что выбранная Кларком дорога никуда не годится, ей снилось, что они вернулись в то кафе в Окридже, где накануне ели ленч. Она пытается всунуть монетку в музыкальный автомат, но щель забита чем-то, похожим на мясо. Один из мальчишек, игравших на стоянке, проходит мимо нее с роликовой доской под мышкой и в сбитой набекрень ковбойской шляпе.

«В чем тут дело?» – спрашивает его Мэри.

Мальчишка подходит, бросает равнодушный взгляд и пожимает плечами. «Просто труп какого-то типа разодран на кусочки для вас и для других. Мы тут ничего плохого не делаем; это массовая культура, дорогуша».

Потом протягивает руку, неожиданно щипнет ее за грудь и топает дальше. Оглянувшись на автомат, она видит, что он весь залит кровью и в нем плавает что-то расплывчатое, отдаленно похожее на части человеческого тела.

«Может, отложить бы этот альбом Лу Рида», – думает она, и в луже крови за стеклом на диск ложится пластинка – именно та, что ей хотелось, -и Лу начинает петь «Целый автобус веры».

Пока Мэри снился этот тягостный сон, дорога все ухудшалась, ухабы становились все больше, пока не слились в один сплошной ухаб. Альбом Лу Рида – очень большой – кончился и завелся сначала. Кларк не обращал на это внимание. Приятная улыбка, с которой начинался день, исчезла без следа. Рот у него сжался до размеров розового бутона. Если бы Мэри не спала, она бы заставила его развернуться обратно. Это он знал, как и знал то, каким взглядом она посмотрит на него, когда проснется и увидит эту узкую полоску крошащегося щебня, сдавленную с обеих сторон густым сосновым лесом, в который никогда не заглядывало солнце. Ни одна встречная машина не попалась с тех пор, как они свернули с шоссе N 42.

Он знал, что нужно было вернуться – Мэри терпеть не могла, когда он встревал в подобное

дерьмо, забывая при этом, что гораздо чаще ему удавалось безошибочно находить путь в переплетениях дорог (Кларк Уиллингем принадлежал к тем миллионам американских мужчин, которые убеждены, что у них в голове компас), – но он продолжал катить вперед, поначалу из упрямой уверенности, что они обязательно попадут в Токети-Фоллс, а потом лишь слабо надеясь на это. Впрочем, развернуться действительно было негде. Если попробовать, то «Принцесса» по ступицы колес завязнет в болотистой канаве, примыкавшей к тому, что по недоразумению называлось дорогой, и Бог знает, сколько времени пройдет, пока не появится буксировщик, или сколько миль надо будет идти за ним пешком.

Потом наконец он выехал на место, где можно было развернуться, очередная развилка, и все же решил не делать этого. Причина была проста: правая дорога была из гравия с глубокими колеями, поросшими густой травой, а левая – широкая, асфальтированная и разделена пополам желтой чертой. Согласно компасу в голове Кларка, эта дорога вела на юг. Он уже чуял Токети-Фоллс. Пятнадцать километров, ну двадцать пять – тридцать максимум. Однако он еще поразмыслил, стоит ли разворачиваться. Когда позже он рассказал об этом Мэри, то увидел сомнение в ее глазах, но это действительно было так. Он решил ехать дальше потому, что Мэри зашевелилась, и он был совершенно уверен, что на разбитом, ухабистом участке, который он только что проехал, она проснется… и только взглянет на него своими прекрасными голубыми глазами. Только взглянет. Этого будет достаточно.

Потом наконец он выехал на место, где можно было развернуться, очередная развилка, и все же решил не делать этого. Причина была проста: правая дорога была из гравия с глубокими колеями, поросшими густой травой, а левая – широкая, асфальтированная и разделена пополам желтой чертой. Согласно компасу в голове Кларка, эта дорога вела на юг. Он уже чуял Токети-Фоллс. Пятнадцать километров, ну двадцать пять – тридцать максимум. Однако он еще поразмыслил, стоит ли разворачиваться. Когда позже он рассказал об этом Мэри, то увидел сомнение в ее глазах, но это действительно было так. Он решил ехать дальше потому, что Мэри зашевелилась, и он был совершенно уверен, что на разбитом, ухабистом участке, который он только что проехал, она проснется… и только взглянет на него своими прекрасными голубыми глазами. Только взглянет. Этого будет достаточно.

И вообще, зачем тратить полтора часа на обратную дорогу, когда до Токети-Фоллс рукой подать? «Посмотри на дорогу – подумал он. – Разве такая трасса может иссякнуть?»

Он выжал сцепление, выехал на левую дорогу, и, конечно же, она иссякла. За первым же холмом исчезла желтая полоса. За вторым кончился асфальт, и он катил по грунтовой дороге, и темный лес все ближе подступал к обочине, а солнце – Кларк впервые обратил на это внимание – было уже под другую сторону горизонта.

Асфальт кончился так внезапно, что Кларк не успел притормозить и перевести «Принцессу» на другую передачу: взвизгнули рессоры, и ее сотряс мощный толчок, от которого Мэри проснулась. Она вскочила и перепугано огляделась. «Где…» – начала она, а затем в довершение всех событий этого дня послышался неразборчивый голос Лу Рида, который выстреливал слова медленной песни «Добрый вечер, мистер Вальдхайм» со скоростью группы «Элвин и бурундуки».

– Ох! – произнесла она и нажала кнопку выброса. Голос Рида захлебнулся; длинные уродливые жеванные полосы магнитной ленты полезли из щели.

«Принцесса» въехала в огромную лужу, вильнула влево, а затем выползла, словно чайный клипер, счастливо миновавший шторм.

– Кларк?

– Не говори ничего, – процедил он сквозь плотно сжатые зубы. – Мы не заблудились – через пару минут появится асфальт, может быть, за следующим поворотом.

Угнетенная сном (хотя она и не помнила точно, что видела), Мэри уложила испорченную пленку на колени и принялась разглаживать ее. Может быть, удастся купить другую… но не здесь же. Она взглянула на ветви могучих деревьев, нависавшие над дорогой, словно голодные гости над столом, и поняла, что отсюда далековато до ближайшего магазина грамзаписи. Она взглянула на Кларка, отметила про себя, что щеки у него пунцовые, а рта почти не существует, и решила, что пока что разумнее будет помолчать. Если не бросаться на него с обвинениями, он, может быть, успеет образумится до того, как это жалкое подобие дороги превратиться в яму или зыбкое болото.

– И потом, я всегда смогу развернуться, – добавил он, как будто именно это она сейчас предложила.

– Вижу, – бесстрастно ответила она.

Он взглянул на нее, может быть, готовясь к бою, а может быть, просто растеряно, в надежде, что она не слишком злиться на него – пока, во всяком случае, – а потом сосредоточился на дороге. Теперь проезжая часть заросла травой и сорняками и настолько сузилась, что, если бы им попалась встречная машина, одной из них пришлось бы сдавать назад. Почва по краям выглядела все более ненадежной» низенькие деревца, казалось, хватаются друг за друга в поисках опоры в болоте.

Электрических столбов по краям дороги не было. Она чуть не сказала об этом Кларку, но вовремя прикусила язык. Он вел молча, пока они не съехали со спуска. Он надеялся, что за поворотом дорога станет лучше, но это была все та же заросшая тропа. Правда, чуть заметнее и чуть пошире, в какой-то степени напоминая Кларку дороги в его любимой эпической фантастике таких авторов, как Терри Брукс, Стивен Дональдсон и, конечно, Дж.Р.Р.Толкиен, духовный отец их всех. В их сказках персонажи (как правило, с волосатыми ногами и остроконечными ушами) выбирали именно такие заброшенные дороги, несмотря на собственные мрачные предчувствия, и дело кончалось дракой с троллями, или гоблинами, или скелетами, размахивающими булавой.

– Кларк…

– Знаю, – произнес он и вдруг нанес по рулевому колесу короткий, сдержанный удар, имевший последствием только сдавленное «би-би». – Знаю. -Он затормозил «Мерседес», который теперь занимал всю ширину дороги (дороги? Черт возьми, да ее назвать «тропинкой» и то будет большая честь), поставил нейтральную передачу и вышел. Мэри осторожно вылезла с другой стороны.

Деревья источали божественный запах бальзама, и она ощутила какую-то красоту в тишине, не нарушаемой ни гулом моторов (ни даже отдаленным жужжанием самолета), ни человеческим голосом… но было в этом что-то настораживающее. Даже те звуки, которые она слышала: «фюить!» птички в тенистом ельнике, шорох ветра, еле различимое ворчание дизеля «Принцессы», – лишь подчеркивало окружавшую их стену молчания.

Она взглянула на Кларка поверх серой крыши «Мерседеса», и в этом взгляде не было ни упрека, ни гнева, а лишь мольба: «Давай убираться отсюда! Пожалуйста!»

– Извини, дорогая, – сказал он, и тревога в его голосе совсем не успокоила ее. – Правда.

Она пыталась заговорить, но слова не могли выйти из пересохшего горла. Она прокашлялась и попробовала опять:

– Как насчет того, чтобы вернуться назад, Кларк?

Он некоторое время подумал – снова послышались призывное «фюить!» птички и ответ откуда-то и глубины леса, – затем покачал головой:

– Только в крайнем случае. Отсюда не меньше трех километров до последней развилки…

– А что, была еще одна?

Он вздрогнул, опустил глаза и кивнул:

– Понимаешь… ты же видишь, какая узкая дорога и какие вязкие кюветы. Если мы свернем… – Он покачал головой и вздохнул.

– Значит, едем дальше.

– Видимо, да. Если уж дорога станет совсем никудышной, тогда придется попробовать.

– Но тогда мы заберемся еще глубже, так? – Пока что ей удавалось, и небезуспешно, как ей казалось, не допускать в свой голос обвинительную нотку, но делать это становилось все труднее. Она злилась на него, и весьма, злилась на себя – за то, что позволила ему затащить их сюда, во-первых, и за то, как сейчас обхаживает его, во-вторых.

– Да, но лучше рискнуть проехать вперед и найти широкое место, чем рисковать разворачиваться на этой дряни. Если уж не будет другого выхода, мне придется разворачиваться постепенно – пять минут заднего хода, десять отдыха, еще пять минут заднего хода… – Он выдавил подобие улыбки. – Это целое приключение.

– О да, конечно, – сказала Мэри, про себя определив это не как приключение, а как кучу неприятностей себе на голову. – Ты продолжаешь переть напролом, потому что в глубине души до сих пор уверен, что за следующим поворотом покажется Токети-Фоллс?

Какое-то мгновение казалось, что рот у него вообще исчез, и она приготовилась к вспышке настоящей мужской ярости. Потом у него опустились плечи, и он лишь покачал головой. Ей показалось, что он выглядит, как тринадцать лет назад, и это пугало ее гораздо больше, чем перспектива застрять на грязном проселке в совершенно безлюдной месте.

– Нет, – сказал он. – Видимо, Токети-Фоллс не получится. Одно из правил движения в Америке гласит: дороги, вдоль которых нет электрических столбов, ведут в никуда.

Значит, и он это заметил.

– Поехали, – сказал он, забираясь в машину. – Я разобьюсь в лепешку, но выберусь отсюда. И в следующий раз буду слушать тебя.

«Ну да, – подумала Мэри со смесью иронии и усталого негодования, -это я уже не раз слышала». Но не успел он переключиться с нейтральной передачи, как она положила свою руку на его.

– Знаю, что будешь, – сказала она, превращая тем самым его слова в твердое обещание. – А теперь давай сматываться отсюда.

– Будь спокойна, – сказал Кларк.

– Повнимательнее.

– Насчет этого тоже будь спокойна. – Он слегка улыбнулся, отчего ей стало немного лучше, и затем занялся рычагом передачи. Большой серый «Мерседес», выглядевший таким чужеродным в этом дремучем лесу, снова пополз по темной тропе.

Они проехала еще два километра, и ничего не изменилось, кроме ширины проселка: он сделался еще уже. Мэри подумала, что еловые лапы похожи уже не на голодных гостей на банкете, а на патологически любопытных зевак на месте дорожного происшествия. Если тропа станет еще уже, эти лапы начнут стучать в окна машины. Тем временем подлесок превратился из грязи в настоящее болото: кое-где различались озерца стоячей воды, присыпанной пыльцой и иголками. Сердце у нее билось слишком часто, и дважды она поймала себя на том, что кусает ногти – привыкла, от которой она избавилась за год до того, как вышла за Кларка. До нее дошло, что если они застрянут, то, несомненно, ночевать придется внутри «Принцессы». А в этих лесах водятся дикие звери – она, казалось, слышала их. Некоторые звуки можно было принять за медведей. При мысли о том, как они стоял у своего безнадежно застрявшего «Мерседеса», а навстречу выходит медведь, ей пришлось проглотить нечто похожее по размеру и вкусу на комок ваты.

– Кларк, по-моему, лучше все-таки попробовать задний ход. Уже четвертый час, и…

– Смотри, – указал он вперед. – Вроде бы знак?

Она прищурилась. Впереди тропа взбиралась на гребень густо поросшего лесом холма. На вершине виднелось что-то ярко-синее и продолговатое.

– Да, – ответила она. – Это действительно знак.

– Здорово! Ты можешь разобрать?

– М-да… «ЕСЛИ ВЫ ДОБРАЛИСЬ СЮДА, ЗНАЧИТ, ВЫ ТРОНУТЫЙ».

Он взглянул на нее со смесью любопытства и раздражения:

– Очень остроумно, Мэри.

– Спасибо, Кларк. Буду стараться.

– Поднимемся на вершину, прочтем знак и посмотрим, что там за гребнем. Если не увидим ничего хорошего, попробуем задних ход. Лады?

– Лады.

Он потрепал ее по бедру и осторожно повел машину дальше. «Мерседес» полз так медленно, что слышен был шорох мягко цепляющейся за шасси травы. Теперь Мэри действительно могла разобрать надписи на знаке, но сперва просто отвергла ее, посчитав ошибкой, – слишком уж это было нелепо. Но они подъезжали все ближе, а слова не менялись.

– Там написано то, что я думаю? – спросил Кларк.

Мэри коротко, испуганно рассмеялась:

– Да… но это больше похоже на шутку. Как по-твоему?

– Я уже никак не считаю – вот что меня беспокоит. Но я вижу кое-что, не похожее на шутку. Смотри, Мэри!

Метров за десять до знака – у самой вершины – дорога вдруг резко расширилась, на ней появились и асфальт, и разделительная полоса. У Мэри словно камень свалился с сердца.

Кларк усмехнулся:

– Здоров, правда?

Она весело кивнула, тоже расплываясь в улыбке.

Они доехали до знака, и Кларк затормозил. Они вновь прочли:

Добро пожаловать в Рок-н-Ролл-Рай, штат Орегон МЫ ГОТОВИМ НА ГАЗЕ! И ВЫ БУДЕТЕ ТОЖЕ!

– Слоны Торговая палата Львы Лоси – Это, конечно, розыгрыш, – повторила она.

– Может быть, и нет.

– Город под названием Рок-н-Ролл-Рай? опомнись, Кларк.

– Почему бы и нет? есть же Стон в Нью-Мексико, Акула в Неваде, а один городок в Пенсильвании называется Коитус. Так почему не быть в Орегона Рок-н-Ролл-Раю?

Она весело рассмеялась. Облегчение было почти невероятным.

– Ты это придумал.

– Что?

– Коитус, штат Пенсильвания.

– Ничего подобного. Ральф Гинцберг когда-то пытался отправить оттуда журнал под названием «Эрос». Ради штемпеля. На почте отказались. Клянусь. Так что кто знает? Может, город основан коммуной хиппи, которых в шестидесятых тянуло назад, к природе. Они втянулись в буржуазную жизнь -«Слоны», «Львы». «Лоси», – но первоначальное название осталось. – Его захватила новая идея; она казалась ему смешной и ностальгически прекрасной одновременно. – В общем-то, неважно. Важно то, что мы выбрались на мощеную дорогу, милая.

Она кивнула.

– Так поезжай. Но осторожно.

– Да уж. – «Принцесса» коснулась мощеной поверхности – это был не асфальт, а какой-то материал, гладкий, без заплат и температурных швов. -Куда уж остор…

Topreading.ru

Тут они въехали на гребень холма, и последнее слово замерло у него на губах. Он с такой силой нажал на тормоз, что ремни безопасности застегнулись сами по себе, а затем перевел рычаг передачи в нейтральное положение.

– Святый Боже! – вырвалось у Кларка.

Они сидели в неподвижном «Мерседесе» и, раскрыв рот, рассматривали городок внизу.

Это был прямо-таки городок в табакерке, приютившийся в крохотной долине. Напрашивалось сравнение с картинами Нормана Рокуэлла. Она пыталась уверить себя, что это просто география: дорога, круто спускающаяся в долину, густой темно-зеленый лес, окружающий город, – скопление толстых, древних елей на фоне золотых полей; но это была совсем не просто география, и Кларк, видимо, тоже это понимал. Все находилось в такой тонкой гармонии, например, церковные шпили – один к северу от ратуши, другой к югу. Кирпично-красное здание на востоке – это, конечно, школа, а вон то большое белое здание к западу от него, с башенкой, на верхушке которой виднелась спутниковая антенна, – ясное дело, мэрия. Домики выглядели до невозможности чистенькими и ухоженными, как на рекламе в довоенных журналах вроде «Сэтердей ивнинг пост» или «Американ меркьюри». «Из каких-то труб должен виться дымок», – подумала Мэри, и при ближайшем рассмотрении так и оказалось. Вдруг она вспомнила рассказ из «Марсианских хроник» Рея Брэдбери. Он назывался «Третья экспедиция», и в нем марсиане ловко замаскировали бойню под то, что всем казалось ожившими воспоминаниями детства.

– Разворачивайся, – резко сказала она. – Здесь достаточно места, если маневрировать осторожно.

Он медленно обернулся, но ее уже не волновало выражение его лица. Он уставился на нее, как на сумасшедшую:

– Дорогая, что ты…

– Мне это не нравится, вот и все. – Она чувствовала, как лицо у нее наливается кровью, но все равно стояла на своем. – Мне это напоминает страшный рассказ, который я читала в детстве. – Она помолчала. – А еще напоминает о домике-конфетке в сказка про Ганзеля и Гретель.

Он все еще сохранял это свое выражение «а я не верю», и она поняла, что он хочет спуститься вниз – продолжение того идиотского гормонального взрыва, которых охватил его утром на шоссе. Ему хотелось совершать открытия, Господи помилуй! И, конечно, хотелось купить сувенир. Например, майку с надписью вроде «Я БЫЛ В РОК-Н-РОЛЛ-РАЕ, И, ЗНАЕТЕ, ОНИ КЛАССНО ИГРАЮТ».

– Дорогая, – начал он нежным, вкрадчивым голосом, каким всегда убеждал ее вляпаться в очередную авантюру.

– Перестань. Хочешь сделать мне приятное – разворачивайся и возвращайся на шоссе N 58, если сделаешь это, вечером получишь вознаграждение, даже два раза, если захочешь.

Он глубоко вздохнул – руки на рулевом колесе, глаза устремлены прямо вперед. Наконец, не глядя на нее, произнес:

– Посмотри на ту сторону долины, Мэри. Видишь, там вверх вьется дорога.

– Да.

– Видишь, какая широкая? Гладкая? Прекрасно мощеная?

– Кларк, это вряд ли…

– Смотри! По-моему, там самый настоящий автобус. – Он указал на желтое пятнышко, движущееся по дороге в сторону города, отблескивая металлическим верхом на жарком солнце. – Вот мы и встретили еще одну машину в этой части света.

– И все-таки.

Он схватил карту, лежавшую на природной доске, и, когда обернулся к ней, Мэри с ужасом поняла, какая злость скрывается за этим веселым, льстивым голосом:

– Слушай, Мэри, и внимательно, чтобы потом не было вопросов. Может, я и могу развернуться здесь, а может, и нет – тут шире, но не настолько, чтобы быть уверенным. А грунт, по-моему, еще хлипкий.

– Кларк, пожалуйста, не кричи на меня. У меня голова болит.

Он сделал над собой усилие и понизил голос:

– Если я развернусь, до 58-го остается двадцать километров той гадости, по которой мы проехали…

– Двадцать километров – это немного. – Она пыталась быть твердой, хотя бы для самоутверждения, но чувствовала, что ее сопротивление слабеет. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла изменить. В нее закралось ужасное подозрение, что именно так мужчины всегда добиваются своего: не потому что они правы, а потому что безжалостны. Они спорят, словно играют в футбол, и, если поддаваться, твоя душа будет вся в синяках.

– Нет, двадцать километров – это немного, – продолжал он своим самым вкрадчивым «я стараюсь не задушить тебя, Мэри» голосом, – а как насчет по крайней мере сотни, которые нам придется тащиться через эти леса, если мы выберемся на 58-е?

– Ты так говоришь, будто мы опаздываем на поезд, Кларк!

– Просто это меня злит, вот и все. Ты только взглянула на маленький городок внизу и уже кричишь, что он тебе напоминает какую-то «Пятницу, 13-е число, часть XX или что-то в этом роде, и уже хочешь дать деру. А вон та дорога, – он указала на противоположный край долины, – ведет на юг. По этой дороге, наверно, максимум полчаса до Тотеки-Фоллс.

– То же самое ты говорил в Окридже, прежде чем мы отправились в Страну Волшебных Тайн.

Он опять всмотрелся в нее – рот у него будто свело судорогой, – а затем взялся за рычаг передач.

– К черту, – прорычал он. Разворачиваемся. Но если по пути встретится хоть одна машина, Мэри, всего одна, мы вернемся в Рок-н-Ролл-Рай. Итак… Второй раз она положила свою руку на его прежде, чем он выжал сцепление.

– Поезжай, – сказала она. – Ты, вероятно, прав, а я, вероятно, сглупила. Просто сглупила – ты поступаешь разумнее меня, я это признаю по крайней мере, и готова подчиниться, но все равно я здесь чувствую что-то не то. Так что ты должен меня простить, если я не буду

размахивать юбкой с лозунгом: «Вперед за Кларком».

– Господи! – ужаснулся он. На его лице все еще сохранялось неуверенное выражение, придававшее ему необычный – и довольно неприятный -мальчишеский вид. – Ты загрустила, да, лапочка?

– Думаю, что да, – ответила она в надежде, что он не заметит, как ей противно такое подлизывание. В конце концов, ей тридцать два, а ему сорок один. Она почувствовала себя староватой для того, чтобы быть чьей-то лапочкой, а его староватым для того, чтобы в лапочке нуждаться.

– Поезжай, – сказала она. – Ты, вероятно, прав, а я, вероятно, сглупила. Просто сглупила – ты поступаешь разумнее меня, я это признаю по крайней мере, и готова подчиниться, но все равно я здесь чувствую что-то не то. Так что ты должен меня простить, если я не буду размахивать юбкой с лозунгом: «Вперед за Кларком».

– Господи! – ужаснулся он. На его лице все еще сохранялось неуверенное выражение, придававшее ему необычный – и довольно неприятный -мальчишеский вид. – Ты загрустила, да, лапочка?

– Думаю, что да, – ответила она в надежде, что он не заметит, как ей противно такое подлизывание. В конце концов, ей тридцать два, а ему сорок один. Она почувствовала себя староватой для того, чтобы быть чьей-то лапочкой, а его староватым для того, чтобы в лапочке нуждаться.

Тогда озабоченное выражение исчезло с его лица, и он стал прежним Кларком, которого она любила и с которым надеялась прожить остаток дней своих.

– Ты бы классно выглядела, размахивая юбкой, – хмыкнул он, измеряя рукой длину ее бедра. – Просто здорово.

– Ты дурак, Кларк, – сказала она и улыбнулась как бы против собственной воли.

– Точно, мэм, – согласился он, выжимая сцепление. *** У городка не было никаких окраин, если не считать таковыми окружавшие его небольшие поля. После мрачной тропинки, зажатой между деревьями, они вдруг очутились среди высокой пшеницы, а мгновение спустя уже проезжали мимо чистеньких, аккуратных домиков.

В городке было тихо, но далеко не пустынно. Несколько машин лениво ползали взад-вперед по четырем-пяти пересекающимся улочкам, а по тротуарам шествовало немало пешеходов. Кларк поднял руку, приветствуя толстяка в расстегнутой до пупа рубашке, который одновременно поливал газон и пил пи во из банки. Толстяк с поросшей густыми волосами грудью наблюдал за их машиной, но руки в ответ не поднял.

Главная улица тоже навевала сравнение с картинками Нормана Рокуэлла – настолько сильное, что возникало чувство уже виденного однажды. Тротуары закрывала тень крепких, старых дубов, как и следовало ожидать. Не надо было быть большим провидцем, чтобы угадать, что единственное в городе питейное заведение называется «Росинка» и что над стойкой виднеются большие освещенные часы с рекламой пива «Будвайзер». Стоянки для машин были с пандусами; над парикмахерской «Острое лезвие» был вывешен красно-бело-синий флаг, а над аптекой, которая называлась «Ритм фармации», – ступка с пестиком. Зоомагазин (с объявлением «СИАМСКИЕ КОТЫ ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ») именовался «Белый кролик». Все верно

до омерзения. А правильнее всего – мэрия в центре городка. Там на протянутом над эстрадой канате висело объявление, которое Мэри смогла прочесть еще за сотню метров: «КОНЦЕРТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ».

Она вдруг сообразила, что знает этот город – видела его сто раз по ночному телевидению. При чем здесь Рей Брэдбери с его зловещими картинками Марса или сказочный домик с конфетками; это был тот самый Типичный Маленький Городок, в который то и дело попадают персонажи сериала «Сумеречная зона».

Она наклонилась к мужу и произнесла многозначительным шепотом:

– Мы сейчас не в мире зрения и слуха, а в мире целостного восприятия. Смотри! – Она повела рукой, не указывая ни на что конкретно, но женщина, стоявшая у автомобильного салона, заметила этот жест и недоверчиво взглянула на нее.

– Смотри на что? – переспросил он. В голосе его опять слышалось раздражение, на этот раз, как она догадалась, вызванное тем, что он прекрасно понимал, о чем речь.

– Вон знак впереди! Мы въезжаем…

– О, замолчи, Мэри, – сказал он, резко заворачивая на стоянку в стороне от Мейн-стрит.

– Кларк! – взвизгнула она. – Что ты делаешь?

Он указал сквозь окно на заведение с несколько нетипичным названием: «Ресторан Рок-энд-Буги».

– Я хочу пить. Зайду туда и возьму огромную фляжку пепси. Тебе не нужно туда идти. Сиди здесь. Запри все двери, если хочешь.

– Кларк, пожалуйста, не ходи.

Он взглянул на нее так, что она пожалела о своем сравнении с «Сумеречной зоной: – не потому, что ошиблась, потому, что была права. Он на самом деле остановился не потомку, что хотел пить; он остановился потому, что этот странный городишко пугал и его. Насколько сильно, она не знала, но была уверена, что он не собирался туда идти, пока не уверил себя, что ни капельки не боится.

– Я только на минутку. Может, тебе пива принести?

Она расстегнула ремень безопасности.

– Вот чего я не хочу, так это оставаться одной.

Он одарил ее снисходительным взглядом – мол, так и знал, что ты тоже пойдешь.

– А еще я хочу дать тебе по заднице за то, что ты втянул нас в это дело, – закончила она, с удовольствием наблюдая, как снисходительность на его лице сменяется уязвленным удивлением. Обернувшись, она увидела двоих длинноволосых юнцов, стоявших на другой стороне улицы. Они пили пиво и рассматривали чужаков. Один из них был в помятом цилиндре. Подвешенная к нему на ленточке пластиковая гвоздика раскачивалась на ветру. Руки его приятеля были испещрены выцветшей татуировкой. Мэри они показались парнями того типа, которые сидят третий год в десятом классе, чтобы иметь побольше времени

Topreading.ru

поразмыслить над тем, что лучше: торговать наркотиками или насиловать.

Как ни странно, их лица тоже показались ей знакомыми.

Они заметили ее взгляд. Тот, что в цилиндре, торжественно поднял руку и растопырил пальцы. Мэри испуганно отвела глаза и повернулась к Кларку:

– Давай напьемся и смотаемся отсюда.

– Конечно, – ответил он. – И не надо кричать на меня, Мэри. То есть я был прав и…

– Кларк, видишь двух парней на той стороне?

– Каких двух парней?

Когда она оглянулась. Тот, что в цилиндре, и Татуированный исчезли в дверях парикмахерской. Татуированный оглянулся через плечо и, хотя Мэри не была вполне в том уверена, подмигнул ей.

– Вот заходят в парикмахерскую. Видишь?

Кларк посмотрел в ту сторону, но увидел только, как закрылась дверь и от нее пошли солнечные зайчики.

– Вот заходят в парикмахерскую. Видишь?

Кларк посмотрел в ту сторону, но увидел только, как закрылась дверь и от нее пошли солнечные зайчики.

– В чем дело?

– Они мне показались знакомыми.

– Да ну?

– Ага. Но мне как-то трудно поверить, чтобы кто-то из моих знакомых переехал в Рок-н-Ролл-Рай, штат Орегон, и занял престижные, высокооплачиваемые должности уличных хулиганов.

Кларк рассмеялся и взял ее под руку.

– Пошли, – сказал он, и они направились в ресторан «Рок-энд-Буги».

Ресторан далеко не соответствовал страхам Мэри. Она ожидала увидеть какую-нибудь убогую забегаловку, вроде жалкой (и довольно грязной) столовки в Окридже, где они завтракали. Вошли же они в залитый солнечным светом, уютный небольшой зал в духе пятидесятых годов: стены выложены голубым кафелем, хромированные подносы, чистенькая дубовая дверь; под потолком лениво вращались деревянные лопасти вентиляторов. Две официантки в голубых ацетатных передниках, которые показались Мэри срисованными из тогдашних журналов, стояли в отделанном нержавеющей сталью проходе между залом и кухней. Одна была молодая – не больше двадцати, но явно потрепанного вида. Другая, невысокая женщина с копной завитых рыжих волос, обдала Мэри таким уничтожающим взглядом, что той стало не по себе… и вот еще что было в ней: уже второй раз за пару минут Мэри ощутила странную уверенность, что знает кое-кого в этом городе.

При их появлении зазвенел звонок над дверью. Официантки переглянулись.

– Привет, – сказала младшая. – Добро пожаловать.

– Не-а, пуская чуток подождут, – отрезала рыжая. – Мы ужасно заняты, не видите, что ли? – Она обвела руками зал, пустой, настолько может быть пуст зал ресторана в крохотном городке в перерыве между ленчем и обедом, и громко расхохоталась собственному остроумию, как и голос, смех у нее был низкий, надтреснутый и в понимании Мэри прочно связывался с виски и сигаретами. «Но мне же знаком этот голос, – подумала она. – Могу поклясться».

Она обернулась к Кларку и увидела, что он уставился на официанток, возобновивших болтовню между собой, словно зачарованный. Ей пришлось дернуть его за рукав, чтобы привлечь его внимание, и еще раз дернуть, когда он было направился к столам, теснившимся в левой половине зала. Она хотела, чтобы они сели у стойки. Она хотела, чтобы они выпили по стакану содовой и побыстрей убрались отсюда.

– В чем дело? – прошептала она.

– Ни в чем, – ответил он. – Догадываюсь.

– Ты что, язык проглотил?

– На какое-то время – да, – сказал он и, не успела она потребовать объяснений, направился к музыкальному автомату.

Мэри села у стойки.

– Сейчас займусь вами, мэм, – сказала молодая официантка и наклонилась, чтобы расслышать то, о чем ей говорила товарка с пропитым голосом. Присмотревшись, Мэри поняла, что на самом деле ей абсолютно неинтересно, что та ей говорит:

– Мэри, какой колоссальный автомат! – с восхищением воскликнул Кларк. – Тут все вещи пятидесятых! «Лунный свет»… «Сатиновая пятерка»… «Шеп» и «Липовый свет»… Лаверн Бейкер! Господи, Лаверн Бейкер поет «Твидл-ди»! Я этого с детства не слышал!

– Мэри, какой колоссальный автомат! – с восхищением воскликнул Кларк. – Тут все вещи пятидесятых! «Лунный свет»… «Сатиновая пятерка»… «Шеп» и «Липовый свет»… Лаверн Бейкер! Господи, Лаверн Бейкер поет «Твидл-ди»! Я этого с детства не слышал!

– Побереги денежки. Мы зашли только напиться, помнишь?

– Да, да.

Он последний раз взгляну на радиолу, раздраженно вздохну и уселся рядом с ней у стойки. Мэри вытянула меню из зажима между перечницей и солонкой, стараясь не замечать, как он нахмурился и выпятил губу. «Смотри, – говори он, не раскрывая рта (этому, как она открыла: можно научиться в длительном браке). – Я прорывался через пустыню, пока ты спала, убил бизона, сражался с индейцами, доставил тебя в целости и сохранности в этот маленький оазис, а что я получу в благодарность? Ты мне даже не разрешаешь послушать „Твидди“ из автомата!»

«Ничего, – подумала она. – Мы скоро уйдем, так что ничего страшного». Хороший совет. Она

последовала ему, углубившись в меню. Оно соответствовало ацетатным передникам, неоновым часам, радиоле и общему убранству (которое с некоторой натяжкой можно было бы охарактеризовать как рибоп середины века). Пончики, естественно, назывались «Гончие». Чизбургер был не просто чизбургером, а «Чабби Чеккер», а двойной чузбургер -«Большой боппер». Фирменным блюдом была пицца с начинкой: меню обещало «Там все, кроме Сэма Кука!»

– Класс, – сказала она. – Ла-ба-ду-ба-да!

– Что? – переспроси Кларк, но она покачала головой.

Подошла молодая официантка, доставая блокнот из ацетатного кормашка. Она одарила их улыбкой – вымученной, как показалось Мэри; женщина выглядела усталой и нездоровой. На верхней губе у нее было засохшее пятно от лихорадки, а слегка налитые кровью глаза беспрерывно бегали. Они останавливались, казалось, на всем, кроме клиентов.

– Что вам?

Кларк взял меню у Мэри. Она отобрала его назад и произнесла:

– Большую «пепси» и большое имбирное пиво. И пожалуйста, побыстрее.

– Вы обязательно должны попробовать вишневый пирог! – хриплым голосом вскричала рыжая. Молодая официантка вздрогнула при звуке этого голоса. -Рик только что испек! Вы почувствуете, что умерли и вознеслись на небо! -Она с ухмылкой подбоченилась. – Но вы и так в Раю, ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

– Спасибо, – сказала Мэри, – но мы действительно спешим и…

– Конечно, а почему бы и нет? – раздумчиво произнес Кларк. – Два кусочка вишневого пирога.

Мэри лягнула его в лодыжку – больно, – но он, – казалось, не заметил этого. Он снова уставился на рыжую официантку, до боли стиснув зубы. Рыжая, несомненно, заметила это, но не подала виду. Она лениво взбила одной рукой свои немыслимые волосы.

– Две бутылки с собой, два пирога здесь, – повторила молодая официантка. Она опять нервно улыбнулась им, пока ее глаза изучали обручальное кольцо Мэри, сахарницу, вентилятор под потолком. – Пирог вам прямо сюда? – Она нагнулась и положила на стойку две салфетки и две вилки. – В-вы… – начал Кларк, но Мэри твердо и быстро перебила его:

– Нет.

Хромированный поднос находился на дальнем конце стойки. Как только официантка направилась туда, Мэри прошипела:

– Зачем ты это делаешь, Кларк? Ты же знаешь, я хочу поскорее убраться отсюда!

– Эта официантка. Рыжая. Это же…

– Да перестань глазеть на нее! – злобно прошептала Мэри. – Ты как пацан, заглядывающий девочкам под юбки!

Он отвел взгляд… но с немалым усилием.

– Это же вылитая Джанис Джоплин, или я сумасшедший!

Пораженная, Мэри сова посмотрела на официантку. Та слегка повернулась в профиль, разговаривая с поваром на кухне, но Мэри видны были две трети ее лица, и этого оказалось достаточно. У нее как будто щелкнуло в голове, и лицо рыжей совместилось с лицом на пластинках, которые у нее хранились до сих пор. Это были пластинки в виниловых конвертах, выпущенные в том году, когда еще ни у кого не было переносных магнитофонов «сони», а компакт-диски воспринимались как чистая фантастика; пластинки, которые теперь уложены в картонный ящик из-под виски и пылятся где-то в углу чердака; пластинки с такими названиями, как «Большой брат и акционерная компания», «Дешевая дрожь» и «Жемчужина». И лицо Джанис Джопин – доброе, некрасивое лицо, которое очень быстро сделалось старым, огрубевшим и измученным. Кларк прав: лицо этой женщины – точная копия лица на тех старых пластинках.

Но было не только лицо: и Мэри ощутила, как в ее душу заползает ужас и сердце колотится в предчувствии опасности.

Был еще голос.

В памяти у нее всплыл леденящий душу, взмывающий вверх звук – почти вой – в начале песни «Кусочек моего сердца». Она наложила этот мрачный, пропитой выкрик на голос рыжей официантки, от которого несло виски и «Мальборо», как только что накладывала друг на друга лица, и поняла, что если официантка запоет эту песню, она запоет ее голосом умершей знаменитости из Техаса.

«Потому что она и есть умершая знаменитость из Техаса. Поздравляю, Мэри, тебе пришлось ждать до тридцати двух лет, но ты своего добилась -увидела наконец свое первое привидение».

Она попробовала спорить с собой, пыталась убедить себя, что совпадение разных факторов, среди которых не последнее место занимал стресс от того, что они заблудились, заставило ее придавать слишком большое значение случайному сходству, но все эти рациональные соображения не могли состязаться с уверенностью, засевшей глубоко внутри: она видит призрак.

В ее теле происходили какие-то странные глубинные изменения. Биение сердца достигло уже галопа, и оно готово было взорваться, как марафонец на олимпийской жаре. От прилива адреналина мышцы живота напряглись, а в диафрагме сделалось тепло, как после глотка виски. Подмышки и виски увлажнились потом. Самым удивительным был свет, заливавший все – неон на циферблате часов, отделанный нержавеющей сталью проход на кухню, вращающиеся круги на лицевой панели музыкального автомата – так, что все казалось и призрачным и в то же время чересчур реальным. До нее доносилось жужжание вентилятора, рассекавшего лопастями воздух, слабый ритмичный звук, будто кто-то выбивал шелковую занавеску, запах мяса, жарящегося на невидимом вертеле в соседнем помещении. И в то же время было ощущение, что она вот-вот свалится с вертящегося стула на пол в глубоком обмороке. «Возьми себя в руки, женщина! – строго приказала она себе. – У тебе приступ страха, вот и все, – никаких призраков, никаких гоблинов, никаких демонов. Просто старомодный приступ всеохватывающего ужаса, такое с тобой и раньше случалось перед экзаменами, в первый день работы в школе и когда ты первый раз выступала на родительском собрании. Ты знаешь, что это такое, и можешь с ним справиться. Никто тут не собирается падать в обморок, так что возьми себя в руки, слышишь?»

Она изо всех сил сжала пальцы на ногах, сосредоточившись на этом ощущении, пытаясь тем

самым вернуться в реальным мир, подальше от ослепительного порога, за которым маячила потеря сознания.

«Дорогая, – голос Кларка откуда-то издалека, – с тобой все в порядке?»

– Да, конечно. – Ее собственный голос тоже слышался из далекой дали… но все равно, понимала она, ближе, чем если бы она попыталась заговорить еще пятнадцать секунд назад. Все еще сжимая пальцы ног, она взяла оставленную официанткой салфетку, чтобы рассмотреть ткань, – еще один способ вернуться в мир и справиться с панически, иррациональным (действительно иррациональным, правда же? – ясное дело!) чувством, которое с такой силой охватило ее. Она поднесла салфетку к лицу, чтобы вытереть пот, и увидела, что на обороте что-то написано прыгающим карандашом, который рвал бумагу в клочья. Мэри прочла написанное большими печатными буквами:

«УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА, ПОКА ЕЩЕ МОЖЕТЕ».

– Мэри, что это?

Официантка с лихорадкой на губе и бегающими, испуганными глазами возвращалась с пирогом. Мэри уронила салфетку на колени.

– Ничего, – спокойно произнесла она. Когда официантка расставляла тарелки, Мэри заставила себя заглянуть девушке в глаза.

– Спасибо, – сказала она.

– Не за что, – пробормотала та, лишь на краткий миг встретившись глазами Мэри, после чего снова бесцельно заскользила взглядом по залу.

– Решила все-таки попробовать пирог, я вижу, – говорил ее муж своим доводящим до бешенства тоном – мол, де, Кларку лучше знать. «Женщины! -возглашал этот тон. – Господи, они же ничто. Их мало подвести к колодцу -надо еще ткнуть носом, чтобы они начали пить. Такая работа. Трудно быть мужчиной, но я стараюсь изо всех сил.

– С виду ничего, – произнесла она, удивляясь своему ровному тону. Она широко улыбнулась ему, уверенная, что рыжая, похожая как две капли воды на Джанис Джоплин, бдительно следит за ними.

– Не могу успокоиться, как она похожа… – начал Кларк, но на этот раз Мэри пнула его в лодыжку как следует, без дураков. Он обиженно зашипел, глаза расширились, но прежде чем он раскрыл рот, она сунула ему в руку салфетку с нацарапанным призывом.

Он нагнулся. Взглянул туда. Она поймала себя на том, что молится, самым настоящим образом молится – впервые, наверное, за двадцать лет. «Прошу тебя, Господи, сделай так, чтобы он понял, что это не шутка.

Заставь его понять, что эта женщина не просто похожа на Джанис Джопин -это и есть Джанис Джоплин, и я ужасно себя чувствую в этом городе, действительно ужасно».

Он поднял голову, и сердце у нее упало. На лице присутствовали растерянность и раздражение, но и только. Он раскрыл рот, собираясь заговорить… и раскрыл его так широко, словно кто-то убрал штифты, скреплявшие челюсти.

Мэри тоже повернулась в ту сторону. Повар в белоснежном халате и бумажной пилотке набекрень вышел из кухни и прислонился к кафельной стене, сложив руки на груди. Он разговаривал с рыжей, а молодая официантка наблюдала за ними со смесью ужаса и усталости.

«Если поскорее не уйти отсюда, останется только усталость, – подумала Мэри. – Или апатия».

Повар был немыслимым красавцем – таким, что Мэри даже не могла определить его возраст. Где-то от тридцати до сорока пяти, но точнее не могла. Он взглянул на них широко расставленными голубыми глазами в обрамлении роскошных густых ресниц, слегка улыбнулся и опять повернулся к рыжей. Он сказал что-то, вызвавшее у той короткий квакающий смешок.

– Господи, это де Рик Нельсон, – прошептал Кларк. – Не может быть, немыслимо, он же погиб в авиакатастрофе шесть или семь лет назад, но это так!

Мэри собиралась было возразить, что он ошибается, что это просто смешно, хотя сама никак не могла поверить, что рыжая официантка – это давно умершая блюзовая певица Джанис Джоплин. Не успела она открыть рот, как снова послышался щелчок – тот самый, знаменовавший переход туманного сходства в однозначное узнавание. Кларк первым назвал имя, потому что он был на девять лет старшее ее, он слушал радио и смотрел «Американские оркестры» по телевидению еще в те времена, когда Рик Нельсон был просто Рикки Нельсоном, и такие песни, как «Бибоп бэби»: и «Одинокий город», были гвоздями сезона, а не пыльным старьем, которое немногие специализированные радиостанции время от времени прокручивают для седеющих детей послевоенного поколения. Кларк первым увидел это и, когда показал ей, она уже не могла сопротивляться очевидному.

Как сказала рыжеволосая официантка? «Вы обязательно должны попробовать вишневый пирог! Рик только что испек!»

Там, в нескольких метрах от них, жертва смертельной авиакатастрофы рассказывали анекдот – похабный, судя по выражению их лиц, – жертве злоупотребления наркотиками.

Рыжая откинула голову и разразилась своим будто ржавым смехом. Повар ухмылялся, у него появились приятные ямочки на полных щеках. А молодая официантка, та, что с лихорадкой на губе и с перепуганными глазами, смотрела на Кларка и Мэри, как бы спрашивая: «Вы на это смотрите? Вы это видите?»

Кларк все еще таращил глаза на повара и официантку с тревожным выражением изумленного узнавания; лицо у него вытянулось, словно в комнате смеха.

«Они это увидят, если уже не заметили, – думала Мэри, – и мы потерям всякий шанс выбраться из этого кошмара. Думаю, тебе пора принимать командование, детка, и побыстрее. Вопрос только: что ты собираешься делать?»

Она потянулась к его руке, обираясь сдавить ее, потом решила, что этим не закрыть его отвисшую челюсть. Вместо этого она ущипнула его за мошонку… изо всех сил. Кларк дернулся и так резко повернулся к ней, что она чуть не свалилась со стула.

– Я забыла бумажник в машине, – сказала она. Голос казался ей самой слишком тонким и

слишком громким. – Сходи за ним, пожалуйста, Кларк.

Она пристально смотрела ему в глаза, растянув губы в улыбке. Где-то она читала – в каком-то паршивом женском журнальчике в парикмахерской, -что, если живешь с одним и тем же мужчиной десять или двадцать лет, между вами устанавливается какое-то подобие телепатической связи. Такая связь, утверждалось в статье, может оказаться очень кстати, когда ваш дражайший вздумает привести босса домой, предварительно не позвонив, и вы захотите послать его в винный магазин за бутылочкой «Амаретто» или в универсам за сливками. Теперь она пыталась – всю себя вкладывая в это – передать ему нечто гораздо более важное.

«Иди, Кларк. Пожалуйста, иди. Даю тебе десять секунд, потом беги. И если ты не окажешься за рулем со вставленным ключом зажигания, я чувствую, нам тут придется очень хреново».

И в то же время другая, глубоко скрытая Мэри с робкой надеждой вопрошала: «Это все ведь сон, да? По-моему…»

Кларк внимательно вглядывался в нее глазами, увлажнившимися от боли, которую она ему причинила… но хотя бы не жаловался на это. Он мельком посмотрел на рыжеволосую и повара, увидел, что они поглощены разговором (теперь, похоже, она рассказывает анекдот), затем повернулся к ней.

– Наверно, упал под сиденье, – говорили она этим слишком тонким, слишком громким голосом, не давая ему вставить слово. – Знаешь, красный.

После недолгого молчания – ей оно показалось бесконечным – Кларк слегка кивнул.

– Ладно, – сказал он, и она мысленно благословила его за почти небрежный тон, – но посмотри, не трогая мой пирог, пока меня нет.

– Возвращайся, пока я не успела справиться со своим, и все будет в порядке, – сказала она и положила в рот кусочек пирога. Он оказался абсолютно безвкусным, но она улыбалась. Улыбалась, как «мисс Нью-Йорк -королева яблок», каковой она когда-то была.

Кларк начал отодвигать стул, и тут откуда-то донеслись усиленные аппаратурой гитарные переборы – не аккорды, а просто треньканье. Кларк рванулся, и Мэри схватила его за руку, чтобы удержать. Сердце у нее, уже было успокоившееся, понеслось тем же отвратительным галопом.

Рыжеволосая, и повар, и даже молоденькая официантка – к счастью, ни на какую знаменитость не похожая, – лениво выглянули в витринное окно ресторана «Рок-энд-Буги».

– Не увлекайся, дорогой, – сказала рыжая. – Они просто настраиваются к вечернему концерту.

– Верно, – подтвердил повар. Он обратил на Мэри взгляд своих васильковых глаз. – У нас тут в городе почти каждый вечер концерт.

«Да, – подумала Мэри. – Конечно. Разумеется».

Со стороны мэрии докатился голос, одновременно бесцветный и божественный, и такой громкий, что зазвенели стекла. Мэри, которая в свое время перебывала на многих рок-концертах, сразу определила, что происходит: усталые долгогривые подсобники носятся по сцене перед тем, как погаснет свет, с ловким изяществом пробираясь сквозь джунгли

усилителей и микрофонов, то и дело становясь на колени, чтобы соединить силовые кабели. – Проверка! – заорал тот же голос. – Проверка – раз, проверка – раз, проверка – раз!

Опять перебор гитар, еще не совсем аккорд, но ближе к нему. Потом барабанная дробь. Быстрый рифф на трубе – отрывок из темы «Мгновенная карма» – в сопровождении легкого громыхания бонг. «СЕГОДНЯ КОНЦЕРТ» – было написано на лозунге, протянутом вдоль здания мэрии в духе Нормана Рокуэлла, а Мэри, выросшая в Элмайре, штат Нью-Йорк, с детства навидалась концертов на открытых площадках. Те концерты действительно были в стиле Нормана Рокуэлла: оркестр, одетый в форму добровольной пожарной охраны, потому что настоящая музыкантская форма была им не по карману), исполнял на ходу марши Соуза, слегка фальшивя, а местный «парикмахерский квартет» импровизировал на темы «Шенандоа»: и «У меня девушка из Каламазу».

Она предположила, что концерты в Рок-н-Ролл-Рае мало похожи на эти детские представления, когда она с друзьями, зажигая бенгальские огни, бегала по улицам в сгущающихся сумерках.

– Пойду за твоим бумажником, – сказал он. – Ешь пирог.

– Спасибо, Кларк. – Она откусила еще кусочек безвкусного пирога и посмотрела, как он направляется к двери. Он шевствовал нарочито медленно, что при ее лихорадочном состоянии казалось глупым и даже отталкивающим. «Я понятия не имею, что нахожусь в одном помещении с парочкой знаменитых трупов, – казалось, говорила легкая, небрежная походка Кларка. – С чего бы мне волноваться?»

Ей подумалось, что здешние концерты на открытом воздухе больше напоминают Гойю, чем Рокуэлла.

«Поторопись! – захотелось крикнуть ей. – Забудь, что ты идешь по канату и мотай быстрее!»

В тот момент, когда Кларк взялся за ручку, зазвонил звонок, и дверь открылась, впуская еще двоих мертвых техасцев. Тот, что в темных очках, был Рой Орбисон. Тот, что в пенсне, – Бадди Холли.

«Свинопасы из Техаса», – перепугано подумала Мэри, ожидая, что они сейчас схватят ее мужа и уволокут куда-то.

– Извиняюсь, эр, – вежливо произнес тот, что в темных очках, и вместо того, чтобы хватать Кларка, отступил в сторону.

Кларк молча кивнул – говорить он, естественно, не мог, как поняла Мэри, – и вышел на улицу, «оставив ее здесь одну с мертвяками». Из этой мысли естественно вытекала следующая, еще более ужасная: «Кларк уедет сам, без нее. Вдруг она поверила, что так и будет. Не потому, что он так хочет, и не потому, что трус, – в такой ситуации нельзя говорить о смелости или трусости, и она полагала, что единственная причина, почему они не свалились в обмороке на пол, бессвязно лепеча и пуская слюну, не в том, что все происходило так быстро, а в том, что он просто не смог бы сделать ничего другого. То пресмыкающееся, притаившееся на самом донышке мозга, что отвечает за самосохранение, просто выползло бы из темноты своей норки и приняло бы командование на себя.

«Тебе пора уматывать отсюда, Мэри,» – сказал внутренний голос, принадлежавший ее собственному пресмыкающемуся, и тон этого голоса напугал ее. Он был разумнее, чем ему полагалось в такой ситуации, но ей показалось, что разумная сдержанность в любой момент

может уступить место воплям безумия.

Мэри сняла ногу с выступа под стойкой и опустили ее на пол, стараясь подготовить себя к бегству, но не успела она собраться с мыслями, как узкая рука опустилась ей на плечо и она увидела перед собой добродушное, улыбающееся лицо Бадди Холли.

Он умер в 1959 году, как ей запомнилось из фильма, в котором его играл Гэри Бьюзи. С тех пор прошло больше тридцати лет, однако Бадди Холли все еще походил на двадцатитрехлетнего недотепу, которому на вид можно дать и семнадцать; зрачки у него будто плавали за стеклами очков, а кадык подпрыгивал вверх-вниз, как обезьянка на палочке. На нем был уродливый клетчатый пиджак и галстук-тесемочка. На галстуке был зажим в виде огромной хромированной велосипедной вилки. Лицо и вкус неотесанного лоха, скажете вы, но в уголках рта скрывалось нечто слишком мудрое, даже заумное, а когда он крепко сжал ее плечо, она почувствовала плотные мозоли на подушечках пальцев – от гитары.

– Привет, чувишка, – сказал он; изо рта у него разило чесноком. Вдоль левого стекла очков зигзагом извивалась тоненькая, как волосок, трещинка. – Я тебя здесь раньше не видал.

Невероятно, но она продолжала подносить ко рту очередной кусочек пирога, хотя прежний вывалился обратно на тарелку. Более того, она ответила слабой вежливой улыбкой.

– Нет, – сказала она. Она интуитивно чувствовала, что нельзя дать понять этому человеку, что узнала его; тогда исчезнет даже ничтожный шанс, что им с Кларком удастся вырваться. – Мы с мужем просто… ну, проездом тут.

«А может, Кларк уже едет, отчаянно стараясь на превысить разрешенную скорость, вытирая пот с лица и то и дело переводя взгляд с зеркала на ветровое стекло и обратно? Неужели?»

Человек в клетчатом спортивном пиджаке ухмыльнулся, обнажая слишком большие и слишком острые зубы.

– Ага, я хорошо знаю, как это, – услышал свисток, а теперь собираетесь ловить кайф. Так, что ли?

– По-моему, это был свисток, – строго произнесла Мэри, отчего вновь вошедшие удивленно переглянулись, а потом громко расхохотались. Молодая официантка переводила с одного на другого взгляд испуганных, налитых кровью глаз.

– Не слабо, – заметил Бадди Холли. – Однако тебе с супругом стоило бы покантоваться тут. Хотя бы остаться на сегодняшний концерт. Тут у нас классное шоу, я тебе скажу. – Мэри вдруг сообразила, что глаз за треснувшим стеклом наполнен кровью. Когда Холли ухмыльнулся шире, скосив глаза, алая капелька вытекла у него из-под века и покатилась по щеке, словно слеза. – Точно, Рой?

– Да, мэм, – подтвердил тот, что в темных очках. – Пока не увидите, не поверите.

– Я верю, что это так, – тихо произнесла Мэри. Да, Кларк уехал. Теперь она была в этом уверена. Нашпигованный Гормонами Храбрец смылся, как заяц, и она полагала, что вскоре перепуганная девушка с лихорадкой на губе отведет ее в подсобку, где ее уже ожидают ацетатный передник с блокнотом для заказов.

– Об этом стоит написать домой, – гордо продолжал Холли. – Я имею в виду рассказать. – Капля крови скатилась с его лица и упала на сиденье, которое только что оставил Кларк. – Оставайся.

Будешь довольна. – Он посмотрел на приятеля, ожидая поддержки.

Человек в темных очках стоял рядом с поваром и официантками; он обнял рыжую за талию, а та положила свою руку поверх его и улыбалась. Мэри заметила, что ногти коротких, некрасивых пальцев этой женщины обгрызена до краев. У Роя Орбисона в вырезе рубашки красовался мальтийский крест. Он кивнул и тоже расплылся в улыбке:

– С удовольствием примем вас, мэм, и не только на сегодня, -расслабься и отдохни, как говорили у нас дома.

– Я спрошу мужа, – услышала она собственные слова, а про себя добавила: «Если, конечно, увижу его».

– Давай, дорогуша! – ободряюще сказал Холли. – Это будет в самый раз! – Затем, как ни странно, он напоследок еще раз сжал ей плечо и отошел в сторону, освободив ей путь к двери. Еще более странно – она как будто видела характерные радиатор и звезду «Мерседеса» за окном.

Бадди направился к своему приятелю Рою, подмигнул ему (вытекла еще одна кровавая слеза), потом подошел сзади к Джанис и ущипнул ее. Она возмущенно вскрикнула, при этом у нее изо рта полезли черви. В основном они попадали на пол, но некоторые застряли на нижней губе, непристойно подергиваясь.

Молодая официантка отвернулась с гримасой мрачного отвращения, заслонив лицо рукой. А для Мэри Уиллингем, которая вдруг сообразила, в какие страшные игры с ней играют, бегство из замысла превратилось в настоятельную необходимость. Она вскочила со стула и ринулась к двери.

– Эй! – завопила рыжая. – Эй, ты не заплатила за пирог! И за пепси тоже! Здесь тебе не благотворительная столовая, сука! Рик! Бадди! Держите ее!

Мэри ухватилась за дверную ручку, но она выскользнула у нее из пальцев. Сзади послышался топот ног. Она снова взялась за ручку, на этот раз сумела ее повернуть и так сильно распахнула дверь, что звонок сорвался. Узкая рука с твердыми мозолями на подушечках пальцев схватили ее за локоть. Теперь пальцы не просто давили, а впивались в кожу; она почувствовала, что нервы у нее на пределе – сначала боль тонкой струйкой разошлась от локтя вплоть до левой стороны челюсти, а потом рука онемела. Она ткнула правым кулаком, словно крокетным молотком, в то, что показалось ей тонкой тазовой костью над пахом. Раздался сдавленный вопль -значит, они чувствуют боль, мертвяки они там или нет, и хватка вокруг ее руки ослабла. Мэри рванулась и проскочила в дверь; волосы на ее голове встали дыбом, будто густая солнечная корона безысходного ужаса.

Глаза ее остановились на «Мерседесе», все еще стоявшем на улице. Она благословляла Кларка за то, что он остался. И, видимо, полностью уловил ее передачу; он сидел за рулем, а не рылся под сиденьем в поисках бумажника, и вставил ключ в замок зажигания «Принцессы» как раз в тот момент, когда она выскочила из ресторана «Рок-энд-Буги».

Парень в цилиндре с цветочком и его татуированный приятель снова стояли возле парикмахерской и бесстрастно наблюдали, как Мэри открывает правую дверь. Кажется, она узнала того, что в цилиндре: у нее были три пластинки группы «Линирд Скинирд», и она была почти уверена, что это Ронни Ван Зант. И сразу же поняла, как такой второй, с татуировкой: Дуэйн Олмен, мотоцикл которого врезался в тракторный прицеп двадцать лет назад. Он что-то достал из кармана джинсов и надкусил. Мэри нисколько не удивилась, сообразив, что это

персик.

Рик Нельсон выскочил из ресторана, за ним появился Бадди Хролли, у которого теперь вся левая половина лица была залита кровью.

– Садись! – заорал Кларк. – Садись в чертову машину, Мэри!

Она плюхнулась на пассажирское сиденье, а Кларк повернул ключ, прежде чем она успела захлопнуть дверь. Задние шины «Принцессы» взвизгнули, подняв облачка сизого дыма. Мэри швырнуло вперед, когда Кларк изо всей силы рванул тормоз – головой прямо о приборную доску. Она потянулась к открытой двери, пока Кларк с отчаянной руганью переводил рычаг передачи обратно на ход.

Рик Нельсон бросился на серый капот «Принцессы». Глаза у него блестели. Наглая ухмылка обнажила неровные белые зубы. Поварской колпак слетел с него, и темные волосы космами торчали над висками.

– Вы поедете на концерт! – орал он.

– Пошел вон! – крикнул ему Кларк. Он выжал сцепление и надавил акселератор. Обычно спокойный дизельный двигатель «Принцесс» глухо взревел, и она рванулась вперед. Призрак продолжал цепляться за капот, глядя на них со злобной ухмылкой.

– Застегни ремень! – рявкнул Кларк Мэри, когда она уселась.

Она схватила пряжку и вставила ее в паз, с восхищенным ужасом наблюдая, как существо на капоте протягивает левую руку и хватается за дворник перед ней. Оно поползло вверх. Дворник оторвался. Тварь посмотрела на него, отшвырнула и потянулась к дворнику водительской стороны. Прежде чем она схватила второй дворнику, Кларк снова надавил на тормоза, теперь уже обеими ногами. Замок ремня Мэри щелкнул, больно впиваясь ей под грудь. Возникло ужасное ощущение давления изнутри, будто чья-то безжалостная рука вталкивает все ее кишки в воронку горла. Призрак на капоте слетел и упал на асфальт. Мэри услышала тихий хруст, и кровь забрызгала всю мостовую вокруг головы.

Она оглянулась и увидела, как остальные бегут к машине. Их возглавляла Джанис с перекошенным от ненависти и возбуждения лицом. Впереди машины она увидели поднявшегося с легкостью мягкой куклы повара. На его лице по-прежнему расплывалась широченная ухмылка.

– Кларк, они догоняют! – вскрикнула Мэри.

Он глянул в зеркало заднего вида и снова нажал на акселератор. «Принцесса» рванулась вперед. Мэри успела заметить, как сидящий на мостовой прикрыл рукой лицо, и искренне желала, чтобы это было все, что она увидела, но она рассмотрела и кое-что похуже – под рукой пряталась все та же ухмылка.

Она оглянулась и увидела, как остальные бегут к машине. Их возглавляла Джанис с перекошенным от ненависти и возбуждения лицом. Впереди машины она увидели поднявшегося с легкостью мягкой куклы повара. На его лице по-прежнему расплывалась широченная ухмылка.

– Кларк, они догоняют! – вскрикнула Мэри.

Он глянул в зеркало заднего вида и снова нажал на акселератор. «Принцесса» рванулась вперед. Мэри успела заметить, как сидящий на мостовой прикрыл рукой лицо, и искренне желала, чтобы это было все, что она увидела, но она рассмотрела и кое-что похуже – под рукой пряталась все та же ухмылка.

Потом две тонны лучшей немецкой техники проехались по нему. Послышались какие-то лопающиеся звуки, будто дети играли с воздушными шариками. Она обхватила голову руками – слишком поздно, слишком поздно – и зарыдала.

– Не волнуйся, – сказал Кларк. Он мрачно смотрел в зеркало заднего вида. – Вряд ли мы ему сильно навредили – он уже встает.

– Что?!

– Не считая следа шины на рубашке, он… – Вдруг он замолчал и посмотрел на нее. – Кто тебя ударил, Мэри?

– Что такое?

– У тебя рот в крови. Кто тебя ударил?

Она потрогала пальцем уголок рта, с удивлением рассматривая красную слизь, потом попробовала ее.

– Это не кровь – пирог, – сказала она и издала отчаянный, надтреснутый смешок. – Давай убираться отсюда, Кларк, пожалуйста.

– Да уж, – сказал он и снова посмотрел на Мейн-стрит, которая была широка и – пока, во всяком случае, – пуста. Мэри заметила, что, несмотря на усилители и гитары в мэрии, линий электропередачи нигде не было видно. Она понятия не имела, откуда Рок-н-Ролл-Рай получает энергию (хотя… какие-то понятия возникали), но, во всяком случае, не от Энергетической компании Центрального Орегона.

«Принцесс» набирала скорость, как все дизельные машины, – не быстро, но неумолимо, оставляя за собой густой бурый выхлоп. Мэри успела заметить универмаг, книжный магазин и магазин детских вещей под названием «Колыбельная рок-н-ролла». Молодой парень с кудрями до плеч стоял у биллиардной, скрестив руки на груди и упираясь сапогом из змеиной кожи в белый кирпич. Это красивое, капризное надутое лицо Мэри узнала сразу. Кларк тоже.

– Это сам Лизард Кинг, – произнес он сухим, бесстрастным тоном.

– Я знаю. Я видела.

Да – она видела, но появлявшиеся образы, словно пересохшая бумага, мгновенно сгорали под безжалостным, сфокусированным светом, который зажегся внутри нее; страх, который она испытывала, как бы превратил ее в увеличительное стекло, и она понимала, что, если им удастся вырваться отсюда, никаких воспоминаний об этом городке не останется: память станет золой, развеянной по ветру. Вот как это, конечно же, действует. Человек не может сохранить такие чудовищные образы, такие чудовищные воспоминания и остаться в здравом уме, поэтому мозг превращается в печь, которая мгновенно сжигает все это.

«Вот почему большинство людей еще может позволить себе роскошь не верить в привидения и заколдованные дома, – подумала она. – Потому что когда разум обращается к чему-то

пугающему и иррациональному, вроде человека, которого заставляют взглянуть в глаза Медузы Горгоны, он забывает. Он обязан забыть. И Господи! Кроме того, чтобы вырваться из этого ада, я прошу только одну вещь в мире – забыть».

Она увидела кучку людей на асфальте возле заправочной на выезде из города. У них были перепуганные, обычные лица, и носили они выцветшую обычную одежду. Мужчина в замасленном комбинезоне. Женщина в медицинском халате – когда-то белом, а теперь грязно-сером. Старички – она в ортопедических ботинках, он со слуховым аппаратом, прильнувшие друг к другу, словно дети, которые боятся заблудиться в дремучем лесу. Мэри не нужно было объяснять, что эти люди, наряду с молодой официанткой, были живыми жителями Рок-н-Ролл-Рая, штат Орегон. Их заманили сюда таким образом, как хищный цветок ловит насекомых.

– Пожалуйста, давай выберемся отсюда, Кларк, – сказала она. -Пожалуйста. – Что-то застряло у нее в горле, и она зажала руками рот, опасаясь, что вырвет. Но она лишь громко рыгнула: ей обожгло горло, словно огнем, и она почувствовала вкус пирога, который съела в «Рок-энд-Буги».

– Все будет в порядке. Успокойся, Мэри.

Дорога – теперь, когда город кончался, ее уже нельзя было считать Мейн-стрит – проходила между пожарным депо слева и школой справа (даже в том состоянии всеобъемлющего ужаса, в котором она пребывала, ей показалось несколько экзистенциалистическим названием «Грамматическая школа Рок-н-Ролл»). Трое детей стояли на игровой площадке, безразлично глядя на проносившуюся мимо «Принцессу». Выше дорога огибала холмик, на котором стоял знак в форме гитары: «ВЫ ПОКИДАЕТЕ РОК-Н-РОЛЛ-РАЙ. ДОБРОЙ НОЧИ, ДОРОГАЯ, ДОБРОЙ НОЧИ».

Кларк свернул, не сбрасывая скорость; на дальнем конце витка дорога была заблокирована большим автобусом.

Это был не обычный желтый автобус, который они видели, когда въезжали в город: этот сверкал сотнями немыслимых красок и тысячами психоделических фигур, словно громадный сувенир Лета любви. В окнах висели липучки от мух и листовки движения за мир, и даже когда Кларк закричал и отчаянно надавил на тормоза, Мэри с фаталическим равнодушием прочла слова, летящие над разрисованной стенкой автобуса, как пузатые дирижабли: «ВОЛШЕБНЫЙ АВТОБУС».

Кларк старался изо всех сил, но полностью остановить машину не смог. «Принцесса» врезалась в Волшебный Автобус со скоростью около двадцати пяти километров в час, колеса у нее забуксовали, а шины отчаянно задымились. С глухим стуком «Принцесса» ударилась в середину привязанного канатами автобуса. Мэри опять швырнуло вперед, несмотря на ремень. Автобус же слегка качнуло на рессорах, и все.

– Бежим! – крикнула она Кларку, но ее уже охватило удушающее предчувствие, что все кончено. Двигатель стучал с перебоями, из-под помятого капота вырывался пар, подобно дыханию раненного дракона. Когда Кларк переключил на реверс, машина дважды выстрелила, дернулась, как старая взмыленная собака, и застыла.

Сзади доносился вой сирены. Интересно, кто в этом городе полицейский. Не Джон же Леннго, который жил под лозунгом «Не доверяй власти», и не Лизард Кинг, который в городе явно числился криминогенным элементом. Кто? И какое это имеет значение? «Может быть, – подумала она, – им окажется Джимми Хендрикс». Это звучало глупо, но она лучше

разбиралась в рок-н-ролле, чем Кларк, и где-то читала, что Хендрикс был инструктором-парашютистом в 101-1 воздушно-десантной дивизии. А разве не считается, что из военных выходят прекрасные служители закона?

«Ты сходишь с ума», – сказала она себе, затем кивнула. Конечно, сходит. Даже какое-то облегчение при этом испытываешь.

– Что теперь? – обречено спросила она Кларка.

Он открыл дверь, сильно поддав плечом, потому что дверь слегка перекосило.

– Бежим, – ответил он.

– Какой смысл?

– Ты их видела. Хочешь быть такой?

Страх немного рассеялся. Мэри отстегнула ремень и открыла дверцу. Кларк обошел вокруг «Принцессы» и взял ее за руку. Когда они обернулись к Волшебному Автобусу, он больно сжал ей руку, заметив, кто выходит оттуда, – высокий мужчина в белой рубашке с отложным воротником, темных брюках и громадных солнечных очках, густые, иссиня-черные волосы были зачесаны от висков назад, напоминая утиную гузку. Он был немыслимо, невообразимо красив – даже темные очки не могли его испортить. Полные губы приоткрылись в еле заметной, чуть ироничной улыбке.

Из-за поворота вылетел сине-белый патрульный автомобиль с надписью «ПОЛИЦИЯ РОК-Н-РОЛЛ-РАЯ» на борту и затормозил почти у самого бампера «Принцессы». Человек за рулем был черный, но совсем не похожий на Джимми Хендрикса. Мэри не была уверена, но ей показалось, что представителем закона был Отис Реддинг.

Мужчина в солнечных очках и темных джинсах теперь стоял прямо перед ними, засунув большие пальцы в петли на поясе; его бледные руки свисали, как мертвые пауки.

– Как поживаете? – Несомненно, тот самый протяжный мемфийский акцент. – Хотел бы приветствовать вас в нашем городе. Надеюсь, вы останетесь с нами на некоторое время. Городок наш небольшой, но мы гостеприимны и можем позаботиться о себе сами. – Он протянул руку, на которой сверкали три неимоверно громадных перстня. – Я мэр в здешних местах. Звать меня Элвис Пресли.

…Сумерки летнего вечера.

По дороге вы мэрию Мэри снова вспомнила концерты на которых бывала ребенком в Элмайре, и тоска по безвозвратно утраченному на мгновение пробила оболочку ужаса, окутывающую ее, так похоже… и в то же время так не похоже. Никаких детей, размахивающих бенгальскими огнями: здесь было всего с десяток мальчишек, сбившихся в кучку подальше от эстрады, настороженными бледными личиками. Были среди них и те, кого они с Кларком видели возле школы, когда пытались вырваться в горы.

И никакого эксцентричного духового оркестра, который вот-вот заиграет – а по всей эстраде (которая Мэри показалась не меньше Голливудской Чаши) рассеяны инструменты и принадлежности, видимо, самого большого в мире – и самого громкого, судя по усилителям – рок-ансамбля, апокалипсического сборища музыкантов бибопа, от звуков которого, когда оно врубит все децибелы, должны сотрясаться окна на десять километров вокруг. Она насчитала

дюжину гитар и бросила. Четыре полные ударные установки… бонги… конги… ритм-группа… круглые подставки для хора… стальной лес микрофонов.

И никакого эксцентричного духового оркестра, который вот-вот заиграет – а по всей эстраде (которая Мэри показалась не меньше Голливудской Чаши) рассеяны инструменты и принадлежности, видимо, самого большого в мире – и самого громкого, судя по усилителям – рок-ансамбля, апокалипсического сборища музыкантов бибопа, от звуков которого, когда оно врубит все децибелы, должны сотрясаться окна на десять километров вокруг. Она насчитала дюжину гитар и бросила. Четыре полные ударные установки… бонги… конги… ритм-группа… круглые подставки для хора… стальной лес микрофонов.

Амфитеатр был уставлен складными стульчиками – по оценке Мэри, от семисот до тысячи, но она считала, что зрителей будет самое большее человек пятьдесят. Она видела механика, теперь в чистых джинсах и шерстяной рубашке; рядом с ним сидела бледная, некогда красивая женщина, очевидно, жена. Медсестра сидела одна в середине длинного пустого ряда. Задрав голову, она рассматривала первые появляющиеся на небе звезды. Мэри отвернулась, чувствуя, что если она и дальше будет смотреть на это грустное, вытянувшееся лицо, у нее разорвется сердце.

Более знаменитые горожане пока еще не появлялись. Конечно – завершив дневные труды, они скопились за сценой, прихорашиваясь и репетируя свои реплики. Готовились к классному представлению.

Кларк молчал, пока они шли по заросшему травой центральному проходу, вечерний ветерок ерошил ему волосы, и Мэри они показались сухими, как солома. На лбу и в уголках рта у Кларка прорезались морщинки, которых она прежде не видела. Выглядел он так, словно после ленча в Окридже похудел на пятнадцать килограммов, никаких следов Нашпигованного Гормонами Мальчишки, и Мэри решила, что он исчез навсегда. И еще решила, что ей это безразлично.

«Кстати, лапочка, а ты-то сама как выглядишь?»

– Где мы сядем? – спросил Кларк. Голос его был слабым и равнодушным -голос человека, которому кажется, что все происходящее вокруг – это сон. Мэри высмотрела официантку с лихорадкой на губе. Она сидела четырьмя рядами ниже, теперь одетая в светло-серую блузку и хлопчатобумажную юбку, на плечи был наброшен свитер.

– Там, – сказала Мэри, – рядом с ней. – Кларк, ни слова не говоря, повел ее туда.

Официантка подняла глаза на Мэри с Кларком, и Мэри заметила, что глаза у нее уже не бегают – все-таки облегчение. И тут же поняла, в чем дело: она явно находилась в ступоре. Мэри опустила глаза, избегая этого пустого взгляда, и заметила, что левая рука у официантки почти вся перевязана бинтом. Мэри с ужасом осознала, что у нее не хватает одного пальца, а может, и двух.

– Привет, – произнесла девушка. – Я Сисси Томас.

– Привет, Сисси. Я Мэри Уиллнгем. А это мой муж, Кларк.

– Очень приятно, – ответила официантка.

– Ваша рука… – Мэри запнулась, не зная, как продолжить.

– Это Фрэнки. – Сисси говорила с глубоким равнодушием человека, который едет на розовой кобыле по бульвару Мечты. – Фрэнки Лаймон. Все говорят, что живым он был замечательный парень, а испортился, когда попал сюда. Он был их первых… из пионеров, можно сказать. Я не знаю То есть не знаю, был ли он когда-то хорошим. Я только знаю, что сейчас он самая гнусная сволочь. А мне наплевать. Если бы только вам удалось уйти, и я сделаю это снова. И вообще, Кристалл обо мне заботиться.

Сисси кивком показала на медсестру, которая перестала изучать звезды и теперь смотрела на них.

– Кристалл очень хорошо заботится. Она вам устроит, если хотите, -вам не нужно терять пальцы, чтобы застрять в этом городе.

– Мы с женой не употребляем наркотиков, – несколько напыщенно заявил Кларк.

Сисси молча рассматривала его. Потом сказала:

– Так будете.

– Когда начнется представление? – Мэри почувствовала, что окутавшая ее оболочка ужаса начинает рассеиваться, и это ее мало беспокоило.

– Скоро.

– А долго будет продолжаться?

Сисси не отвечала почти минуту, и Мэри готова была повторить вопрос, думая, что девушка не расслышала или не поняла, но та сказала:

– Долго. То есть представление закончится в полночь, такое есть постановление, но… они тянут долго. Потому что время здесь другое. Оно может тянуться… ну, не знаю… думаю, если парни разойдутся, то может быть и год, и больше.

Смертельный холод охватил руки и спину Мэри. Она попыталась представить, как можно высидеть год на рок-концерте, и не смогла. «Это сон, и сейчас ты проснешься», – сказала она себе, но эта мысль, достаточно убедительная, когда они слушали Элвиса Пресли, стоя на солнце перед Волшебным Автобусом, здесь утрачивала силу и доказательность.

– По этой дороге вы никуда не выедете, – говорил им Элвис Пресли. -Она ведет прямо в болото Умпква. Никаких дорог здесь нет, только лесные тропки. И зыбучие пески. – Он помолчал; стекла его темных очков на ярком солнце отблескивали, как печные топки. – И вообще…

– Медведи, – добавил полицейский, похожий на Отиса Реддинга.

– Ага, медведи, – согласился Элвис, и губы его расплылись во всезнающей улыбке, столь знакомой Мэри по телепередачам и фильмам. – И всякое такое.

Мэри начала:

– Если мы останемся на концерт…

Элвис энергично кивнул:

– Концерт! О да, вы обязательно должны остаться на концерт. У нас настоящий рок. Если не

видели, то увидите.

– Истинный факт, – добавил полицейский.

– Если мы останемся на концерте… сможем ли мы уйти, когда он закончится?

Элвис и полисмен обменялись взглядами, воде бы серьезными, но как бы сдерживая улыбки.

– Ну, знаете, мэм, – протянул наконец былой Король Рок-н-Ролла, – мы тут сидим в дыре, и публика к нам собирается очень медленно… хотя любой, кто нас услышит, хочет остаться еще… и мы надеемся, что вы останетесь тоже. Посмотрите несколько концертов и вкусите нашего гостеприимства. – Он поднял очки на лоб, обнажив на мгновение окруженные морщинами пустые глазницы. Потом снова появились темно-синие глаза Элвиса, рассматривающие их с неподдельным интересом.

– Думаю, – сказал он, – вам даже захочется остаться насовсем.

Звезд на небе прибавилось; сделалось уже совсем темно. Оранжевые пятнышки выбегали на сцену, словно ночные цветы, и включали микрофоны один за другим.

– Они дадут нам работу, – отстранено произнес Кларк. – Он даст нам работу. Мэр. Который похож на Элвиса Пресли.

– Он и есть Элвис, – возразила Сисси Томас, но Кларк по-прежнему рассматривал сцену. Он еще не был готов даже думать об этом, не то чтобы слушать.

– Мэри будет работать в парикмахерской «Бибоп», – продолжал он. – У нее учительский диплом и степень магистра по английскому языку, но теперь ей предстоит Бог знает сколько времени подавать шампуни. На меня он лишь взглянул и процедил: «А вы кто такой, сэр? У вас какая специальность?» -Кларк подражал мемфийскому выговору мэра, и, наконец в окаменевших глазах официантки начало появляться осмысленно выражение. Мэри показалось, что это был ужас.

– Не надо передразнивать, – предостерегла она. – Здесь ты может иметь неприятности… а ты не хочешь иметь неприятности. – Она медленно подняла свою забинтованную руку. Кларк взглянул на нее, влажные губы у него затряслись, и когда она опустила руку на колено, он продолжал значительно тише.

– Я сказал ему, что я программист, а он ответил, что в городе нет ни одного компьютера… хотя они бы с удовольствием взяли парочку синтезаторов. Тут другой парень засмеялся и сказал, что в универсаме нужен грузчик на склад, и…

На подиуме засветилось ярко-белое пятно. Коротышка в спортивном пиджаке столь дикой расцветки, что Бадди Холли рядом с ним выглядел бы монахом, поднял руки, как бы успокаивая шквал аплодисментов.

– Кто это? – спросила Мэри у Сисси.

– Какой-то древний диск-жокей, который ведет эти концерты. То ли Алан Твид, то ли Алан Брид, что-то в этом роде. Его только здесь и увидишь. Думаю, пьет по-черному. Целыми днями спит – это я точно знаю.

И как только девушка произнесла это имя, оболочка, окутывающая Мэри, как будто лопнула и

остатки ее сомнений исчезли. Они с Кларком действительно попали в Рок-н-Ролл-Рай, только он на поверку оказался Рок-н-Ролл-Адом. Это произошло не потому, что они оказались плохими людьми, и не потому, что старые боги решили наказать их; случилось это потому, что они заблудились в лесу, вот и все, а в лесу заблудиться может каждый.

– Сегодня для вас потрясающий концерт! – возбужденно выкрикивал в микрофон ведущий. – Здесь с нами великий музыкант… Фредди Меркьюри, прямо из города Лондона… Джин Кроче… мой любимец Джонни Ас…

Мэри наклонилась к девушке:

– Ты давно здесь, Сисси?

– Не знаю. Тут теряется ощущение времени. Лет шесть, не меньше. А может, восемь. Или девять.

– Кит Мун из группы «Ху»… Брайан Джонс из «Роллинг стоунз»… самая настоящая Флоренс Баллард из «Сьюпримз»… Мэри Уэллс…

Не в силах сдержать свои худшие опасения, Мэри спросила:

– Сколько тебе было лет, когда ты сюда попала?

– Ты давно здесь, Сисси?

– Не знаю. Тут теряется ощущение времени. Лет шесть, не меньше. А может, восемь. Или девять.

– Кит Мун из группы «Ху»… Брайан Джонс из «Роллинг стоунз»… самая настоящая Флоренс Баллард из «Сьюпримз»… Мэри Уэллс…

Не в силах сдержать свои худшие опасения, Мэри спросила:

– Сколько тебе было лет, когда ты сюда попала?

– Кисс Эллиот… Джанис Джоплин…

– Двадцать три.

– Кинг Кертис… Джонни Бернетт…

– А сейчас тебе сколько?

– Слим Харпо… Боб Хайт по прозвищу Медведь… Стиви Рей Воэн…

– Двадцать три, – сказала Сисси, а на сцене Алан Фрид продолжал выкрикивать имени в почти пустой зал. И по мере того, как на небе зажигались звезды – сначала сотня звезд, потом тысяча, потом их стало невозможно сосчитать, звезды, возникавшие из синевы и теперь мерцавшие там и сям в черноте, – он перечислял жертв наркотиков, жертв алкоголя, жертв авиационных катастроф и убийств; тех, кого находили в пустынных аллеях, и тех, кого находили в собственных бассейнах, и тех, кого находили в кюветах с пробитой рулевой колонкой грудью и полуоторванной головой; он выпевал имена молодых и старых, но преимущественно молодых, а когда он назвал имена Ронни Ван Занта и Стива Гейнса, у нее в

памяти всплыли слова одной из песен этой группы: «У-у это запах, неужели ты не чуешь этот запах», – и да, черт возьми, она действительно чуяла этот запах: даже здесь, и когда она взяла Кларка за руку, это показалось ей тем же, что взять руку трупа. – У-У-У-У-РРРР-АААА! – завопил Алан Фрид. Позади него, в темноте, сотни теней выбежали на сцену, освещаемую ручными фонариками в руках подсобников. – Вы готовы к ТУ-У-У-У-СОВКЕ?

Никакого ответа от немногочисленных зрителей в зале не последовало, но Фрид замахал руками и засмеялся, будто публика неистовствовала в согласии. Последние проблески света позволили Мэри заметить, как старик протянул руку и сорвал слуховой аппарат.

– Вы готовы к БУ-У-У-У-ГИ?

На этот раз он получил ответ – тени позади него демонически взвыли в свои саксофоны.

– Тогда поехали… ПОТОМУ ЧТО РОК-Н-РОЛЛ НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ!

Когда погасли огни и оркестр заиграл первую песню этого долгого, долгого концерта – «Будь я проклят», партия вокала Марвина Гея, – Мэри подумала: «Вот чего я боялась. Именно этого я боялась…»

АДОВА КОШКА

Хэлстону показалось, что сидящий в кресле на колесиках старик выглядит больным, чем-то сильно напуган и вообще готов умереть. Подобное ему приходилось наблюдать и ранее. Среди профессионалов Хэлстон был известен как одиночка, независимый боевик, умеющий сосуществовать с обычными бандюгами. За время своей «деятельности» на этом поприще он ликвидировал восемнадцать мужчин и шесть женщин, так что знал, как выглядит смерть. Дом – по сути большой особняк – был холодным и хранил покой. Тишину нарушало разве что глуховатое потрескивание огня в камине да доносившееся снаружи подвывание ноябрьского ветра.

– Я хочу, чтобы вы нанесли свой удар. – Голос старика чем-то напоминал хруст сминаемой старой бумаги. – Насколько я понимаю, именно этим вы занимаетесь.

– С кем вы разговаривали? – поинтересовался Хэлстон. Ему было тридцать два года, он имел самую заурядную внешность. Однако его движения отличались легкой, смертельной грацией, словно это была акула в образе человека.

– Я говорил с человеком по имени Сол Лоджиа. Он сказал, что вы знаете его.

Хэлстон кивнул. Раз Сол порекомендовал его этому человеку, значит, все в порядке. Если же в комнате вмонтированы «жучки», то все, что скажет старик Дроган, грозит ему серьезными неприятностями. – Кому я должен нанести удар? Дроган нажал на какую-то кнопку на подлокотнике своего кресла, и оно поехало вперед, издавая при этом шум, напоминающий жужжание мухи, попавшей в бутылку. Приблизившись, Дроган обдал его мерзким запахом старости, мочи и страха. Хэлстон почувствовал отвращение, но виду не подал, и лицо его продолжало оставаться по-прежнему спокойным.

– Ваша жертва находится как раз у вас за спиной, – мягко произнес Дроган.

Хэлстон отреагировал мгновенно. Зная, что от скорости реакции зависела порой его жизнь, не

только мозг, но и все тело постоянно находилось словно начеку. Он соскочил с дивана, припал на одно колено, повернулся, одновременно просовывая руку внутрь своего сшитого по специальному заказу спортивного плаща, где в кобуре под мышкой висел опять же специальный револьвер 45-го калибра. Секундой позже оружие оказалось у него в руке, он целил в… Кошку.

Какое-то мгновение Хэлстон и кошка неотрывно смотрели друг на друга. И это было неожиданно странно для Хэлстона, который не отличался большим воображением и не был суеверен. В ту же самую секунду, когда он бросился на колено и поднял револьвер, ему показалось, что он знает эту кошку, хотя, будь это действительно так, он наверняка запомнил бы существо со столь характерной внешностью.

Ее морда была словно разрезана надвое: половина черная, половина белая. Разделительной линия, прямая, как струна, шла от макушки ее плоского черепа, спускалась к носу и оттуда переходила на рот. В сумраке этой изысканно обставленной гостиной ее глаза казались громадными, а черные зрачки, преломлявшие свет от камина, сами походили на тлеющие ненавистью угольки.

Эта мысль, тяжелая и странная, подобно эху, вернулась к Хэлстону: мы знаем друг друга – ты и я. Потом это прошло. Он убрал револьвер и встал.

– За это мне следовало бы вас убить, – сказал он Дрогану. – Я не люблю шуток.

– А я и не шучу, – ответил тот. – Садитесь. Вот, загляните сюда. – Он извлек из-под прикрывшего его колени пледа толстый бумажный пакет и протянул его Хэлстону.

Хэлстон послушно сел. Кошка, примостившаяся было на спинке дивана, мягко юркнула к нему на колени. Несколько секунд она смотрела на Хэлстона своими огромными темными глазами со странными окруженными двойным золотисто-зеленым ободком зрачками, потом свернулась клубочком и замурлыкала.

Хэлстон вопросительно посмотрел на Дрогана.

– Она ведет себя очень дружелюбно, – сказал старик. – Поначалу. Вообще же эта кошка уже убила в моем доме троих. Остался один лишь я. Я стар, я болен… И мне хотелось бы умереть не раньше положенного срока.

– Я не могу в это поверить, – пробормотал Хэлстон. – Вы наняли меня, чтобы я убил кошку?

– Пожалуйста, загляните в конверт. Хэлстон открыл его. Конверт был заполнен сто и пятидесятидолларовыми купюрами – все они были старые. Начав их пересчитывать, он дошел до трех тысяч, после чего остановился.

– Сколько здесь?

– Шесть тысяч долларов. Следующие шесть тысяч вы получите, когда предъявите мне доказательства, что кошка… Устранена. Мистер Лоджиа сказал, что это ваша обычная такса.

Хэлстон молча кивнул, одновременно продолжая механически поглаживать лежавшую па коленях кошку, которая, все так же мурлыкая, погрузилась в сон. Кошек Хэлстон любил. Если на то пошло, это было единственное животное, вызывавшее в нем симпатию. Они всегда гуляют сами по себе. Господь – если он вообще существовал – сделал из них идеальное орудие убийства. Да, они всегда были сами по себе. Как и Хэлстон.

– Я мог бы ничего не объяснять, но все же сделаю это, – сказал Дроган. – Предостеречь – значит вооружить, так, кажется, говорят, а мне не хотелось бы, чтобы вы с излишней легкостью шли на это дело. Кроме того, у меня есть на то и свои собственные причины, так сказать, для самооправдания. Просто не хотелось бы выглядеть в ваших глазах безумцем. Хэлстон снова кивнул. Про себя он уже решил, что нанесет этот столь необычный удар, так что дополнительных обсуждений действительно не требовалось. Но коль скоро Дроган намерен поговорить, он послушает.

– Для начала, вы знаете, кто я такой? Откуда у меня средства на жизнь? – Фармацевтические предприятия Дрогана, – отметил Хэлстон.

– Да. Одна из крупнейших фармацевтических компаний Америки. А краеугольным камнем нашего финансового успеха является вот это. – Он вынул из кармана халата маленький пузырек без этикетки и протянул его Хэлстону. – Три-дормаль-фенобарбин, состав «Ж», – сказал Дроган. – Предназначен исключительно для безнадежно больных людей, поскольку очень быстро формируется механизм зависимости от препарата. Это одновременно болеутоляющее средство, транквилизатор и умеренный галлюциноген. Оказывает поразительно благотворное воздействие на безнадежно больных людей, поскольку помогает им свыкнуться со своим состоянием и потому легче переносить его.

– Вы тоже принимаете его? – спросил Хэлстон.

Дроган проигнорировал его вопрос.

– Препарат широко распространен по всему миру. Он полностью синтезирован, его разработали в середине пятидесятых годов в наших лабораториях в Нью-Джерси. Свои эксперименты мы ставили преимущественно на кошках, поскольку их нервная система имеет уникальную структуру.

– И скольких из них вы таким образом отправили на тот свет?

Дроган чуть поджался, напрягся.

– Подобная постановка вопроса является нечестной и предвзятой.

Хэлстон пожал плечами.

– За четырехлетний период между первичной разработкой препарата и его утверждением Федеральной фармацевтической ассоциацией пять тысяч кошек были… Э-э, ликвидированы.

Хэлстон тихонько присвистнул. Его пальцы нежно гладили голову спящей кошки, ее черно-белую мордочку. Кошка тихонько, умиротворенно урчала.

– И теперь вы полагаете, что эта кошка пришла, чтобы убить вас?

– Я не испытываю ни малейшего чувства вины, – проговорил Дроган, однако его старческий голос стал на тон выше и в нем зазвучали нотки раздражения. – Пять тысяч испытуемых животных погибли ради того, чтобы сотни тысяч человеческих жизней…

– Давайте оставим это, – сказал Хэлстон. Оправдания всегда утомляли его.

– Кошка появилась у нас семь месяцев назад, – продолжал Дроган. -Лично мне она никогда не

нравилась. Типичные разносчики инфекции… Постоянно бегают где попало… Или роются в помойках… Подбирают Бог знает что… Это моя сестра захотела взять ее в дом. С нее все и началось. Она поплатилась за это. – Он с нескрываемой ненавистью посмотрел на кошку. – Вы сказали, что кошка убила троих.

Немного дрожащим голосом Дроган начал свой рассказ. Кошка лежала на коленях Хэлстона, сильные, опытные пальцы убийцы нежно прикасались к ее шерстке, и она мягко урчала во сне. Иногда из камина доносился похожий на хлопок звук – это лопалась в пламени сосновая шишка, – и тогда кошка напрягалась, как стальная пружина под слоем мышц, покрытых шерстью. Снаружи доносилось завывание холодного ветра, кружащего около большого каменного дома, затерявшегося в коннектикутской глубинке. В глотке этого ветра клокотала зима. А голос старика все скрипел и скрипел.

Семь месяцев назад их было здесь четверо: Дроган, его сестра Аманда семидесяти четырех лет – на два года старше его, ее давняя подруга Кэролайн Бродмур (из тех, уэстчестерских Бродмуров, как сказал Дроган), давно страдавшая от эмфиземы, и Ричард Гейдж – слуга, работавший в доме уже двадцать лет. Гейдж, которому было под шестьдесят, водил большой «линкольн», готовил еду и по вечерам разносил напитки. Еще к ним приходила дневная служанка. Подобным образом вся четверка прожила где-то около двух лет, являя собой образчик немного странной компании богатых пожилых людей и их семейного вассала. Единственным занятием этих чудаковатых стариков было ожидание – кто кого переживет. И потом появилась эта кошка.

– Первым ее увидел Гейдж, когда она крадучись бродила вокруг дома, -продолжал Дроган. – Поначалу он пытался было прогнать ее, швырял в нее палки, камни, несколько раз даже попал. Но кошка все не уходила. Естественно, ее привлекал запах еды. Сама же была – сплошные кожа да кости. Таких бросают у обочины дороги, чтобы подыхали. Как это ужасно, бесчеловечно – обрекать животное на медленную голодную смерть.

– А что, лучше испытывать на прочность их нервную систему? – спросил Хэлстон.

Дроган пропустил мимо ушей его замечание и рассказывал дальше. Он ненавидел кошек. Всегда ненавидел. Когда стало ясно, что она не уходит, он приказал Гейджу отравить ее – большую, аппетитную порцию кошачьей еды обильно сдобрил три-дормаль-фенобарбином. К этой еде кошка даже не прикоснулась.

К этому времени Аманда Дроган уже успела заметить кошку и настояла на том, чтобы ее взяли в дом. Сам Дроган отчаянно протестовал, но сестра взяла верх. Впрочем, ей всегда это удавалось.

– Да, Аманда все устроила по-своему, – сказал Дроган. – Сама, на своих руках принесла ее в дом. А та так мурлыкала, прямо как сейчас у вас, мистер Хэлстон. Но ко мне она ни разу даже не приближалась. Да, не приближалась… Пока. Сестра поставила ей блюдечко с молоком, которое она немедленно осушила. «О, вы только посмотрите на это бедное существо, она проголодалась», – сестра чуть не плакала. Они с Кэролайн прямо-таки на цыпочках ходили вокруг нее. Разумеется, таким образом они хотели отомстить мне, прекрасно зная, как я отношусь к кошкам… Как я всегда к ним относился, особенно после того, как началась работа над три-дормалем. Им очень нравилось поддразнивать меня, они просто наслаждались этой игрой. -Он мрачно взглянул на Хэлстона. – Но они и поплатились за это.

В середине мая Гейдж, как обычно, встал в половине шестого утра, чтобы зажечь в доме свет. Его крик разбудил и Дрогана, и Кэролайн Бродмур. Аманда Дроган лежала на полу у

основания главной лестницы среди осколков разбитой фаянсовой тарелки и содержимого пачки «Маленькие котята» – это такая еда для кошек. Ее незрячие глаза неподвижно уставились в потолок. Она потеряла много крови – кровотечение было изо рта и из носа. У нее были сломаны спина, одна нога, а шея вообще оказалась размозженной.

– Кошка спала у нее в комнате, – заметил Дроган, – и она ухаживала за ней, как за младенцем… «Она такая гоодная, доогой. Ведь она же поугоодаась, пуавда ведь? Иви ты хочешь выйти и сдеуать пи-пи?» Мерзость какая – слышать подобное из уст старой закаленной в боях Аманды. Как я полагаю, она разбудила ее своим мяуканьем. Аманда взяла тарелку и пошла вниз – ей все время казалось, что Сэмми не любит есть «Котят» всухомятку. Мол, она предпочитает их с молоком. И вот… И вот она встала и хотела спуститься, чтобы налить в тарелку молока. Кошка терлась об ее ноги. А Аманда была уже старуха, ноги плохо слушались ее. Да и к тому же полусонная. Когда они подошли к краю лестницы, кошка бросилась ей под ноги… В общем, сделала подножку…

«Да, – подумал Хэлстон, – пожалуй, все могло быть именно так. Вроде бы ничего преднамеренного». Он мысленно представил себе, как старуха падает вперед, катится вниз по ступеням, испуганная настолько, что не в состоянии закричать и позвать на помощь, разбудить спящий дом. «Котята» веером разлетаются по сторонам, тарелка разбивается, а сама она кувырком летит вниз и плюхается на пол. Ее старушечьи кости вконец переломаны. За ней спускается кошка, лакомясь «Маленькими котятами», разбросанными по ступенькам…

– А что сказал судебный следователь? – спросил Хэлстон.

– Смерть от несчастного случая, конечно. Но я-то знал.

– Но почему вы после этого не избавились от кошки? Уже после смерти Аманды?

Очевидно, потому, что Кэролайн Бродмур пригрозила покинуть дом, если он это сделает. Она вообще была истеричка, к тому же буквально помешалась на кошке. Плюс ко всему она была очень больная женщина, и время от времени у нее появлялись… Фантазии. Как-то она сказала Дрогану, что не сомневается в том, что душа Аманды переселилась в Сэмми. И поскольку Сэмми была кошкой Аманды, теперь она сама будет ее любить и ухаживать за ней, как это делала бы сама Аманда.

С годами Хэлстон научился довольно неплохо читать между строк и смекнул, что Дроган и Кэролайн Бродмур когда-то в далеком прошлом были любовниками, и ему никак не хотелось терять ее из-за какой-то кошки.

– Она действительно могла бы уехать. А это было бы равнозначно самоубийству, – сказал Дроган. – Ведь у нее никого нет, абсолютно никого. Здесь она жила на втором этаже в специально оборудованной комнате, в которой поддерживалась атмосфера повышенной влажности. Женщине было семьдесят лет, мистер Хэлстон. Едва достигнув двадцати одного года, она стала высаживать в день по две пачки сигарет, а то и больше. Ее эмфизема оказалась крайне запущенной. Я хотел, чтобы она осталась здесь, и если кошке суждено было тоже остаться… Хэлстон кивнул в знак понимания и многозначительно посмотрел на часы. – Умерла она ближе к концу июня, – сказал Дроган, – смерть наступила во сне. Доктор отнесся к этому достаточно спокойно… Просто пришел и выписал свидетельство о смерти, и все. Но в ее комнате находилась кошка! Гейдж сказал мне об этом.

– Но ведь она должна была когда-нибудь умереть от эмфиземы, – заметил Хэлстон, – Ну конечно же, – лицо Дрогана исказилось странной, какой-то колючей улыбкой. – Именно это и

сказал врач. Но я-то знаю. Я все помню. Моя мать рассказывала мне. Кошки любят приканчивать стариков и маленьких детей именно во сне. Тогда они похищают их дыхание.

– Но это же просто миф, разве не так?

– Как и большинство мифов, основанных на фактах, – возразил Дроган. В свете камина щеки его ввалились, голова стала походить на череп. – Кошки любят царапать своими когтями мягкие вещи. Подушку, толстый плюшевый коврик или… Одеяло. Одеяло младенца в яслях или одеяло старика. Дополнительный груз на теле слабого человека… Дроган умолк, но Хэлстон воочию представил себе и эту картину. Кэролайн Бродмур лежит в своей спальне, дыхание с хрипом вырывается из ее пораженных недугом легких, оно едва различимо на фоне жужжания специальных увлажнителей и кондиционеров. Кошка со странной черно-белой окраской молча запрыгивает на ее старческую постель и вглядывается своими сверкающими черно-зелеными глазами в старое, изрытое морщинами лицо. Затем она подкрадывается к ее худой груди и с тихим урчанием ложится на нее… Дыхание замирает… Затихает… А кошка все урчит и урчит, пока старуха медленно испускает дух под давящим ей на грудь живым грузом.

Он никогда не был особенно впечатлительным человеком, но мысленно нарисованная им самим картина заставила содрогнуться даже его.

– Дроган, – Хэлстон продолжал поглаживать голову тихо урчащей кошки. -Но скажите, ради Бога, почему вы вообще не отвели ее к ветеринару и не усыпили там? Мой дядюшка подобным путем избавился в прошлом году от своего пса, и это обошлось ему долларов в двадцать.

– Похороны состоялись первого июля, – Дроган словно не слышал Хэлстона, – Я распорядился, чтобы Кэролайн поместили в наш фамильный склеп рядом с сестрой. Она бы сама захотела того же. Третьего июля я позвал Гейджа в эту самую комнату и передал ему плетеную корзину, в которой сидела кошка, приказав отнести ее к ветеринару в Милфорд. Он сказал: «Слушаюсь, сэр», взял корзину и вышел. Это было очень на него похоже. Больше я его живым не видел. «Линкольн» врезался в бетонный бордюр моста на скорости более чем шестьдесят миль в час. Смерть Дика Гейджа наступила мгновенно.

У него на лице были обнаружены многочисленные царапины.

Хэлстон молчал. Помимо его воли, воображение уже начало рисовать следующую картину ужаса. В комнате стояла полная тишина, если не считать уютного потрескивания дров в камине да столь же уютного урчания свернувшейся у него на коленях кошки. Чем не превосходная иллюстрация к поэме Эдгара Геста: «…Свет добрый камина, и кот на коленях. Вы скажете -нет слаще лени». На видение все же возникло.

Дик Гейдж подъезжает на «линкольне» к повороту на Милфорд, превышая разрешенный лимит скорости примерно миль на пять. Рядом с ним на сиденье та самая зловещая корзина. Дик внимательно следит за дорогой, за едущими рядом машинами, возможно, он обгоняет большой грузовик и потому не замечает странную черно-белую кошачью морду, раздвигающую прутья старой корзины, много лет служившей для загородных поездок. Да, пожалуй, именно в тот момент, когда он обгоняет большой грузовик, кошка бросается ему на лицо и, выпустив острые когти, начинает полосовать кожу. Зловещие лапы тянутся к глазам, чтобы ранить их, вырвать и ослепить человека. Шестьдесят миль в час, гул мощного двигателя «линкольна» – и когтистая лапа впивается ему в переносицу, вызывая приступ дикой, едва переносимой боли. «Линкольн» начинает заносить вправо, под колеса надвигающегося грузовика, водитель которого отчаянно давит на клаксон, издающий душераздирающий хриплый сигнал сирены, но он ничего не

слышит, потому что кошка истошно орет. Эта тварь, подобно огромному мохнатому черному пауку, всем телом распласталась на лице Дика. Уши плотно прижаты к голове, зеленые глаза горят, как адские прожекторы, из приоткрытого рта брызжет слюна, сильные задние лапы, подрагивая, впиваются в мягкую плоть стариковской шеи. Машину резко заносит вправо, а Гейдж уже не только не видит, но вряд ли и понимает, что впереди бордюр моста. Кошка выпрыгивает, а «линкольн», подобно сияющему черному снаряду, врезается в твердь бетона. Гейдж со страшной силой ударяется о рулевое колесо, которое сминает, сплющивает его грудь… Хэлстон сглотнул слюну, издав при этом непонятный сухой щелчок.

– А кошка вернулась? – пробормотал он. Дроган кивнул.

– Через неделю. Точнее, в тот самый день, когда хоронили Дика Гейджа. Она вернулась.

– Она пережила автомобильную катастрофу? И это при скорости шестьдесят миль в час? Трудно в это поверить.

– Говорят, что у каждой из них по девять жизней. Тогда-то и я начал подумывать, что это адова кошка. Что-то вроде… Демона, посланного, чтобы…

– Покарать вас?

– Я не знаю. Но я боюсь этого. Я кормлю ее, точнее – женщина, которая приходит убираться, кормит. Она ей тоже не нравится. Говорит, что такая кошачья морда – сущее проклятие. Божье проклятие. Разумеется, она из местных, – старик попытался было улыбнуться, но это у него не получилось. – Я хочу, чтобы вы убили ее, – сказал он. – Вот уже четыре месяца, как я живу вместе с ней под одной крышей. Она подкрадывается ко мне в темноте. Она смотрит на меня. Кажется, что она… Выжидает. В конце концов я вступил в контакт с Солом Лоджиа, и он порекомендовал мне вас. Даже как-то назвал вас…

– Одиночкой. То есть я предпочитаю работать автономно.

– Да. И он еще сказал: «Хэлстон никогда не попадался. Даже подозрение на него не падало. Он всегда опускается на ноги… Как кошка».

Хэлстон посмотрел на старика в кресле на колесиках. Неожиданно его длинные мускулистые пальцы нервно пробежали по кошачьей спине.

– Нет! – воскликнул Дроган. Он прерывисто вздохнул. Краска подступила к его впалым щекам. – Нет… Не здесь. Увезите ее.

Хэлстон невесело улыбнулся. Он начал медленно, очень нежно поглаживать голову и спину спящей кошки.

– Хорошо, – произнес он, – я принимаю этот контракт. Вы хотите получить ее тело?

– Господи Иисусе, нет! – с отвращением прокричал старик. – Убейте ее!

Закопайте ее! – Он сделал паузу, затем резко повернул свое кресло в сторону Хэлстона. – Мне нужен только хвост, – сказал он. – Я хочу швырнуть его в огонь и понаблюдать, как он будет гореть.

Хэлстон вел свой «мустанг» модели 1972 года, под капотом которого билось изношенное и усталое сердце «студебеккера» выпуска 56-го. Машина была латаная-перелатаная, и ее

выхлопная труба свисала к земле под углом двадцать градусов. Он самостоятельно переделал в ней дифференциал и заднюю подвеску, а кузов оснастил кое-какими деталями от других моделей.

Из дома Дрогана он выехал около половины десятого. Сквозь рваные облака ноябрьского вечера виднелся холодный узкий полумесяц. Все окна в машине были открыты, потому что ему казалось, будто затхлый запах немощи и страха успел впитаться в его одежду, а ему это очень не нравилось. Холод был стальным и резким, вроде лезвия остроотточенного ножа, но, несмотря ни на что, доставлял удовольствие. Да и мерзкая вонь быстро выветривалась.

Он свернул с основного шоссе у Плейсерс Глен и проехал через опустевший город, охрану которого нес один-едипственный светофор-мигалка. Хэлстон, однако, не превысил установленных тридцати пяти миль в час. Выехав за пределы города и оказавшись на шоссе номер 35, он дал чуть больше воли своему «мустангу». Студебеккеровский мотор работал мягко, и его урчание чем-то походило на урчание кошки, часом раньше лежавшей на коленях Хэлстона в доме старика. Он улыбнулся при этом сравнении. По занесенным снегом, замерзшим ноябрьским полям, кое-где покрытым остовами кукурузной стерни, он пронесся, делая уже семьдесят миль в час.

Кошка сидела в хозяйственной сумке, в которой для прочности были сделаны двойные стенки; сверху ее надежно стягивал толстый шпагат. Сумка лежала на заднем сиденье. Когда Хэлстон укладывал ее в сумку, и сейчас в дороге, она продолжала мирно посапывать. Возможно, она понимала, что нравится Хэлстону, и чувствовала себя с ним как дома. И он, и кошка в сущности были одиночками.

Странное задание, подумал Хэлстон и неожиданно удивился, поймав себя на мысли, что считает это заданием. Может быть, самым удивительным во всем этом было именно то, что кошка действительно ему нравилась, он чувствовал некую близость, существовавшую между ними. Раз уж ей удалось избавиться от таких трех старых перечниц, значит, немалая была в ней сила… Особенно, если говорить о Гейдже, который вез ее в Милфорд «на свидание» с ухмыляющимся ветеринаром, а тот уж точно находился в предвкушении того момента, когда сможет засунуть ее в миниатюрную газовую камеру размером с микроволновую печь. Хэлстон действительно испытывал некоторую расположенность к кошке, хотя и не собирался отказываться от своего намерения выполнить контракт. Однако он сделает все это с соблюдением должного приличия и убьет ее быстро и профессионально. Остановит машину на краю какого-нибудь заснеженного поля, вытащит кошку из сумки, свернет ей шею, после чего отрежет хвост, чтобы показать его старику. А потом, думал он, я похороню ее, как полагается, не нужно, чтобы она досталась мусорщикам или каким-нибудь бродягам.

Именно в тот момент, когда он размышлял обо всем этом, кошка неожиданно предстала перед ним, прямо над приборной доской – ее черно-белая морда была повернута к нему, а рот, как показалось Хэлстону, чуть-чуть приоткрылся в хищной ухмылке.

– Черт! – прошипел Хэлстон, невольно бросив взгляд направо, – в стенке, двойной стенке сумки была прогрызена большая дыра. Он снова посмотрел вперед, и в это самое мгновение кошка, приподняв лапу, ударила его по лицу. Он резко откинулся назад… И услышал, как завизжали колеса «мустанга».

Машина метнулась через двойную желтую полосу на шоссе, ее занесло куда-то назад. Кошка продолжала стоять на приборном щитке машины, он что было силы ударил ее, зверь зашипел, но с места не двинулся. Хэлстон нанес еще один удар, но вместо того, чтобы отскочить в сторону, она бросилась ему на лицо.

«Гейдж, – подумал он. – Прямо как Гейдж». Нога давила на педаль тормоза. Кошка сидела у него на голове, стараясь поглубже вонзить когти, чтобы удержаться. Ее мохнатое брюхо закрывало ему обзор дороги. Хэлстон, превозмогая боль, продолжал стискивать руль. Он еще раз треснул кошку, потом еще, еще. И в этот момент его неожиданно швырнуло вперед от сильного удара, резко натянулись ремни безопасности. Дикое, нечеловеческое завывание женщины, кричавшей от адской боли – последнее, что запечатлелось в его мозгу. И все-таки он нашел в себе силы для еще одного удара, но рука лишь скользнула по упругим кошачьим мускулам.

«Гейдж, – подумал он. – Прямо как Гейдж». Нога давила на педаль тормоза. Кошка сидела у него на голове, стараясь поглубже вонзить когти, чтобы удержаться. Ее мохнатое брюхо закрывало ему обзор дороги. Хэлстон, превозмогая боль, продолжал стискивать руль. Он еще раз треснул кошку, потом еще, еще. И в этот момент его неожиданно швырнуло вперед от сильного удара, резко натянулись ремни безопасности. Дикое, нечеловеческое завывание женщины, кричавшей от адской боли – последнее, что запечатлелось в его мозгу. И все-таки он нашел в себе силы для еще одного удара, но рука лишь скользнула по упругим кошачьим мускулам.

Вслед за этим его сознание погрузилось в непроглядную тьму.

Луна скатилась за горизонт. До рассвета оставался примерно час. «Мустанг» лежал на брюхе в поросшем низким кустарником овраге. В его радиаторной решетке запутались клочья колючей проволоки. Весь перед машины превратился в кучу металлолома.

Постепенно Хэлстон начал приходить в себя. И первое, что он увидел, когда открыл глаза, была кошка, сидевшая у него на коленях. Она спокойно мурлыкала и смотрела на него своими сияющими на черно-белой морде зелеными глазами. Ног своих он не чувствовал.

Он скользнул взглядом мимо кошки и увидел, что перед машины был полностью разрушен, а задняя часть ввалившегося в салон двигателя раздробила его ноги, а самого его намертво зажала, словно похоронила. Где-то далеко заухала сова, почуявшая добычу. А совсем близко, словно внутри, – мерное кошачье урчание.

Казалось, она улыбается ему.

Хэлстон видел, как она встала, выгнула спину и потянулась. Внезапно со страшной гибкостью хищника она, как колышущаяся промасленная ткань, кинулась ему на плечо. Хэлстон попытался поднять руку, чтобы сорвать ее. Рука не шелохнулась.

«Спина, – словно врач-профессионал, подумал он. – Перелом позвоночника. Я парализован».

Кошка страшно мурлыкала ему прямо в ухо, и звук этот казался раскатами грома.

– Убирайся вон! – прокричал Хэлстон. Голос его звучал сухо, даже сипло. Кошка на мгновение напряглась, затем откинулась назад. Внезапно ее когти полоснули Хэлстона по щеке, до этого она не выпускала их. Резкая боль молнией кинулась к горлу. Потекла струйка теплой крови. Боль. Чувствительность не потеряна.

Он приказал голове повернуться вправо, и та подчинилась. На какое-то мгновение его лицо утонуло в сухом, мягком мехе. Хэлстон заорал на кошку. Она издала удивленный, рассерженный звук – йоук! – и прыгнула на сиденье. Прижав уши к голове, эта тварь по-прежнему не отрывала от него горящих гневом глаз.

– Что, не надо мне было этого делать, да? – прохрипел он.

Кошка открыла пасть и зашипела. Глядя на эту странную, шизофренически раздвоенную морду, Хэлстон понял, почему Дроган называл ее адовой кошкой. Она… Его мысли внезапно прервались, когда он почувствовал слабую покалывающую боль в обеих кистях и в предплечьях.

Чувствительность восстанавливается. Вот они – булавочные уколы.

Выпустив когти, кошка с шипением бросилась ему на лицо.

Хэлстон закрыл глаза и открыл рот. Он хотел укусить кошку в живот, но смог ухватить только клок шерсти. Когти вцепились ему в уши, кошка давила на них всей своей тяжестью. Жгучая, нестерпимая боль Хэлстон попытался поднять руки. Они чуть дернулись, но так и не оторвались от коленей.

Он нагнул голову вперед и принялся трясти ею так же, как это делает человек, которому в глаза попало мыло. Шипя и повизгивая, кошка продолжала держаться. Хэлстон чувствовал, как по его щекам медленно струится кровь. Уши жгло так, будто они пылали в огне.

Он откинул голову назад и зашелся в страшном крике – очевидно, в аварии он повредил шейные мышцы, и сейчас они дали о себе знать. Но кошку он все же скинул – до него донесся негромкий шлепок со стороны заднего сиденья.

Струйка крови затекла в один глаз. Он снова попытался пошевелить руками, хотя бы одну из них поднять, чтобы вытереть кровь. Они подрагивали у него на коленях, но двигаться по-прежнему отказывались. Он вспомнил про свой висевший под мышкой специальный револьвер 45-го калибра.

«Если я только смогу дотянуться до него, киска, от всех твоих девяти жизней не останется даже воспоминания».

И снова покалывание в руках, уже сильнее. Тупая боль в ступнях, зажатых и, конечно же, раздробленных разбитым двигателем, легкие покалывания в бедрах – ощущение точно такое же, как если вы спали и у вас затекла нога, а потом начала отходить, когда вы сделали несколько первых шагов. Этого было достаточно, чтобы понять, что спина у него цела и ему не придется остаток жизни проводить в качестве живого трупа, прикованного к инвалидному креслу.

«А может, у меня самого осталось в запасе несколько жизней?»

Теперь надо разобраться с кошкой. Это самое главное. Потом выбраться из этих развалин – может, кто-нибудь будет проходить мимо, так что он постарается сразу решить обе проблемы. Хотя весьма маловероятно, что кому-то вздумается прогуливаться по этой пустынной дороге, да еще в половине пятого утра, однако какой-то шанс оставался. И… А что там кошка сзади делает?

Ему не хотелось, чтобы она ползала по его лицу, но еще меньше он хотел, чтобы она оставалась там, за спиной, вне поля его зрения. Он попытался было разглядеть ее в зеркальце заднего вида, но из этого ничего не вышло. От удара оно сдвинулось набок, и все, что он сейчас мог видеть в нем, это лишь овраг, в котором закончилось его путешествие.

За спиной раздавалось урчание, чем-то похожее на упругий звук разрываемой ткани. Урчание.

«Вот ведь адова кошка. Вздумала там поспать». Ну, а если даже не так, если она лежала бы там и замышляла убийство, что бы она смогла сделать? Весу в ней было килограмма два с половиной, не больше. А скоро… Скоро он снова сможет двигать руками настолько, чтобы дотянуться до своего револьвера. В этом он был уверен.

Хэлстон сидел и ждал. Чувствительность продолжала возвращаться к нему, напоминая о себе почти уже непрерывными булавочными уколами. Абсурд, конечно (а может, это явилось следствием его близкого соприкосновения со смертью?), но в течение минуты или около того он испытал сильную эрекцию. Далеко на востоке высветилась на горизонте узенькая полоска приближавшегося рассвета. Где-то запела птица.

Хэлстон снова попытался пошевелить руками, но смог приподнять их лишь на какую-то долю дюйма, после чего они вновь упали ему на колени. «Нет пока. Но скоро».

Послышался слабый удар по спинке соседнего с ним кресла. Хэлстон обернулся и посмотрел на черно-белую морду, мерцающие в сумраке кабины лучистые глаза с огромными темными зрачками. Хэлстону захотелось поговорить с ней. – Еще не было случая, чтобы я не выполнил порученного мне задания, – проговорил он. – Это, кошка-кисонька, могло бы стать первым. Но скоро я снова обрету руки. Пять, ну, от силы десять минут. Хочешь услышать мой совет? Выпрыгивай в окно. Все окна открыты. Убирайся и уноси с собой свой хвост.

Кошка не мигая смотрела на него. Хэлстон еще раз проверил руки. Они отчаянно тряслись, но все же приподнялись. Сантиметра на полтора. Он позволил им шлепнуться обратно на колени. Свалившись на мягкое сиденье «мустанга», они слабо белели в полумраке кабины. Кошка ухмылялась, глядя ему в лицо.

Тело ее напряглось, и еще до того, как она прыгнула, Хэлстон знал, что именно она собирается сделать, и потому широко раскрыл рот, чтобы завопить что было сил.

Она опустилась ему прямо на промежность – и опять когти впиваются в его плоть.

В этот момент Хэлстон искренне пожелал действительно быть парализованным. Боль была гигантская, раздирающая. Он даже представить себе не мог, что на свете существует подобная боль. Сейчас кошка казалась ему шипящей сжатой пружиной ярости, вцепившейся в его гениталии.

Хэлстон на самом деле взвыл, широко раскрыв рот, внезапно кошка изменила свои намерения, пулей метнувшись к его лицу. В этот самый момент он наконец-то осознал, что это действительно более, чем просто кошка, это омерзительное существо, охваченное желанием убивать.

Он перехватил последний взгляд этой черно-белой убийцы, увидев ее прижатые, словно приклеенные к голове уши, ее громадные, наполненные сумасшедшей ненавистью и… Ликованием глаза. Она уже избавилась от трех стариков, и теперь была очередь его, Джона Хэлстона.

Подобно яростному снаряду она ударилась о его рот. Хэлстон едва не подавился. Желудок сжался в комок, и его вырвало. Рвотные массы забрызгали лобовое стекло настолько, что через него уже ничего не было видно, а сам он закашлялся.

Теперь уже он, как кошка, сжался в пружину, стараясь освободить тело от остатков паралича. Он резко поднял руки, чтобы схватить кошку, его помутневший рассудок пронзила настолько странная по своей жестокости мысль, что он не сразу осознал ее, а руки смогли схватить один

лишь хвост этого исчадия ада.

Каким-то образом ей удалось втиснуть ему в рот все свое тело – сейчас ее странная черно-белая морда прогрызала себе дорогу где-то внутри его горла.

Каким-то образом ей удалось втиснуть ему в рот все свое тело – сейчас ее странная черно-белая морда прогрызала себе дорогу где-то внутри его горла.

Из глотки Хэлстона вырвался ужасный надрывно-хриплый рев; само горло раздулось и трепетало, словно сопротивлялось проникновению внутрь этой неумолимой живой смерти.

Его тело дернулось: один раз… Потом еще. Ладони туго сжались в кулаки, затем медленно, вяло разжались. Глаза блеснули какой-то нечаянной улыбкой и тут же остекленели. Казалось, Хэлстон устремил свой незрячий взгляд сквозь забрызганное лобовое стекло «мустанга» куда-то вдаль, в сторону зарождавшегося рассвета.

Из его распоротого рта свисал пятисантиметровый кончик пушистого черно-белого хвоста. Затем и он исчез.

Где-то снова закричала птица… И вскоре сельские поля Коннектикута стали заполняться нежно молчаливыми лучами рассвета.

Фермера звали Уил Росс.

Путь его лежал к Плейсерс Глен, где он намеревался заменить распредвал на своем тракторе. В ярком свете позднего утра он заметил какой-то большой предмет, лежавший в кювете у дороги. Он подъехал поближе, чтобы разобраться, и увидел в придорожной канаве «мустанг», застывший в каком-то нелепо-пьяном наклоне над землей; в его радиаторной решетке застряли куски колючей проволоки, чем-то напоминающие разодранные мотки для вязания.

Он стал спускаться с дороги и неожиданно замер как вкопанный.

– Святой Моисей, спаси и помилуй! За рулем сидел человек, лицо его было залито кровью. Взгляд остекленевших глаз был устремлен куда-то в вечность. Пересекавший грудь ремень безопасности походил скорее на врезавшуюся в тело перевязь для пистолетной кобуры.

Дверцу явно заклинило, но Росс напрягся и, вцепившись в ручку обеими руками, все же распахнул ее. Как бы в знак протеста она противно заскрипела.

Он наклонился вперед и отсоединил ремень, намереваясь поискать в карманах спортивного плаща мужчины какие-нибудь документы. Рука уже потянулась было к плащу, когда он заметил, что прямо над пряжкой ремня рубаха мертвеца разорвана, и в этом месте образовалось какое-то вздутие. Тотчас же на рубахе, Подобно зловещим розам, стали расползаться пятна крови.

– Что за черт! – воскликнул Росс. Он наклонился еще ниже и, ухватив рукой край рубашки мужчины, Потянул ее из брюк. Движения его рук запечатлелись в его памяти навечно, оставив страшный рубец на всю жизнь.

Уил Росс посмотрел… И истошно заорал. Прямо поверх пупка Хэлстона в его животе была прогрызена дыра, из которой торчала покрытая кровавыми потеками черно-белая голова кошки. Ее огромные глаза с яростью смотрели на Уила.

Topreading.ru

Росс отскочил назад, продолжая кричать, он закрыл лицо ладонями. В небо взметнулись сотни ворон, кормившихся на пустынном кукурузном поле. Кошка вылезла наружу и с омерзительной истомой потянулась.

Затем она выскочила в открытое окно машины. Росс смотрел ей вслед, медленно опустив руки. Она прыгала по высокой мерзлой траве, пока совсем не исчезла из виду.

Словно у нее остались еще какие-то незавершенные дела.

ДОЛГИЙ ДЖОНТ

– Заканчивается регистрация на джонт-рейс номер 701.

Приятный женский голос эхом прокатился через Голубой зал Нью-Йоркского вокзала Порт-Осорити. Вокзал почти не изменился за последние три сотни лет, оставаясь по-прежнему обшарпанным и немного пугающим. Меж тем записанный на пленку голос продолжал:

– Джонт-рейс до Уайтхед-Сити, планета Марс. Всем пассажирам с билетами необходимо пройти в спальную галерею Голубого зала. Проверьте, все ли ваши документы в порядке. Благодарим за внимание.

Спальная галерея на втором этаже в отличие от самого зала вовсе не выглядела обшарпанной: ковер от стены до стены, белые стены с репродукциями, успокаивающие переливы света. На одинаковом расстоянии друг от друга по десять в ряд в галерее размещались сто кушеток, между которыми двигались сотрудники джонт-службы.

Семейство Оутсов расположилось на четырех стоящих рядом кушетках в дальнем конце галереи: Марк Оутс и его жена Мерилис по краям, Рикки и Патриция между ними.

– Папа, а ты нам расскажешь про джонт? – спросил Рикки. – Ты обещал.

Со всех сторон доносились приглушенные звуки разговоров, шорохи, шелест одежды: пассажиры устраивались на своих местах. Марк посмотрел на жену и подмигнул. Мерилис подмигнула в ответ, хотя Марк видел, что она волновалась. По мнению Марка это было совершенно естественно: первый джонт в жизни для всех, кроме него. За последние шесть месяцев – с тех пор, как он получил уведомление от разведочной компании «Техас Уотер» о том, что его переводят на Марс в Уайтхед-Сити, – они с Мерилис множество раз обсуждали все плюсы и минусы переезда с семьей и в конце концов решили, что на два года им расставаться не стоит. Сейчас же, глядя на бледное лицо Мерилис, Марк подумал, не сожалеет ли она о принятом решении.

Он взглянул на часы и увидел, что до джонта осталось еще около получаса: вполне достаточно, чтобы рассказать детям обещанную историю. Это, возможно, отвлечет их и успокоит, а то об этом джонте столько слухов… Может быть, даже успокоит Мерилис.

– Ладно, – сказал он.

Двенадцатилетний Рикки и девятилетняя Пат смотрели на него, не отрываясь.

– Насколько известно, – начал он. – джонт изобрели лет триста назад, примерно в 1987 году. Сделал это Виктор Карун. Причина того, что мы не знаем точной даты открытия, – некоторая

эксцентричность Каруна… Он довольно долго экспериментировал с новым процессом, прежде чем информировать правительство об открытии, и то сделал это только потому, что у него кончились деньги и его не хотели больше финансировать.

В дальнем конце помещения бесшумно открылась дверь, и появились двое служащих, одетых в ярко-красные комбинезоны джонт-службы. Перед собой они катили столик на колесах: на столике лежал штуцер из нержавеющей стали, соединенный с резиновым шлангом. Марк знал, что под столиком, спрятанные от глаз пассажиров длинной скатертью, размещались два баллона с газом. Сбоку на крючке висела сетка с сотней сменных масок.

Марк продолжал говорить: у него достаточно времени, чтобы рассказать историю до конца.

– Вы, конечно, знаете, что джонт – это телепортация. Его называют «процессом Каруна», но это не что иное, как телепортация. Именно Карун – если верить истории – дал этому процессу название «джонт». Слово это он сам придумал по праву первооткрывателя.

Один из служащих надел на штуцер маску и вручил ее пожилой женщине в дальнем конце комнаты. Она взяла маску, глубоко вдохнула и, обмякнув, тихо опустилась на кушетку. Сотрудник джонт-службы отсоединил использованную маску и прикрепил к штуцеру новую.

– Для Каруна все началось с карандаша, ключей, наручных часов и нескольких мышей. Именно мыши указали ему на главную проблему…

– Мыши? – спросил Рикки.

– Мыши? – как эхо повторила Патти.

Марк едва заметно улыбнулся. Они увлеклись рассказом, даже Мерилис увлеклась. Они почти забыли, зачем они здесь. Краем глаза Марк отмечал, как сотрудники джонт-службы медленно катят столик на резиновых колесиках между рядами кушеток, по очереди усыпляя пассажиров.

Виктор Карун Вернулся в лабораторию, пошатываясь от возбуждения. По дороге из зоомагазина, где он, потратив последние двадцать долларов, купил девять белых мышей, Карун дважды чуть не врезался в столб. Осталось у него всего лишь девяносто три цента в кармане и восемнадцать долларов на счету в банке, но он об этом не думал.

Его идея была в том, чтобы передавать на расстояние элементарные частицы. А так как все тела в мире состоят из элементарных частиц, то это могло привести к мгновенной или практически мгновенной телепортации любого предмета, включая живые существа.

Идея была не слишком логичной, но поведение многих элементарных частиц тоже не поддавалось сколь-нибудь разумной логике, и правительственная комиссия, похмыкав и выразив максимальную степень сомнения, все же финансировала проект. Лабораторию Карун разместил в переоборудованном сарае. Он установил два портала в разных концах помещения. В одном конце размещалась несложная ионная пушка, какую можно приобрести в любом магазине электронного оборудования за пятьсот долларов. На другой стороне, сразу за вторым порталом, стояла камера Вильсона. Между ними висело нечто похожее на занавеску для душевой, хотя, конечно, никто не делает занавески для душевых из листового свинца. Пропуская ионный поток через первый портал, можно было наблюдать его прохождение в камере Вильсона. Свинцовый занавес ионы не пропускал, и, если они все же появлялись за ним, значит, можно было говорить о телепортации. Правда, установка работала только дважды, и Карун не имел ни малейшего представления, почему.

А в тот день у него получилось. Частицы, которые никак не могли приникать через свинец, регистрировались в камере. Карун менял мощность потока – камера сразу же откликалась идентичным изменением.

А в тот день у него получилось. Частицы, которые никак не могли приникать через свинец, регистрировались в камере. Карун менял мощность потока – камера сразу же откликалась идентичным изменением.

Получилось!

«Необходимо успокоиться, – уговаривал себя Карун, переводя дух. – Надо все обдумать. Никакой пользы от спешки не будет…» Ничего не предпринимая, он с минуту молча смотрел на портал. «Карандаш, – решил он. – Карандаш вполне подойдет.»

Достав с полки карандаш, он медленно продвинул его через первый портал. Карандаш исчезал постепенно, дюйм за дюймом, словно перед глазами Каруна совершался ловкий фокус. На одной из граней значилось: «ЭБЕРХАРД ФАБЕР № 2» – черные буквы, выдавленные на желтом фоне. Продвинув карандаш в портал и увидев, что от надписи осталось только «ЭБЕРХ», Карун обошел портал и взглянул на него с другой стороны.

Там он обнаружил аккуратный, словно обрубленный ножом, срез карандаша. Карун пощупал пальцами то место, где должна быть вторая половина карандаша, но там, разумеется, ничего не было. Он бросился ко второму порталу, расположенному в другом конце сарая, – на верхнем ящике из-под апельсинов лежала вторая половина карандаша. Сердце его забилось так сильно, что казалось, его просто трясет изнутри. Карун схватился за заточенный конец карандаша и вытянул его из портала.

Он поднял карандаш поближе к глазам, внимательно разглядел и пронзительно рассмеялся в пустом сарае.

– Сработало! – закричал он. – Сработало, черт побери! Сработало, и это сделал я!

За карандашом последовали ключи: Карун просто швырнул их через портал. На его глазах ключи исчезли, и в тот же момент он услышал, как они звякнули, упав на ящик на другом конце сарая. Карун побежал туда, схватил ключи и пошел к замку. Ключ работал отлично. Потом он проверил ключ от дома. Тот тоже исправно открывал замок. И так же хорошо работали ключи от картотечного шкафа и от машины.

Карун сунул их в карман и снял с запястья часы. Модель «Сейко-Кварц С» со встроенным микрокалькулятором позволяла ему производить все простые вычисления от сложения до извлечения корней. Сложная игрушка и, что важно, с секундомером. Карун положил часы у первого портала и, протолкнув их карандашом, бросился в другой конец сарая. Когда он запихивал часы, они показывали 11: 31: 07. Теперь же на циферблате стояло 11: 31: 19. Очень хорошо. Сходится. Хотя, конечно, неплохо было бы иметь у второго портала ассистента, который подтвердил бы раз и навсегда, что на переход время не тратится. Однако сейчас это не важно. Скоро правительство завалит его ассистентами…

Он проверил калькулятор. Два плюс два по-прежнему давало четыре; восемь деленное на четыре давало два; квадратный корень из одиннадцати по-прежнему равнялся 3, 3166247… и так далее. Значит, при телепортации вещи не теряли своих свойств.

После этого Карун решил, что пришло время мышей.

– Что случилось с мышами, папа? – спросил Рикки.

Марк на мгновение задумался. Здесь нужно будет проявить осторожность, если он не хочет напугать детей и жену перед их первым джонтом. Главное – убедить их, что все в порядке, что основная проблема уже решена.

– Тут у него возникли небольшие затруднения…

Карун поставил коробку с мышами и надписью «Мы из зоомагазина „Стакполс“ на полку и проверил аппаратуру. За то время, пока он ездил в зоомагазин, ничего не случилось, аппаратура была в порядке.

Открыв коробку, он сунул туда руку и вытащил за хвост белую мышь. Посадив ее перед порталом, он сказал «Ну, вперед». Та шустро спустилась по шершавой стенке ящика из-под апельсинов, на котором стоял портал, и бросилась наутек. Карун кинулся за ней и едва не накрыл ладонью, но мышь шмыгнула в щель между досками и исчезла.

– Зараза! – закричал Карун и побежал обратно к коробке. Он успел как раз вовремя, чтобы столкнуть с края назад в коробку еще двух беглянок. Затем он извлек вторую мышь, на этот раз ухватив ее за тельце, и мышь сразу же вцепилась зубами в палец. Он ее просто бросил, и она полетела, кувыркаясь и болтая лапками, через портал. Тут же Карун услышал, как она приземлилась на ящике в другом конце сарая.

Помня, с какой легкостью от него удрала первая мышь, он бросился туда бегом. Но оказалось напрасно. Белая мышь сидела, поджав лапки; глаза ее помутнели; бока чуть заметно вздымались. Карун замедлил шаг и осторожно приблизился. Работать с белыми мышами ему не доводилось, но чтобы заметить, что с мышью что-то не так, многолетнего стажа не требовалось.

– Мышка после перехода чувствовала себя не очень хорошо, – сказал Марк детям, широко улыбаясь, и только жена заметила, что улыбка его чуть-чуть натянута.

Карун потрогал мышь пальцем. Если бы не вздымающиеся при дыхании бока, можно было подумать, что перед ним чучело, набитое опилками. Мышь даже не шевельнулась, она смотрела только вперед. Он бросил через портал подвижное, шустрое и энергичное животное; теперь же перед ним лежало вялое существо, в котором едва-едва теплилась жизнь.

Когда Карун щелкнул пальцами перед маленькими выцветшими глазами мыши, она моргнула… и, повалившись на бок, умерла.

– Тогда Карун решил попробовать еще одну мышь, – сказал Марк.

– А что случилось с первой? – спросил Рикки.

Марк снова широко улыбнулся.

– Ее с почестями проводили на пенсию.

Карун отыскал бумажный пакет и положил туда дохлую мышь. Позже, вечером, он собирался отнести ее к ветеринару, чтобы тот произвел вскрытие и сказал ему, все ли у подопытного зверька в порядке. Но о вскрытии можно будет подумать потом.

Карун соорудил небольшую горку, спускающуюся ко входу в первый портал. (Первая «джонт-

горка» сказал Марк детям, и Патти, представив, видимо, горку для мышей, обрадованно засмеялась.) Он запустил туда новую мышь и закрыл выход рукой. Мышь потолкалась по углам, побродила немного, обнюхивая незнакомые предметы, потом двинулась к порталу – и исчезла.

Карун побежал ко второму порталу.

На ящике лежала мертвая мышь.

Ни крови, ни распухших участков тела, что могло бы свидетельствовать о резких перепадах давления, от которых полопались бы внутренние органы, Карун не заметил. Кислородное голодание? Опять же нет. Для перехода требовалась всего доля секунды: его собственные часы подтвердили, что времени на переход совсем не тратится, а если и тратится, то чертовски мало.

Вторая белая мышь отправилась в тот же бумажный пакет, что и первая. Карун достал следующую. Ее, ухватив понадежнее пальцами, он сунул а портал хвостом вперед и увидел, что из второго портала появилась задняя половина мыши. Маленькие ножки лихорадочно скребли по грубой деревянной поверхности ящика.

Карун вытащил мышь из портала: никаких признаков болезни и тем более смерти.

Карун извлек из коробки еще одну мышь и сунул ее хвостом вперед в портал. Целиком. Затем поспешил ко второму порталу.

Мышь прожила почти две минуты. Она даже пыталась бежать:

Шатаясь, сделала несколько шагов по ящику, упала на бок, с трудом поднялась, но так и застыла на месте. Карун щелкнул у нее над головой пальцами. Мышь дернулась, сделала еще, может быть, шага четыре, и повалилась. Бока ее вздымались все медленнее, потом дыхание прекратилось и она умерла.

По спине у Каруна пробежали мурашки.

Он достал еще одну мышь и сунул ее головой вперед, но только до половины. Из другого портала появилась голова и передняя часть маленького тельца. Карун осторожно разжал пальцы, приготовясь тут же схватить зверька, если от попытается улизнуть. Но мышь осталась на месте: половина ее у одного портала половина у второго в другом конце сарая.

Карун побежал ко второму порталу. Мышь еще была жива, но ее розовые глаза помутнели. Усы не шевелились. Обойдя портал, Карун увидел удивительное зрелище: перед ним оказался поперечный срез мыши (как это было и с карандашом). Крохотный позвоночник животного оканчивался белым концентрическим кружочком, кровь двигалась по сосудам, в маленьком пищеводе что-то перемещалось. «По крайней мере, – подумал он (и написал позже в статье), – эта установка может служить прекрасным диагностическим аппаратом». Потом Карун заметил, как движение органов замедляется, и через несколько секунд мышь умерла. Он вытянул ее из портала за мордочку и опустил в бумажный пакет.

«Достаточно белых мышей, – подумал он. – Мыши мрут. И если их пропускать через портал целиком, и если только наполовину, но головой вперед. Если же засунуть мышь наполовину, но хвостом вперед, она бегает, как ни в чем не бывало. Что-то здесь кроется… Может быть, в процессе перехода они видят, или слышат, или чувствуют нечто такое, что буквально убивает их. Что бы это могло быть?»

Ответа он не знал, но собирался узнать.

Он снял со стены у кухонной двери термометр, бросился обратно в сарай и сунул его через портал. На входе термометр показывал 83 градуса по Фаренгейту, на выходе – ту же самую цифру. Значит, мышей убивал не космический холод. Впрочем, это было видно и так. Порывшись в пустой комнате, где хранились детские игрушки, которыми Карун развлекал, случалось, наезжавших в гости внуков, он отыскал пакет с воздушными шариками, надул один из них и запихнул через портал. Шарик выскочил из другого портала целый и невредимый. Значит, при переходе не было и резких перепадов давления.

Из дома он принес аквариум с золотыми рыбками. Засунув аквариум в портал, он побежал в другой конец сарая. Одна рыбка плавала кверху пузом, другая медленно, словно оглушенная, кружилась у самого дна, а потом тоже всплыла пузом вверх. Карун уже хотел убрать аквариум, когда рыбка вдруг дернула хвостом и вяло поплыла. Медленно, но, похоже, верно она справилась с воздействием перехода, и часам к девяти вечера, когда Карун вернулся из ветеринарной клиники, рыбка была в норме и вела себя, как обычно.

Однако другая умерла.

Вскрытие мышей в тот же вечер ветеринаром ничего не прояснило. Насколько можно было судить по визуальному осмотру, без тонких лабораторных анализов, все внутренние органы у мышей были в порядке, мыши были здоровы, если не считать того факта, что они все-таки умерли.

Служащие с усыпляющим газом подходили все ближе, и Марк понял, что надо торопиться, иначе конец придется рассказывать, проснувшись уже на Марсе.

– Добираясь в тот вечер от ветеринара до дома – при этом, как уверяет история, половину дороги Карун прошел пешком, – он понял, что, возможно, одним махом решил все чуть ли не все транспортные проблемы человечества: все неживые грузы, которые отправляются поездами, пароходами, самолетами и автомашинами, когда-нибудь будут просто джонтироваться. Сейчас мы к этому привыкли, но для Каруна, поверьте мне, это значило очень много. И вообще для всех людей.

– А что же случилось с мышками, папа? – спросил Рикки.

– Такой же вопрос продолжал задавать себе Карун, – сказал Марк. – потому что он понял: если джонтом смогут пользоваться еще и люди, это решит многое. Он продолжал эксперименты, но вскоре в его исследования вмешалось правительство. Карун держал его в неведении, сколько мог, но комиссия пронюхала об его открытии и без промедления взяла все в свои руки. Карун оставался номинальным руководителем проекта «Джонт» еще десять лет, до самой своей смерти, но на самом деле он ничем уже не руководил. Правительство взялось за дело без промедления. Проверки показали, что абсолютно никаких изменений в неодушевленных телепортируемых предметах не происходит. О существовании джонт-процесса было с помпой объявлено на весь мир.

Объявление 19 октября 1988 года о существовании джонта, то есть надежного телепортационного процесса, вызвало во всем мире бурю восторгов и экономический подъем. Через 10 лет станции джонт-процесса появились во всех крупных городах мира, и джонтирование грузов стало обычным делом.

– А мышки, папа? – нетерпеливо спросила Патти. – Что случилось с мышками?

Марк показал на сотрудников джонт-службы, обходящих пассажиров всего в трех рядах от того места, где расположились Оутсы. Рик только кивнул. Патти с беспокойством посмотрела на даму с модно выбритой и раскрашенной головой, которая вдохнула газ через маску и мгновенно уснула.

– Когда не спишь, джонтироваться нельзя, да, папа? – спросил Рик.

Марк кивнул и обнадеживающе улыбнулся Патриции.

– Это Карун понял даже раньше, чем о его открытии узнало правительство, – сказал он. – Он догадался, что джонтироваться можно лишь без сознания, точнее – в глубоком сне.

– Когда он совал мышей хвостом вперед, – медленно произнес Рикки, – они чувствовали себя нормально. До тех пор, пока он не засовывал их целиком. Они.. умирали, только когда Карун запихивал их в портал головой вперед. Правильно?

– Правильно, – сказал Марк.

– Главное – голова, то есть мозг, да, папа? – спросил Рик.

– Верно, малыш, – и Марк удовлетворенно глянул на сына. Смышленый у него парень, его надежда и гордость.

Сотрудники джонт-службы приближались, двигая впереди себя колесницу забвения. Видимо, времени на полный рассказ все-таки не хватит. Может быть, оно и к лучшему.

Проверки продолжались больше двадцати лет, хотя первые же опыты убедили Каруна, что в бессознательном состоянии животные не подвержены воздействию, за которым закрепилось название «органический эффект», или просто «джонт-эффект». Он усыпил несколько мышей, пропихнул их в первый портал, извлек из второго и, съедаемый любопытством, стал ждать, когда подопытные зверьки проснутся… или не проснутся. Мыши проснулись и после короткого восстановительного периода, вызванного действием снотворного, занялись своими обычными мышиными делами, то есть принялись грызть еду, гадить, играть и размножаться без каких бы то ни было отрицательных последствий. Эти мыши стали первыми из нескольких поколений, которые изучались с особым интересом. Никаких отрицательных последствий не обнаружилось: умирали они не раньше других, мышата рождались у них нормальные…

– А когда начали работать с людьми, папа? – спросил Рикки, хотя наверняка уже читал об этом в школьном учебнике. – Расскажи.

– Я хочу знать, что случилось с мышками, – снова заявила Патти.

Хотя столик с газом доехал уже до начала их ряда, Марк Оутс позволил себе на несколько секунд задуматься. Его дочь, которая знала безусловно меньше брата, прислушалась к своему сердцу и задала правильный вопрос. Поэтому он решил сначала ответить на вопрос сына.

Первыми людьми, испытавшими джонт на себе, стали не астронавты или летчики; ими стали добровольцы из числа заключенных. Шестерых добровольцев усыпили и по очереди телепортировали между порталами, расположенными в двух милях друг от друга.

Об этом Марк детям рассказал, потому что все шестеро проснулись в лучшем виде. Но он не стал рассказывать о седьмом испытателе. У этой фигуры, то ли вымышленной, то ли реальной, а скорее всего скомбинированной из реальности и вымысла, даже имелось имя: Руди Фоггиа.

Его якобы судили и приговорили в штате Флорида к смерти за убийство четверых стариков, на которых Фоггиа напал, когда те сидели дома и спокойно играли в бридж. Якобы ЦРУ и ФБР совместно сделали Фоггиа уникальное предложение: джонтироваться не засыпая. Если все пройдет нормально – полное освобождение плюс небольшие подъемные. Если же умрешь или сойдешь с ума – значит, не повезло. Ну, как?

Фоггиа, хорошо понимавший, что смертный приговор означает действительно смертный приговор, дал согласие, узнав от своего адвоката, что, поскольку прошение о помиловании отклонено, жить ему осталось в лучшем случае недели две.

В тот Великий День летом 2007 года в зале испытаний присутствовало двенадцать ученых, но, если даже история с Рудди Фоггиа правдива – а Марк верил, что это действительно так, – он сомневался, что проговорились именно ученые. Скорее всего это сделал кто-нибудь из охранников, а может, технических работников, обслуживавших аппаратуру.

– Если я останусь в живых, приготовьте мне жаренную курицу с ореховой подливкой, а уж потом я отсюда смоюсь, – это, по слухам, Фоггиа сказал перед тем, как шагнуть в первый портал и через мгновение появиться из второго.

Он вышел живым, но отведать жареной курицы ему не пришлось. За время, потребовавшееся ему, чтобы перенестись на две мили (по замеру компьютера – 0, 000.000.000.067 секунды), его волосы стали совершенно белыми. Лицо Фоггиа не изменилось физически – на нем не появилось новых морщин, но при взгляде на него возникало неизгладимое впечатление страшной, почти невероятной старости. Шаркая ногами, Фоггия отошел от портала и, неуверенно вытянув вперед руки, поглядел на мир пустыми глазами. Губы его дергались и шевелились, потом изо рта потекла слюна. Ученые, собравшиеся вокруг, замерли.

– Что произошло? – наконец вскрикнул один из них, и это был единственный вопрос, на который Фоггиа успел ответить.

– Там вечность! – произнес он и упал замертво. Позже врачи определили инфаркт.

– Папа, я хочу знать, что случилось с мышками, – повторила Патти. Возможность снова спросить об этом о нее возникла лишь потому, что бизнесмен в дорогом костюме и до блеска начищенных ботинках начал вдруг спорить с сотрудниками джонт-службы. Он, похоже, не хотел, чтобы его усыпляли именно газом, и чего-то требовал. Люди джонт-службы старались как могли – уговаривали его, стыдили, убеждали, – и это замедлило их продвижение вперед. Марк вздохнул. Он сам завел этот разговор – да, чтобы отвлечь детей от переживаний перед джонтом, но все-таки завел, – и теперь придется его заканчивать настолько правдиво, насколько можно, без того, чтобы встревожить детей или напугать.

Он не станет, конечно, рассказывать им о книге Саммерса «Политика джонта», одна из глав которой – «Джонт под покровом тайны» – содержала подборку наиболее достоверных слухов о джонте. Описывалась там история Руди Фоггиа, и еще около тридцати случаев с добровольцами, мучениками или сумасшедшими, которые джонтировались, не засыпая, за последние триста лет. Большинство из них умерли у выходного портала. Остальные оказались безнадежно свихнувшимися. В некоторых случаях к смерти от шока приводил сам факт выхода из джонта.

Эта глава в книге Саммерса, посвященная слухам и домыслам, содержала немало тревожных разоблачений: несколько раз джонт использовался как орудие убийства. Наиболее известный (и единственный документированный) случай произошел всего лет тридцать назад, когда

джонт-исследователь Лестер Майклсон связал свою жену и затолкнул надрывающуюся от крика женщину в портал в Силвер-Сити, штат Невада. Но перед тем, как сделать это, он нажал кнопку обнуления на панели управления, тем самым стерев координаты всех порталов, через которые миссис Майклсон могла бы материализоваться. Короче, миссис Майклсон джонтировалась куда-то в белый свет. После того как эксперты признали Лестера Майклсона полноценным и, следовательно, способным нести ответственность за свои действия, адвокат выдвинул новый вариант защиты: Лестера Майклсона нельзя судить за убийство, так как никто не может с определенностью доказать, что миссис Майклсон мертва. Это суждение создало ужасный образ некоего призрака женщины, бестелесной, но все еще разумной, продолжающей истошно кричать где-то в чистилище целую вечность… Майклсона все же осудили и казнили.

Эта глава в книге Саммерса, посвященная слухам и домыслам, содержала немало тревожных разоблачений: несколько раз джонт использовался как орудие убийства. Наиболее известный (и единственный документированный) случай произошел всего лет тридцать назад, когда джонт-исследователь Лестер Майклсон связал свою жену и затолкнул надрывающуюся от крика женщину в портал в Силвер-Сити, штат Невада. Но перед тем, как сделать это, он нажал кнопку обнуления на панели управления, тем самым стерев координаты всех порталов, через которые миссис Майклсон могла бы материализоваться. Короче, миссис Майклсон джонтировалась куда-то в белый свет. После того как эксперты признали Лестера Майклсона полноценным и, следовательно, способным нести ответственность за свои действия, адвокат выдвинул новый вариант защиты: Лестера Майклсона нельзя судить за убийство, так как никто не может с определенностью доказать, что миссис Майклсон мертва. Это суждение создало ужасный образ некоего призрака женщины, бестелесной, но все еще разумной, продолжающей истошно кричать где-то в чистилище целую вечность… Майклсона все же осудили и казнили.

Кроме того, Саммерс полагал, что джонт-процесс используется некоторыми диктаторскими режимами для того, чтобы избавляться от инакомыслящих политических противников. Некоторые считали, что мафия также имеет свои нелегальные джонт-станции. В книге высказывалось предположение, что посредством обнуленных джонт-станций мафия избавлялась от своих жертв, как живых, так и мертвых.

– Видишь ли, – произнес Марк медленно, отвечая на вопрос Патти о мышах и заметив, как жена взглядом предупредила его, чтобы он не сказал чего-нибудь лишнего, – видишь ли, даже сейчас никто точно этого не знает, Патти. Но эксперименты с животными привели ученых к выводу о том, что, хотя джонт физически осуществляется почти мгновенно, в уме на телепортацию тратится долгое-долгое время.

– Я не понимаю, – обиженно сказала Патти. – Я так и знала, что не пойму.

Рикки, однако, смотрел на отца задумчиво.

– Они продолжали жить и чувствовать, – сказал Рикки. – Все подопытные животные. И мы тоже будем, если нас не усыпят.

– Да, – согласился Марк. – Ученые считают именно так.

Что-то новое появилось во взгляде Рикки, Марк не сразу понял. Испуг? Возбуждение?

– Это не просто телепортация, да, папа? Это что-то вроде искривления времени?

«Там вечность! – подумалось Марку. – Что он хотел этим сказать, тот преступник, что он хотел сказать?»

– В каком-то смысле, да, – ответил он сыну. – Но это объяснение ничего не объясняет, Рик, потому что мы не знаем, что такое искривление времени. Тут дело, может быть, в том, что сознание не переносится элементарными частицами, оно каким-то образом остается целым, единым и неделимым. А кроме того, сохраняет ощущение времени, наверно, искаженное. Впрочем, мы же не знаем, как измеряет время чистое сознание… Более того, мы попросту не представляем себе, что такое чистый разум, без тела.

Марк умолк, встревоженно наблюдая за взглядом сына, который вдруг стал острым и пытливым. «Понимает, но в то же время и не понимает», – подумал он. Разум может быть лучшим другом, может позабавить человека, когда, скажем, нечего читать и нечем заняться. Но когда он не получает новых данных слишком долго, он обращается против человека, то есть против себя, начинает рвать и мучить сам себя и, может быть, пожирает сам себя в непредставимом акте самоканнибализма. Как долго это тянется в годах? Для тела джонт занимает 0, 000.000.000.067 секунды, но как долго для неделимого сознания? Сто лет? Тысяча? Миллион? Миллиард? Сколько лет наедине со своими мыслями в бесконечном поле времени? И вдруг, когда проходит миллиард вечностей – резкое возвращение к свету, форме, телу. Кто в состоянии выдержать такое?

– Рикки… – начал он, но в этот момент к нему приблизились сотрудники со своим столиком.

– Вы готовы? – спросил один из них.

Марк кивнул.

– Папа, я боюсь, – произнесла Патти тоненьким голоском. – Это больно?

– Нет, милая, конечно, нет, – ответил Марк вполне спокойным голосом, но сердце его забилось чуть быстрее: так случалось всегда, хотя джонтировался он раз двадцать пять. – Я буду первым, и вы увидите, как это легко и просто.

Человек в комбинезоне взглянул на него вопросительно. Марк кивнул и заставил себя улыбнуться. Затем на лицо его опустилась маска. Марк прижал ее руками и глубоко вдохнул в себя темноту.

Первое, что он увидел, очнувшись, это черное марсианское небо над куполом, закрывающем Уайтхед-Сити. Была ночь, и звезды, высыпавшие на небе, сияли с удивительной яркостью, никогда не виданной на Земле.

Потом он услышал какие-то беспорядочные крики, бормотание и через секунду пронзительный визг. «О боже, это Мерилис!» – пронеслось у него в голове, и, борясь с накатывающимися волнами головокружения, Марк поднялся с кушетки.

Снова закричали, и он увидел бегущих в их сторону сотрудников джонт-службы в красных комбинезонах. Мерилис, шатаясь и указывая куда-то рукой, двинулась к нему. Потом снова вскрикнула и упала без сознания.

Но Марк уже понял, куда она указывает. Он увидел. В глазах Рикки он заметил тогда не испуг, а именно возбуждение. Ему следовало бы догадаться, ему надо было догадаться! Ведь он знал Рикки, знал его затаенность и любопытство. Ведь это его сын, его милый мальчик, его Рикки – Рикки, который не знал страха.

До этого момента.

На соседней с Рикки кушетке лежала Патти и, к счастью, еще спала. То, что было его сыном, дергалось и извивалось рядом – двенадцатилетний мальчишка со снежно-белой головой и невероятно старыми тусклыми глазами, приобретшими болезненно-желтый цвет. Существо старше чем само время, рядящееся под двенадцатилетнего мальчишку. Оно подпрыгивало и дергалось словно в каком-то жутком, мерзком приступе веселья, потом засмеялось скрипучим, сатанинским смехом. Сотрудники джонт-службы не решались подойти к тому, что они видели.

Ноги старика-младенца судорожно сгибались и дрожали. Руки, похожие на высохшие хищные лапы, заламывались и плясали в воздухе, потом они вдруг опустились и вцепились в лицо того существа, которое еще недавно звали Рикки.

– Дольше, чем ты думаешь, отец! – проскрежетало оно. – Дольше чем ты думаешь! Я задержал дыхание, когда мне дали маску! Я притворился спящим! Хотел увидеть! И увидел! Я увидел! Дольше, чем ты думаешь!

С визгами и хрипами оно неожиданно впилось пальцами себе в глаза, Потекла кровь, и зал превратился в испуганный, кричащий обезьянник.

– Дольше, чем ты думаешь, отец! Я видел! Видел! Долгий джонт! Дольше, чем ты думаешь! Дольше, чем ты можешь себе представить! Намного дольше! О, папа!

Оно выкрикивало еще что-то, но джонт-служащие наконец опомнились и быстро повезли из зала кушетку с кричащим существом, пытающимся выцарапать себе глаза – глаза, которые видели немыслимое на протяжении вечности. Существо говорило что-то еще, всхлипывало, затем закричало, но Марк Оутс этого уже не слышал, потому что закричал сам.

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ ДЛЯ МИССИС ТОДД

– Вон едет эта Тодд, – сказал я.

Хомер Бакленд проводил взглядом небольшой «Ягуар» и кивнул. Женщина за рулем помахала рукой в знак приветствия. Хомер еще раз кивнул ей в ответ своей большой лохматой головой, но не поднял руки для выражения ответных дружеских чувств. Семья Тоддов владела большим летним домом на озере Касл, и Хомер уже давным-давно был ими нанят сторожем этого дома. Мне казалось, что он невзлюбил вторую жену У орта Тодда столь же сильно, как ему ранее нравилась Фелия Тодд – первая жена хозяина дома.

Это было как раз два года тому назад. Мы сидели на скамейке перед магазином Белла, и я наслаждался апельсиновой шипучкой. У Хомера в руках был стакан простой минеральной. Стоял октябрь – самое мирное времечко для Касл Рока. Отдыхающие по-прежнему приезжали на уик-энды на озеро, но их становилось все меньше, и была просто благодать по сравнению с тем жаркими летними деньками, когда пляжи ломились от тысяч и тысяч приезжих отовсюду, вносивших в и без того накаленную атмосферу свои собственные и весьма агрессивные нотки. А сейчас был тот благословенный месяц, когда летних отдыхающих уже не было, а для выкладывающих большие денежки за свои причуды пришельцев-охотников с их огромными ружьями и столь же огромными палаточными лагерями еще не настали сроки прибытия в городок.

Урожай почти везде был уже снят. Ночи стояли прохладные, самые лучшие для крепкого сна, а потому таким стариканам как мне было еще просто рано и не на что особенно жаловаться. В октябре небо над озером заполнено облаками, медленно проплывающими где-то вверху

подобно огромным белым птицам. Меня всегда удивляло, почему они кажутся столь плоскими внизу, у своего основания, и почему они там выглядят чуть сероватыми, словно тень заката. Мне это нравилось, так же как и то, что я могу просто любоваться отблесками солнечным лучей на воде и не думать при этом о каких-то жалких и никому не нужных минутах. Только в октябре и только здесь, на скамейке перед магазином Белла, откуда открывается столь чудный вид на озеро, мне иногда даже приходит в голову сожаление, что я не курильщик.

– Она не водит столь быстро, как Фелия, – сказал Хомер. – Я всегда удивлялся, как же это так здорово удавалось женщине с таким старомодным именем.

Летние отдыхающие наподобие Тоддов никогда особо не интересовали постоянных жителей небольших городков в Мэне, а уж тем более в той степени, какую они самонадеянно себе приписывают. Старожилы-резиденты предпочитают смаковать собственные любовные истории и ссоры, скандалы и слухи. Когда тот предприниматель-текстильщик на Амсбери застрелился, Эстонии Корбридж пришлось подождать добрую неделю, пока ее пригласили на ленч, чтобы послушать, как же ей удалось наткнуться на несчастного самоубийцу, все еще державшего револьвер с окостеневшей руке. Но зато о своем земляке Джо Кэмбере, которого загрыз собственный пес, местные старожилы не переставали судачить на все лады и до и после этого случая.

Ну да не в этом дело. Просто мы и они бежим по разным дорожкам. Летние приезжие подобны вольным скакунам или иноходцам. В то время как все мы, выполняющие годами изо дня в день, из недели в неделю свою работу здесь, являемся тяжеловозами или другими рабочими лошадками. И все же исчезновение в 1973 году Офелии Тодд вызвало немалый интерес среди местных жителей. Офелия была не просто обворожительно прекрасной женщиной, но и тем человеком, который сделал немало хорошего для нашего городка. Она выбивала деньги для библиотеки Слоэна, помогала восстановить памятник погибшим в войнах и участвовала во многих подобного рода делах. Но ведь все летние отдыхающие любят саму идею «выбивать деньги». Вы только упомяните о ней – и их глаза загорятся ярким блеском, а руки начнут искать, за что бы зацепиться. Они тут же создадут комитет и выберут секретаря, чтобы не забыть повестку дня. Они это страшно любят. Но как только вы скажете «время» (где-нибудь на шумном людном сборище, являющемся каким-то диковинным гибридом вечеринки с коктейлями и собрания комитета), – вы тут же лишитесь удачи. Время – это то, чего никак не могут и не должны терять приезжающие на лето. Они лелеют его, и если бы они смогли запечатать его в какие-нибудь банки-склянки, то наверняка бы попытались законсервировать эту самую большую ценность в своей жизни. Но Фелии Тодд, видимо, нравилось тратить время, – работая за стойкой библиотеки столь же рьяно и прилежно, как и при выбивании денег для нее. Когда нужно было перебрать фундамент и смазать машинным маслом все внутренние металлические конструкции памятника погибшим, Фелия была в самой гуще, среди женщин, потерявших сыновей в трех кровопролитных последних войнах, такая же, как и все, с запрятанными под косынку полосами и в рабочем комбинезоне. А когда местных ребятишек нужно было доставить к месту летних заплывов, караван машин с детьми вниз по Лэндинг-роуд неизменно возглавлял сверкающий пикап Уорта Тодда, за рулем которого восседала Фелия. Хорошая женщина. Хотя и не местная, но хорошая женщина. И когда она вдруг исчезла, это вызвало внимание. Не печаль, конечно, поскольку чье-то исчезновение – это еще не чья-то смерть. Это не похоже на то, что вы вдруг что-то ненароком отрубили ножом для разделки мяса. Куда больше оно походило на то, словно вы тормозите столь медленно, что еще долго не уверены, что наконец остановились.

– Она водила «Мерседес», – ответил Хомер на тот вопрос, который я и не собирался задавать. – Двухместная спортивная модель. Тодд купил ее жене в шестьдесят четвертом или пятом, по-

моему. Ты помнишь, как она возила ребят все эти годы на игры лягушек и головастиков.

– Н-да.

– Она везла детей заботливо, со скоростью не более сорока миль, потому в ее пикапе их всегда было полным-полно. Но это ей так нравилось. У этой женщины и котелок варил, и ноги летали, как на крыльях.

Такие вещи Хомер никогда не говорил о своих летних нанимателях. Но тогда умерла его жена. Пять лет тому назад. Она пахала склон для виноградника, а трактор опрокинулся на нее, и Хомер очень сильно все это переживал. Он тосковал никак не меньше двух лет и только потом, казалось, чуть отошел от своего горя. Но он уже не был прежним. Казалось, он чего-то ожидает, словно продолжения уже случившегося. Вы идете мимо его маленького домика в сумерках – и видите Хомера на веранде, покуривающего свою трубку, а стакане минеральной стоит на перилах веранды, и в его глазах отражается солнечный закат, и дымок от трубки вьется вокруг его головы.

– Тут вам непременно приходит в голову, по крайней мере, мне:

«Хомер ожидает следующего события».

Это затрагивало мое сознание и воображение в намного большей степени, чем бы мне хотелось, и, наконец, я решил, что все это потому, что будь я на его месте, я бы не ждал следующего события. Это ожидание слишком напоминает поведение жениха, который уже напялил на себя утренний костюм и затянул галстук, а теперь просто сидит на кровати в спальне наверху в своем доме и то таращится на себя в зеркало, то смотрит на каминные часы, ожидая одиннадцати часов, чтобы наконец начать свадебный обряд. Если бы я был на месте Хомера, я бы не стал ждать никаких следующих событий и происшествий, я бы только ожидал конца, когда тот приблизится ко мне.

Но в тот период своего ожидания неизвестно чего и кого – который завершился поездкой Хомера в Вермонт годом позже – он иногда беседовал на эту тему с некоторыми людьми. Со мной и еще кое с кем.

– Она никогда не ездила быстро со своим мужем в машине, насколько мне известно. Но когда она ехала со мной, этот «Мерседес» мог просто разлететься на части.

Какой-то парень подъехал к бензоколонке и начал заливать бак. Машина имела номерную пластину штата Массачусетс.

– Ее машина была не из тех новомодных штучек, которые могут работать только на очищенном бензине и дергаются туда-сюда, когда вы только переключаете скорость. Ее машина была из тех старых, со спидометром до ста шестидесяти миль в час. У нее была очень веселая светло-коричневая окраска, и я как-то спросил Фелию, как она сама называет такой цвет – она ответила, что это цвет шампанского.

«Разве это не здорово?» – спросил я – и она так расхохоталась, словно готова была лопнуть от смеха.

Мне нравятся женщины, которые смеются сами, не дожидаясь твоего разъяснения, когда и почему им следует смеяться, ты же знаешь это. Парень у колонки закончил накачку бензина.

– Добрый день, джентльмены, – сказал он, подходя к ступенькам.

– И вам тоже, – ответил я, и он вошел внутрь магазина.

– Фелия всегда искала, как бы и где бы можно срезать расстояние, – продолжал Хомер, словно нас никто и не прерывал. – Она была просто помешана на этом. Я никогда не видел здесь никакого особого смысла. Она же говаривала, что если вы сумеете сократить расстояние, то этим также сэкономите и время. Она утверждала, что ее отец присягнул бы под этим высказыванием. Он был коммивояжером, постоянно в дороге, и она часто сопровождала его в этих поездках, всегда стремясь найти кратчайший путь. И это вошло не только в привычку, а в саму ее плоть и кровь.

– Я как-то спросил ее, разве это не забавно, что она, с одной стороны, тратит свое драгоценное свободное время на расчистку той старой статуи в сквере или на перевозку мальцов на занятия плаванием, вместо того, чтобы самой играть в теннис, плавать и загорать, как это делают все нормальные отдыхающие, – а с другой стороны – она едет по чертову бездорожью ради того, чтобы сэкономить какие-то несчастные пятнадцать минут на дороге отсюда до Фрайбурга, поскольку мысль об этом вытесняет все прочее из ее головки. Это просто выглядит так, словно она идет наперекор естественной склонности, если так можно выразиться.

А она просто посмотрела на меня и сказала:

«Мне нравится помогать людям, Хомер. А также я люблю водить машину, по крайней мере, временами, когда есть какой-то вызов, но я не люблю время, которое уходит на это занятие. Это напоминает починку одежды: иногда вы ее штопаете, а иногда просто выбрасываете. Вы понимаете, что я здесь подразумеваю?»

«Думаю, что да, миссис», – сказал тогда я, здорово сомневаясь в этом, на самом деле.

«Если сидение за рулем машины было бы всегда мне приятно и казалось самым лучшим времяпрепровождением, я бы искала не кратчайших, а самых длинных путей», – сказала она мне, и это мне показалось очень смешным и занятным.

Парень из Массачузетса вышел из магазина с шестибаночной упаковкой пива в одной руке и несколькими лотерейными билетами в другой.

– У вас веселый уик-энд, – сказал Хомер.

– У меня здесь всегда так, – ответил тот. – Единственное, о чем я всегда мечтаю, это то, чтобы пожить здесь целый год.

– Ну, тогда мы постараемся сохранить здесь все в том же виде, чтобы все было в порядке, когда вы сможете приехать, – заявил Хомер, и парень рассмеялся.

Мы смотрели, как он отъезжает на своей машине с массачусетским номером. Номер был нанесен на зеленую пластину. Моя старуха говорит, что такие пластины автоинспекция штата Массачусетс присваивает только тем водителям, которые не попадали в дорожные происшествия в этом странном, озлобленном и всегда бурлящем штате в течение двух лет.

Парень из Массачузетса вышел из магазина с шестибаночной упаковкой пива в одной руке и несколькими лотерейными билетами в другой.

– У вас веселый уик-энд, – сказал Хомер.

– У меня здесь всегда так, – ответил тот. – Единственное, о чем я всегда мечтаю, это то, чтобы пожить здесь целый год.

– Ну, тогда мы постараемся сохранить здесь все в том же виде, чтобы все было в порядке, когда вы сможете приехать, – заявил Хомер, и парень рассмеялся.

Мы смотрели, как он отъезжает на своей машине с массачусетским номером. Номер был нанесен на зеленую пластину. Моя старуха говорит, что такие пластины автоинспекция штата Массачусетс присваивает только тем водителям, которые не попадали в дорожные происшествия в этом странном, озлобленном и всегда бурлящем штате в течение двух лет.

«А если у тебя происходили какие-то нарушения, – говорила она, – тебе обязательно выдадут красную пластину, чтобы люди на дороге остерегались повторных инцидентов с твоим участием».

– Они ведь оба были из нашего штата, ты знаешь, – сказал Хомер, словно парень из Массачузетса напомнил ему об этом факте.

– Да, я это знаю, – ответил я. – Тодды ведь были словно те единственные птицы, которые зимой летят на север, а не на юг. Это что-то новое, и мне кажется, что ей не очень-то нравились эти полеты на север.

Он глотнул своей минеральной и помолчал с минутку, что-то обдумывая.

– Она, правда, никогда об этом не говорила, – продолжал Хомер. – По крайней мере, она никогда, насколько я могу судить, не жаловалась на это. Жалоба была бы подобна объяснению, почему она всегда искала кратчайших путей.

– И ты думаешь, что ее муж не замечал, как она тряслась по лесным дорогам между Касл Роком и Бэнгором только для того, чтобы сократить пробег на девять десятых мили?

– Его не заботила вся эта ерунда, – коротко отрезал Хомер, после чего он встал и пошел в магазин.

«А теперь, Оуэнс, – сказал я самому себе, – ты будешь знать, что не следует задавать ему никаких вопросов, когда он что-то начинает рассказывать, поскольку ты забежал сейчас чуть вперед и всего одним своим ненужным высказыванием похоронил столь интересно начавшийся было рассказ».

Я продолжал сидеть и повернул лицо вверх к солнцу, а он вышел минут через десять, неся только что сваренное яйцо. Хомер сел и начал есть яйцо, а я сидел рядышком и помалкивал, а вода в озере иногда так блестела и отливала своей голубизной, как об этом можно только прочитать в романах о сокровищах. Когда Хомер наконец прикончил яйцо и. вновь принялся за минеральную, он вдруг вернулся к своему рассказу. Я был сильно удивлен, но не сказал ему ни слова. Иначе это бы только снова все испортило.

– У них ведь было две, а точнее, три машины на ходу, – сказал Хомер. – Был «Кадиллак», его грузовичок и ее дьявольский спортивный «Мерседес». Пару зим назад он взял этот грузовичок на тот случай, если им вдруг захочется сюда приехать зимой покататься на лыжах. А вообще-то летом он водил свой «Кадди», а она «Мерседес»-дьяволенок.

Я кивнул, но не проговорил ни слова. Мне все еще не хотелось рисковать отвлечь его от рассказа своими комментариями. Позднее уже я сообразил, что мне бы пришлось много раз

перебивать его или задавать свои дурацкие вопросы, для того чтобы заставить Хомера Бакленда замолчать в тот день. Он ведь сам настроился рассказывать о кратчайших путях миссис Тодд возможно более длинно и неспешно.

– Ее маленький дьяволенок был снабжен специальным счетчиком пройденного пути, который показывал, сколько миль пройдено по выбранному вами маршруту, и каждый раз, как она отправлялась из Касл Лейка в Бэнгор, она ставила этот счетчик на нули и засекала время. Она превратила это в какую-то игру и, бывало, не раз сердила меня всем этим сумасбродством.

Он остановился, словно прокручивая сказанное обратно.

– Нет, это не совсем правильно. Он снова замолчал, и глубокие бороздки прочертили его лоб подобно ступенькам лестницы в библиотеку.

– Она заставляла тебя думать, что она сделала игру из всего этого, но для нее все было серьезно. Не менее серьезно, чем все прочее. – Он махнул рукой, и я подумал, что он здесь подразумевает ее мужа. – Отделение для перчаток и всяких мелочей в ее спортивной машине было сплошь забито картами, а еще больше их было позади, в багажнике. Одни из них были карты с указанием местонахождения бензоколонок, другие были вырванными страницами из «Дорожного атласа» Рэнди Макнэлли. У нее также было полно карт из путеводителей Аппалачской железной дороги и всяких туристических топографических обзоров. Именно то, что у нее было столько всяких карт, на которые она наносила выбранные маршруты, заставляет меня думать, что ее занятия с ними были далеки от игры.

– Она несколько раз прокалывалась, а также один разок прилично чмокнулась с фермером на тракторе.

– Однажды я целый день клал кафель в ванной, сидел там, залепленный цементом, и не думал ни о чем, кроме как не расколоть бы эту чертову черепицу, – а она вошла и остановилась в дверном проеме. Она начала мне рассказывать обо всем этом довольно подробно. Я, как сейчас помню, немного рассердился, но в то же время вроде бы и как-то заинтересовался ее рассуждениями. И не потому только, что мой брат Франклин жил ниже Бэнгора и мне пришлось поездить почти по всем тем дорогам, о которых она рассказывала мне. Я заинтересовался только потому, что человеку моего типа всегда интересно знать кратчайший путь, даже если он и не собирается им всегда пользоваться. Вы ведь тоже так делаете?

– Да-а, – отвечал я.

В этом знании кратчайшего пути скрывалось нечто могущественное, даже если вы едете и по более длинному маршруту, хорошо представляя себе, как ваша теща ожидает вас, сидя у себя дома. Добраться туда побыстрее было стремлением, обычно свойственным птицам, хотя, по-видимому, ни один из владельцев водительских лицензий штата Массачузетс не имел об этом представления. Но знание, как туда можно побыстрее добраться – или даже знание, как еще можно туда доехать, о чем не имеет представления человек сидящий рядом с вами, – это было уже силой.

– Ну, она разбиралась в этих дорогах, как бойскаут в своих узелках, – заявил Хомер и осклабился большой солнечной улыбкой. – Она мне говаривала:

«Подождите минутку, одну минутку», – словно маленькая девочка, и я слышал даже через стену, как она переворачивает вверх дном свой письменный стол. Наконец она появлялась с небольшой записной книжкой, которая выглядела как видавшая виды. Обложка вся была измята, знаете ли, и некоторые страницы уже почти оторвались от проволочных колец, на

которых должны были держаться.

«Путь, которым едет Уорт – да и большинство людей – это дорога 97 к водопадам, затем дорога 11 к Льюистону, а затем межштатная на Бэнгор. Сто пятьдесят шесть и четыре десятых мили».

Я кивнул.

«Если вы хотите проскочить главную магистраль и сэкономить чуточку расстояния, вы должны ехать мимо водопадов, затем дорогой 11 к Льюистону, дорогой 202 на Аугусту, потом по дороге 9 через Чайна-Лэйк, Юнити и Хэвен на Бэнгор. Это будет сто сорок четыре и девять десятых мили».

«Но вы ничего не сэкономите во времени таким маршрутом, миссис, – сказал я, – если поедете через Лью-истон и Аугусту. Хотя я и готов согласиться, что подниматься по старой Дерри-роуд в Бэнгор действительно приятнее, чем ехать по обычному пути».

«Сократите достаточно миль своего пути – и вы сэкономите и достаточно времени, – ответила она. – Но я же не сказала, что это – мой маршрут, хотя я его перепробовала среди многих прочих. Я же просто перечисляю наиболее часто пробуемые маршруты большинства водителей. Вы не хотите, чтобы я продолжала?»

«Нет, – сказал я, – оставьте, если можно, меня одного в этой ванной, глазеющим на все эти трещины, пока я не' начну здесь бредить».

«Вообще-то существует четыре основных пути, чтобы добраться до Бэнгора. Первый – по дороге 2, он равен ста шестидесяти трем и четырем десятым мили. Я только один разок его испробовала. Слишком длинный путь.»

«Именно по нему я поеду, если жена вдруг позовет меня и скажет, что я уже зажился на этом свете». – сказал я самому себе, очень тихо.

«Что вы говорите?» – спросила она.

«Ничего, – отвечал я ей. – Разговариваю с черепицей».

«А-а. Ну, да ладно. – Четвертый путь – и мало кто о нем знает, хотя все дороги очень хороши, – лежит через Крапчатую Птичью гору по дороге 219, а затем по дороге 202 за Льюистоном. Затем вы сворачиваете на дорогу 19 и объезжаете Аугусту. А уж потом вы едете по старой Дерри-роуд. Весь путь занимает сто двадцать девять и две десятых мили».

Я ничего не отвечал довольно долго, и она, наверное, решила, что я очень сомневаюсь в ее правоте, потому что она повторила с большей настойчивостью: «Я знаю, что в это трудно поверить, но это так».

– Я сказал, что, наверное, она права и думаю сейчас, что так оно и было. Потому что именно этой дорогой я сам ездил к брату Франклину через Бэнгор, когда тот еще был жив. Как ты думаешь, Дэйв, может ли человек просто позабыть дорогу?

– Я сказал, что, наверное, она права и думаю сейчас, что так оно и было. Потому что именно этой дорогой я сам ездил к брату Франклину через Бэнгор, когда тот еще был жив. Как ты думаешь, Дэйв, может ли человек просто позабыть дорогу?

Я допустил, что это вполне возможно. Главная магистраль всегда прочнее всего застревает у вас в голове. Через какое-то время она почти все вытесняет из вашего сознания, и вы уже не думаете о том, как вам добраться отсюда туда, а лишь о том, как вам отсюда добраться до главной магистрали, ближайшей к нужному вам конечному пункту. И это заставило меня вдруг подумать, что в мире ведь существует множество других дорог, о которых почти никто и не вспоминает, дорог, по краям которых растут вишневые деревья, но никто не рвет эти вишни, и о них заботятся только птицы, а отходящие в стороны от этих дорог насыпные гравийные дорожки сейчас столь же заброшены, как и старые игрушки у уже выросшего ребенка. Эти дороги позабыты всеми, кроме людей, живущих возле них и думающих о том, каков будет быстрейший и кратчайший путь до выбранной ими цели. Мы нередко любим пошутить у себя в Мэне, что ты не сможешь добраться туда отсюда, а лишь сможешь приехать сюда оттуда, но ведь эта шутка про нас самих.

Дело в том, что существует чертовски много, добрая тысяча, различных путей, о которых человек и не подозревает.

Хомер продолжал:

– Я провозился почти весь день с укладкой кафеля в этой ванной, в жаре и в духоте, а она все стояла в дверном проеме, одна нога за другую, босоногая, в юбке цвета хаки и в свитере чуть потемнее. Волосы были завязаны конским хвостом. Ей тогда должно было быть что-то тридцать четыре или тридцать пять, но по ее лицу этого никак нельзя было сказать, и пока она мне все это рассказывала, мне не раз мерещилось, что я разговариваю с девчонкой, приехавшей домой из какой-то дальней школы или колледжа на каникулы.

– Через какое-то время ей все-таки пришла мысль, что она мне может мешать, да и закрывает доступ воздуху. Она сказала:

«Наверное я здорово вам надоела со всем этим, Хомер».

«Да, мэм, – ответил я. – Я думаю, вам лучше бы уйти отсюда, от всей пыли и грязи, и позволить мне побеседовать лишь с этим чертовым кафелем».

«Не будьте слишком суровым, Хомер», – сказала она мне.

«Нет, миссис, вы меня ничем особым здесь не беспокоите и не мешаете», – ответил я.

– Тогда она улыбнулась и снова села на своего конька, листая страницы записной книжки столь же усердно, как коммивояжер проверяет сделанные ему заказы. Она перечислила эти четыре главных пути – на самом деле – три, потому что она сразу отвергла дорогу 2, -ноу нее имелось никак не меньше сорока дополнительных маршрутов, которые могли быть успешной заменой для этих четырех. Дороги, имевшие штатную нумерацию и без нее, дороги под названиями и безымянные. Моя голова вскоре была прямо-таки нафарширована ими. И, наконец, она мне сказала:

«Вы готовы узнать имя победителя с голубой лентой, Хомер?»

«Думаю, что готов», – сказал я в ответ.

«По крайней мере это победитель на сегодня, – поправила она себя. – Знаете ли вы, Хомер, что какой-то человек написал статью в журнале „Наука сегодня“ в 1923 году, где доказывал, что ни один человек в мире не сможет пробежать милю быстрее четырех минут. Он доказал это при помощи всевозможных расчетов, основываясь на максимальной длине мышц бедер,

максимальной длине шага бегуна, максимальной емкости легких и частоте сокращений сердечной мышцы и еще на многих других мудреных штуковинах. Меня прямо-таки взяла за живое эта статья! Так взяла, что я дала ее Уорту и попросила его передать ее профессору Мюррею с факультета математики университета штата Мэн. Мне хотелось проверить все эти цифры, потому что я была заранее уверена, что они основываются на неверных постулатах или еще на чем-то совершенно неправильном. Уорт, вероятно, решил, что я чуточку тронулась. „Офелия запустила пчелку под свою шляпку“, – вот что он сказал мне на это, но он все же забрал статью. Ну да ладно… профессор Мюррей совершенно добросовестно проверил все выкладки того автора… и знаете, что произошло, Хомер?»

«Нет, миссис».

«Те цифры оказались точными и верными. Журналист основывался на прочном фундаменте. Он доказал в том 1923 году, что человек не в силах выбежать из четырех минут в забеге на милю. Он доказал это. Но люди это делают все это время и знаете, что все это означает?»

«Нет, миссис», – отвечал я, хотя и имел кое-какие догадки.

«Это значит, что не может быть победителя навечно и навсегда, – объяснила она. – Когда-нибудь, если только мир не взорвет сам себя к этому времени, кто-то пробежит на Олимпиаде милю за две минуты. Может быть, это произойдет через сто лет, а может, и через тысячу, но это произойдет. Потому что не может быть окончательного победителя. Есть ноль, есть вечность, есть человечество, но нет окончательного».

– И она стояла с чистым и сияющим лицом, а прядка волос свисала спереди над бровью, словно бросая вызов: «Можете говорить и не соглашаться, если хотите». Но я не мог. Потому что сам верил во что-то вроде этого. Все это походило на проповедь священника, когда он беседует о милосердии.

«А теперь вы готовы узнать о победителе на сегодня?» – спросила она.

«Да-а!» – отвечал я и даже перестал класть кафель на какой-то миг. Я уже добрался до трубы, и оставалось лишь заделать эти чертовы уголки. Она глубоко вздохнула, а затем выдала мне речь с такой скоростью, как аукционщик на Гейтс осенью, когда тот уже хватил изрядно виски, и я, конечно, мало что точно помню, но общий смысл уловил и запомнил.

Хомер Бакленд закрыл глаза на некоторое время, положил большие руки себе на колени, а лицо повернул к солнцу. Затем он открыл глаза, и в какой-то миг мне показалось, что он выглядит в точности как она, да-да, старик семидесяти лет выглядел как молодая женщина тридцати четырех лет, которая в тот миг беседы с ним смотрелась как студентка колледжа, не более чем двадцати лет от роду.

И я сам не могу точно вспомнить, что он сказал далее, не потому, что он не мог точно вспомнить ее слова, и не потому, что они были каким-то сложными, а потому, что меня поразило, как он выглядел, произнося их. Все же это мало чем отличалось от следующих слов:

«Вы выезжаете с дороги 97, а затем срезаете свой путь по Дентон-стрит до старой дороги Таунхауз и объезжаете Касл Рок снизу, возвращаясь на дорогу 97. Через девять миль вы сворачиваете на старую дорогу лесорубов, едете по ней полторы мили до городской дороги 6, которая приводит вас до Биг Андерсон-роуд на городскую сидро-вую мельницу. Там есть кратчайшая дорожка – старожилы зовут ее Медвежьей, – которая ведет к дороге 219. Как только вы окажетесь на дальней стороне Птичьей горы, вы поворачиваете на Стэнхауз-роуд, а затем берете влево на Булл Пайн-роуд, где вас изрядно потрясет на гравии, но это будет

недолго, если ехать с приличной скоростью, и вы попадаете на дорогу 106. Она дает возможность Здорово срезать путь через плантацию Элтона до старой Дерри-роуд – там сделано два или три деревянных настила, – и вы можете, проехав по ним, попасть на дорогу 3 как раз позади госпиталя в Дерри. Оттуда всего четыре мили до дороги 2 в Этне, а там уж и Бэнгор».

– Она остановилась, чтобы перевести дух, а затем посмотрела на меня:

«Знаете ли вы, сколько всего миль занимает такой маршрут?»

«Нет, мэм», – отвечал я, думая про себя, что, судя по всему этому перечислению, дорога займет никак не меньше ста девяноста миль и четырех поломанных рессор.

«Сто шестнадцать и четыре десятых мили», – сообщила она мне.

Я рассмеялся. Смех вырвался сам по себе, еще до того, как я подумал, что могу им сильно себе навредить и не услышать окончания всей этой истории. Но Хомер и сам усмехнулся и кивнул.

– Я знаю. И ты знаешь, что я не люблю с кем-либо спорить, Дэйв? Но все же есть разница в том, стоите ли вы на месте, прикидывая и так и сяк, или отмериваете расстояние своими шагами милю за милей, трясясь от усталости, как чертова яблоня на ветру.

«Вы мне не верите», – сказала она.

– Ну, в это трудно поверить, миссис, – ответил я.

«Оставьте кафель посушиться, и я вам кое-что покажу, – сказала она. – Вы сможете закончить все эти участки за трубой завтра. Продолжим, Хомер. Я оставлю записку Уорту – а он вообще может сегодня вечером не приехать, – а вы позвоните жене! Мы будем обедать в „Пайлоте Грил“, – она глянула на часы, – через два часа сорок пять минут после того, как выедем отсюда. А если хотя бы минутой позже, я ставлю вам бутылку ирландского виски. Увидите, что мой отец был прав. Сэкономь достаточно миль – и сэкономишь достаточно времени, даже если тебе для этого и понадобится продираться через все эти чертовы топи и отстойники в графстве Кэннеди. Что вы скажете?»

– Она смотрела на меня своими карими глазами, горевшими, как лампы, и с тем дьявольским вызовом, словно принуждая меня согласиться и бросить всю незаконченную работу, чтобы влезть в это сумасбродное дело. «Я обязательно выиграю, а ты проиграешь», – говорило все ее лицо, – «хотя бы и сам дьявол попытался мне помешать». И я скажу тебе, Дэйв, я и сам в глубине души хотел ехать. Мне уже не хотелось заниматься этим треклятым кафелем. И уж, конечно, мне совсем не хотелось самому вести эту чертову ее машину. Мне хотелось просто сидеть сбоку от нее и смотреть, как она забирается в машину, оправляет юбку пониже колен или даже и повыше, как блестят на солнце ее волосы.

Он слегка откинулся и вдруг издал кашляющий и саркастический смешок. Этот смех был подобен выстрелу из дробовика зарядом соли.

– Просто позвони Мигэн и скажи: «Знаешь эту Фелию Тодд, женщину, о которой ты никак не хочешь ничего слушать и прямо-таки бесишься от одного упоминания о ней? Ну так вот, она и я собираемся совершить скоростной заезд в Бэнгор в этом дьявольском ее спортивном „Мерседесе“ цвета шампанского, поэтому не жди меня к обеду».

– Просто позвони ей и скажи вот такое. О, да. Ох и ах.

И он снова стал смеяться, упираясь руками в бедра, и столь же неестественно, как и раньше, и я видел в его глазах нечто, почти ненавидящее. Через минуту он взял свой стакан минеральной с перил и отпил из него.

– Ты не поехал, – сказал я.

– Не тогда.

Он еще раз засмеялся, но уже помягче.

– Она, должно быть, что-то увидела на моем лице, поскольку повела себя так, словно вдруг опомнилась! Она вдруг вновь превратилась из упрямой девчонки в Фелию Тодд. Она взглянула в записную книжку, словно впервые увидела ее и не знала, зачем она держит ее в руках. Затем она убрала ее вниз, прижав к бедру и почти заложив за спину.

– Я сказал:

«Мне бы хотелось все это проделать, миссис, но я должен сперва закончить все здесь, а моя жена приготовила ростбиф на обед».

– Она ответила:

«Я понимаю, Хомер, – я слишком увлеклась. Я это часто делаю. Почти все время, как Уорт говорит». Затем она выпрямилась и заявила: «Но мое предложение остается в силе, и мы можем проверить мое утверждение в любое время, когда вы пожелаете. Вы даже сможете помочь мне свои мощным плечом, если мы где-то застрянем. Это сэкономит пять долларов».

– И она расхохоталась.

«В этом случае я вынесу вас на себе, миссис», – сказал я, и она увидела, что я говорю это не из простой вежливости.

«А пока вы будете пребывать в уверенности, что сто шестнадцать миль до Бэнгора абсолютно нереальны, раздобудьте-ка свою собственную карту и посмотрите, сколько миль уйдет у вороны на полет по кратчайшему маршруту».

– Я закончил выкладывать уголки и ушел домой, где я получил на обед совсем не ростбиф, и я думаю, что Фелия Тодд знала об этом. А потом, когда Мигэн уже легла спать, я вытащил на свет божий измерительную линейку, ручку автомобильную карту штата Мэн и проделал то, что она мне предложила… потому что это здорово врезалось мне в память. Я провел прямую линию и пересчитал расстояние на мили. Я был весьма удивлен. Потому что, если бы вам удалось ехать из Касл Рока до Бэнгора по прямой линии, словно летящей птице в ясном небе – не объезжая озер, лесов, холмов, не пересекая рек по немногим и удаленным друг от друга мостам и переправам, – этот маршрут занял бы всего семьдесят девять миль, ни дать, ни взять.

Я даже немного подскочил.

– Измеряй сам, если не веришь мне, – сказал Хомер. – Я никогда не думал, что наш Мэн столь мал, пока не убедился в этом.

Он еще отпил минеральной и глянул на меня.

– Наступила весна, и Мигэн отправилась в Нью-Гэм-пшир, навестить своего братца. Я пошел к дому Тоддов, чтобы снять наружные зимние двери и навесить экраны на окна. И вдруг я заметил, что ее дьяволенок – «Мерседес» уже там. И она сама была тут же.

– Она подошла ко мне и сказала:

«Хомер! Вы пришли поменять двери?»

– А я глянул на нее и ответил:

«Нет, миссис. Я пришел, чтобы узнать, готовы ли вы показать мне кратчайший путь до Бэнгора».

– Она посмотрела на меня столь безучастно, что я уж подумал, не забыла ли она обо всем этом. Я почувствовал, что краснею так, словно вы чувствуете, что сморозили какую-то глупость, да уже поздно. И когда я уже был готов извиниться за свою некстати оброненную фразу, ее лицо озарилось той самой давнишней улыбкой, и она ответила:

«Стойте здесь, а я достану ключи. И не передумайте, Хомер!»

Она вернулась через минуту с ключами от машины.

«Если мы где-нибудь застрянем, вы увидите москитов размером со стрекозу».

«Я видел их и размеров с воробья в Рэнгли, миссис, – отвечал я, – но думаю, что мы оба чуточку тяжеловаты, чтобы они смогли нас утащить в небо».

– Она рассмеялась: «Хорошо, но я предупредила вас, в любом случае. Поедем, Хомер».

«И если мы не попадем туда через два часа сорок пять минут, – смущенно пробормотал я, – вы обещали мне бутылку ирландского».

Она взглянула на меня слегка удивленная, с уже приоткрытой дверцей и одной ногой в машине.

«Черт возьми, Хомер, – сказала она, – я говорила о тогдашнем победителе. А теперь я нашла путь за два часа тридцать. Залезайте, Хомер. Мы отъезжаем».

Он снова прервал свой рассказ. Руки лежали на коленях, глаза затуманились, очевидно, от воспоминаний о двухместном «Мерседесе» цвета шампанского, выезжающем по подъездной дорожке от дома Тоддов.

– Она остановила машину в самом конце дорожки и спросила:

«Вы готовы?»

«Пора спускать ее с цепи», – сказал я.

Она нажала на газ, и наша чертова штуковина пустилась с места в карьер. Я почти ничего не могу сказать о том, что потом происходило вокруг нас. Кроме того, я почти не мог оторвать взгляда от нее. На ее лице появилось что-то дикое, Дэйв, что-то дикое и свободное – и это напугало меня. Она была прекрасна – и я тут же влюбился в нее, да и любой бы это сделал на моем месте, будь то мужчина, да, может быть, и женщина. Но я также и боялся ее, потому что она выглядела так, что вполне готова тебя убить, если только ее глаза оторвутся от дороги и

обратятся к тебе и, вдобавок, если ей захочется тебя полюбить. На ней были надеты голубые джинсы и старая белая блузка с рукавами, завернутыми до локтей – я думаю, что она что-то собиралась красить, когда я появился, – и через некоторое время нашего путешествия мне уже казалось, что на ней нет ничего, кроме этого белого одеяния, словно она – один из тех богов или богинь, о которых писали в старых книгах по истории.

Он немного задумался, глядя на озеро, его лицо помрачнело.

– Словно охотница, которая, как говорили древние, правит движением Луны на небе.

– Диана?

– Да. Луна была ее дьявольским амулетом. Фелия выглядела именно так для меня, и я только и могу сказать тебе, что я был охвачен любовью к ней, но никогда не посмел бы даже заикнуться об этом, хотя тогда я был и куда моложе, чем сейчас. Но я бы не посмел этого сделать, будь мне даже и двадцать лет, хотя можно предполагать, что если бы мне было шестнадцать, я бы рискнул это сделать и тут же поплатился бы жизнью: ей достаточно было бы только взглянуть на меня.

– Она выглядела действительно как богиня, управляющая Луной на ночном небе, когда она мчится в ночи, разбрызгивая искры по небу и оставляя за собой серебряные паутинки, на своих волшебных конях, приказывая мне поспешать вместе с нею и не обращать внимания на раздающиеся позади нас взрывы -т только быстрее, быстрее, быстрее.

Мы проехали множество лесных дорожек, первые две или три я знал, но потом уже ни одна из них не была мне знакома. Мы, должно быть, проезжали под деревьями, которые никогда ранее не видели мотора гоночного автомобиля, а знакомились лишь со старыми лесовозами и снегоходами. Ее спортивный автомобиль, конечно, был куда более к месту у себя дома, на бульваре Сансет, чем в этой лесной глуши, где он с ревом и треском врывался на холмы и съезжал вниз с них, то освещенный весенним солнцем, то погруженный в зеленый полумрак. Она опустила складной верх автомобиля, и я мог вдыхать аромат весенних деревьев, и ты знаешь, как приятен этот лесной запах, подобно тому, что ты встречаешь старого и давно забытого друга, о котором ты не очень-то беспокоился. Мы проезжали по настилам, положенным на самых заболоченных участках, и черная грязь вылетала во все стороны из-под наших колес, что заставляло ее смеяться, как ребенка. Некоторые бревна были старые и прогнившие, потому что, я подозреваю, никто не ездил по этим дорогам, может быть, пять, а скорее, все десять последних лет. Мы были совсем одни, исключая лишь птиц и, может быть, каких-то лесных животных, наблюдавших за нами. Звук ее чертова мотора, сперва низкий, а потом все более визгливый и свирепый, когда она нажимала на газ… только этот звук я и мог слышать. И хотя я и сознавал, что мы все время находимся в каком-нибудь месте, мне вдруг стало казаться, что мы едем назад во времени, и это не было пустотой. То есть, если бы мы вдруг остановились и я взобрался на самое высокое дерево, я бы, куда ни посмотрел, не увидел ничего, кроме деревьев и еще больше деревьев. И все это время, пока она гнала свою дьявольскую машину, волосы развевались вокруг ее лица, сияющего улыбкой, а глаза горели неистовым огнем. Так мы выскочили на дорогу к Птичьей горе, и на какой-то миг я осознал, где мы находимся, но затем она свернула, и еще какое-то недолгое время мне казалось, что я знаю, где мы, а затем уже и перестало что-либо казаться, и даже перестало беспокоить то, что я абсолютно ничего не понимаю, словно маленький ребенок. Мы продолжали делать срезки по деревянным настилам и наконец попали на красивую мощеную дорогу с табличкой «Моторвей-Би». Ты когда-нибудь слыхал о такой дороге в штате Мэн?

– Нет, – ответил я. – Но звучит по-английски. – Ага. Выглядело тоже по-английски. Эти деревья, по-моему, ивы, свисающие над дорогой.

«Теперь гляди в оба, Хомер, – сказала она, – один из них чуть было не выбросил меня месяц назад и наградил меня хорошим индейским клеймом».

– Я не понял, о чем она меня предупреждает, и уже начал было это объяснять – как вдруг мы погрузились в самую чащобу, и ветки деревьев прямо-таки колыхались перед нами и сбоку от нас. Они выглядели черными и скользкими и были как живые. Я не мог поверить своим глазам. Затем одна из них сдернула мою кепку, и я знал, что это не во сне.

«Хи, – заорал я, – дайте назад!»

– Уже поздно, Хомер, – ответила она со смехом. – Вон просвет как раз впереди… Мы о'кей.

– Затем мы еще раз оказались в гуще деревьев, и они протянули ветки на этот раз не с моей, а с ее стороны – и нацелились на нее, я в этом могу поклясться. Она пригнулась, а дерево схватило ее за волосы и выдернуло прядь.

«Ох, черт, мне же больно!» – вскрикнула она, но продолжала смеяться.

Машина чуть отклонилась вбок, когда она пригнулась, и я успел быстро взглянуть на деревья – и Святой Боже, Дэйв! Все в лесу было в движении. Колыхалась трава, и какие-то кусты словно переплелись друг с другом, образуя странные фигуры с лицами, и мне показалось, что я вижу что-то сидящее на корточках на верхушке пня, и оно выглядело как древесная жаба, только размером со здоровенного котища.

– Затем мы выехали из тени на верхушку холма, и она сказала:

«Здесь! Ведь правда, это было захватывающее дело?» – словно она говорила о какой-нибудь прогулке в пивную на ярмарке в Фрайбурге.

– Через пять минут мы выбрались еще на одну из ее лесных дорожек. Мне совсем не хотелось, чтобы нас окружали деревья – могу это совершенно точно сказать, – но здесь росли совсем обычные старые деревья. Через полчаса мы влетели на парковочную стоянку «Пайлоте Грилл» в Бэнгоре. Она указала на свой небольшой счетчик пройденного пути и сказала:

«Взгляните-ка, Хомер».

Я посмотрел и увидел цифры – сто одиннадцать и шесть десятых мили.

«Что вы теперь думаете? Вы по-прежнему не хотите верить в мой кратчайший путь?»

– Тот дикий облик, который был у нее во время этой бешеной поездки, куда-то уже исчез, и передо мной снова была Фелия Тодд. Но все же ее необычный вид еще не полностью был вытеснен повседневным обликом. Можно было решить, что она разделилась на двух женщин, Фелию и Диану, и та часть, которая была Дианой, управляла машиной на этих заброшенных и всеми забытых дорогах, а та ее часть, которая была Фелией, даже не имела представления обо всех этих срезках расстояния и переездах через такие места… места, которых нет ни на одной карте Мэна и даже на этих обзорных макетах.

– Она снова спросила:

«Что вы думаете о моем кратчайшем маршруте, Хомер?»

– И я сказал первое, что мне пришло в голову, и это было не самыми подходящими словами для употребления в разговоре с леди типа Фелии Тодд:

«Это настоящее обрезание члена, миссис».

– Она расхохоталась, развеселившись и очень довольная.

И я вдруг увидел совершенно ясно и четко, как в стеклышке:

«Она ничего не помнит из всей этой езды. Ни веток ив – хотя они явно не были ветками, ничего даже похожего на это, – которые сорвали мою кепочку, ни той таблички „Моторвей Би“, ни той жабообразной штуковины. Она не помнила ничего из всего этого бедлама! Либо все это мне померещилось во сне, либо мы действительно оказались там, в Бэнгоре. И я точно знал, Дэйв, что мы проехали всего сто одиннадцать миль и это никак не могло оказаться дневным миражом, поскольку черно-белые цифры на счетчике никак не могли быть чем-то нереальным, они прямо-таки бросались в глаза.»

«Да, хорошо, – сказала она, – это было действительно хорошим обрезанием. Единственное, о чем я мечтаю, это заставить и Уорта как-нибудь проехаться со мной этим маршрутом… но он никогда не выберется из своей привычной колеи, если только кто-нибудь не вышвырнет его оттуда, да и то с помощью разве что ракеты „Титан-11“, поскольку Уорт соорудил себе отличное убежище на самом дне этой колеи. Давайте зайдем, Хомер, и закажем вам небольшой обед».

– И она взяла мне такой дьявольский обед, Дэйв, что я и не помню, было ли у меня когда-нибудь что-то в этом роде. Но я почти ничего не съел. Я все думал о том, что мы, наверное, будем возвращаться тем же или похожим путем, а уже смеркалось. Затем она посреди обеда извинилась и пошла позвонить. Вернувшись, она спросила, не буду ли я возражать, если она попросит отогнать ее машину в Касл Рок. Она сказала, что разговаривала с одной из здешних женщин – членов школьного комитета, в который и сама входила, и эта женщина сообщила, что у них здесь возникли какие-то проблемы или еще что-то в этом духе. Поэтому ей не хотелось бы рисковать застрять где-то, чтобы заодно не навлечь на себя и гнев мужа, а потому будет разумнее, если машину отведу я.

«Вы же не будете очень возражать, если я попрошу вас в сумерках сесть за руль?» – еще раз спросила она.

– Она глядела на меня, ласково улыбаясь, и я знал, что она все же помнила кое-что из дневной поездки – Бог знает, как много, но вполне достаточно, чтобы быть уверенной, что я не попытаюсь ехать ее маршрутом в темноте, – да и вообще… хотя я видел по ее глазам, что вообще-то это не столь уж беспокоит ее.

– Поэтому я просто сказал, что меня это никак не затруднит, и закончил свой обед куда лучше, чем начал его. Уже стемнело, когда она отвезла нас к дому той женщины в Бэнгоре, с которой разговаривала по телефону. Выйдя из машины, Фелия глянула на меня с тем же бесовским огоньком в глазах и спросила:

«А теперь вы действительно не хотите остаться и подождать здесь до утра, Хомер? Я заметила парочку ответвлений сегодня, и хотя не могу найти их на карте, думаю, что они позволили бы срезать еще несколько миль».

Я ответил:

«Ладно, миссис, мне бы хотелось, но в моем возрасте лучшей постелью будет моя собственная, как мне кажется. Я отведу вашу машину и никак не повредю ее, хотя, думается, сделаю это более длинным путем по сравнению с вашим», – Она рассмеялась, очень добродушно и поцеловала меня. Это был лучший поцелуй в моей жизни, Дэйв, хотя он был поцелуем в щеку и дала его замужняя женщина, но он был словно спелый персик или словно те цветы, которые раскрываются ночью, и когда ее губы коснулись моей кожи, я почувствовал…

Я не знаю точно, что именно я почувствовал, потому что мужчине трудно описать словами, что он чувствует с девушкой, словно персик, когда он находится во вдруг помолодевшем мире.

– Я все хожу вокруг да около, но думаю, что тебе и так все понятно. Такие вещи навсегда входят красной строкой в твою память и уже никогда не могут быть стертыми.

«Вы чудный человек, Хомер, и я люблю вас за то, что вы терпеливо слушали меня и поехали сюда со мной, – сказала она. – Правьте осторожно».

– Потом она пошла в дом этой женщины. А я, я поехал домой.

– Каким путем ты поехал? – спросил я Хомера.

Он тихо рассмеялся.

– По главной магистрали. Ты дурачина, – ответил он, и я еще никогда не видел столько морщинок на его лице. Он сидел на своем месте и смотрел на небо. – Пришло лето, и она исчезла. Я особо и не искал ее… этим летом у нас случился пожар, ты помнишь, а затем был ураган, который поломал все деревья. Напряженное время для сторожей. О, я думал о ней время от времени, и о том дне, и об ее поцелуе, и мне начинало казаться, что все это было во сне, а не наяву. Словно в то время, когда мне было семнадцать и я не мог ни о чем думать, кроме как о девушках. Я занимался вспашкой западного поля Джорджа Бэскомба, того самого, что лежит у самого подножья гор на другом берегу озера и мечтал о том, что является обычным для подростков моего возраста. И я заехал бороной по одному из камней, а тот раскололся и начал истекать кровью. По крайней мере, мне так показалось. Какая-то красная масса начала сочиться из расколотого камня и уходить в почву. И я никому ничего об этом не рассказал, только матери. Да и ей я не стал объяснять, что это значило для меня, хотя она и стирала мои забрызганные кровью штаны и могла догадываться. В любом случае, она считала, что мне следует помолиться. Что я и сделал, но не получил какого-либо особого облегчения, однако, через какое-то время мне стало вдруг казаться, что все это было сном, а не наяву. И здесь было то же самое, как это иногда почему-то случается. В самой середине вдруг появляются трещины, Дэйв. Ты знаешь это?

– Да, – ответил я, думая о той ночи, когда сам столкнулся с чем-то подобным.

Это было в 1959 году, очень плохом году для всех нас, но мои дети не знали, что год был плохой, и они хотели есть, как обычно. Я увидел стайку белых куропаток на заднем поле Генри Браггера, и с наступлением темноты отправился туда с фонарем. Вы можете подстрелить парочку таких куропаток поздним летом, когда они нагуляли жирок, причем вторая прилетит к первой, уже подстреленной, словно для того, чтобы спросить: «Что за чертовщина? Разве уже настала осень?», и вы можете сшибить ее, как при игре в боулинг. Вы можете раздобыть мяса, чтобы накормить им тех, кто его не видел шесть недель, и сжечь перья, чтобы никто не заметил вашего браконьерства. Конечно, эти две куропатки должны были бы послужить мишенью для охотников в ноябре, но ведь дети должны хотя бы иногда быть сытыми. Подобно

тому человеку из Массачусетса, который заявил, что ему бы хотелось пожить здесь целый год, я могу сказать только, что иногда нам приходится пользоваться своими правами и привилегиями только ночью, хотя хотелось бы иметь их круглый год. Поэтому я был на поле ночью и вдруг увидел огромный оранжевый шар в небе; он спускался все ниже и ниже, а я смотрел на него, разинув рот и затаив дыхание. Когда же он осветил все озеро, оно, казалось, вспыхнуло солнечным огнем на минуту и испустило ответные лучи вверх, в небо. Никто никогда не говорил мне об этом странном свете, и я сам тоже никому ничего о нем не рассказывал, потому что боялся, что меня засмеют, но более всего я опасался, что собеседники поинтересуются, какого дьявола я оказался ночью на поле. А через какое-то время наступило то, о чем уже говорил Хомер: мне стало казаться, что все это было сном, и у меня не было никаких вещественных доказательств, что все это случилось наяву. Это было похоже на лунный свет. Я не мог управлять им, и -мне не за что было зацепиться. Поэтому я оставил его в покое, как человек, который знает, что день наступит в любом случае, что бы он не думал и не предпринимал по этому поводу.

– Да, – ответил я, думая о той ночи, когда сам столкнулся с чем-то подобным.

Это было в 1959 году, очень плохом году для всех нас, но мои дети не знали, что год был плохой, и они хотели есть, как обычно. Я увидел стайку белых куропаток на заднем поле Генри Браггера, и с наступлением темноты отправился туда с фонарем. Вы можете подстрелить парочку таких куропаток поздним летом, когда они нагуляли жирок, причем вторая прилетит к первой, уже подстреленной, словно для того, чтобы спросить: «Что за чертовщина? Разве уже настала осень?», и вы можете сшибить ее, как при игре в боулинг. Вы можете раздобыть мяса, чтобы накормить им тех, кто его не видел шесть недель, и сжечь перья, чтобы никто не заметил вашего браконьерства. Конечно, эти две куропатки должны были бы послужить мишенью для охотников в ноябре, но ведь дети должны хотя бы иногда быть сытыми. Подобно тому человеку из Массачусетса, который заявил, что ему бы хотелось пожить здесь целый год, я могу сказать только, что иногда нам приходится пользоваться своими правами и привилегиями только ночью, хотя хотелось бы иметь их круглый год. Поэтому я был на поле ночью и вдруг увидел огромный оранжевый шар в небе; он спускался все ниже и ниже, а я смотрел на него, разинув рот и затаив дыхание. Когда же он осветил все озеро, оно, казалось, вспыхнуло солнечным огнем на минуту и испустило ответные лучи вверх, в небо. Никто никогда не говорил мне об этом странном свете, и я сам тоже никому ничего о нем не рассказывал, потому что боялся, что меня засмеют, но более всего я опасался, что собеседники поинтересуются, какого дьявола я оказался ночью на поле. А через какое-то время наступило то, о чем уже говорил Хомер: мне стало казаться, что все это было сном, и у меня не было никаких вещественных доказательств, что все это случилось наяву. Это было похоже на лунный свет. Я не мог управлять им, и -мне не за что было зацепиться. Поэтому я оставил его в покое, как человек, который знает, что день наступит в любом случае, что бы он не думал и не предпринимал по этому поводу.

– В самой середке многих вещей попадаются щели, – сказал Хомер, и уселся более прямо, словно ему ранее было не совсем удобно. – Прямо-таки в чертовой серединке, тютелька в тютельку, не левее и не правее центра и все, что ты можешь, – это сказать: «Тут ничего не поделаешь», они здесь, эти чертовы щели, и ты должен их как-то обойти, подобно тому, как объезжаешь на машине рытвину на дороге, которая грозит поломать тебе ось. Ты понимаешь меня? И ты стараешься забыть о них. Или это напоминает тебе вспашку земли, когда ты можешь вдруг попасть в какую-то яму. Но если тебе вдруг попадется какой-то разлом в земле, в котором ты видишь мрачную тьму, наподобие пещеры, ты скажешь самому себе: «Обойди-ка это место, старина. Не трогай его! Я здесь могу здорово вляпаться, так что возьму-ка я влево». Потому что ты не искатель пещер или поклонник каких-то научных изысканий, а занимаешься

доброй пахотой.

«Щели в середине вещей»…

Он довольно долго словно грезил наяву, и я не трогал его. Не делал никаких попыток вернуть его на землю. И наконец он сказал:

– Она исчезла в августе. В первый раз я увидел ее в начале июля, и она выглядела… – Хомер повернулся ко мне и сказал каждое слово очень медленно и четко, с большим нажимом:

– Дэйв Оуэнс, она выглядела великолепно! Просто была великолепной и дикой и почти неукрощенной. Те небольшие морщинки вокруг глаз, которые я заметил раньше, казалось, куда-то исчезли. Уорт Тодд был на какой-то конференции или где-то там еще в Бостоне. И она стояла тут, на самом краешке террасы – а я был посредине ее, в рубашке навыпуск, – и она мне вдруг говорит:

«Хомер, вы никогда не поверите в это».

«Нет, миссис, но я попытаюсь», – ответил я.

«Я нашла еще две новые дороги, – сказала Фелия, – и добралась до Бэнгора в последний раз, проехав всего шестьдесят семь миль».

– Я помнил, что она говорила мне в прошлый раз, и ответил:

«Это невозможно, миссис. Извините меня, конечно, но я проверял сам расстояние на карте в милях, и семьдесят девять – это тот минимум, который нужен вороне для полета по кратчайшей прямой». – Она рассмеялась и стала выглядеть еще красивей, чем прежде. Подобно богиням в солнечном свете, на одном из холмов, что описаны в древних сказаниях, когда на земле не было ничего, кроме зелени и фонтанов, а у людей не было морщинок и слез, потому что совсем не было причин для печали.

«Это верно, – ответила она, – и вы не сможете пробежать милю быстрее четырех минут. Это математически доказано».

«Это ведь не одно и то же», – заметил я.

«Одно и то же, – возразила она. – Сложите карту и посмотрите, куда исчезнут все эти линии, Хомер. Их будет намного меньше, чем если бы вы ехали по самой прямой линии. И чем больше вы сделаете сгибов, тем меньше останется миль».

– Я еще хорошо тогда помнил нашу с ней поездку, хотя это и было словно во сне, а потому сказал:

«Миссис, вы, конечно, легко можете сложить карту, но вы не сумеете сложить настоящую землю. Или, по крайней мере, вам не следует пытаться это делать. Нам следует не трогать это».

«Нет, сэр, – возразила она. – Это единственная сейчас вещь в моей жизни, которую я не могу не трогать, потому что она здесь и она – моя».

– Тремя неделями позже – примерно за две недели до ее исчезновения – она позвонила мне из Бэнгора. Она сказала:

«Уорт уехал в Нью-Йорк, и я еду к вам. Я куда-то задевала свой ключ от дома, Хомер. Мне бы хотелось, чтобы вы открыли дом, и я могла бы попасть в него».

– Этот звонок был около восьми вечера, и как раз начало смеркаться. Я перекусил сэндвичем с пивом перед уходом – не более двадцати минут. Потом я приехал сюда. Все это вместе взятое не могло занять более сорока пяти минут. Когда я подходил к дому Тоддов, я увидел огонек у кладовой, который я никак не мог оставить ранее. Я посмотрел на этот свет с изумлением и почти побежал туда – и чуть было не столкнулся с ее дьявольским «Мерседесом». Он был припаркован на склоне так, словно это мог сделать только пьяный, и вся машина снизу доверху была забрызгана не то навозом, не то грязью, а в той жиже вдоль корпуса машины вкрапливалось нечто типа морских водорослей… только когда фары моей машины осветили их, мне вдруг показалось, что они движутся. Я припарковал свой грузовичок позади «Мерседеса» и вышел из него. Эти растения не были морскими водорослями, но это была трава, похожая на водоросли, и они двигались… очень слабо и вяло, словно умирая. Я коснулся одной из них, и она попыталась обхватить мою руку. Ощущение было очень неприятным, почти ужасным. Я отдернул руку и обтер ее об штанину. Я обошел машину и встал у ее переда. Тот выглядел словно пропахавший девяносто миль болот и низин. Выглядел очень усталым. Какие-то жуки были прилеплены по всему ветровому стеклу, только они не были похожи ни на одно известное мне насекомое, которое' бы я ранее встречал. Среди них находился и мотылек размером с воробья, его крылья все еще слегка колыхались и подергивались, теряя остатки жизни. Были также какие-то существа, напоминавшие москитов, только у них можно было заметить настоящие глаза, и они, казалось, рассматривали меня. Я мог слышать, как налипшие растения царапают корпус автомобиля, умирая и стараясь за что-нибудь зацепиться. И все, о чем я мог думать, было: «Где же, черт возьми, она ехала? И как ухитрилась попасть сюда за три четверти часа?» Затем я увидел еще кое-что. Это было какое-то животное, почти расплющенное на решетке радиатора, как раз под самой эмблемой фирмы «Мерседес» – типа звезды, вставленной в круг. Вообще-то большинство животных погибает под колесами автомобилей, потому что они прижимаются к земле, надеясь, что беда пронесется над ними. Но сплошь и рядом некоторые из них вдруг прыгают не в сторону, а прямо на чертову машину, и это безумие может привести к гибели не только животного, но и водителя с пассажирами – мне случалось слышать о таких происшествиях. Это создание, видимо, сделало то же самое. И оно выглядело так, что вполне смогло бы перепрыгнуть танк «Шерман». Оно смотрелось словно произошедшее от спаривания вальдшнепа и ласки. Но на то, что осталось не расплющенным, лучше было бы не смотреть. Оно резало глаза, Дэйв. И даже хуже, оно ранило твое сознание. Его шкура была покрыта кровью, а на концах лап свисали когти, торчавшие из подушечек, наподобие кошачьих, только куда длиннее. Оно имело огромные желтые глаза, только они уже окостенели. Когда я был ребенком, у меня была фарфоровая игрушка – скульптура каркающего ворона, – которая напоминала это существо. И зубы. Длинные, тонкие игольчатые зубы, выглядевшие почти как штопальные иглы, вытащенные из его рта. Некоторые из них торчали прямо в стальной решетке радиатора. Вот почему и вся эта тварь оставалась висеть на передке машины, она сама себя подвесила за счет острых и цепких зубов. Я рассмотрел ее и был абсолютно уверен, что голова ее полна яда, как у гадюки, и прыгнула она на машину, как только заметила ее, для того, чтобы попытаться прикончить эту добычу. И я знал, что отдирать эту тварь от машины мне не следует, потому что у меня были царапины на руках – порезы от сена, – и можно было быть почти уверенным, что я погибну столь же просто, как если бы на меня свалился здоровый камень, от всего нескольких капель яда, который бы просочился в порезы.

– Я подошел к дверце водителя и открыл ее. Сработал сигнал внутреннего освещения, и я смог глянуть на счетчик пройденного расстояния, который она всегда ставила на ноль перед

началом любой поездки… и то, что я увидел, было тридцать одна и шесть десятых мили.

– Я смотрел на счетчик довольно долго, а затем подошел к черному входу в дом. Она сдвинула экран и разбила стекло в двери для того, чтобы дотянуться снаружи до задвижки и открыть дверь. Там была прикреплена записка. В ней было написано:

«Дорогой Хомер, я добралась сюда чуть раньше, чем сама предполагала. Нашла еще более короткий путь – и не стала колебаться! Вы еще не прибыли сюда, и я решила залезть в свой дом, как опытный взломщик. Уорт приедет послезавтра. Вы не сможете закрепить экран и вставить новое стекло в дверь до этого? Надеюсь, что сможете. Подобные вещи всегда очень огорчают его. Если я не выйду поздороваться, знайте, что я уже сплю. Поездка оказалась очень утомительной, но я почти не потеряла на нее времени! Офелия.»

«Утомительна!» – Я еще раз глянул на эту тварь, висящую на решетке радиатора, и подумал: «Да, сэр, она должна была быть чертовски утомительной. Клянусь Богом, да».

Он снова замолчал и щелкнул пальцами. – Я видел ее только еще один раз. Примерно через неделю. Уорт был в Касл Роке, но он купался в озере, плавая взад и вперед, взад и вперед, словно он охранял лес или непрерывно подписывал бумаги. Вообще-то больше походило на подписывание бумаг, я так думаю.

«Миссис, – сказал я, – это не мое дело, конечно, но вам не следует больше раскатывать в одиночку. Той ночью, когда вы разбили стекло в двери, чтобы войти в дом, я увидел нечто, прицепившееся к решетке радиатора спереди вашей машины…»

«А! Этот лесной цыпленок! Я позаботилась о нем», – ответила она.

«Боже! – воскликнул я. – Надеюсь, вы как-нибудь побереглись!»

«Я надела садовые перчатки Уорта, – сказала она. – Но ведь это не что иное, Хомер, как подпрыгнувшая вверх лесная птица с небольшим запасом яда в клюве».

«Но, миссис, – возразил я, – где же водятся такие птички? И если на ваших срезанных маршрутах попадаются такие невинные птички, что же будет если вам повстречается медведь?» – Она глянула на меня – и я увидел в ней другую женщину – ту самую Диану.

«Если что-нибудь и меняется вдоль тех дорог, – сказала Фелия, – то ведь и я, наверное, тоже меняюсь там. Взгляните на это».

– Ее волосы были собраны в пучок на затылке и заколоты шпилькой. Она ее вытащила и распустила волосы. Ими можно было только любоваться – они создавали ощущение какого-то мощного потока, вдруг вылившегося с головы Фелии. Она сказала:

«Они начали было седеть, Хомер. Вы видите теперь эту седину?»

И она повернулась к солнцу, чтобы оно получше осветило ее голову.

«Нет, мэм», – сказал я.

– Она посмотрела на меня, ее глаза заискрились, и она сказала:

«Ваша жена – хорошая женщина, Хомер Бакленд, но она увидела меня в магазине и на почте, и мы перебросились всего парой словечек, а я уже заметила, что она смотрит на мои волосы с

Topreading.ru

тем выражением удовлетворения, которое понимают только женщины. Я знаю, что она скажет своим друзьям и подругам… что Офелия Тодд начала красить свои волосы. Но я этого не делала и не делаю. Я просто потеряла свой прежний маршрут, ища кратчайшего пути не один и не два раза… потеряла свой маршрут… и потеряла седину».

И она рассмеялась уже даже не как студентка колледжа, а как старшеклассница. Я восхищался ею и наслаждался ее красотой, но я также видел и следы другой красоты на ее лице… и я снова испугался. Испугался за нее и испугался ее.

«Миссис, – сказал я, – вы можете потерять не только седую прядь в ваших волосах».

«Нет, – ответила она, – я же говорила, что там я совсем другая… Я просто целиком делаюсь там другой. Когда я еду по дороге в своей спортивной машине, я уже не Офелия Тодд, жена Уорта Тодда, которая никогда не сможет выносить до срока ребенка или та женщина, которая попыталась заняться поэзией – да неудачно, или та женщина, что вечно сидит и делает записи на всех этих комитетских собраниях, или еще что-то или кто-то. Когда я не дороге за рулем, я нахожусь внутри своего сердца и чувствую себя подобно…»

«Диане», – подсказал я. – Она посмотрела на меня с веселым и чуть удивленным видом, а затем рассмеялась.

«О, да, подобно какой-нибудь богине, – согласилась Фелия. – Она, наверное, лучше всего сюда подойдет, потому что я – ночной человек, я люблю просиживать ночи напролет, пока не прочитаю свою книгу, или пока на телевидении не прозвучит национальный гимн, а также потому, что я очень бледная, как луна, – Уорт вечно говорит, что мне нужен тоник или анализы крови, или еще что-то вроде всей этой чепухи. Но в своем сердце каждая женщина мечтает походить на богиню, я так думаю – не случайно же мужчины слышат постоянное эхо этих дум и пытаются возвести женщин на пьедесталы (женщину, которая обмочит себе ногу, если не присядет на корточки! это забавно, если как следует все это обдумать), – но то, что чувствует мужчина, вовсе не то, чего желает женщина. Женщина хочет быть свободной – это все. Стоять, если ей так хочется, или идти… „Ее глаза обратились на дьявольский „Мерседес“, стоявший на подъездной дорожке, и слегка сузились. Затем она улыбнулась. «Или править за рулем, Хомер. Мужчине этого не понять. Он думает, что богине нужно где-то нежиться, прохлаждаться на склонах Олимпа и кушать фрукты, но ведь в этом нет ничего от бога или богини. Все, что хочет женщина – это то, что хочет и мужчина: женщина хочет управлять“.

«Будьте осторожны там, где вы едете, миссис – это все, что нужно», – сказал я в ответ, а она снова засмеялась и наградила поцелуем в лоб.

Она ответила:

«Я буду осторожна, Хомер», но это ровным счетом ничего не значило, и я это сразу понял, потому что сказано это было именно тем тоном, каким отвечает муж своей жене в ответ на ее частые предупреждения об одной и той же опасности, когда он давно уже наперед знает, что на самом деле он не будет… не сможет. – Я вернулся к своему грузовичку и напоследок еще раз посмотрел на нее, а через неделю Уорт сообщил об ее исчезновении. И ее, и этого дьявольского автомобиля. Тодд прождал семь лет и только затем официально объявил о ее смерти, а потом еще подождал год на всякий случай – он не такой уж простак – и только затем женился на этой второй миссис Тодд, той, что только что прокатила мимо нас. И я не жду, что ты поверишь хотя бы слову из всего, что я тебе сейчас здесь наплел.

На небе одно из этих толстобрюхих облаков достаточно сдвинулось, чтобы открыть нам уже

появившуюся луну – полукружье, белое, как молоко. И что-то дрогнуло в моем сердце при этом зрелище – наполовину от чувства какого-то страха, наполовину от чувства любви.

– Я как раз верю, – ответил я, – каждому твоему слову. И даже если это и не правда, Хомер, это должно было бы быть ею.

Он порывисто обнял меня за шею, что делают все мужчины в тех случаях, когда они стесняются прибегать к поцелуям, словно женщины, затем рассмеялся и встал.

– Даже если бы это и не должно было бы быть правдой, это все же чистая правда, – сказал Хомер. Он достал часы из кармана и глянул на них. – Я пойду вниз по дороге проверить, как там у дома Скотта. Ты не хочешь прогуляться?

– Лучше я посижу здесь немного, – ответил я, – и подумаю на досуге.

Он подошел к лесенке, затем обернулся ко мне, чуть улыбаясь.

– Думаю, что она была права, – заметил он. – Она была совсем другой на этих дорогах, которые не уставала находить… не было ничего, что могло бы остановить ее. Тебя или меня, возможно, остановило бы, но не ее. И я думаю, она попрежнему юная.

Затем он забрался в свой грузовик и уехал к дому Скоттов.

Это было два года назад, и Хомер уже давно уехал в Вермонт, как я уже говорил, по-моему. Однажды вечером перед отъездом он навестил меня. Его волосы были аккуратно причесаны, он был выбрит, и от него несло каким-то невообразимо приятным запахом лосьона. Лицо было чисто и ясно, глаза – очень живые. Он сейчас выглядел никак не старше шестидесяти, хотя ему уже перевалило за семьдесят, и я был рад ему, хотя в душе чуточку завидовал и даже злился на него за этот его цветущий вид. Старым рыбакам особенно досаждает артрит, но даже он, казалось, отступил в этот вечер от Хомера, словно вытащив из его рук свои рыболовные крючки и оставив их только для меня.

– Я уезжаю, – сказал он.

– Да?

– Да.

– Хорошо, ты хочешь, чтобы я пересылал тебе твою почту?

– Не хочу ничего об этом даже знать, – ответил он. – Все мои счета оплачены. Я хочу совершенно чистым уехать отсюда и порвать все связи.

– Ну, дай мне хотя бы твой адрес. Я буду иногда тебе позванивать, старина. – Я уже ощутил какое-то чувство одиночества, наваливающееся на меня, словно надеваемый плащ… и, взглянув на него еще разок, я понял, что дела обстоят не совсем так, как мне сперва показалось.

– У меня еще нет ни телефона, ни адреса, – сказал Хомер.

– Я уезжаю, – сказал он.

– Да?

Topreading.ru

– Да.

– Хорошо, ты хочешь, чтобы я пересылал тебе твою почту?

– Не хочу ничего об этом даже знать, – ответил он. – Все мои счета оплачены. Я хочу совершенно чистым уехать отсюда и порвать все связи.

– Ну, дай мне хотя бы твой адрес. Я буду иногда тебе позванивать, старина. – Я уже ощутил какое-то чувство одиночества, наваливающееся на меня, словно надеваемый плащ… и, взглянув на него еще разок, я понял, что дела обстоят не совсем так, как мне сперва показалось.

– У меня еще нет ни телефона, ни адреса, – сказал Хомер.

– Хорошо, – ответил я. – Но это – Вермонт, Хомер?

– Да, – сказал он, – именно Вермонт, для тех людей, кто хочет знать, куда я еду.

Я не хотел говорить этого, но все же произнес:

– Как она сейчас выглядит?

– Как Диана, – ответил он, – но она добрее.

– Я завидую тебе, Хомер, – сказал я, и это было истинной правдой.

Я стоял у двери. Были летние сумерки, когда поля округ заполнены ароматами трав и цветов и таинственными светящимися кружевами. Полная луна направляла мощную волну серебристого света на озеро. Он прошел через мою веранду, а затем спустился по ступенькам крыльца. Машина стояла на обочине дороги, незаглушенный двигатель работал с тяжелым ревом, словно торопясь, как старый скакун, рвануться по прямой только вперед, как торпеда. Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что сам автомобиль был более всего похож на торпеду. Машина была чуточку побита и помята, но это никак не мешало ей проявлять свою скорость и мощь. Хомер остановился внизу у крыльца и что-то приподнял – это была его канистра с бензином, очень большая, никак не меньше, чем на десять галлонов. Он подошел к дверце автомобиля со стороны пассажирского сиденья. Она наклонилась и открыла дверцу. Зажглось внутреннее освещение автомобиля, и на мгновение я увидел ее – с длинными красными волосами вокруг лица, со лбом, горящим в ночи, как лампа. Светящимся, как Луна. Он забрался в машину – и она укатила. Я стоял и смотрел на мерцающие огоньки во мраке, отбрасываемые ее красными волосами… они стремительно уменьшались и удалялись. Они были, как тлеющие угольки, затем как мерцающие светлячки, а потом и вовсе исчезли.

Вермонт. Так я говорил всем нашим горожанам о Хомере. И они верили в этот Вермонт, потому что он находится столь далеко, сколько только они и могут вообразить своим рутинным сознанием. Иногда я и сам начинаю верить в это, особенно, когда устану и выдохнусь. В другое время я думаю о них по-другому -весь этот октябрь, к примеру, потому что октябрь – именно тот месяц, когда человек думает о далеких местах и дорогах, ведущих к ним. Я сижу на скамейке у магазина Белла и думаю о Хомере Бакленде и той прекрасной девушке, которая открыла ему дверцу, когда он подошел к машине с доверху наполненной канистрой с бензином в правой руке – она ведь выглядела никак не старше девушки лет шестнадцати, и ее красота была ужасающей, но я думаю, что это не оказалось бы смертельным для человека, повернувшегося к ней; ведь на. мгновение ее глаза скользнули по мне – а я остался жив, хотя часть меня и умерла тут же у ее ног.

Topreading.ru

Олимп должен быть прославлен в глазах и сердцах, и всегда есть те, кто не только жаждет, но и находит пути к нему, быть может. Но я знаю, что Касл Рок – это словно тыльная сторона моей ладони, и я никогда не смогу покинуть его и искать кратчайшие пути среди всех возможных и невозможных дорог; в октябре небо над озером уже не напоминает о славе, а скорее навевает размышления обо всем происходящем, как и те большие белые облака, которые плывут наверху столь медленно и величаво. Я сижу на скамейке и думаю о Фелии Тодд и Хомере Бакленде, и мне совсем не всегда и не обязательно хочется находиться там, где находятся они… но я все еще жалею, что я не курильщик.

УТРЕННЯЯ ДОСТАВКА

(МОЛОЧНИК №1)

Рассвет медленно крался по Калвер-стрит. «Обитателю любого дома, не спавшему в этот час, могло показаться, что за окном еще хозяйничает глухая темная ночь, но это было не так. Рассвет потихоньку вступал в свои права вот уже в течение получаса. Сидевшая на большом клене на углу Калвер-стрит и Бэлфор-авеню рыжая белка встряхнулась и устремила взор своих круглых бессонных глазок на погруженные в сон дома. В полуквартале от нее воробей, взбодренный купанием в специальной ванночке для птиц, сидел, отряхиваясь и разбрасывая вокруг жемчужные капельки. Муравью, петляющему вдоль канавы, посчастливилось отыскать крошку шоколада в пустой измятой обертке плитки.

Ночной бриз, шевеливший листву деревьев и раздувавший занавески, утих, клен на углу последний раз прошумел ветвями и замер. Застыл в ожидании увертюры, которая последует за этими робкими звуками.

Небо на востоке тронула тонкая полоска света. Дежурство ночной птицы козодоя окончилось – на посту ее сменили вновь ожившие цикады. Они запели – сначала совсем тихо и неуверенно, словно опасаясь приветствовать наступление дня в одиночестве.

Белка нырнула в теплое гнездо на морщинистой развилке клена.

Воробей, трепеща крылышками, сидел на краю ванночки, все еще не решаясь взлететь.

Муравей так и замер над своим сокровищем и напоминал в этот миг библиотекаря, любующегося старым фолиантом.

Калвер-стрит балансировала на грани между светом и тьмой.

Внезапно где-то вдалеке возник звук. Он неуклонно нарастал, заполняя собой все пространство, пока наконец не начало казаться, что он всегда присутствовал здесь и заглушался лишь ночными шумами. Он рос, набирал силу и отчетливость, и в конце концов стало ясно, что издает его мотор грузовичка, развозящего молоко.

Грузовичок свернул с Бэлфор на Калвер. Это был очень симпатичный и аккуратный бежевый грузовичок с красными буквами на борту. Белка высунулась из морщинистого рта в развилке дерева, словно язычок, посмотрела на машину и тут вдруг углядела очень соблазнительный с виду кусочек пуха, как нельзя более подходящий для выстилки гнезда. Он свисал с ветки прямо у нее над головой. Воробей взлетел. Муравей ухватил столько шоколада, сколько мог унести, и потащил свою добычу в муравейник. Цикады запели громче и увереннее. Где-то в квартале от перекрестка залаяла собака. Буквы на борту грузовика гласили:

«МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ КРЕЙМЕРА»

Рядом была нарисована бутылка молока, чуть ниже красовалась надпись уже более мелкими буквами:

«УТРЕННЯЯ ДОСТАВКА – НАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ!»

На молочнике была серо-синяя униформа и пилотка. На нагрудном кармашке золотыми нитками было вышито имя «СПАЙК». Он тихонько насвистывал в такт еле слышному позвякиванию бутылок в холодильной камере.

Грузовичок съехал на обочину возле дома Макензи и затормозил. Молочник подхватил картонную коробку, стоявшую у его ног, и выпрыгнул из кабины. На секунду остановился, вдохнул всей грудью пахнущий свежестью и новизной воздух, затем решительно зашагал к дому.

К почтовому ящику с помощью магнита в виде маленького красного помидорчика был прикреплен квадратик плотной белой бумаги. Спайк вгляделся в него попристальнее, медленно и внимательно, даже с каким-то трепетом прочитал, что там было написано. Так читают послание, найденное в старой, облепленной солью и грязью бутылке:

1 кв, молока

1 уп, сливок

1 сок (апельсин)

Спасибо Нелла М.

Какое-то время молочник задумчиво взирал на картонную коробку, которую держал в руках, затем поставил ее на землю и извлек молоко и сливки. Снова взглянул на записку, слегка сдвинул край «помидорчика» – убедиться, что не пропустил какой-нибудь точки, черточки или запятой, которые могли изменить смысл послания, – кивнул, вернул магнит на место, подхватил коробку и вернулся к машине.

В грузовике было темно, прохладно и пахло сыростью. К ней примешивался кисловатый запах брожения. Апельсиновый сок стоял за банками с белладонной. Он вытащил коробку изо льда, еще раз удовлетворенно кивнул и снова пошел к дому. Поставил коробку с соком рядом с молоком и сливками, а затем вернулся к машине.

Невдалеке раздался гудок. Он донесся с фабрики-прачечной, где работал старый приятель Спайка – Роки. Пять часов утра. Он представил, как приступил к работе Роки – среди всех этих вращающихся барабанов, липкой удушающей жары, – и улыбнулся. Возможно, он увидится с Роки позже. Возможно, даже сегодня вечером.., когда с доставкой будет покончено.

Topreading.ru

Спайк включил мотор и двинулся дальше. С запачканного кровью крюка для мясных туш, вделанного в потолок кабины, свисал на тоненьком ремешке из кожзаменителя маленький транзисторный приемник. Он включил его, и тихая музыка заполнила кабину, сливаясь с рокотом мотора, пока он катил себе к дому Маккарти.

Записка от миссис Маккарти находилась на обычном месте – из щели почтового ящика торчал белый уголок. Содержание было лаконичным до предела:

Записка от миссис Маккарти находилась на обычном месте – из щели почтового ящика торчал белый уголок. Содержание было лаконичным до предела:

Шоколад.

Спайк достал авторучку, нацарапал на белом квадратике «Доставлено» и затолкал бумажку обратно в щель. Затем вернулся к грузовику. Шоколадным молоком были забиты два холодильника, находившиеся в задней части грузовика, у самой двери. Это объяснялось тем, что в июне продукт пользовался особенно большим спросом. Спайк покосился на холодильник, потом протянул руку и нащупал в дальнем углу за ним пустую картонку из-под шоколадного молока. Ну разумеется, она бита коричневой, и на картинке красовался счастливый до бесконечности юнец а над ним полукругом размещалась надпись, уведомляющая потребителя о том, что этот продукт фирмы Креймера сделан из самого качественного цельного молока. «Можно употреблять горячим и холодным. Дети его просто обожают»

Спайк поставил пустую картонку на ящик с упаковками. Открыл холодильник и достал из него майонезную баночку. Смахнул ледяную крошку и заглянул внутрь через стекло. Тарантул шевелился, но еле-еле. Холод одурманил его.

Спайк снял крышку с баночки и перевернул ее над пустой картонкой. Тарантул предпринял робкую попытку удержаться на стекле, но не преуспел и с глухим стуком шлепнулся вниз, на дно пустой картонки из-под шоколадного молока. Молочник, аккуратно сложил края картонки, отрезав тем самым пауку путь к бегству. Затем понес ее к дому миссис Маккарти и поставил на дорожке, у самого входа. Пауки были его любимчиками. Вообще самым лучшим из того, что у него было в арсенале. День, когда удавалось доставить паука, был, по мнению Спайка, прожит не зря.

По мере того как он неспешно продолжал свое продвижение по Калвер-стрит, симфония утра все крепла и звучала уже, почти в полную силу. Жемчужно-серая полоска на горизонте сменилась всплеском розового света, вначале робкого и едва различимого, пока не превратилась в алый клин, а потом почти сразу же начала бледнеть – по мере того как небо наливалось летней голубизной. Первые лучи солнца, нарядные и прямые, словно с какого-нибудь детского рисунка в тетради для занятий в воскресной школе, уже готовы были засиять над горизонтом.

У дома Уэбберов Спайк оставил пузырек с этикеткой от крема универсального применения, наполненный концентрированным раствором соляной кислоты. Перед домом Дженнерсов – пять кварт молока. У них росли ребятишки. Сам он никогда не видел их, но на заднем дворе стоял шалаш, а на газоне перед домом иногда валялись забытые велосипеды и мячи. Коллинзам достались две кварты молока и коробка йогурта. У дома миссис Ордсвей осталась упаковка яичного напитка с сахаром и сливками, сдобренного настойкой белладонны.

Где-то впереди, примерно в квартале от дома миссис Ордсвей, хлопнула дверь. Мистер Уэббер, которому надо было ехать на работу через весь город, приподнял гофрированную дверь гаража

и вошел внутрь, размахивая портфелем. Молочник выждал, пока не раздастся жужжание заводимого мотора малолитражки «сааб», а услышав его, улыбнулся. «Разнообразие – вот что придает жизни пикантность и остроту, – так говорила матушка Спайка, Господи, да упокой ее душу. – Но мы – ирландцы, а ирландцы любят порядок во всем. Придерживайся во всем порядка. Спайк, и будешь счастлив». Золотые слова, ничего не скажешь. Истинность матушкиных слов подтверждалась самой жизнью. Жизнью, которую он проводил, раскатывая по городу в своем аккуратном бежевом грузовичке.

Правда, оставалось ему ездить всего три часа. У дома Кинкейдов он обнаружил записку, гласившую: Спасибо, сегодня ничего, и оставил возле двери запечатанную бутылку из-под молока, которая лишь с виду казалась пустой, а наделе была заполнена смертоносным газом цианидом. У дома Уолкеров были оставлены две кварты молока и пинта взбитых сливок.

Ко времени, когда он добрался до дома Мертонов в самом конце квартала, солнечные лучи уже золотили кроны деревьев и испещряли мелкими бегущими пятнышками гравий на дорожке, огибавшей дом.

Спайк наклонился, поднял один камешек, очень симпатичный, плоский с одного бока, как и подобает гравию, размахнулся и бросил. Камешек угодил точно в край тротуара. Спайк покачал головой, усмехнулся и, насвистывая, продолжил свой путь.

Слабый порыв ветра донес до него запах мыла, которым пользовались на фабрике-прачечной, и снова ему вспомнился Роки. Нет, он был уверен: они с Роки точно увидятся. Сегодня же.

К подставке для газет была пришпилена за писка:

Доставка отменяется.

Спайк отворил дверь и вошел. В доме было страшно холодно и пусто. Никакой мебели. Абсолютно пустые комнаты с голыми стенами. Даже плиты на кухне не было – место, где она раньше стояла, отмечал более яркий по цвету прямоугольник линолеума.

В гостиной со всех стен содраны обои. Абажур в виде шара исчез. Осталась лишь голая почерневшая лампочка под потолком. На одной из стен виднелось огромное пятно засохшей крови. Если приглядеться, можно было различить прилипший к нему клок волос и несколько мелких осколков костей.

Молочник кивнул, вышел и какое-то время стоял на крылечке. День обещал быть просто чудесным. Небо приобрело невинный голубой, словно глаза младенца, оттенок и было местами испещрено такими же невинными легкими перистыми облачками, которые игроки в бейсбол называют «ангелочками».

Спайк сорвал записку с подставки для газет, скатал в шарик и сунул его в левый карман серых форменных брюк.

Вернулся к машине, смахнул по дороге камешек с края тротуара в канаву. Грузовик свернул за угол и скрылся из виду. День расцветал.

Дверь с грохотом распахнулась. Из дома выбежал мальчик. Поднял глаза к небу, улыбнулся, подхватил пакет молока и понес в дом.

БОЛЬШИЕ КОЛЕСА: ЗАБАВЫ ПАРНЕЙ ИЗ ПРАЧЕЧНОЙ

(МОЛОЧНИК №2)

Роки и Лео, напившиеся до положения риз, медленно ехали по Калвер-стрит. Затем свернули на Бэлфор-авеню и двинулись по направлению к Кресценту. Ехали они в «крайслере» Роки 1957 года выпуска, на сиденье между ними стоял, покачиваясь при каждом толчке, ящик пива «Айрон-Сити». Это был их второй ящик за сегодняшний вечер – вечер, начавшийся, если говорить точнее, в четыре дня, в час, когда заканчивалась работа на фабрике-прачечной.

– Какашка в бумажке! – выругался Роки, останавливаясь на красный свет на пересечении Бэлфор-авеню с шоссе № 99. При переключении на вторую скорость коробка передач издала громкий скрежещущий звук. Первая скорость у «крайслера» не работала уже месяца два.

– Дай мне бумажку, и я тут же наложу в нее! – с готовностью отозвался Лео. – Сколько сейчас?

Лео поднес руку с часами чуть не к самому носу. Когда часы почти коснулись кончика сигареты, выдохнул дым и всмотрелся в циферблат.

– Уже почти восемь.

– Какашка в бумажке! – Они миновали дорожный указатель с надписью ПИТТСБУРГ 44.

– Отсюда до самого Детройта ни одного патруля, – заметил Лео. – Да сюда ни одна собака не сунется, ни один человек в здравом уме и твердой памяти!

Роки включил третью скорость. Коробка передач издала тихий стон, а весь «крайслер» так и заколотило, словно в petit mal припадке эпилепсии… Впрочем, вскоре судороги прошли, и стрелка спидометра медленной устало начала подползать к отметке «40». Достигнув этой цифры, она так и застряла на ней.

Доехав до пересечения шоссе № 99 с дорогой под названием Девон-Стрим (на протяжении восьми миль последняя служила естественной границей между двумя поселками – Кресчент и Девон), Роки свернул на нее почти неосознанно, хотя в глубинах того, что с натяжкой можно было назвать его подсознанием, возможно, и ворочалось некое смутное воспоминание о старом Вонючем Носке.

С момента окончания работы они с Лео, ехали куда глаза глядят. Был последний день июня, и срок, обозначенный в прикрепленной к ветровому стеклу «крайслера» карточке техосмотра, истекал ночью, ровно в 00.01. То есть примерно через четыре часа, нет, уже меньше чем через четыре. Неизбежность этого события воспринималась Роки как-то слишком болезненно. Лео же было наплевать. Все равно не его машина. К тому же выпитого им пива «Айрон-Сити» было достаточно, чтобы привести не только его, а вообще любого человека в состояние глубокого алкогольного ступора.

Дорога Девон петляла и вилась среди густого леса. С обеих сторон вплотную к ней подступали огромные дубы и вязы с пышными раскидистыми кронами. Казалось, они жили какой-то своей жизнью и, по мере того как на юго-запад Пенсильвании надвигалась ночь, все более наполнялись шелестом и движением тени. Место это было известно под названием «Леса Девона». Прославилось оно после того, как здесь в 1968-м зверски замучили и убили молоденькую девушку и ее дружка. Парочка имела глупость остановиться в лесу, именно здесь затем и обнаружили «меркурий» 1959 года выпуска, принадлежавший молодому человеку. В машине были сиденья из натуральной кожи, на капоте – блестящая хромированная эмблема. Останки парня и его несчастной подружки нашли на заднем сиденье. А также на переднем, в

бардачке и багажнике. Убийцу так и не нашли.

– Да фараоны сюда и носа не кажут, – заметил Роки. – На девяносто миль в округе ни одной живой души.

– Хренушки, – сказал Лео. Последнее время это милое словечко все увереннее лидировало в списке его наиболее употребительных выражений – и это при том, что общий словарный запас Лео составлял не более сорока слов. – Ты чего, ослеп? Вон там город.

Роки вздохнул и отпил пива из банки. Огоньки, мерцавшие вдали, вовсе не означали, что там находится город. Но что толку спорить с пьяным в стельку парнишкой? То был новый торговый центр. Надо сказать, эти новые натриевые лампы действительно светили ярко. Не отрывая глаз от их молочно-белого сияния. Роки подогнал машину к обочине, к левому краю дороги, резко подал назад, отчего едва не угодил в канаву, и, наконец развернувшись, снова выехал на дорогу.

– Опля! – сказал он.

Лео рыгнул и хихикнул. Они работали вместе в прачечной «Нью-Адамс». С сентября -именно тогда Лео был нанят Роки в помощники. Молодой, двадцатидвухлетний, с мелкими, как у грызуна, чертами лица, Лео походил на человека, которому в скором будущем светит изрядный срок. Он утверждал, что каждую неделю откладывает из зарплаты по двадцать долларов на покупку подержанного мотоцикла «кавасаки». Говорил, что собирается поехать на нем куда-то на запад, как только наступят холода. Он уже успел сменить мест двенадцать, не меньше, с того времени, когда шестнадцатилетним пареньком навеки распрощался с миром науки. В прачечной ему нравилось. Роки знакомил его с различными приемами стирки, и Лео искренне верил в то, что наконец учится Делу. Делу, которое непременно пригодится ему где-нибудь во Флэгстаффе.

Роки, по сравнению с ним чуть ли не старик, работал в «Нью-Адамс» вот уже четырнадцать лет. Об этом красноречиво свидетельствовали руки – бледные, как у призрака, изъеденные щелочью и отбеливателями. В 1970 году он четыре месяца отсидел за хранение незарегистрированного оружия. Жена его, ходившая в ту пору с огромным, безобразно распухшим животом, беременная третьим ребенком, вдруг заявила, что: 1) это не его, Роки, ребенок, а молочника: и 2) она желает с ним развестись по причине жестокого с ней обращения.

Два момента в этой ситуации заставили Роки носить при себе незарегистрированное оружие, а именно: 1) ему наставили рога; и 2) рога эти наставил не кто иной, как гребаный молочник с рыбьими глазками и длинными космами. Этот кретин по имени Спайк Миллиган. Спайк работал в молочной Креймера, в отделе доставки.

Молочник, Господи Боже ты мой!.. Молочник, а как насчет того, чтобы сдохнуть, а? Как насчет того, чтобы брякнуться в вонючую канаву и там отдать концы? Даже самому Роки, не продвинувшемуся в чтении дальше надписей на обертках жвачек, которые он непрестанной трудолюбиво жевал на работе, ситуация казалась удручающе банальной.

В результате он, в свою очередь, уведомил жену о том, что: 1) никакого развода не будет; и 2) он собирается научить Спайка Миллигана уму-разуму. Лет десять назад он приобрел пистолет 32-го калибра, из которого время от времени постреливал по пустым бутылкам, жестянкам и мелким собачкам. И вот в то утро он вышел из своего дома на Оук-стрит и направился к молочной, где надеялся застать Спайка, покончившего с утренней доставкой.

Но по пути туда Роки заскочил в пивную «Четыре угла» и пропустил пивка – бутылок шесть, восемь, а то и все двадцать. Разве теперь упомнишь?.. Пока он сидел там и пил, жена его позвонила легавым. И они поджидали его на углу Оук-стрит и Бэлфор-авеню. Его обыскали, один из копов вытащил у него из-за пояса брюк пистолет 32-го калибра.

– Думаю, тебе придется сменить обстановку приятель, – сказал ему легавый, обнаруживший пистолет. Именно это и сделал Роки. Следующие четыре месяца он провел в тюрьме, бесплатно стирая простыни и наволочки на штат Пенсильвания. За это время жена умудрилась получить в Неваде развод и, когда Роки вышел из кутузки, уже жила себе поживала со Спайком Миллиганом на Дейкин-стрит, в многоквартирном доме с лужайкой у входа, посреди которой стоял розовый фламинго. Вдобавок к двум старшим ребятишкам (Роки был более или менее уверен, что они от него) парочка обзавелась младенцем с точно такими же, как у папаши, рыбьими глазками. К тому же они получали на него алименты – по пятнадцать долларов в неделю.

– Эй, Роки, что-то мне муторно… – сказал Лео. – Надо бы остановиться и глотнуть водички.

– Сперва талончик на колеса надо получить, – отозвался Роки. – Это самое важное. Какой же это мужчина без нормальных колес?!

– Да ни один нормальный человек не полезет осматривать твою тачку, я же уже сказал!.. А знаешь, у нее и поворотники не работают.

– Мигают, если нажать на тормоза. Любой человек притормаживает на повороте, иначе можно перевернуться.

– И стекло в боковом окошке треснуло.

– Я его опущу.

– А что, если инспектор попросит поднять, перед тем как осматривать машину?

– Я уже сжег за собой мосты, – мрачно и со значением произнес Роки. Он выбросил пустую банку из окна и достал новую. На ней красовался портрет Франко Гарриса. Нет, этим летом компания «Айрон-Сити» явно сделала ставку на поклонников звезд баскетбольной команды «Стилерс».

Роки дернул за колечко на крышке. Раздался щелчок, и из отверстия полезла пена.

– Все же жаль, что у меня нет женщины, – произнес вдруг Лео, глядя в темноту и как-то странно улыбаясь.

– Была бы у тебя женщина, и путь на запад, считай, заказан. Равная цель женщины – удержать мужчину от поездки. Так уж они устроены, эти женщины. Это их цель, их миссия. Разве ты сам не говорил мне, что хочешь поехать на запад?

– Да, говорил. И поеду.

– Никуда не поедешь, если заведешь себе бабу, – сказал Роки. – А потом она обязательно тебя бросит. А потом – алименты. Стоит только связаться с бабой, и дело непременно кончится алиментами. Машины куда как лучше… Так что советую держаться машин.

– Только хренушки ее трахнешь, эту твою машину.

Topreading.ru

– Ну, это как посмотреть… Ничегошеньки ты еще не знаешь, парень!.. – сказал Роки и усмехнулся.

Леса понемногу отступили. Слева замерцали огоньки, и Роки внезапно ударил по тормозам. Поворотные и габаритные огни загорелись одновременно, что и требовалось доказать. Лео завертелся на виденье, проливая себе на кольни пиво.

– Что? Что такое?

– Вон, гляди, – сказал Роки. – вроде бы я знаю этого парня…

Слева от дороги виднелся ветхий, полуразвалившийся гараж. Рядом – автозаправочная станция «Ситго». Надпись на фанерном щите гласила:

БОБ. ЗАПРАВКА И РЕМОНТ.

«БОБ ДРИСКОЛЛ».

ЧАСТ. СОБСТ.

СХОД-РАЗВАЛ КОЛЕС – НАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ.

МЫ ЗАЩИТИМ ВАШИ ДАННЫЕ БОГОМ ПРАВА ОТ ПАТРУЛЬНЫХ!

И ниже, уже в самом углу:

СТАНЦИЯ ТЕХОБСЛУЖИВАНИЯ № 72.

– Но никто в здравом уме… – начал было Лео.

– Это же Бобби Дрисколл! – радостно воскликнул Роки. – Да мы с Бобби Дрисколлом вместе ходили в школу! Дело в шляпе, парень! Можешь считать, нам крупно повезло!..

И он несколько неуверенно съехал с дороги, освещая фарами раскрытую настежь дверь гаража. Выжал сцепление и с ревом подкатил к двери. На пороге возник сутулый мужчина в зеленом комбинезоне. Он отчаянно размахивал руками, делая знак остановиться.

– Эй, Боб! – восторженно взвыл Роки. – Привет старый алкаш, Вонючий Носок!

И он затормозил у входа в гараж. «Крайслером» овладел очередной приступ эпилепсии, на сей раз уже grand mal. Выхлопная труба выплюнула язычок желтого пламени, затем – облачко вонючего синего дыма. Машина содрогнулась последний раз и благодарно стихла. Лео бросило вперед, и он опять разлил пиво. Роки выключил мотор.

К ним, изрыгая цветистую нецензурную брань и все еще размахивая руками, подбежал Боб Дрисколл.

Topreading.ru

– …дьявола себе позволяете, сучьи выродки!..

– Бобби! – взвыл Роки. Восторг, испытываемый им в эти секунды, был сравним разве что с оргазмом. – Привет, калоша старая. Вонючий Носок! Чего это ты там лопочешь, дружище?

Боб, близоруко щурясь, пялился в окошко, пытаясь рассмотреть Роки. У него было усталое, изнуренное лицо, большую часть которого прикрывала тень от козырька.

– Да кто ты такой, чтобы обзывать меня Вонючим Носком, а?

– Я! – радостно взвизгнул Роки. – Я это, я, онанист ты эдакий! Твой давнишний приятель!

– Кто, черт возьми…

– Да Джонни Рокуэлл, кто же еще! Ты что, ослеп, старый придурок?

– Роки?.. – неуверенно спросил Дрисколл.

– Он самый, сукин ты сын!

– Господи Иисусе… – По лицу Боба медленно и неохотно начала расползаться улыбка. – Мы же с тобой не виделись.., э-э.., почитай с той самой игры в Кэтамаунтсе…

– Точно! А классный был матч, доложу я тебе! – Роки восторженно хлопнул себя по бедру, отчего на пол автомобиля и его брюки снова выплеснулось пиво. Лео икнул.

– Да уж, еще бы… Первый и последний раз, когда наш класс выиграл. Но чемпионат бы так или иначе продули бы, да… Отъезжай от моего гаража, слыхал. Роки? Ты…

– Точно! А классный был матч, доложу я тебе! – Роки восторженно хлопнул себя по бедру, отчего на пол автомобиля и его брюки снова выплеснулось пиво. Лео икнул.

– Да уж, еще бы… Первый и последний раз, когда наш класс выиграл. Но чемпионат бы так или иначе продули бы, да… Отъезжай от моего гаража, слыхал. Роки? Ты…

– Да-а, все тот же старый Вонючий Носок! Такой же дурачина, ни хрена не изменился.

Роки с некоторым опозданием заглянул под козырек бейсбольной кепки, низко надвинутой на лоб Бобби. – убедиться, что сказанное им правда. Однако оказалось, что Боб Дрисколл, он же Вонючие Носки, облысел, то ли частично, то ли полностью.

– Господи! Ну скажи, правда, здорово, что мы с тобой вот так встретились, а?.. Послушай, а ты все-таки женился на Марси Дью или нет?

– Черт, да, конечно. Еще в семидесятых. Ну а ты где ошивался все это время?

– В тюряге. Где же еще! Послушай, старик, можешь посмотреть мою малышку?

Голос Боба снова зазвучал настороженно:

– Ou имеешь в виду твою машину?

Роки хихикнул:

Topreading.ru

– Нет; мою старую задницу! Ну ясное дело, машину чего ж еще! Так можешь? Боб уже приоткрыл рот, собираясь сказать «нет». – Да, кстати, познакомься. Это мой друг Лео Эдвардс. Лео, позволь представить, это Боб. Самый классный игрок в бейсбол из школьной команды в Кресченте. За четыре года ни разу не менял носки.

– Очень приятно… – пробормотал Лео, как учила его матушка в те редкие моменты, когда не была пьяна.

Роки снова хихикнул:

– Хочешь пива, старик?

Боб снова открыл было рот, собираясь сказать «нет».

– Вот, гляди-ка, тут такой прикол! – воскликнул Роки и дернуя за колечко. Пиво, нагревшееся за время долгого путешествия до гаража Боба Дрисколла, полезло из банки и пролилось Роки на запястье. Роки сунул банку Бобу. Тот, оттопырив локоть, торопливо стал пить, стараясь, чтобы пиво не попало на рукав.

– Роки, мы закрываемся в…

– Да дело-то пустяковое! Всего на секунду, одну секунду! Сейчас покажу, тут какая-то хренота происходит…

Роки поставил переключатель скоростей на реверс, повернул ключ, надавил на педаль газа и медленно и неуверенно ввел «крайслер» в гараж. А уже через секунду выскочил из машины и стал трясти свободную руку Боба, как какой-нибудь политический деятель. Боб, похоже, оцепенел. Лео сидел в машине и открывал новую банку. И еще – пукал. Он всегда пукал, выпив много пива.

– Эй! – сказал Роки, пробираясь между проржавевшими канистрами. – А Дайану Ракельхаус помнишь?

– Ну ясное дело, еще бы не помнить… – ответил Боб, и на лице его против воли возникла дурацкая улыбка. – С такими большими… – И он, сложив чашечками ладони, приставил их к груди.

– Точно! – взвыл Роки. – Ты меня понял, дружище! Так и живет в городе, да?

– Да нет, вроде бы переехала в…

– Вот так всегда, – удрученно помотал головой Роки. – Те, кто не остается, всегда переезжают. Так ты налепишь карточку, к моей маленькой свинке, да?

– Ну-у.., это.., тут моя жена сказала, что будет ждать меня к ужину… И потом мы закрываемся в…

– Ты б меня здорово выручил, старик! А уж я в долгу не останусь! Хочешь, постираю для твоей половины? Все тряпье в доме, честно. Все ее кружавчики и финтифлюшки. Это ведь моя профессия, стирка. Работаю в прачечной «Нью-Адамс».

– А я у него учусь, – вставил Лео и опять пукнул.

– Перестираю все ее финтифлюшки, все, что только ни пожелает. Ну так как. Бобби?

– Что ж.., поглядеть, конечно, можно.

– Ясное дело. – кивнул Роки. Шлепнул Бобби по спине, подмигнул Лео. – А ты, гляжу, все тот же, старина. Что за человек! Чистое золото!

– Ага, – вздохнул Боб, продолжая потягивать пиво из банки, Грязные его пальцы в масляных пятнах целиком закрывали физиономию Джона Гаина, красовавшуюся на этикетке. – А ты здорово помял бампер. Роки…

– Вот тебе шанс показать свой класс, Бобби! Эта проклятая машина нуждается в классном мастере. А вообще-то она не что иное, как куча разных там долбаных колесиков и винтиков. Если тебе, конечно, понятно, о чем я.

– Да, думаю, понятно…

– Ну вот, а я что говорю? Эй, а я познакомил тебя с Лео? С парнем, с которым работаю, а?.. Знакомься. Лео, это единственный игрок в бейсбол из…

– Ты уже нас знакомил, – заметил Боб с еле заметной улыбкой отчаяния.

– Как поживаете… – пробурчал Лео. И потянулся за очередной банкой «Айрон-Сити». Перед тазами у него завертелись тонкие серебристые полоски – подобные тем, что вдруг появляются в жаркий полдень на совершенно ясном голубом небе.

– …школы в Кресченте, который четыре года не…

– Фары не покажешь, Роки? – перебил его Бобби.

– Конечно! Просто замечательные фары. С то ли галогенными, то ли нитрогенными, хрен его знает с какими там лампочками! Просто куколки, а не фары! А ну-ка включи эти гребаные метелки, Лео.

Лео включил щетки на ветровом стекле.

– Тут вроде бы все нормально, – добродушно заметил Боб. И отпил большой глоток пива. – Ну а что с фарами?

Лео включил фары.

– Луч повыше можно?

Лео пытался нащупать переключатель левой ступней. Он был уверен, что переключатель находится где-то там, внизу, и в конце концов наткнулся на него. Сноп лучей резко высветил силуэты Роки и Боба, как это порой делают полицейские, освещая место происшествия.

– Ну, что я тебе говорил? Звери, а не фары! – завопил Роки и вдруг захихикал: – Черт побери, Бобби! До чего же я рад повидаться с тобой! Это даже приятнее, чем получить чек по почте!

– А поворотники? – спросил Боб.

Лео таинственно улыбнулся Роки и ничего делать не стал.

– Дай-ка я сам, – сказал Роки. И, пребольно стукнувшись головой о раму уселся эа руль. – Парнишка неважно себя чувствует.. – Он надавил на тормоз.

Поворотники тут же включились.

– О'кей, – кивнул Боб. – Ну а без тормозов-то они работают?

– А в каком это уставе или законе сказано, что они должны работать сами по себе? – хитро щурясь, спросил Роки.

Боб вздохнул. Жена ждала его к ужину. У нее были большие плоские груди и выбеленные пергидролем волосы с черной полоской у корней. Она питала слабость к сладким пончикам фирмы «Дайн», продукту; которым торговали в местном филиале универсама «Джаент ита». Вечером по четвергам, когда в гараже играли в бинго, жена являлась к нему за выигрышем: на голове у нее красовались огромные зеленые бигуди, прикрытые зеленым шифоновым шарфиком. От этого голова напоминала некий футуристический транзисторный приемник. Как-то часа в три ночи Боб проснулся и долго смотрел на пустое бледное лицо, освещенное мертвенным светом, падавшим в окно спальни от уличного фонаря. И подумал: как же все это просто! Надо лишь навалиться на нее сверху, надавить коленом на живот, чтоб из этой жирной туши вышел весь воздух, чтоб она не смогла закричать, выдавить из нее кишки, плотно обхватить руками толстую белую шею и давить, давить… А потом отнести ее в ванную, разрезать на мелкие кусочки и разослать по почте в разные концы света. Ну, к примеру: «Роберту Дрисколлу, до востребования». Или же куда-нибудь еще. В Лиму, Индиану, на Северный полюс, в Нью-Хэмпшир, Пенсильванию, Айову. В любое место… Это так просто! Одному Богу ведомо, как часто это уже происходило.

– Нет. – сказал он Роки. – Сдается мне, нигде не сказано, что они должны работать сами по себе. Это точно… – Он запрокинул банку, и остатки пива вылились ему в рот. В гараже было жарко, он еще не ужинал и почувствовал, как пиво ударило в голову.

– Эй, глядите-ка, а наш мистер Вонючие Носки уже прикончил баночку! – заметил Роки. – А ну, дай ему еще. Лео! – Нет, Роки, мне, пожалуй…

Лео пошарил в темноте и нашел непочатую банку. Протянул ее Роки. Роки, в свою очередь, сунул ее Бобу, который, ощутив приятно холодящую ладони поверхность, тут же перестал возражать. На банке красовалась ухмыляющаяся физиономия Линна Свэнка. Он открыл банку. Лео отметил это событие радостным пуканьем.

Какое-то время все они дружно сосали пиво из жестянок с изображением знаменитого футболиста.

– А клаксон работает? – осведомился Боб извиняющимся тоном, словно опасался нарушить благоговейную тишину.

– Конечно! – Роки нажал локтем на кружок в центре руля. Клаксон слабо пискнул. – Батарейка немного подсела.

Она снова пили в полном молчании.

– Эта чертова крыса была величиной с кокер-спаниеля! – воскликнул вдруг Лео.

– Он у нас очень внимательный парень, – заметил Роки.

Боб призадумался.

– Да-а… – протянул он наконец. Почему-то это показалось Роки страшно смешным, и он

расхохотался, захлебываясь пивом. Даже из носа потекло пиво, и тут уже настал черед Боба смеяться. Роки очень обрадовался, услышав этот смех, потому как вначале Боб показался каким-то уж очень угнетенным и грустным, словно его огрели пыльным мешком по голове.

Еще какое-то время они пили молча.

– Дайана Ракельхаус… – вдруг мечтательно произнес Боб.

Роки фыркнул.

Боб ухмыльнулся и приложил сложенные чашечкой ладони к груди.

– Дайана Ракельхаус… – вдруг мечтательно произнес Боб.

Роки фыркнул.

Боб ухмыльнулся и приложил сложенные чашечкой ладони к груди.

Роки расхохотался и приложил свои – только побольше оттопырив. Боб так и покатился со смеху.

– А помнишь снимок Урсулы Андресс? Ну, который Танкер Джонсон приколол к доске объявлений старухи Фримэнтл?

Роки так и взвыл от смеха.

– И еще пририсовал к каждой сиське по такому здоровенному воздушному шару…

– А ее чуть инфаркт не хватил…

– Вам, конечно, смешно… – печально заметил Лео и пукнул.

Боб моргал, уставившись на него.

– Чего?

– Вам-то смешно. – сказал Лео. – Вам двоим есть над чем посмеяться. Еще бы! Ведь дырки в спине у вас нет:

– Да не слушай ты его! – сказал Роки. Голос звучал немного нервно. – Малость зациклился парень, вот и все.

– Так у тебя что, правда дырка в спине? – спросил у Лео Боб.

– Это все прачечная. – улыбнулся тот: – У нас там такие здоровущие барабаны, смекаешь? Только мы называем их колесами. Они крутят белье. Вот почему мы называем их колесами. Я их загружаю, потом разгружаю, потом заряжаю по новой. Сую в них всякое грязное дерьмо, а вынимаю чистое. Вот что я делаю, и делаю это классно. – Он взглянул на Боба, в глазах его мерцал огонек безумия. – И от этого у меня дырка в спине образовалась.

– Да-а?.. – протянул Боб, глядя на Лео, точно завороженный.

Роки беспокойно переступил с ноги на ногу.

Topreading.ru

– Там в крыше дырка, – сказал Лео. – Аккурат над третьим колесом. Они круглые и крутятся, вот почему мы называем их колесами. И когда идет дождь, в дыру попадает вода. Кап-кап-кап… И каждая капелька лупит меня по спине – пах-пах-пах! И от этого в спине тоже получилась дырка. Вот примерно такая. – Он сложил ладонь лодочкой. – Хочешь глянуть?

– К чему это ему глазеть на разные там уродства – рявкнул Роки. – Мы вспоминали старые добрые времена, и нечего его расстраивать! И потом, никакой дырки у тебя в спине все равно нет!

– Нет, я хочу посмотреть, – сказал Боб.

– Они круглые, поэтому мы их так называем, – пробормотал Лео.

Роки улыбнулся и похлопал его по плечу:

– Хватит об этом, дружище! Иначе отправишься домой пешком! А теперь почему бы тебе не достать моего тезку, вон оттуда, слева от тебя?

Лео заглянул в коробку, потом передал Роки банку с портретом Роки Блайера.

– Вот это другое дело! – К Роки вновь вернулось хорошее настроение.

Коробку пива прикончили примерно через час, и Роки стал уговаривать пьяного в дым Лео сбегать в супермаркет «Паупин» за добавкой. К этому времени глаза у Лео стали красными, как у хорька, рубашка на груди была расстегнута. Сосредоточенно и близоруко щурясь, он безрезультатно пытался достать пачку сигарет «Кэмел» из закатанного рукава рубашки. Боб пошел под душ – пописать – и распевал там школьный гимн.

– А я.., не хочу туда идти… – заплетающимся языком пробормотал Лео.

– Да, но ведь и на машине ты тоже не сможешь поехать! Ты ж в задницу пьяный!

Лео описывал вокруг него круги, все еще пытаясь достать сигареты.

– И потом.., темно. И холодно…

– Так ты хочешь получить талончик на эту машину или нет? – злобно прошипел Роки. Ему уже начали мерещиться какие-то странные вещи.

Наиболее часто посещало видение огромного звука – запутавшись в паутине, он сидел в дальнем углу гаража.

Лео поднял на него кроваво-красные глаза. – А это не моя машина, – заметил он неожиданно рассудительно и трезво и выдавил смешок.

– Ну раз так, стало быть, тебе больше в ней не ездить! Если, конечно, не пойдешь за пивом… – сказал Роки. И со страхом покосился на мертвого жука в углу. – Только попробуй мне не пойти! Увидишь, я не шучу!

– Ладно, ладно. – пропищал Лео. – Пойду, и нечего тут заводиться!

Не успев дойти до угла, он дважды угодил в канаву и еще один раз – на обратном пути. И когда наконец вернулся в теплый и ярко освещенный гараж, увидел, что оба его собутыльника распевают школьный гимн. С помощью какого-то крюка со шкивом Боб умудрился приподнять

Topreading.ru

«крайслер». И теперь расхаживал под ним, задрав голову и разглядывая пропыленные и проржавевшие внутренности машины.

– А знаешь, у тебя в выхлопной трубе дырка, – заметил он.

– Да откуда там взяться выхлопной трубе? – удивился Роки. Обоим это почему-то показалось страшно смешным, и они заржали.

– Пиво! – объявил Лео, с грохотом поставил коробку на пол, присел на обод колеса и тут же впал в полузабытье. На обратном пути он выпил три банки пива, чтобы идти было веселее. Роки протянул Бобу пиво, себе тоже взял. – Ну что, наперегонки? Как в старые добрые времена, а?

– Само собой, – кивнул Боб и улыбнулся. В воображении он видел себя втиснутым в кабину низко стелющейся над землей гоночной машины.

Одна рука уверенно лежит на руле, и сам он, классный гонщик, ждет взмаха флажком. Пальцы другой руки касаются талисмана – металлической эмблемы, снятой с капота «меркурия» 1959 года выпуска. Он напрочь позабыл о Роки, о своей распухшей от обжорства жене с транзисторными кудряшками и вообще обо всем.

Они открыли банки и, пыхтя и отдуваясь, стали пить. Одновременно оба бросили пустые банки на растрескавшийся бетонный пол. Оба в одну и ту же секунду подняли средние пальцы. В животах заурчало – так громко, что казалось, эхо отлетает от стен, напоминая звуки автоматной очереди.

– Прямо как в старые добрые времена, – сказал Боб, и голос его звучал печально. – Ничто не может сравниться со старыми добрыми временами…

– Знаю, – кивнул Роки, пытаясь подыскать какие-нибудь особенные, приличествующие слуг чаю слова, и нашел их: – Мы с каждым днем стареем, приятель.

Боб вздохнул и рыгнул. Сидевший в уголке Лео проснулся и в который уже раз пукнул. И принялся напевать «Сойди с моего облака».

– Ну что, еще по одной? – спросил Роки и протянул Бобу очередную банку пива.

– Что ж, можно, – ответил Боб. – Можно, Роки, дружище, отчего нет…

Коробу, которую принес Лео, прикончили к полуночи. А за ветровым стеклом слева от Роки появилась новенькая карточка техосмотра, расположившаяся под каким-то рьяным углом. Роки заполнил ее сам, медленно и аккуратно переписывая цифры с потрепанной и засаленной регистрационной карточки, которую долго искал и наконец нашел в бардачке. Дело двигалось медленно, потому что в глазах троилось. Боб сидел на полу, скрестив ноги, словно йог, и поставив между ступнями наполовину пустую банку «Айрон-Сити». Сидел, напряженно и пристально устремив взор в никуда.

– Знаешь, ты мне просто жизнь спас. Боб, – сказал Роки и пнул Лео в ребра, чтобы тот проснулся.

Лео застонал и повалился набок. Веки его дрогнули, приоткрылись, закрылись, потом снова открылись – уже широко, когда Роки пнул его ногой второй раз.

– Мы чего, уже дома. Роки? Мы…

– Не буди мою крошку, Бобби! – радостно пропел Роки. Впился пальцами в рукав Лео и рывком поднял его на ноги. Лео взвыл. Роки поволок его к «крайслеру», запихнул на заднее сиденье. – Ладно, как-нибудь еще заедем, посмотришь ее…

– Славные были денечки… – пробормотал Боб. В глазах его стояли слезы. – С тех пор с каждым днем все становится только хуже и хуже. Ты замечал?

– Еще бы! – кивнул Роки. – Все переделывается, перестраивается. Все перегадили, сукины дети! Но ничего… Держи хвост пистолетом, дружище. И не позволяй никому…

– Да мне жена не дает вот уже года полтора, – пожаловался Боб. Но слова его тут же заглушил кашель мотора. Боб поднялся и смотрел, как «крайслер» выезжает из гаража, цепляя сложенные слева от двери поленья и прутья.

Лео высунулся из окна, на лице его сияла блаженная улыбка идиота.

– Заезжай как-нибудь в прачечную, водило! Покажу тебе дырку в спине! Покажу колеса! Покажу, – Тут внезапно в окошке, словно в каком-то фарсе, мелькнула рука Роки, схватила Лео за шкирку и втянула в салон.

– Пока, приятель! – крикнул Роки. «Крайслер» пьяно покрутился по двору, объезжая колонки для подачи бензина, затем унесся в ночь. Боб провожал его взглядом до тех пор, пока хвостовые огни не уменьшились и не превратились в две крохотные точки, затем побрел обратно в гараж. На заваленном разным хламом верстаке лежала хромированная эмблема от какой-то старой машины. Он взял ее, начал вертеть в руках, играть с ней, и на глазах снова выступили слезы. Старые добрые времена! Позднее, той же ночью, где-то в четвертом часу, он удавил жену и спалил дом, чтоб все выглядело как несчастный случай.

– Господи! – пробормотал Роки, покосившись в боковое зеркальце. Гараж Боба съежился, уменьшился, превратился в пятнышко белого света, мерцающего в ночи. – Ну как это тебе нравится? Старина Вонючий Носок, да… – Роки достиг той степени опьянения, когда человек уже не ощущает себя. От него ничего не осталось – лишь маленькая искорка, еле тлеющий в замутненном сознании уголек здравого смысла.

Лео не ответил. В тусклом бледно-зеленом свете, отбрасываемом приборной доской, он походил на мышонка-соню, приглашенного Алисой на чай из Зазеркалья.

– Здорово его жизнь потрепала, – продолжал Роки. Какое-то время он ехал по восточной полосе, затем «крайслер» стало заносить в сторону. – Старик вырубился. Для тебя это хорошо. Наверняка завтра не вспомнит, что ты ему наболтал. А то все могло бы сложиться иначе… Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смел заикаться об этой дурацкой дыре в спине?

– Но ведь ты знаешь, что она у меня есть.

– Ну и что с того?

– Так это моя дыра, вот что. А стало быть, я могу говорить о ней сколько… – Внезапно он умолк и обернулся. – Послушай, там позади грузовик. Только что отъехал от обочины. Фары выключены.

Роки посмотрел в зеркало заднего вида. Да, действительно, грузовик… Очертания просматривались довольно четко. Ему не понадобилось даже читать надпись на борту – «МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ КРЕЙМЕРА». Он уже понял, кто это.

– Это Спайк!.. – в ужасе прошептал Роки. – Спайк Миллиган! Господи, а я-то, дурак, думал, он занимается только утренней доставкой!

– Кто?

Роки не ответил, губы расплылись в злобной пьяной ухмылке. Но глаза не улыбались. Расширенные, красные, они неотрывно смотрели на дорогу.

Внезапно он утопил педаль газа, и «крайслер», изрыгнув облачко синего дыма, нехотя стал набирать скорость. Стрелка спидометра подползла к отметке «60».

– Эй! Ты слишком пьяный, чтоб так гнать! Ты… – тут Лео умолк, словно потерял нить мысли.

Мимо пролетали дома и деревья. На перекрестке они промчались на красный свет. На большой скорости преодолели подъем. Слетели с него – глушитель на низкой подвеске выбил из асфальта сноп искр. Сзади, в багажнике, звякали и тарахтели пустые банки. Физиономии игроков «Питтсбург стилерс» катались по салону, то попадая на свет, то снова проваливаясь в темноту.

– Я пошутил! – испуганно взвизгнул Лео. – Не было там никакого грузовика!

– Это он! И он убивает людей! – крикнул Роки. – Я видел в гараже жука! Черт!..

Машина с ревом поднималась на Южный холм по встречной полосе. Какой-то пикап, мчавшийся прямо навстречу им, в последнюю секунду вильнул и угодил в канаву, чтобы избежать столкновения. Лео обернулся. Дорога была пуста.

– Роки…

– А ну-ка, Спайк, попробуй догони меня! – завопил Роки. – Попробуй достань!..

«Крайслер» мчался со скоростью восемьдесят миль в час – в более трезвом состоянии Роки не поверил бы, что такое возможно. У Джонсон-Флэт был крутой поворот, и машина преодолела его – из-под колес с лысой резиной показался дымок. «Крайслер» пронзал ночь, словно призрак, прыгающий свет фар высвечивал пустую дорогу впереди.

Внезапно откуда-то из темноты с ревом вынырнул «меркурий» 1959 года выпуска. Он мчался по разделительной полосе. Роки вскрикнул и закрыл лицо руками. А Лео успел заметить лишь одно: на капоте «меркурия» не хватает металлической эмблемы…

С запачканного засохшей кровью крюка для мясных туш, вделанного в потолок кабины, свисал на ремешке из кожзаменителя маленький транзисторный приемник. Из него лились звуки блюза.

***

– Ну вот, – сказал Спайк. – А теперь поедем к дому Боба Дрисколла. Он думает, что в гараже у него остался бензин, но я вовсе не уверен. Очень долгий был день, верно? Ты согласен? – Но,

обернувшись, он заметил, что в грузовике совсем пусто. Даже жук исчез.

Позади, в полумиле от места аварии, на перекрестке мигал желтый огонек, Грузовик с надписью «МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ КРЕЙМЕРА» послушно сбросил скорость. Затем снова начал набирать ее, приближаясь к тому месту, где посреди дороги к небу вздымался столб пламени и чернела искореженная груда металла. Ехал он не спеша.

ОТКРОВЕНИЯ БЕКИ ПОЛСОН

Случившееся было в общем-то просто – во всяком случае в начале. А случилось то, что Ребекка Полсон прострелила себе лоб из пистолета 22-го калибра, принадлежавшего Джо, ее мужу. Произошло это во время ее ежегодной весенней генеральной уборки, которая в этом году (как и почти в каждом году) пришлась на середину июня. В таких делах Бека обычно мешкала.

Она стояла на невысокой стремянке и рылась в хламе на верхней полке стенного шкафа в нижнем коридоре, а полсоновский кот, массивный полосатый Оззи Нельсон, сидел в дверях гостиной и наблюдал за ней. Из-за спины Оззи доносились встревоженные голоса полсоновского большого старого «Зенита», который позже стал чем-то далеко превосходящим обычный телевизор.

Бека стаскивала с полки то одно, то другое – не обнаружится ли что-нибудь, еще годное к употреблению, хотя, правду сказать, не надеялась на это. Четыре-пять вязаных зимних шапочек, все побитые молью и частично распустившиеся. Она бросила их через плечо на пол коридора. Затем том «Ридерс дайджест» от лета 1954 года, предлагающий выжимки из «Безмолвно струись, струись глубоко» и «А вот и Джоггл». От сырости он разбух до размеров манхэттенской телефонной книги. Его тоже – через плечо. А! Зонтик вроде бы исправный.., и картонная коробка с чем-то.

Коробка из-под туфель. То, что внутри, оказалось тяжелым. Когда она наклонила коробку, оно сдвинулось. Она сняла крышку и бросила ее через плечо (чуть было не угодив в Оззи, решившего подойти поближе). Внутри коробки лежал пистолет с длинным стволом и рукояткой под дерево.

– Ой! – сказала она. – Эта пакость!

Она вынула пистолет из коробки, не заметив, что курок взведен, и повернула его, чтобы заглянуть в маленький змеиный глаз дула, полагая, что увидит пулю, если она там.

Она помнила этот пистолет. До последних пяти лет Джо был членом дерриковского «Ордена Лосей». Лет десять назад (а может быть, пятнадцать) Джо под винными парами купил пятнадцать лотерейных билетов Ордена. Бека так разъярилась, что две недели не разрешала ему совать в себя его мужской причиндал. Этот пистолет 22-го калибра для учебной стрельбы был третьим призом лотереи.

Джо некоторое время из него постреливал, вспомнила Бека. Пулял по бутылкам и консервным банкам на заднем дворе, пока она не пожаловалась на грохот.

Тогда он начал уходить с пистолетом в песчаный карьер, в который упиралась их дорога. Она чувствовала, что он уже тогда утратил интерес к этому занятию – но еще некоторое время продолжал стрелять, чтобы она не воображала, будто взяла над ним верх. А потом пистолет исчез. Она думала, Джо его променял на что-нибудь – на зимние покрышки или аккумулятор, –

а он тут.

Бека поднесла дуло к самому глазу, заглядывая внутрь, стараясь углядеть пулю. Но видела только темноту. Ну, значит, не заряжен.

«Все равно заставлю его от него избавиться, – думала она, спускаясь со стремянки спиной вперед. – Сегодня вечером. Когда он вернется с почты. „Джо, – скажу я, – пистолет в доме ни к чему, даже если поблизости нет детей и он не заряжен. Ты же из него даже по бутылкам не стреляешь“, – вот что я скажу».

Думать так было очень приятно, но подсознание знало, что она, конечно, ничего подобного не скажет. В доме Полсонов дороги выбирал и лошадьми правил почти всегда Джо. Наверное, лучше всего было бы самой от него избавиться – закинуть в пластиковый мешок под остальной хлам с этой полки. И пистолет вместе со всем остальным отправится на свалку, когда Винни Марголис в следующий раз остановится забрать их мусор. Джон не хватится того, о чем давно забыл – крышку коробки покрывал ровный густой слой пыли. То есть не хватится, если у нее достанет ума не напоминать ему о нем.

Бека спустилась с последней ступеньки стремянки. И тут левой ногой наступила на «Ридерс дайджест». Верхняя крышка поехала назад, потому что сгнивший переплет тут же лопнул. Бека зашаталась, сжимая пистолет в одной руке, а другой отчаянно размахивая, чтобы сохранить равновесие. Ее правая ступня опустилась на кучку вязаных шапочек, которые тоже поехали под ней. Падая, Бека поняла, что выглядит как женщина, которая затеяла самоубийство, а не уборку.

«Ну, он не заряжен», – успела подумать она, но пистолет-то был заряжен, а курок взведен. Взведен на протяжении многих лет, будто поджидал ее. Она тяжело плюхнулась на пол, и боек пистолета ударил по пистону. Раздался глухой невпечатляющий хлопок, не громче, чем детская шутиха в жестяной банке, и пуля «винчестер» двадцать второго калибра вошла в мозг Беки Полсон чуть выше левого глаза. Она просверлила черную дырочку, чуть голубоватую по краям, цвета едва распустившихся касатиков.

Ее затылок стукнулся о стену, и в левую бровь из дырочки сползла струйка крови. Пистолет, из дула которого курился светлый дымок, упал к ней на колени. Ее руки секунд пять легонько барабанили по полу, левая нога согнулась, потом рывком распрямилась. Кожаная тапочка слетела со ступни и ударилась о противоположную стену. Глаза Беки оставались открытыми еще полчаса, их зрачки то расширялись, то сужались.

Оззи Нельсон подошел к двери гостиной, мяукнул по адресу Беки и начал умываться.

***

Джо заметил пластырь над ее глазом, когда она вечером накрывала ужин. Он пришел домой полтора часа назад, но последнее время словно бы ничего в доме не замечал, поглощенный чем-то своим, бесконечно от нее далеким. Это не тревожило ее так, как когда-то – во всяком случае, он не допекал ее требованиями допустить его мужской причиндал в ее дамскость.

Джо заметил пластырь над ее глазом, когда она вечером накрывала ужин. Он пришел домой полтора часа назад, но последнее время словно бы ничего в доме не замечал, поглощенный чем-то своим, бесконечно от нее далеким. Это не тревожило ее так, как когда-то – во всяком случае, он не допекал ее требованиями допустить его мужской причиндал в ее дамскость.

– Что это у тебя с головой? – спросил он, когда она поставила на стол миску фасоли и блюдо с багровыми сосисками.

Она рассеянно потрогала пластырь. Да, действительно, что у нее с головой? Она толком не помнила. В середине дня был какой-то черный провал, будто чернильное пятно. Она помнила, как кормила Джо завтраком и стояла на крыльце, когда он уехал на почту на своем «пикапе» – все это было кристально ясным. Она помнила, как загрузила новую стиральную машину бельем, пока по телевизору гремело «Колесо Фортуны». Это тоже было ясным. Затем начиналось чернильное пятно. Она помнила, как положила цветную стирку и включила холодный цикл. У нее сохранились очень смутные, очень сбивчивые воспоминания, как она поставила в духовку два замороженных обеда «Голодный муж» (Бека Полсон любила поесть), но после – ничего. До той минуты, когда она очнулась на кушетке в гостиной. Оказалось, что она сменила брюки и цветастую блузу на платье и надела туфли на высоких каблуках. И заплела волосы в косы. Что-то давило ее колени и плечи, а лбу было щекотно. Оззи Нельсон! Оззи задними ногами стоял у нее на коленях, а передние лапы положил ей на плечи. Он деловито вылизывал кровь с ее лба и из брови. Она сбросила Оззи на пол и посмотрела на часы. Джо вернется домой через час, а она даже еще не занялась ужином. Она потрогала голову, которая вроде бы побаливала.

***

– Бека?

– Что? – Она села на свое место и принялась накладывать себе фасоль.

– Я спросил, что у тебя с головой?

– Посадила шишку, – сказала она.., хотя, когда она спустилась в ванную и погляделась в зеркало, выглядело это не шишкой, выглядело это дыркой. – Просто шишку посадила.

– А! – сказал он, утрачивая интерес, развернул свежий номер «Спорте иллюстрейтид», который пришел утром, и тут же погрузился в сон наяву. В этом сне он медленно скользил ладонями по телу Нэнси Фосс. Этому занятию, как и тем, что вытекали из него, он усердно предавался последние полтора месяца или около того. Бог да благословит почтовые власти Соединенных Штатов за то, что Нэнси Фосс перевели из Фолмута в Хейвен – вот и все, что он мог бы сказать. Потеря для Фолмута – удача для Джо Полсона. Выпадали целые дни, когда он почти не сомневался, что умер и попал на Небеса, а таким резвым причиндал в последний раз был в дни, когда он в девятнадцать лет путешествовал по Западной Германии с армией США. Потребовалось бы куда больше, чем пластырь на лбу жены, чтобы по-настоящему привлечь его внимание.

Бека положила себе три сосиски, поразмыслила и добавила четвертую. Облила сосиски и фасоль кетчупом, а потом все хорошенько перемешала. Результат несколько напоминал последствия столкновения двух мотоциклов на большой скорости. Она налила себе виноградного сока «Кул-Эйд» из кувшина на столе (Джо пил пиво) и тогда кончиками пальцев потрогала пластырь – она то и дело к нему прикасалась, едва его наклеила. Всего лишь прохладная лента. Это-то нормально.., но под ней ощущалась круглая впадина. Дырка. Вот это нормальным не было.

– Просто шишку набила, – пробормотала она опять, будто заклинание. Джо не поднял головы, и Бека принялась за еду.

«Ну, аппетита это мне не испортило, что бы там ни было, – думала она. – Да и что его портит? Еще не было такого случая. Когда по радио объявят, что все эти ракеты запущены и близок конец света, я, наверное, буду есть и есть, пока одна не вдарит по Хейвену».

Она отрезала себе ломоть от каравая домашней выпечки и начала подбирать фасолевую жижицу.

При виде этой.., этой метки у себя на лбу она тогда испугалась, очень испугалась. Нечего себя обманывать, будто это просто метка, вроде синяка. А если кому-то хочется узнать, подумала Бека, так она им объяснит, что увидеть лишнюю дырку у себя в голове – не самое бодрящее зрелище. Как-никак в голове помещается мозг. Ну а что она сделала тогда…

Она попыталась отогнать эту мысль, но было слишком поздно. Слишком поздно, Бека, бубнил голос у нее в голове – совсем такой, какой был у ее покойного отца.

Она тогда уставилась на дырку и смотрела на нее, а потом открыла ящик слева от раковины, порылась в своей убогой косметике руками, которые словно были не ее. Вытащила карандашик для бровей и снова посмотрела в зеркало.

Она подняла руку с карандашиком, повернув его тупым концом к себе, и начала медленно засовывать в дырку на лбу. «Нет! – стонала она про себя. – Прекрати, Бека, ты же не хочешь…»

Но, видимо, что-то в ней хотело, потому что она продолжала. Никакой боли она не чувствовала, а карандашик идеально подходил по ширине. Она протолкнула его на дюйм, затем на два, затем на три. Она смотрела на себя в зеркале, на женщину в цветастом платье, у которой изо лба торчал карандаш. Она протолкнула его на четвертый дюйм.

Карандаша почти не осталось, Бека, будь осторожна, ты же не хочешь, чтобы он провалился туда и стучал, когда ты будешь ворочаться ночью. Будил Джо…

Она истерически захихикала.

Пять дюймов – и тупой кончик карандаша наконец наткнулся на что-то. Оно было твердое, но легонький нажим создал ощущение губчатости. В тот же миг весь мир обрел пронзительную яркость, позеленел, и кружева воспоминаний заплясали в ее сознании – в четыре года она катается на санках в комбинезончике старшего брата, моет классную доску после уроков, «импала» пятьдесят девятого года ее дяди Бена, запах свежескошенногс сена…

Она выдернула карандашик из головы, судорожно опоминаясь, в ужасе ожидая, что из дырки хлынет кровь. Но крови не было, и не было следов крови на блестящей поверхности карандашика для бровей. Ни крови, ни.., ни…

Об этом она думать не будет! Она бросила карандашик назад в ящик и одним толчком задвинула ящик. Ее первое желание заклеить дырку вернулось с утроенной силой.

Она открыла зеркальную дверцу аптечки и ухватила жестяную коробочку с пластырями. Коробочка выскользнула из ее дрожащих пальцев и со стуком скатилась в раковину. Бека вскрикнула и тут же приказала себе заткнуть дырку, заткнуть, и все. Заклеить, заставить исчезнуть. Вот что надо было сделать, вот что требовалось. Карандашик для бровей? Ну и что? Забыть – и конец. У нее нет никаких симптомов повреждения мозга, таких, какие она наблюдала в дневных программах и в «Докторе Маркусе Уэбли» – вот что главное. Она совершенно здорова. Ну а карандашик.., забыть, и все тут!

И она забыла – во всяком случае, до этой минуты. Она посмотрела на недоеденный обед и с каким-то оглушенным юмором поняла, что ошиблась относительно своего аппетита – кусок в горло не лез.

Она отнесла свою тарелку к мешку для мусора и соскребла в него объедки, а Оззи беспокойно кружил у ее ног. Джо не оторвался от журнала. В его воображении Нэнси Фосс снова спрашивала его, действительно ли язык у него такой длинный, как кажется.

***

Она пробудилась глубокой ночью от какого-то спутанного сна, в котором все часы в доме разговаривали голосом ее отца. Джо рядом с ней распростерся на спине в своих боксерских трусах и храпел.

Ее рука потянулась к пластырю. Дырка не болела, не ныла, но чесалась. Она потерла пластырь, но осторожно, опасаясь новой зеленой вспышки. Однако все обошлось.

Перекатившись на бок, она подумала: «Ты должна сходить к доктору, Бека. Надо, чтобы ею занялись. Не знаю, что ты сделала, но…»

«Нет, – ответила она себе. – Никаких докторов». Она перекатилась на другой бок, думая, что будет часами лежать без сна, задавая себе пугающие вопросы. А вместо того уснула через минуту-другую.

***

Утром дырка под пластырем почти не чесалась, и было очень просто не думать о ней. Она приготовила Джо завтрак и проводила его на работу. Кончила мыть посуду и вынесла мусор. Они держали его возле дома в сараюшке, который построил Джо – строеньице немногим больше собачьей конуры. Дверцу приходилось надежно запирать, не то из леса являлись еноты и устраивали кавардак.

Она вошла внутрь, морща нос от вони, и поставила зеленый мешок рядом с остальными. В пятницу или субботу заедет Винни, а тогда она хорошенько проветрит сараюшку. Пятясь из дверцы, она увидела мешок, завязанный не так, как остальные. Из него торчала загнутая ручка, вроде ручки зонтика.

Из любопытства она потянула за нее и действительно вытащила зонтик. Вместе с зонтиком на свет появилось несколько зацепившихся за него побитых молью распускающихся шапочек.

Смутное предупреждение застучало у нее в голове. На мгновение она словно посмотрела сквозь чернильное пятно на то, что скрывалось за ним, на то, что произошло с ней (дно это на дне что-то тяжелое что-то в коробке что-то чего Джо не помнит не} вчера. Но разве она не хочет узнать?

Нет.

Не хочет.

Она хочет забыть.

Она попятилась вон из сараюшки и задвинула засовы руками, которые тряслись только чуть-чуть.

***

Неделю спустя (она все еще меняла пластырь каждое утро, но ранка затягивалась – она видела заполняющую ее новую розоватую ткань перед зеркалом в ванной, когда светила в дырку фонариком Джо) Бека узнала то, что половина Хейвена либо знала, либо вычислила – что Джо ее обманывает. Ей сказал Иисус. В последние три дня или около того. Иисус рассказывал ей самые поразительные, ужасные, сокрушающие вещи. Ей от них становилось нехорошо, они лишали ее сна, они лишали ее рассудка.., но разве не были они удивительными? Разве не были правосудными? И разве она перестанет слушать, просто перевернет Иисуса на Его лик, может быть, завизжит на Него, чтобы Он заткнулся? Нет и нет. Во-первых. Он же Спаситель. Во-вторых, вещи, которые ей рассказывал Иисус, вызывали в ней жуткую насильственную потребность узнавать о них.

Бека никак не связывала начало этих божественных откровений с дыркой у нее во лбу. Иисус стоял на полсоновском телевизоре «Зенит», и стоял Он там лет двадцать. А до того, как упокоиться на «Зените», он венчал поочередно два радиоприемника «Ар-си-эй» (Джо Полсон всегда покупал все исключительно американское). Это была чудесная картинка, создававшая трехмерное изображение Иисуса, которую сестра Ребекки прислала ей из Портсмута, где жила. Иисус был облачен в простое белое одеяние, а в руке Он держал пастушеский посох. Поскольку картинка была сотворена (Бека считала «изготовлена» слишком низменным словом для подобия, которое казалось настолько реальным, что в него почти можно было засунуть руку) до появления Битлов и тех перемен, которые они обрушили на мужские прически, Его волосы были не очень длинными и безупречно аккуратными. Христос на телевизоре Беки Полсон зачесывал свои волосы слегка на манер Элвиса Пресли, после того как Пресли расстался с армией. Глаза у него были карие, кроткие и добрые. Позади него в безупречной перспективе уходили вдаль овечки, белоснежные, как белье в телевизионной рекламе мыла. Бека и ее сестра Коринна и ее брат Роланд выросли на овечьей ферме под Глостером, и Бека по личному опыту знала, что овцы ни-ког-да не бывают такими белыми и пушисто-кудрявыми, будто облачка хорошей погоды, опустившиеся на землю. Но, рассуждала она, если Иисус мог претворять воду в вино и воскрешать мертвых, так и подавно был способен, пожелай он того, удалить дерьмо, налипшее на задницы агнцев.

Пару раз Джо пытался убрать изображение с телевизора, и вот теперь ей стало ясно почему. Да уж, будьте уверочки. У Джо, конечно, имелись высосанные из пальца оправдания. «Как-то неловко держать Иисуса на телевизоре, когда мы смотрим „Втроем веселее“ или „Ангелы Чарли“, – говорил он. – Почему бы тебе не поставить его на комод в спальне, Бека? Или.., знаешь что? Почему бы не убрать его на комод до воскресенья, а тогда можешь принести его вниз и поставить на телик, пока будешь смотреть Джимми Суоггарта, и Рекса Хамбарда, и Джерри Фолуэлла? Голову прозакладываю, Иисусу Джерри Фолуэлл нравится куда больше, чем „Ангелы Чарли“.

Она отказалась.

– Когда приходит мой черед на четверговый покер, ребятам это не по вкусу, – сказал он в другой раз. – Никому не хочется, чтобы Иисус Христос смотрел на него, когда он надеется прикупить карту к флэшу или пополнить стрейт.

– Может, им не по себе, потому что они знают, что азартные игры – дело рук Дьявола, –

отрезала Бека.

Джо, хорошо игравший в покер, оскорбился.

– Значит, фен для сушки волос – это тоже дело рук Дьявола, как и кольцо с гранатом, которое тебе так нравится, – сказал он. – На какие шиши они куплены? Может, вернешь их, а деньги пожертвуешь Армии Спасения? Погоди, по-моему, чеки у меня в ящике.

После этого она согласилась, чтобы Джо поворачивал Иисуса лицом к стене на вечер одного четверга в месяц, когда его грязные на язык, дующие пиво дружки приходили к ним играть в покер.., но и только.

И вот теперь ей стала ясна истинная причина, почему он хотел избавиться от этого изображения. Конечно, он с самого начала понимал, что изображение это магическое. Ну.., пожалуй, более подходящее слово – «священное», а магия – это для язычников: охотников за головами и католиков и всех вроде них. Ну, да ведь в конечном счете между ними никакой разницы нет, верно? Все это время Джо наверняка чувствовал, что изображение это особое, что через него будет изобличен его грех.

Ну конечно, она должна была догадываться, что кроется за этой его озабоченностью в последнее время, должна была понимать, что есть причина, почему он по ночам больше к ней не лезет. Но, правду сказать, это было облегчением – секс ведь оказался именно таким, как ее предупреждала мать – омерзительным и грубым, иногда болезненным и всегда унизительным. И еще: она ведь иногда ощущала запах духов на его воротничке? Если так, то и этого она не желала замечать, и не замечала бы и дальше, если бы седьмого июля изображение Иисуса на «Зените» не заговорило. Теперь она поняла, что, кроме того, не замечала третьего обстоятельства: примерно тогда же, когда прекратилось лапанье и воротнички запахли духами, старик Чарли Истбрук ушел на пенсию, и на его место с фол-мутской почты перевели женщину по имени Нэнси Фосс. Она догадывалась, что эта Фосс (кого Бека теперь мысленно называла просто «Эта Шлюха») была лет на пять старше ее и Джо, то есть было ей под пятьдесят, но в свои пятьдесят она была худощава, ухоженна и привлекательна. Сама Бека за время брака немного прибавила в весе – со ста двадцати шести фунтов до ста девяноста трех, в основном после того, как Байрон, их единственный птенчик и сын, улетел из гнезда.

Продолжать и дальше не замечать она не могла. Если Эта Шлюха на самом деле получает удовольствие от животного сексуального соития с его хрюканьем, дерганьем и заключительным выбросом липкой дряни, которая слегка попахивала рыбьим жиром, а с виду походила на дешевое средство для мытья посуды, значит, Эта Шлюха сама мало чем отличается от животного, и это, бесспорно, освобождало Беку от неприятной обязанности, пусть исполнять ее приходилось все реже. Но когда изображение Иисуса заговорило и совершенно точно сообщило ей, что происходит, не замечать она уже больше не могла. Она понимала, что надо будет что-то сделать.

Изображение в первый раз заговорило сразу после трех часов в четверг. Через восемь дней после того, как она выстрелила себе в голову, и примерно через четыре дня после того, как ее решимость забыть, что это дырка, а не просто метка, наконец начала оказывать действие. Бека шла в гостиную из кухни с небольшим угощением для себя (половина кофейного рулета и пивная кружка с «Кул-Эйд»), чтобы смотреть «Клинику». Она уже больше не верила, что Люку удастся найти Лору, но у нее не хватало духу полностью отказаться от надежды.

Она нагнулась, чтобы включить «Зенит», и тут Иисус сказал: «Бека, Джо ложится на Эту Шлюху во время каждого обеденного перерыва на почте, а иногда вечером после закрытия.

Однажды он до того взъярился, что вставил ей, когда якобы помогал сортировать почту. И знаешь что? Она даже не сказала: „Подожди хотя бы, пока я не разложу срочные отправления“.

Бека взвизгнула и пролила «Кул-Эйд» на телик. Просто чудо, подумала она, когда обрела способность думать, что кинескоп не взорвался. Кофейный рулет полетел на ковер.

– И это не все, – сказал ей Иисус. Он прошел через половину картинки – Его одеяние колыхалось у Его лодыжек – и сел на камень, торчавший из земли. Он зажал свой посох между коленями и мрачно посмотрел на нее. – В Хейвене творится много чего. Ты и половине не поверишь!

Бека снова взвизгнула и упала на колени. Одно колено точно впечаталось в рулет, и малиновая начинка брызнула в морду Оззи Нельсона, который пробрался в гостиную посмотреть, что там творится.

– Господь мой! Господь мой! – вопияла Бека. Оззи с шипением удрал на кухню, где забрался под плиту, а с его усов медленно капало липкое варенье. Он оставался там до конца дня.

– Ну, все Подсоны никуда не годились, – сказал Иисус. К Нему приблизилась овечка, и он хлопнул ее Своим посохом с рассеянным раздражением, которое даже в этом ее ошеломленном состоянии напомнило Беке давно покойного отца. Овечка отбежала, чуть-чуть колыхаясь из-за эффекта трехмерности. Она исчезла из картинки – словно бы изогнувшись, когда скрывалась за краем.., ну, да это просто обман зрения, твердо решила Бека. – Ну совсем никуда не годились, – продолжал Иисус. – Дед Джо был блудником чистейшей воды, как ты прекрасно знаешь, Бека. Всю жизнь им его довесок заправлял. А когда он заявился сюда, знаешь, что мы сказали? «Мест нет», – вот, что мы сказали. Иисус наклонился вперед, все еще сжимая Свой посох. «Оправляйся к мистеру Раздвоенное Копыто там внизу, – сказали мы. – Квартиру себе ты найдешь, не сомневайся. Вот только твой новый домохозяин, наверное, сильно тебя поприжмет», – сказали мы.

Тут, против всякого вероятия, Иисус подмигнул ей.., и вот тогда Бека с воплем вылетела из дома.

***

Задыхаясь, она остановилась на заднем дворе. Волосы, такого светло-мышиного цвета, который и заметить-то трудно, упали ей на лицо. Сердце у нее в груди колотилось с такой силой, что она перепугалась. Слава Богу, что хоть никто не слышал, как она кричала, и не видел ее. Они с Джо жили в дальнем конце Ниста-роуд, и близкими их соседями были Бродски, полячишки в замызганном трейлере. И до них – добрых полмили. Услышь ее кто-нибудь, так подумал бы, что в доме Джо и Беки Полсонов появилась какая-то свихнутая.

«Так ведь у Полсонов в доме завелась свихнутая. Верно? – подумала она. – Если ты и вправду веришь, что Иисус на картинке начал с тобой разговаривать, значит, ты свихнулась. Папочка избил бы тебя до третьего посинения, чтобы думать такого не смела: до первого посинения за вранье, до второго посинения – за то, что поверила своему же вранью, а до третьего – чтоб не орала. Бека, ты таки свихнулась. Изображения не разговаривают».

– Да.., и это тоже ничего не говорило, – внезапно раздался другой голос. – Этот голос исходил из твоей собственной головы. Не знаю, как это может быть.., откуда ты могла узнать такое… Но

было именно так. Может, дело тут в том, что случилось с тобой на прошлой неделе, а может, и нет, но ты сама говорила за Иисуса на картинке. А картинка на самом деле ничего не говорила – ну, как резиновая мышка Топо Джиджо в шоу Эда Салливана.

Но почему-то мысль, что причиной может быть (дырка) то, другое, оказалась страшнее мысли, будто говорило изображение, потому что такое иногда показывали в «Маркусе Уэбли», вроде истории про того типа, у которого в мозгу была опухоль, а он из-за нее надевал нейлоновые чулки своей жены и ее туфли. Нет, ничего подобного она в свои мысли не допустит.

Это же могло быть чудо. Как-никак, а чудеса происходят что ни день. Взять хотя бы Туринскую Плащаницу и исцеления в Лурде. И того мексиканского парня, который нашел Лик Девы Марии, запечатленный на поверхности горячей кукурузной лепешки, или на блинчике с мясом, или на чем-то там еще. А те дети, про которых прокричала одна желтая газетка? Дети, которые плакали каменными слезами. Это все bona fide чудеса (детей, плачущих каменными слезами, бесспорно, проглотить было трудновато), возвышающие душу не хуже проповедей Джимми Суогарта. А вот голоса слышат только свихнутые.

«Но случилось-то как раз это. И ты уже давно слышишь голоса, верно? Ты слышала ЕГО голос. Голос Джо. Вот откуда он берется – не от Иисуса, а от Джо, из головы Джо».

– Нет, – всхлипнула Бека, – нет. Никаких голосов у себя в голове я не слышу.

Она стояла у бельевой веревки на жарком заднем) дворе и тупо смотрела на лесок по ту сторону Ниста-роуд, голубовато-серый в солнечном мареве. Она заломила руки перед собой и расплакалась.

– Никаких голосов я у себя в голове не слышу! «Свихнутая, – ответил неумолимый голос ее отца. – Свихнулась от жары. Иди-ка, иди-ка сюда, Бека Бушард, я изобью тебя до третьего посинения за такую свихнутую чушь».

– Никаких голосов у себя в голове я не слышу, – простонала Бека. – Изображение, правда, говорило, хоть под присягой покажу. Я же не чревовещатель.

Бека верила в изображение. Дырка означала опухоль в мозгу. Картинка означала чудо. А чудеса – от Бога. Чудеса происходят не внутри, а снаружи. От чуда можно свихнуться – и Господь свидетель, она чувствует, что вот-вот свихнется, – но это же не значит, что ты уже свихнулась или что у тебя мозга за мозгу зашла. А вот верить, будто ты слышишь чужие мысли.., этому только свихнутые верят!

Бека посмотрела себе на ноги и увидела, что из ее левого колена течет густая кровь. Она снова завопила, кинулась назад в дом вызвать врача, неотложку, ну хоть кого-то. В гостиной она кое-как набирала номер, прижимая трубку к уху, и тут Иисус сказал:

– Это малиновая начинка из твоего кекса, Бека. Почему бы тебе не расслабиться, прежде чем ты доведешь себя до сердечного приступа?

Она посмотрела на телевизор, телефонная трубка со стуком упала на стол. Иисус все еще сидел на камне. Но вроде бы скрестил Свои ноги. Нет, Он на удивление похож на ее отца.., только Он не выглядит угрожающе, будто готов в любую минуту ударить побольнее. Он глядел на нее с каким-то раздраженным терпением.

– Сама проверь, – сказал Иисус.

Она осторожно прикоснулась к колену, готовая сморщиться от боли. И никакой боли не почувствовала. Затем заметила зернышки в красном мазке и немного успокоилась. Она слизнула с пальцев малиновую начинку.

– Кроме того, – сказал Иисус, – выброси из головы, будто слышишь голоса и свихиваешься. Слышишь ты только Меня, и Я могу говорить, с кем хочу и как хочу.

– Потому что ты – Спаситель, – прошептала Бека.

– Верно, – сказал Иисус и посмотрел вниз, ниже него пара салатниц лихо отплясывала в предвкушении, как в них положат приправу «Ранчо Укромной Долины». – И будь добра, выключи это дерьмо, если ничего против не имеешь. Нам не требуется, чтобы эта штука работала. И к тому же от нее у Меня чешутся подошвы.

Бека подошла к телевизору и выключила его.

– Господь мой! – прошептала она.

***

Теперь было воскресенье, 10 июля. Джо крепко спал в гамаке на заднем дворе, а Оззи развалился поперек его внушительного живота, будто черно-белый меховой коврик. Спит в гамаке. И, конечно, видит во сне Шлюху, видит, как бросает ее на кучу торговых каталогов и невостребованных почтовых отправлений, а потом – как бы выразились Джо и эти свиньи, его карточные партнеры? – «хорошенько ее обувает».

Занавеску она придерживала левой рукой, потому что в правой сжимала горсть квадратных девятивольтовых батареек. Она купила их накануне в городском скобяном магазине. Тут она отпустила занавесу и отнесла их на кухню, где на холодильнике мастерила кое-что. Иисус объяснил ей, как это собрать. Она сказала Иисусу, что не умеет ничего собирать. Иисус сказал ей, чтобы она не валяла чертову дурочку. Если она может готовить по кулинарным рецептам, то без малейших затруднений соберет это маленькое приспособленьице. Она с восторгом убедилась, что Иисус был совершенно прав. И это оказалось не только легко, но и очень интересно. Во всяком случае, куда интереснее, чем стряпать, что ей не очень-то удавалось. Ее пироги почти всегда оседали, а ее хлеб почти никогда не поднимался. Она начала собирать это приспособление накануне, используя тостер, моторчик от старого миксера и смешную стенку со всякой электроникой, которую отвинтила от старого радиоприемника в сараюшке. Она подумала, что успеет все закончить задолго до того, как Джо проснется и войдет в гостиную в два часа посмотреть бейсбольный матч по телику.

Даже странно, сколько разных идей у нее появилось в последние дни. Некоторые подсказал ей Иисус, а другие вдруг сами ее осеняли.

Швейная машинка, например. Ей всегда хотелось иметь приспособление, позволяющее шить зигзагом. Но Джо сказал, что ей придется подождать, пока он не сможет купить ей новую машинку (то есть, если она знала Джо, то, конечно, купит, двенадцатого числа никакого месяца). И вот ровно четыре дня назад она поняла, что нужно просто снять лапку для пришивания пуговиц и вставить на ее место вторую иглу под углом сорок пять градусов к первой, и она сможет шить зигзагом, сколько ей захочется. Требовалась только отвертка, а даже такая неумеха, как она, с отверткой сладит – и все получилось на славу. Она увидела, что игловодитель довольно скоро покривится из-за добавочного веса, но ведь, когда это случится, она найдет способ все поправить.

И еще «Электролюкс». Это ей подсказал Иисус. Может быть подготавливал ее для Джо. И Иисус же объяснил ей, как использовать сварочный бутановый аппаратик Джо, что значительно облегчило дело. Она побывала в Дерри и купила в магазине игрушек три электронных игры. Едва вернувшись домой, она их вскрыла и извлекла блоки памяти. Следуя указаниям Иисуса, она подсоединила блоки друг к другу и подключила к ним сухие элементы «Эвереди». Иисус подсказал ей, как запрограммировать «Электролюкс» и подключить его к источнику энергии (собственно говоря, она сама уже это сообразила, но из вежливости не стала Его перебивать). Теперь «Электролюкс» самостоятельно пылесосил кухню, гостиную и нижнюю ванную. У него была тенденция застревать под табуретом или в ванной (где он тыкался и тыкался, дурак эдакий, в унитаз, пока она не прибегала повернуть его), и он жутко пугал Оззи, но все равно это было куда лучше, чем таскать тридцатифунтовый пылесос взад и вперед, будто дохлую собаку. У нее появилось куда больше времени для правдивых историй днем по телику, а теперь к ним добавились и правдивые рассказы Иисуса. Однако ее новый, улучшенный «Электролюкс» жрал электроэнергию с огромной быстротой, а иногда запутывался в собственном шнуре. Она подумывала о том, чтобы выбросить сухие элементы и заменить их аккумулятором от мотоцикла. Времени будет достаточно – после того, как будет разрешена проблема Джо и Шлюхи.

Или.., не далее, как вчера ночью. Она лежала в постели без сна еще долго после того, как Джо захрапел рядом с ней, и размышляла о цифрах. Беке (которая в школе не пошла дальше прикладной математики) пришло в голову, что, придав цифрам буквенное значение, можно их разморозить, превратить, так сказать, в сухое желе. Когда они – цифры – становятся буквами, их можно налить в любую формочку. А затем буквы можно опять превратить в цифры – точно так же, как заливаешь растворенное желе в формочки и ставишь в холодильник, чтобы оно застыло и сохранило очертания формочки, когда потом выложишь его на блюдо.

«Таким способом можно вычислить, что угодно, – подумала Бека с восторгом. Она не осознавала, что ее пальцы прижались ко лбу над левым глазом и терли, терли, терли. – Например, вот посмотрите! Можно разом все упорядочить, сказав: ax+bx+c=0. Это каждый раз срабатывает. Ну, как капитан Марвел командует:

«Сезам!» Ну, есть, правда, фактор нуля; нельзя позволить, чтобы «а» означало ноль, или все развалится. Но в остальном...»

Она еще полежала без сна, размышляя над этим, а потом заснула, не подозревая, что заново изобрела квадратное уравнение и многочлены. И понятие фактора.

Идеи. Порядочное их число в последнее время.

***

Бека достала сварочный аппаратик Джо и ловко зажгла его простой спичкой. Еще месяц назад она бы рассмеялась, скажи вы ей, что она когда-нибудь будет работать с чем-нибудь таким. Но это оказалось легко. Иисус точно объяснил ей, как приварить проволочки к электронной панели от старого радиоприемника. Совсем как настраивать пылесос, только идея тут была еще лучше.

В течение последних трех дней Иисус сообщил ей еще много всякой всячины, которая зарезала ей сон (а когда она ненадолго засыпала, ей снились кошмары), и она теперь боялась показаться в деревне («Я всегда знаю, когда ты что-нибудь натворишь, Бека, – говорил ей

отец, – потому что твое лицо ничего в тайне сохранить не может») и лишилась аппетита. Джо, полностью поглощенный работой, бейсболом и Шлюхой, ничего не замечал.., хотя накануне вечером, когда они вместе смотрели телевизор, он было заметил, что Бека грызет ногти, чего она никогда прежде не делала. Собственно говоря, это был один из многочисленных поводов, из-за которых она его поедом ела. А вот теперь грызла – до самого мяса. Джо Полсон задумался над этим на добрые двенадцать секунд, прежде чем снова обратить взгляд на телевизор «Сони» и погрузиться в мечты о пышных белых грудях Нэнси Фосс.

Вот только некоторые истории из тех, которые нарассказывал ей днем Иисус, которые лишили ее сна и заставили грызть ногти в зрелом возрасте сорока пяти лет.

***

В 1973 году Мосс Харлинген, один из карточных приятелей Джо, убил своего отца. Они охотились на оленей в холмах Гринвилла, и все сочли это трагической случайностью. Да только пуля попала в Абеля Харлингена не случайно. Мосс просто залег с ружьем позади упавшего дерева и подождал, пока его отец не перешел вброд ручей примерно ярдах в пятидесяти ниже по склону от того места, где он лежал. И Мосс, спокойно и тщательно прицелившись, прострелил отцу голову. Мосс-то полагал, что убил отца ради его денег. Его (Мосса) фирма «Биг дитч констракшн» должна была уплатить по векселям двум банкам, и оба банка отказали в отсрочке платежа – первый из-за второго, а второй из-за первого. Мосс пошел к Абелю, но Абель отказался ему помочь, хотя вполне мог бы. А потому Мосс застрелил отца и унаследовал много денег, едва следственный судья вынес свой вердикт: смерть в результате несчастного случая. По векселям было уплачено, и Мосс Харлинген искренне верил (если не считать его снов), что совершил убийство из корысти. На самом же деле мотив его был совсем другим. В далеком прошлом, когда Моссу было десять лет, а его младшему брату Эмери – семь, жена Абеля на всю зиму уехала в Род-Айленд. Дядя Мосса скоропостижно скончался, и необходимо было помочь его жене справиться с горем. Пока их мать была в отъезде, в доме Харлингенов в Трое имели место несколько случаев содомии. Содомия прекратилась, когда вернулась мать мальчиков, и ничего подобного больше не происходило. Мосс полностью забыл о происшедшем. Он не помнил, как лежал без сна в темноте, охваченный смертельным ужасом, и не спускал глаз с двери, не появится ли силуэт отца. У него не сохранилось никаких воспоминаний о том, как он лежал, прижимая рот к запястью, а жгучие соленые слезы стыда и ярости выползали из его глаз и скатывались по щекам, пока Абель Харлинген намазывал лярдом свой член, а затем с кряканьем и вздохом вогнял его в заднюю дверь своего сына. Все это произвело на Мосса столь малое впечатление, что он не помнил, как кусал руку, чтобы не закричать, и уж конечно, у него из памяти изгладились судорожные рыдания Эмери в соседней кроватке… «Пожалуйста, не надо, папочка, пожалуйста, не надо меня сегодня, пожалуйста, папочка, не надо». Разумеется, дети забывают очень легко. Однако в подсознании, видимо, что-то затаилось, потому что Мосс Харлинген на самом деле спускал курок, как ему снилось, каждую ночь на протяжении последних тридцати двух лет его жизни, а когда эхо выстрела покатилось по холмам, вернулось и наконец растворилось в величавой тишине лесов штата Мэн, Мосс прошептал: «Не тебя, Эм, не сегодня». А о том, что Иисус рассказал ей это, менее чем через два часа после того, как Мосс заглянул вернуть Джо удочку, Бека даже не подумала.

Элис Кимболл, учительница младших классов хейвенской школы, была лесбиянкой. Иисус сообщил это Беке в пятницу вскоре после того, как эта дама, выглядевшая в зеленом брючном костюме очень импозантно и респектабельно, заехала к ней, собирая деньги на Американское общество по борьбе с раком.

Дарла Гейне, хорошенькая семнадцатилетняя девушка, которая поставляла воскресную газету, прятала полунции травки под матрасом своей кровати. И, как Иисус сообщил Беке, что меньше чем через пятнадцать минут после того, как Дарла заехала в субботу получить деньги за последние пять недель (три доллара плюс пятьдесят центов чаевых – теперь Бека жалела об этих пятидесяти центах), она и ее мальчик курили травку в постели Дарлы, проделав то, что они называли «горизонтальным трах-трахом». Они проделывали горизонтальный трах-трах и курили травку почти каждый будний день между двумя и тремя часами. Родители Дарлы работали в Дерри в «Изумительной обуви» и домой возвращались много позже четырех.

Хэнк Бак, еще один карточный приятель Джо, работал в бангорском большом супермаркете и до того ненавидел своего босса, что год назад всыпал полкоробки слабительного в его шоколадный коктейль, когда он, босс, послал Хэнка принести ему завтрак из «Макдональдса». Ровно в четверть четвертого босс наложил в штаны, когда нарезал колбасный фарш в кулинарии при супермаркете. Хэнк еле-еле сдерживался до конца рабочего дня, а когда наконец сел в свою машину, то так смеялся, что чуть сам в штаны не наложил. «Он смеялся, – сказал Иисус Беке. – Он смеялся! Ты можешь вообразить подобное?»

И все это было лишь верхушкой айсберга, фигурально выражаясь. Выходило, что Иисус знает что-то неприятное или пугающее про каждого – во всяком случае, про каждого из тех, с кем соприкасалась Века.

Она не могла жить с такими ужасными изобличениями.

Но не знала, сможет ли теперь жить без них. Одно было ясно: она должна СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО. – Ты что-то и делаешь, – сказал Иисус. Он сказал это у нее за спиной с картинки на телевизоре – конечно же, конечно, Он говорил оттуда, а мысль, будто голос исходит изнутри ее головы, что это холодное преображение ее собственных мыслей.., это всего лишь устрашающая иллюзия. – Собственно говоря, Бека, ты уже почти завершила эту часть дела. Только привари вон ту красную проволочку к клемме рядом с длинной штучкой.., нет, не этой, а справа.., вот так. Не так много припоя! Это же как «Брилкрем». Только чуточку – и в самый раз.

Как-то странно слышать, что Иисус Христос говорит про «Брилкрем».

***

Джо проснулся в четверть третьего, сбросил Оззи с живота, прошел через газон, вольготно оросил куст сумаха и неторопливо отправился в дом смотреть бейсбольный матч. Открыл холодильник на кухне, скользнул взглядом по обрезкам проволоки на нем и удивился – что еще такое затеяла его жена? – выбросил эту мысль из головы и ухватил бутылку пива. Потом протопал в гостиную.

Бека сидела в качалке и делала вид, будто читает книгу. Ровно за десять минут до того, как вошел Джо, она кончила подсоединять свое приспособленьице к консольному телевизору «Зенит», с точностью выполнив все указания Иисуса.

«Будь очень осторожна, снимая заднюю стенку телевизора, Бека, – сказал ей Иисус. – Там тока побольше, чем на складе замороженных продуктов».

– Я думал, ты его уже включила для меня, – сказал Джо.

– А сам ты включить не можешь? – сказала Бека.

– Да могу, конечно, – сказал Джо, завершая самый последний разговор между ними.

«Будь очень осторожна, снимая заднюю стенку телевизора, Бека, – сказал ей Иисус. – Там тока побольше, чем на складе замороженных продуктов».

– Я думал, ты его уже включила для меня, – сказал Джо.

– А сам ты включить не можешь? – сказала Бека.

– Да могу, конечно, – сказал Джо, завершая самый последний разговор между ними.

Он нажал кнопку включения, и в него ударил ток с напряжением более двух тысяч вольт. Его глаза выпучились. От шока его рука сжалась так, что бутылка между пальцев лопнула, и коричневатые осколки вонзились в них и в ладонь. Пиво, пенясь, хлынуло на пол.

– ИИИИИИООООООООААРРРРРРУМММММ-ММММ! – кричал Джо.

Его лицо начало чернеть. Из волос повалил голубой дым. Его палец был словно прибит к кнопке включения «Зенита». На экране возникло изображение – Джо и Нэнси Фосс трахаются на полу почты среди торговых каталогов, бюллетеней Конгресса и объявлений о книжных лотереях.

– Нет. – завопила Бека, и изображение изменилось. Теперь она увидела, как Мосс Харлинген за поваленной сосной целится из охотничьего ружья. Изображение сменилось, и она увидела, как Дарла Гейне и ее мальчик в спальне Дарлы на втором этаже проделывают горизонтальный трах-трах, а со стены на них пялится Рик Спрингфилд.

Одежда Джо Полсона запылала.

Гостиную заполнил запах кипящего пивного, супа.

Мгновение спустя взорвалась картинка с трехмерным изображением Иисуса.

– НЕТ!!! – взвизгнула Бека, внезапно осознав, что с самого начала и до конца это была она, она, она – только она все обдумала, она читала их мысли – непонятно как, но читала. В голове у нее была дырка и что-то сотворила с ее рассудком, каким-то образом помутила его. Изображение на экране снова изменилось, и она увидела, как она сама спускается со стремянки спиной вперед, держа в руке пистолет 22-го калибра, нацеленный на ее лоб. Выглядела она как женщина, затеявшая самоубийство, а не уборку.

Ее муж чернел прямо у нее на глазах.

Она кинулась к нему, ухватила изрезанную мокрую руку.., и сама получила удар тока. И не могла отлепить свою руку – точно так же, как Братец Кролик, когда дал оплеуху Смоляному Чучелку за нахальство.

Иисусе, о, Иисусе, думала она, пока ток бил в нее, приподнимал на носки.

И у нее в мозгу зазвучал сумасшедший хихикающий голос – голос ее отца: Надул тебя, Бека! Надул, а? Еще как надул!

Задняя стенка телевизора, которую, завершив свою работу, она привинтила на место (на маловероятный случай, что Джо туда заглянет), отлетела назад в ослепительной голубой

вспышке. Джо и Бека Полсоны упали на ковер. Джо был уже мертв. А к тому времени, когда тлеющие позади телевизора обои подожгли занавеску, была мертва и Бека.

ГРУЗОВИК ДЯДИ ОТТО

Какое же облегчение – наконец записать все это!

Я почти не спал с тех самых пор, как обнаружил тело дядюшки Отто. Порой казалось, что я схожу с ума – или уже сошел. Было бы куда легче, если б этот предмет не лежал у меня в кабинете. Там, где я всегда вижу его, могу потрогать и даже взвесить на ладони, стоит только захотеть. Нет, поймите меня правильно, я этого вовсе не хотел. Я не желал прикасаться к этой вещи. Но иногда.., все же делал это.

Если б я не унес его с собой тогда, убегая из маленького домика с одним окошком, то, возможно, постарался бы убедить себя, что все это не более чем галлюцинация, результат работы воспаленного мозга. Но предмет здесь, у меня. У него есть вес и форма. И этот вес можно прикинуть, взяв вещицу в руки.

Дело в том, что это действительно было.

Большинство из тех, кто прочтет эти мемуары, ни за что не поверит, что такое возможно. До тех пор, пока с ними самими не произойдет нечто подобное. И знаете, какое открытие я сделал? Что какая-либо связь вашей веры с облегчением моей души полностью исключена. Но я все равно расскажу вам эту историю. А уж это вам решать – верить или нет.

***

Любое автобиографическое повествование всегда связано с историей происхождения или с тайной. В моем есть и то, и другое. Позвольте же мне в таком случае начать с происхождения. И рассказать, каким образом получилось, что дядя Отто.

По принятым в округе Касл меркам, человек очень богатый, провел последние двадцать лет жизни вдали от людей, в маленьком домике, единственное окошко которого выходило в поле.

Отто родился в 1905 году и был старшим из пяти детей. Мой отец, появившийся на свет в 1920-м, был самым младшим в семье. Я же – самый младший из детей отца, родился в 1955-м, а потому дядя Отто всегда казался мне стариком.

Подобно многим трудолюбивым немцам, мои дед с бабкой приехали в Америку с деньгами. И осели в Дерри, потому что там была развита деревообрабатывающая промышленность, а дед знал в этом деле толк. Работал он на совесть, и дети его родились и выросли уже в приличных условиях.

Дед умер в 1925 году Дяде Отто было тогда двадцать. Как самый старший из детей он унаследовал семейный бизнес. Переехал в Касл-Рок и занялся недвижимостью. И за пять лет, торгуя лесом и землей, сколотил изрядное состояние. Купил в Касл-Хилле большой дом, имел слуг и наслаждался всем тем, что давало ему положение молодого, относительно красивого («относительно» – из-за того, что он носил очки) и весьма перспективного холостяка. В ту пору никто не считал его странным. Это произошло позднее.

Topreading.ru

Во время кризиса, разразившегося в 1929 году, дядя пострадал не так сильно, как другие. Ему удалось сохранить огромный дом в Касл-Хилле, Отто продал его лишь в 1933-м, поскольку на рынке в ту пору появился прекрасный участок леса по совершенно смешной цене, и он отчаянно захотел приобрести его. Земля принадлежала бумажной компании «Новая Англия».

***

Компания «Новая Англия» существует и по сей день, и если вы подумываете о том, чтобы приобрести ее акции, я скажу вам: валяйте. Но в 1933-м она распродавала огромные земельные участки по смехотворным ценам – с тем чтобы хоть как-то удержаться на плаву.

Сколько же именно земли захотел тогда купить мой дядюшка? Оригиналы платежных документов теперь утеряны, цифры и подсчеты, сохранившиеся в других бумагах, варьируются, но.., согласно приблизительным оценкам, общая площадь составляла свыше четырех тысяч акров. Большая часть этих земель находилась в Касл-Роке, но кое-что заползало и в Уотерфолд, и в Харлоу. «Новая Англия» выставила землю на продажу по цене два доллара пятьдесят центов за акр.., при условии, что покупатель возьмет все.

Таким образом, дядюшке Отто следовало выложить примерно десять тысяч долларов. У него не было таких денег, а потому он пригласил компаньона – янки по.

Имени Джордж Маккатчеон. Если вы живете в Новой Англии, вам наверняка известны имена Шенк и Маккатчеон. Компанию их перекупили давным-давно, но в сорока городках Новой Англии до сих пор полно скобяных лавок «Шенк и Маккатчеон», а лесопилки Шенк и Маккатчеон» можно встретить на всем пути от Сентрал-Фоллздодерри.

Маккатчеон был плотный, крепкий мужчина с окладистой черной бородой. Как и дядя Отто, он носил очки. Как и дядя Отто, унаследовал некоторую сумму денег. Должно быть, сумма была вполне приличная, потому что, объединившись с дядей Отто, они провернули сделку с землей без хлопот. Оба в глубине души были разбойниками, но прекрасно ладили друг с другом. Партнерство их продлилось двадцать два года – де моего рождения, – и, следует отметить, они процветали.

Но все началось с покупки этих четырех тысяч акров. Партнеры обследовали свои новые владения, разъезжая в грузовике Маккатчеона, кружили по ухабистым лесным дорогам и просекам – по большей части на первой скорости, – тряслись по кочкам, с плеском врезались в огромные лужи. За рулем сидели по очереди – то Маккатчеон, то мой дядюшка Отто – тоща еще молодые, полные сил и надежд. Еще бы! Им удалось стать земельными баронами Новой Англии в самые глухие и трудные времена Великой американской депрессии.

***

Мне не известно, где Маккатчеон приобрел этот грузовик марки «крессвелл», – кажется, сейчас уже таких не выпускают. То была огромная машина ярко-красного цвета, с дребезжащими бортами и электрическим стартером. Когда стартер подводил, машину заводили вручную, с помощью рукоятки, но рукоятка могла запросто сорваться и сломать вам ключицу, если, конечно, не соблюдать особой осторожности. У грузовика имелся кузов двадцати футов в длину с откидными бортами, но лучше всего мне почему-то запомнился капот. Такой же кроваво-красный, как и вся машина. Чтобы добраться до мотора, следовало приподнять и откинуть две остальные панели по бокам. Радиатор располагался высоко – на

уровне груди взрослого мужчины, Словом, не машина, а самый настоящий монстр, эдакое совершенно безобразное отродье.

Грузовик Маккатчеона ломался и ремонтировался, снова ломался и ремонтировался. И когда «крессвеллу» все же пришел конец, расставание с ним произошло очень эффектно. Оно было не менее эффектным, чем гибель старинного фаэтона в поэме Холмса.

Произошло это в 1953 году. Как-то к вечеру Маккатчеон и дядя Отто возвращались домой по дороге «Черный Генри», и, по собственное признанию дяди, оба были «в задницу пьяные». Въезжая на холм Тринити, дядя Отто переключился на первую скорость. И все было бы ничего, но, пребывая в состоянии сильнейшего опьянения, он, уже съезжая с холма, забыл переключиться на другую скорость.

Старый, изношенный мотор «крессвелла» перегрелся. Ни Отто, ни Маккатчеон не заметили, как стрелка в правой стороне диска перевалила за красную отметину под буквой «Н». И вот внизу, у подножия холма, грянул взрыв. Металлические створки капота оторвались и разлетелись в разные стороны, словно красные крылья дракона. Крышка радиатора взвилась в голубое летнее небо. Пар вырвался из него, точно джинн из бутылки. Масло выплеснулось на лобовое стекло, Дядя Отто ударил по тормозам, но у «крессвелла» за последний год развилась отвратительная привычка избавляться от тормозной жидкости при каждом удобном случае, и педаль просто ушла под коврик. Дядя не видел, куда едет грузовик. Машина, вильнув, съехала с дороги, угодила в канаву, затем вырвалась из нее и понеслась по полю. Если бы «крессвелл» удалось остановить, все могло бы кончиться благополучно. Но мотор продолжал работать и выбросил сначала один поршень, затем – еще два. Они взвились в воздух, точно ракеты в День независимости 4 июля. Один из них, по утверждению дядюшки Отто, пробил дверцу, отчего она тут же распахнулась. Через дыру можно было свободно просунуть кулак. Остальные поршни навеки остались лежать в поле, поросшем золотарником. Кстати, на это поле и Белые горы за ним из кабины открывался бы великолепный вид, не будь стекло забрызгано машинным маслом и соляркой фирмы «Даймонд джем».

Так бесславно окончил свой долгий путь грузовик Маккатчеона, с этого поля ему уже не суждено было вернуться. Никаких жалоб от землевладельца не последовало. Что вполне естественно – ведь это поле, равно как и другие земли вокруг, принадлежало владельцу этого грузовика и моему дяде. Сразу протрезвевшие после встряски, мужчины выбрались из машины – оценить ущерб. Ни один из них не был механиком, но обоим с первого взгляда стало ясно, что раны у грузовика смертельные.

Дядя Отто был потрясен – так, во всяком случае, утверждал отец. И вызвался уплатить за грузовик. На что Джордж Маккатчеон сказал, чтоб он не валял дурака. Вообще Маккатчеон находился в тот момент в некем экстатическом состоянии. Он оглядел поле, горы и вдруг решил: вот самое подходящее место, чтобы выстроить дом, удалиться на покой и жить здесь до глубокой старости. Е тут же сообщил об этом дяде Отто в самых возвышенных тонах, какие обычно приберегают доя религиозных проповедей. Они, вернулись к дороге, остановили проезжавший мимо фирменный грузовик пекарни Кушмана и на нем благополучно добрались до Касл-Рока. Маккатчеон не преминул также заметить Отто, что увидел во всем этом знак небес. Что он уже давно подыскивал подходящее для дома местечко, что по три-четыре раза, на, неделе проезжал через это поле и ни разу не удосужился взглянуть на него именно под этим углом, «Рука Господня направила меня», – продолжал твердить он, тогда еще и не зная, что два года спустя погибнет на этом самом поле, раздавленный передком своего собственного грузовика. Грузовика, который после его смерти перешел к дядюшке Отто.

***

Маккатчеон заставил Билли Додда взять разбитый «крессвелл» на буксир и подтащить его поближе к дороге. С тем чтобы, по его словам, он мог видеть машину всякий раз, когда проезжает мимо. С тем чтобы позднее тот же Додд снова взял его на буксир и оттащил от дороги – на этот раз уже навсегда, поскольку Маккатчеон собирался вызвать дорожных рабочих и попросить их вырыть для грузовика нечто вроде могилы. Маккатчеон был по природе своей сентиментален, однако не настолько, чтобы позволять сантиментам возобладать над стремлением сколотить лишний доллар. А потому, когда год спустя к нему явился владелец бумажной фабрики по имени Бейкер и вызвался купить у него колеса, шины и еще кое-какие детали от «крессвелла», поскольку по размерам они якобы очень подходили к какому-то там его оборудованию, Маккатчеон не моргнув глазом тут же взял у него двадцать долларов. А ведь состояние Маккатчеона в ту пору достигло чуть ли не миллиона. Он также попросил Бейкера закрепить «обезноженный» грузовик на блоках и подпорках. Сказал, что ему не хочется, проезжая мимо, видеть свой любимый грузовик по брюхо увязшим в грязи, сене, клевере и том же золотарнике, словно это какая-то старая развалина. Бейкер выполнил его просьбу, а год спустя «крессвелл» сорвался с подпорок и блоков и насмерть раздавил Маккатчеона. Старожилы, рассказывавшие затем эту историю с изрядной долей сладострастия, всегда заканчивали ее одними и теми же словами: выражали искреннюю надежду, что Джордж Маккатчеон успел словить кайф от вырученных за колеса и шины двадцати долларов.

***

Я вырос в Касл-Роке. Ко времени моего появления на свет отец проработал на «Шенк и Маккатчеон» лет десять, а грузовик, перешедший в собственность дяди Отто вместе со всем остальным имуществом Маккатчеона, стал для меня своеобразным символом детства.

Мама ездила за покупками в магазин Уоррена в Бридгтоне, и попасть туда можно было только по дороге «Черный Генри». Всякий раз, проезжая по ней, мы видели торчащий в поле грузовик, а за ним – силуэты Белых гор. На блоки и подпорки машину больше не ставили – дядя Отто решил, что и одного несчастного случая более чем достаточно, – но сама мысль о том, что успело натворить это ржавое чудовище, заставляла меня, маленького мальчика в коротких штанишках, содрогаться от страха.

Он был там всегда. Летом; осенью, когда кроны дубов и вязов, окаймлявших поле с трех сторон, пылали жаркой листвой, точно факелы: зимой, когда, заваленный снегом почти до самых выпуклых, точно глаза гигантского жука, фар, он походил на мастодонта, увязшего в белых песках пустыни; весной, когда все вокруг превращалось в сплошное болото из раскисшей грязи и оставалось лишь удивляться тому, что грузовик еще не затонул в нем. Все эти годы в любую погоду грузовик неизменно находился на своем месте.

Мне даже довелось побывать внутри. Как-то раз отец подкатил к обочине – мы ехали с ним на ярмарку во Фрайбург, – взял меня за руку и вывел в поле. Было это, если я не ошибаюсь, году в 1960-м или в 1961-м. Я страшно боялся грузовика. Я наслушался разных ужасных историй о том, как он вдруг соскользнул вперед и раздавил компаньона моего дяди. Я слушал эти истории в парикмахерской, сидя тихо, как мышка, с журналом «Лайф» на коленях, хотя еще не умел читать.

Слушал мужчин, повествующих об этом несчастном случае и выражавших надежду, что старина Джордж Маккатчеон успел всласть попользоваться двадцатью долларами,

вырученными от продажи колес. Один из них – кажется, то был Билли Додд, сумасшедший папаша Фрэнка, – с особым сладострастием живописал, что Маккатчеон походил на «тыкву, раздавленную колесами трактора».

Эта картина преследовала меня в течение долгих месяцев.., но откуда о том было знать отцу.

Просто отец подумал, что мне доставит радость посидеть в кабине старого грузовика: он замечал, как я поглядываю на него всякий раз, проезжая мимо, и ошибочно принял мой страх за восхищение.

Я отчетливо помню цветы золотарника – их желтые лепестки, немного поблекшие от осенних заморозков. Я помню терпкий, какой-то сероватый привкус воздуха – немного горький, немного резкий. Помню, как серебрилась под ногами высохшая трава. Помню ее шорох под нашими ногами – «хс-с, хс-с-с…». Но лучше всего запомнился грузовик. Как он рос, становился все больше при нашем приближении, помню озлобленный оскал радиатора, кроваво-красный его окрас, мутно поблескивающее лобовое стекло. Помню, как ужас окатил меня ледяной волной, и привкус воздуха на языке показался еще более серым, когда отец, взяв меня под мышки, приподнял и понес к кабине со словами: «Ну давай, Квентин, полезай! Веди его в Портленд!» Я помню, как воздух туго ударял в лицо по мере того, как я поднимался все выше и выше, и к горьковатому и чистому его привкусу теперь примешивался запах солярки «Даймонд джем», старой рассохшейся кожи, мышиного помета и – готов поклясться в этом! – крови. Помню, что изо всех сил сдерживался, чтобы не заплакать, а отец стоял подняв голову и улыбался, уверенный, что доставил мне море радости. И вдруг мне показалось, что он сейчас уйдет или повернется спиной и тогда грузовик сожрет меня – сожрет заживо. А потом выплюнет в траву нечто изжеванное, с переломанными костями и.., раздавленное. Как тыква, угодившая под колеса трактора.

И тут я заплакал. Отец, который был самым лучшим и добрым из людей, тут же подхватил меня на руки, снял с сиденья, стал утешать, а потом понес к машине.

Он нес меня на руках, прижав к плечу, и я смотрел, как удаляется, уменьшается грузовик, одиноко стоявший в поле с огромным, разверстым, точно пасть, радиатором, темной круглой дырой в том месте, куда полагалось вставлять заводную рукоятку, – дыра напоминала пустую глазницу. И мне захотелось рассказать отцу, что там я почувствовал запах крови и именно потому заплакал. Но я почему-то не смог. И еще, думаю, он бы мне просто не поверил.

И тут я заплакал. Отец, который был самым лучшим и добрым из людей, тут же подхватил меня на руки, снял с сиденья, стал утешать, а потом понес к машине.

Он нес меня на руках, прижав к плечу, и я смотрел, как удаляется, уменьшается грузовик, одиноко стоявший в поле с огромным, разверстым, точно пасть, радиатором, темной круглой дырой в том месте, куда полагалось вставлять заводную рукоятку, – дыра напоминала пустую глазницу. И мне захотелось рассказать отцу, что там я почувствовал запах крови и именно потому заплакал. Но я почему-то не смог. И еще, думаю, он бы мне просто не поверил.

Будучи пятилетним ребенком, все еще верившим в Санта-Клауса, Прекрасную Фею, Волшебника-Аладдина, я столь же свято уверовал в то, что чувство жути, овладевшее мной как только я оказался в кабине, передалось мне от самого грузовика. И мне понадобилось целых двадцать два года, чтобы разувериться в этом. Чтобы понять, что вовсе не «крессвелл» убил Джорджа Маккатчеона, а мой дядюшка Отто.

***

Итак, «крессвелл» стал своеобразным символом, навязчивой идеей моего детства. Однако ради справедливости следует отметить, что он будоражил умы и остальных обитателей нашей округи. Если вы начинали объяснять кому-либо, как добраться от Бридгтона до Касл-Рока, то непременно упоминали о том, что после поворота с шоссе? II, примерно через три мили, слева от дороги в поле будет стоять большой и старый красный грузовик. Частенько на обочине возле него останавливались туристы (порой застревая в придорожной грязи, что давало дополнительный повод для шуток и смеха), фотографировали Белые горы с грузовиком дяди Отто на первом плане, чтобы лучше показать перспективу, а потому отец называл «крессвелл» мемориальным грузовиком для туристов Тринити-Хилла. А потом перестал. Потому как помешательство дяди Отто на этой машине все усиливалось и уже перестало казаться смешным.

***

А впрочем, довольно о происхождении этой машины. Расскажем теперь о тайне.

В том, что именно грузовик убил Маккатчеона, я был совершенно уверен. «Раздавил как тыкву» – так уверяли болтуны в парикмахерской. А один из них непременно добавлял: «Могу побиться об заклад: он стоял на коленях перед этим своим грузовиком и молился на него, как какой-нибудь грязный араб молится своему Аллаху. Прямо так и вижу, как он стоит на коленях! Они же оба чокнутые, все знают. Да вы только вспомните, как кончил тот же Отто Шенк, если не вериге! Торчит один-одинешенек в маленьком домишке у грязной дороги и думает, что весь город должен на него молиться. Совсем рехнулся, старая сортирная крыса!» Эти высказывания приветствовались кивками и многозначительными взглядами, поскольку тогда все действительно считали, что дядя Отто – человек со странностями – о, если бы! И образ, обрисованный одним из сочинителей этих саг, – Маккатчеон стоит на коленях перед своим грузовиком и молится на него, как «какой-нибудь грязный араб своему Аллаху», – вовсе не казался им эксцентричным или неправдоподобным.

Маленький городок всегда живет самыми невероятными слухами и домыслами; людей клеймят, обзывают ворами, развратниками, браконьерами и лгунами по любому самому ничтожному поводу, который затем дополняется самыми невероятными цветистыми домыслами. Порой мне кажется, что такие разговоры начинают исключительно от скуки – именно так романисты описывают жизнь всех маленьких городков, от Натаниеля до Грейс-Мегаполиса. К тому же все эти сплетни, возникающие на вечеринках, в бакалейных лавках и парикмахерских, до странности наивны. Кажется, люди склонны видеть глупость и подлость буквально во всем, а если не видеть, то изобретать. При этом настоящее зло может оставаться незамеченным ими, даже если парит буквально у них перед глазами, подобно волшебному ковру-самолету из одной из сказок о «грязном арабе».

***

Вы спросите: с чего я взял, что дядя Отто убил его? Просто потому, что он был в тот день с Маккатчеоном? Нет. Из-за грузовика, того самого «крессвелла»! Когда навязчивая идея стала одолевать его, он переехал в тот маленький домик на отшибе, откуда был виден грузовик. И это несмотря на то, что вплоть до самых последних дней смертельно боялся злополучного грузовика.

Думаю, в тот день дядя Отто заманил Маккатчеона в поле, где стоял грузовик, под предлогом разговора о новом доме. Джордж Маккатчеон был всегда рад побеседовать о доме и о том, как славно заживет в нем, удалившись на покой. Компаньонам сделала очень выгодное предложение одна крупная фирма – называть ее не буду, но уверяю: она вам прекрасно знакома. – и Маккатчеон склонился к мысли, что им следует принять предложение. А дядя Отто – нет. С самой весны между ними шла из-за этого скрытая глухая борьба. Думаю, что именно по этой причине дядя решил избавиться от компаньона.

И еще, мне кажется, дядя подготовился заранее и сделал две вещи: во-первых, привел в негодность блоки, удерживающие грузовик, и, во-вторых, положил что-то на землю перед передними колесами грузовика. Некий предмет, нечто такое, что могло броситься Маккатчеону в глаза.

Но что же это было? Не знаю. Что-нибудь яркое и блестящее. Алмаз? Кусок битого стекла, похожий на алмаз?.. Не важно. Но он сверкает и переливается на солнце, и Маккатчеон наверняка заметит его. А если нет, дядя Отто сам обратит его внимание. «Что это?» – воскликнет он и ткнет пальцем. «Не знаю», – ответит Маккатчеон и кинется посмотреть.

Итак, Маккатчеон падает на колени перед грузовиком – точь-в-точь как грязный араб, молящийся своему Аллаху, – и пытается выудить этот предмет из земли. А дядя Отто обходит тем временем грузовик. Одного сильного толчка достаточно,.

Чтобы машина, сорвавшись с блоков, превратила Маккатчеона в лепешку. Раздавила, как тыкву.

Полагаю, в нем был слишком силен разбойничий дух, чтобы скончаться смиренно и тихо. Так и вижу, как он лежит, придавленный к земле оскаленным рылом «крессвелла», кровь потоком хлещет из носа, рта и ушей, лицо белое, словно бумага, глаза темные и расширенные и умоляют о помощи. Скорее, скорее, помоги же мне!.. Сначала молят, затем заклинают.., а потом проклинают моего дядю. Обещают расправиться с ним, прикончить, убить… Дядя же стоит, сунув руки в карманы, смотрит и ждет, когда все это кончится.

А вскоре после гибели Маккатчеона дядя Отто стал совершать поступки, которые завсегдатаи парикмахерской поначалу называли необычными, затем чудными, а потом «чертовски странными». Поступки, в конечном счете способствовавшие появлению уж совсем оскорбительного выражения в его адрес – сбесился, точно сортирная крыса». Впрочем, невзирая на все разнообразие оценок его поведения, люди сходились в одном: все эти странности возникли у дяди сразу же после смерти Джорджа Маккатчеона.

***

А 1965 году дядя Отто выстроил себе маленький домик с окном, смотревшим на поле и грузовик. По городу ходило немало слухов о том, что за чушь затеял старый Отто Шенк, поселившийся у самой дороги возле Тринити-Хилла. Но всеобщее изумление вызвало известие о том, что к концу строительства Дядя Отто попросил Чаки Барджера выкрасить дом густой ярко-красной краской и объявил, что это его дар городу – новая школа. И что она должна носить имя его погибшего компаньона.

Члены городской управы Касл-Рока были потрясены до глубины души. И все остальные тоже. Ведь почти каждый житель Касл-Рока некогда ходил в такую же маленькую школу (или утверждал, что ходил, не вижу принципиальной разницы). Но к 1965 году таких маленьких

однокомнатных школ в городке уже не осталось. Последняя, под названием «Касл-Ридж», закрылась год назад. Теперь она перешла в частное владение и претенциозно именовалась «Виллой Стива», о чем свидетельствовала надпись на фанерном щите у поворота на шоссе? 117. К тому времени в городке построили две новые школы.

Одну – из шлакоблоков и стекла – для начальных классов. Располагалась она на дальнем конце пустыря. Вторая – высокое прекрасное здание на Карлин-стрит – предназначалась для старших и средних классов. В результате сделавший столь странное заявление дядя Отто в мгновение ока превратился из человека со странностями в «чертовски странного» парня.

Члены городской управы послали ему письмо (ни один из них не осмелился явиться лично), в котором выражали самую искреннюю благодарность, а также надежду, что дядюшка Отто и впредь не забудет о нуждах городка. Однако от домика отказались – на том основании, что в плане образования нужды детишек местными властями обеспечены полностью. Дядя Отто впал в неизбывную ярость.

– «Не забудет о городе и впредь» – как же, как же, дожидайтесь! – кричал он моему отцу. Уж он-то их не забудет, можете быть спокойны! Но только в совершенно обратном смысле. Он не вчера со стога сена свалился. Он способен отличить ястреба от кукушки! И если они хотят проверить, кто кого переплюнет, будьте уверены: он, дядюшка Отто, выдаст им такую струю, что и самому вонючему хорьку не снилось. Хорьку, который только что выхлестал целый бочонок пива.

– Ну и что теперь? – спросил отец.

Они сидели у нас на кухне. Мать забрала шитье и поднялась наверх. Она недолюбливала дядюшку Отто, говорила, что от него дурно пахнет, как от человека, который моется не чаще раза в месяц. «А еще богач», – добавляла она, презрительно морща носик. Думаю, насчет запаха мать была права, но еще, мне кажется, она просто его боялась. Ведь к 1965 году дядя Отто не только выглядел, но и вел себя чертовски странно. Расхаживал по городу в зеленых рабочих штанах на подтяжках, байковой рубашке и огромных желтых калошах. И как-то очень странно выпучивал глаза, когда говорил.

– Что? – переспросил он отца.

– Что будешь делать теперь с этим домишкой?

– Жить в нем, сучьем отродье, что ж еще! – рявкнул в ответ дядя Отто.

Именно так он и поступил.

***

Последние прожитые им годы не были отмечены сколько-нибудь значительными событиями. Он страдал того рода безумием, о котором пишут в дешевых бульварных газетенках: «Миллионер умирает от недоедания в своем роскошном особняке», «Старуха-нищенка оказалась богачкой, о чем свидетельствуют ее банковские счета», «Забытый всеми финансовый магнат умирает в полном одиночестве».

Он переехал в свой маленький красный домик – за годы краска поблекла и выгорела и превратилась в грязно-розовую – на следующей же неделе. Никто, по словам отца, не мог

отговорить дядю Отто от этого шага. Год спустя он продал свою компанию. А я-то думал, что он убил человека с целью сохранить ее. Странности его множились, однако деловое чутье никогда не подводило, и сделку при продаже он заключил очень выгодную.

Потрясающе выгодную, так, пожалуй, будет точнее.

И вот мой дядя Отто, состояние которого оценивалось минимум в семь миллионов долларов, зажил в крошечном домике возле дороги. При том, что в городе у него остался прекрасный большой дом – запертый, с заколоченными окнами. К тому времени он перешел из разряда людей «чертовски странных» в разряд «окончательно сбесившихся сортирных крыс». Следующий этап характеризовался куда более скучным, бесцветным, но тем не менее зловещим выражением «возможно, опасен». Выражением, за которым частенько следуют похороны.

Постепенно дядя Отто превратился в такую же достопримечательность, что и грузовик, стоявший по другую сторону дороги, хотя лично я сомневаюсь, чтоб туристы стремились фотографироваться с ним. Он отрастил бороду, ставшую со временем не белой, а желтой, словно она впитывала весь никотин его бесчисленных сигарет. Он страшно растолстел. Жирные отвислые щеки и подбородок были вечно выпачканы чем-то жирным. Люди часто видели, как он стоит в дверях своего дурацкого маленького домика. Просто совершенно неподвижно стоит и смотрит на поле.

Смотрит на свой грузовик…

***

Когда дядя Отто перестал приходить в город за продуктами, отец вызвался проследить за тем, чтобы он не умер голодной смертью. Раз в неделю отец покупал ему все необходимое, расплачиваясь деньгами из собственного кармана. Дядя Отто никогда не возвращал ему затраченного – думаю, ему это просто в голову не приходило. Отец умер за два года до кончины дяди Отто. Все деньги дяди Отто, согласно завещанию, отправились в университет Мэна, на факультет лесной и деревообрабатывающей промышленности. То-то была радость! Особенно с учетом того, как огромна была перепавшая этому заведению сумма.

В 1972 году я получил водительские права и сам стал привозить ему раз в неделю продукты. Сперва дядя Отто поглядывал на меня косо и с некоторым недоверием, затем немного оттаял. А года через три, в 1975-м, я впервые услышал от него о том, что грузовик приближается к дому.

К тому времени я уже учился в университете в Мэне, но каждое лето приезжал домой на каникулы, где снова еженедельно доставлял дяде Отто продукты. Он сидел за столом, курил, поглядывая поверх пакетов и банок, и слушал мою болтовню. Иногда мне казалось, он просто забывал, кто я такой.., или притворялся, что забывал. А как-то раз перепугал чуть ли не до полусмерти, окликнув из окна, когда я проходил к дому: «Это ты, Джордж?» Кажется, именно тем самым июльским днем 1975-го он вдруг оборвал мою беспечную болтовню, спросив резко и грубо:

– А что ты думаешь о том грузовике, Квентин?

Вопрос раздался настолько неожиданно, что я поневоле ответил честно и прямо.

– Когда мне было пять, я описался в нем от страха, – сказал я. – Думаю, что опять промочу

брюки, если поднимусь в кабину.

Дядя Отто смеялся долго и громко.

Я обернулся и с удивлением уставился на него. Прежде я вообще не слышал, чтобы он смеялся. Смех прервался долгим приступом кашля, от которого у него побагровели щеки и шея. Потом он поднял на меня глаза. Они странно блестели.

– Приближается, Квентин. – сказал он.

– Что, дядя Отто? – спросил я. Мне уже была знакома его манера при разговоре перескакивать с предмета на предмет – возможно, он имел в виду приближение Рождества, Судного дня, второго Пришествия на Землю Иисуса Христа, кто его знает:..

– Да этот гребаный грузовик. – ответил он, не спуская с меня пристального и неподвижного взгляда сощуренных глаз, взгляда, от которого мне стало не по себе. – С каждым годом все ближе и ближе.

– Правда? – осторожно заметил я, полагая, что им овладела некая новая навязчивая идея, и непроизвольно бросил взгляд на «крессвелл», стоявший по ту сторону дороги, среди стогов сена на фоне Белых гор. И на какую-то безумную долю секунды мне вдруг показалось, что он действительно стал ближе.

Я отчаянно заморгал, и видение исчезло, грузовик, разумеется, находился на своем обычном месте, там же, где всегда.

– О да, – пробормотал дядя. – С каждым годом ближе.

– Может, вам очки нужны, а, дядя Отто? Лично я не вижу никакой разницы.

– Ну, ясное дело, не видишь!.. – злобно огрызнулся он. – Разве ты видишь, как движется по циферблату часовая стрелка, а? Эта чертова штуковина перемещается слишком медленно, чтоб замечать.., если, конечно, не наблюдать за ней долго-долго. Все время, как я смотрю на этот грузовик... – Тут он подмигнул мне. Я содрогнулся.

– Но зачем ему двигаться, дядя? – спросил я после паузы.

– Ему нужен я, вот зачем, – ответил дядя. – Я у него всю дорогу на примете. Однажды он ворвется сюда, и мне крышка. Раздавит меня, как тогда Мака, и мне придет конец.

Он страшно напугал меня – не столько его слова, сколько тон. А молодые люди обычно реагируют на испуг двумя способами: или бросаются отбивать атаку, или делают вид, что ничего особенного не произошло.

– В таком случае вам лучше переехать в город, дядя Отто. Если уж вы так нервничаете, – сказал я, и по моему тону вы бы никогда не догадались, что по спине у меня бегают мурашки.

Он взглянул на меня.., потом – на грузовик по ту сторону дороги.

– Не могу, Квентин, – сказал он. – Иногда мужчина должен оставаться на месте и ждать.

– Ждать чего, дядя Отто? – спросил я, хотя и догадывался, что он имеет в виду грузовик.

– Судьбы, – ответил он и снова подмигнул, но как-то невесело и в глазах его читался страх.

В 1979 году отец тяжело заболел – отказали почки. Потом ему вдруг полегчало, но в конце концов болезнь одержала верх. Во время одного из моих визитов в больницу, осенью, мы с ним вдруг разговорились о дядюшке Отто. Кажется, у отца тоже имелись кое-какие догадки относительно того несчастного случая в 1955-м – куда более осторожные, чем мои, однако они послужили основанием для моих вполне серьезных подозрений. Однако отец и понятия не имел, насколько глубоко зашел дядя в своем умопомешательстве на этом грузовике. Я же имел. Я знал, что почти весь день дядя стоит в дверях, глядя на этот грузовик. Уставившись на него, как смотрит человек на часовую стрелку циферблата, ожидая, что она сдвинется с мертвой точки.

***

В 1981 году дядя Отто окончательно съехал с катушек. Какого-нибудь бедняка на его месте уже давно упрятали бы в психушку, но миллионы на счету даже очень странного человека позволяют смотреть на разные чудачества более снисходительно. Особенно в маленьком городке, где многие уверены, что безумец в своем завещании непременно отпишет хоть часть своего состояния в пользу городских нужд. Но даже несмотря на эти (как выяснилось позднее, несбыточные) надежды, к 1981-му все стали всерьез поговаривать о том, что дядю Отто следует наконец «определить», для его же блага. Ибо скучное и бесцветное выражение «возможно, опасен» уже давно превалировало над «окончательно сбесившейся сортирной крысой».

Было замечено, что он бегает мочиться прямо на обочину, вместо того чтобы заниматься этим в лесу, где стоял дощатый туалет. Иногда, справляя нужду, он грозил «крессвеллу» кулаком. Кое-кто из проезжавших мимо в машинах людей думал, что дядя Отто грозит им.

Грузовик на фоне картинно белеющих вдали гор – это одно, а писающий возле дороги с расстегнутой ширинкой и спущенными до колен подтяжками дядя Отто – это уже совсем другое. Такая достопримечательность туристов не привлекала.

Грузовик на фоне картинно белеющих вдали гор – это одно, а писающий возле дороги с расстегнутой ширинкой и спущенными до колен подтяжками дядя Отто – это уже совсем другое. Такая достопримечательность туристов не привлекала.

Я к тому времени уже успел сменить джинсы, в которых ходил в колледж, на строгий деловой костюм, однако по-прежнему привозил продукты дяде Отто. Я также пытался убедить его перестать справлять нужду возле дороги – хотя быв летнее время, когда любой проезжающий из Мичигана, Миссури или Флориды может застать его за столь неблаговидным занятием. Но ничего так и не добился. На его взгляд, все это были мелочи, пустяки по сравнению с грузовиком. Он окончательно свихнулся на «крессвелле». Дядя утверждал, что грузовик уже успел переползти на его сторону дороги, что он находится во дворе, прямо перед домом.

– Прошлой ночью просыпаюсь где-то около трех и вижу: стоит там, прямо под окошком, Квентин, – говорил он. – Нет, молчи! Я хорошо видел, как отсвечивал лунный свет на ветровом стекле, а сам он находился ну буквально в шести футах от моей кровати! Прямо сердце чуть не остановилось, чуть не остановилось, Квентин… Я вывел его из дома и показал, что «крессвелл» находится там же, где всегда, чуть наискосок через дорогу. В том же поле, где Маккатчеон некогда собирался построить дом. Не помогло.

– Это ты видишь, мальчик, – заметил дядя. В голосе его звучало бесконечное презрение, сигарета тряслась в руке, глаза вылезали из орбит. – Это ты так видишь…

– Но, дядя Отто… – тут я позволил себе пофилософствовать, – каждый видит то, что хочет увидеть.

Он словно не слышал.

– Проклятая тачка, почти достала меня… – прошептал он.

Я почувствовал, как по спине побежал холодок. Дядя Отто вовсе не походил на сумасшедшего. Был угнетен? Да. Напуган? Безусловно… Но сумасшедшим назвать его было нельзя. И тут перед глазами предстала картинка из прошлого: отец подсаживает меня в кабину. Я вспомнил, как там пахло: соляркой, кожей и еще.., кровью.

– Почти достала меня, – повторил дядя Отто.

И через три недели это случилось.

***

Первым тело обнаружил я. Была среда, солнце уже клонилось к закату, на заднем сиденье «понтиака» стояли два пакета с продуктами. Вечер выдался на удивление жаркий и душный. Время от времени где-то вдалеке погромыхивал гром. Помню, я почему-то занервничал, свернул на дорогу «Черный Генри», словно был уверен: что-то непременно случится. Однако тут же попытался убедить себя, что все это вызвано перепадами в атмосферном давлении.

Свернул еще раз – и взору открылся маленький красный домик. И тут же возникла галлюцинация – на секунду показалось, что грузовик стоит во дворе, у самой двери, нависает над домиком, огромный и грозный, с потрескавшейся красной краской на прогнивших бортах. Нога уже опустилась к тормозной педали, но не успела надавить на нее – я моргнул, и видение исчезло. Но я уже знал, что дядя Отто мертв. Нет, ни звуков труб, ни световых сигналов – просто появилась абсолютная уверенность в том, что он лежит там сейчас бездыханный и неподвижный. Так же четко иногда представляешь, как в знакомой комнате расставлена мебель.

Я быстро въехал во двор и, выскочив из машины и оставив пакеты на заднем сиденье, направился к двери.

Дверь была распахнута, он никогда не запирал ее. Как-то я спросил дядю об этом, и он терпеливо начал объяснять, как объясняют какому-нибудь недоумку совершенно очевидные вещи: он не запирает дверь по той простой причине, что «крессвелл» этим все равно не удержать.

Он лежал на кровати в левом углу комнаты, кухня была отгорожена справа. Лежал одетый – неизменные зеленые штаны, белая нижняя рубашка, глаза открытые, остекленевшие. Думаю, что смерть наступила часа два назад, не раньше. Ни мух, ни запаха в комнате не было, хотя жара стояла страшная.

– Дядя Отто? – тихо окликнул я его, не ожидая ответа. Разве будет живой человек лежать вот так на кровати, с открытыми остекленевшими глазами? И если я и чувствовал что-то в этот момент, так только облегчение. Все было кончено. – Дядя Отто! – Я двинулся к нему. – Дядя… И, едва сделав шаг, остановился, только теперь заметив, как необычно выглядит нижняя часть его лица – распухшая, искаженная. Только тут увидел я, что глаза у него не просто открыты, а жутко выпучены, буквально вылезают из орбит. И смотрят вовсе не на дверь или потолок, а

глядят в раскрытое окно у него над головой.

Проснулся прошлой ночью где-то около трех, и он был там, прямо у окна, Квентин… Почти, достал меня… Раздавил, как тыкву… В ушах у меня снова звучали эти слова, а сам я сидел в парикмахерской, делая вид, что читаю «Лайф», и вдыхая запах бальзама для волос и лосьона для бритья.

Едва не достал меня, Квентин… Нет, все-таки здесь чем-то определенно пахло, но не парикмахерской и не старческим душным запахом давно не мытого тела. Пахло, как в гараже…

– Дядя Отто?.. – прошептал я и снова двинулся к постели. И, пока шел, казалось, что с каждым шагом я сжимаюсь, уменьшаюсь, нет, не только ростом, но и возрастом… Вот мне опять двадцать, пятнадцать, десять, восемь, шесть.., и, наконец, пять. И я увидел, как к его безобразно распухшему лицу тянется моя ладошка, совсем маленькая. И как только ее пальцы коснулись щеки, сжали ее, я поднял глаза и увидел лобовое стекло «крессвелла». Оно заполняло собой весь оконный проем. Хотя длилось это всего секунду, готов поклясться на Библии: это вовсе не было галлюцинацией. «Крессвелл» находился там, у окна, и разделяло нас не более шести футов. Я коснулся пальцами щеки дяди Отто, стараясь понять, откуда взялась эта страшная опухоль. А когда в окне мелькнул грузовик, пальцы непроизвольно сжались в кулак.

В считанные доли секунды грузовик исчез, испарился как дым или как призрак, которым, подозреваю, он и являлся. И в ту же секунду я услышал жуткий булькающий звук. Ладонь обожгла горячая жидкость. Я перевел взгляд вниз, чувствуя под рукой не только податливую плоть и липкую влагу, но и нечто твердое, угловатое. Грянул вниз и.., закричал! Изо рта и ушей дяди Отто потоком лилась темная жидкость. Солярка!.. Солярка текла и из уголков глаз, точно слезы. Солярка производства фирмы «Даймонд джем» – плохо очищенное топливо, которое продается в пятигаллонных пластиковых канистрах, топливо, которым Маккатчеон заправлял свой грузовик.

Нет, тут была не только солярка.., что-то торчало у него изо рта.

Некоторое время я просто стоял, не в силах сдвинуться с места, не в силах снять скользкую руку с его лица, не в силах отвести взора от этого непонятного грязного и промасленного предмета, торчавшего у него изо рта. Предмета, который так страшно исказил его лицо.

Наконец паралич отпустил и я опрометью бросился вон из дома, все еще продолжая кричать. Пробежал через двор, распахнул дверцу «понтиака», плюхнулся на сиденье, завел мотор. И рванул со двора на дорогу. Пакеты с продуктами для дядюшки запрыгали на заднем сиденье, потом свалились на пол. Яйца разбились.

Просто удивительно, что, проехав первые две мили, я не угробил себя и машину. Взглянул на спидометр, увидел, что стрелка зашкаливает за «70». Я сбросил скорость, затем затормозил и принялся дышать медленно и глубоко, стараясь взять себя в руки. А затем, уже немного успокоившись.

Вдруг понял, что просто не имею права оставить дядю Отто вот так, в том виде, в котором его нашел. Слишком много может возникнуть вопросов. Мне придется вернуться.

К тому же мной овладело какое-то дьявольское любопытство. Теперь я об этом жалею. Мне не следовало поддаваться ему, не следовало возвращаться. В конечном счете ну что тут такого?.. Ну нашли бы они его, ну стали бы задавать вопросы… Однако я вернулся. Минут, наверное, пять стоял у двери, примерно в том самом месте и той же позе, в которой и он вот так же часто

стоял на пороге и долго-долго смотрел на грузовик. Постояв, я пришел к выводу: да, грузовик по ту сторону дороги действительно немного сдвинулся с места. Так, самую малость… А потом я зашел в дом.

Первые несколько мух уже вились и жужжали возле лица дяди Отто. На щеке виднелись маслянистые отпечатки пальцев: большого – слева, еще трех – справа. Я нервно покосился на окно, в котором видел грузовик.., потом подошел к постели вплотную и наклонился… Достал из кармана носовой платок, стер отпечатки, затем открыл дяде Отто рот.

Изо рта выпала свеча зажигания. Фирмы «Чемпион», старого образца, огромная, величиной чуть ли не с кулак циркового атлета.

Я унес ее с собой. Теперь понимаю, делать этого не следовало, но тогда я пребывал в совершенно невменяемом состоянии. Было бы куда лучше и спокойнее, если б эта штуковина не лежала теперь у меня в кабинете, где я постоянно могу ее видеть. И не только видеть, но дотрагиваться или даже брать ее в руки и взвешивать на ладони. Старая свеча зажигания образца 1920 года, выпавшая изо рта дяди Отто.

Не будь ее здесь, в кабинете, не возьми я ее из маленького домика, куда вернулся неизвестно зачем, тогда, возможно, мне удалось бы убедить себя, что все, представшее там перед моими глазами – начиная с того момента, когда, выехав из-за поворота, вдруг заметил налезающий на стенку дома огромный красный грузовик, и не только это, но и все остальное, – не более чем галлюцинация. Но эта вещь здесь, передо мной. Она работает. Она настоящая.

Не будь ее здесь, в кабинете, не возьми я ее из маленького домика, куда вернулся неизвестно зачем, тогда, возможно, мне удалось бы убедить себя, что все, представшее там перед моими глазами – начиная с того момента, когда, выехав из-за поворота, вдруг заметил налезающий на стенку дома огромный красный грузовик, и не только это, но и все остальное, – не более чем галлюцинация. Но эта вещь здесь, передо мной. Она работает. Она настоящая.

Она имеет вес и форму. С каждым годом грузовик подбирается все ближе, говорил дядя Отто. И, как оказалось, был прав… Но даже дядя Отто не имел понятия, насколько близко может подобраться грузовик.

Официальное заключение гласило, что дядя Отто покончил жизнь самоубийством, наглотавшись солярки. Известие это стало для жителей Касл-Рока настоящей сенсацией.

Карл Дуркин, хозяин похоронного бюро, у которого язык был, что называется, без костей, даже проболтался, будто врачи, вскрывавшие дядю Отто, обнаружили у него внутри свыше трех кварт солярки.., причем, что самое интересное, не только в желудке. Весь его организм был словно накачан этой соляркой. Правда, больше всего жителей городка волновал другой вопрос: куда же он дел потом пластиковую канистру? Ведь ее так и не нашли. Вопрос этот остался без ответа.

Я уже, кажется, говорил: вряд ли кто из вас, читая мои записки, поверит, что такое могло случиться, ну разве только при том условии, что и с ним самим когда-то случалось нечто подобное. А грузовик, между прочим, так до сих пор торчит в поле. И хотите верьте, хотите нет – но это было, было!..

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕКЛАДИНА

Письмо от Катрин я получил вчера, меньше чем через неделю после того, как мы с отцом вернулись из Лос-Анджелеса. Адресовано оно было в Вилмингтон, штат Делавэр, а я с тех пор, как жил там, переезжал уже два раза. Сейчас люди так часто переезжают, что все эти перечеркнутые адреса на конвертах и наклейки с новыми порой вызывают у меня чувство вины. Конверт был мятый, в пятнах, а один угол его совсем обтрепался. Я прочел письмо и спустя секунду уже держал в руке телефонную трубку, собираясь звонить отцу. Потом в растерянности и страхе положил ее на место: отец стар и перенес два сердечных приступа. Если я позвоню ему и расскажу о письме Катрин сейчас, когда мы только-только вернулись из Лос-Анджелеса, это почти наверняка его убьет.

И я не позвонил. Рассказать мне тоже было некому… Такие вещи, как это письмо, – они слишком личные, чтобы рассказывать о них кому-то, кроме жены или очень близкого друга. За последние несколько лет я не завел близких друзей, с Элен мы развелись еще в 1971-м. Изредка шлем друг другу рождественские открытки…

«Как поживаешь? Как работа? Счастливого Рождества!»

Из-за этого письма я не спал всю ночь. Его содержание могло бы уместиться на открытке. Под обращением «Дорогой Ларри» стояло, только одно предложение. Но одно предложение могло значить очень многое. И очень многое сделать.

Я вспомнил отца, вспомнил, как мы летели на самолете на запад от Нью-Йорка, и в ярком солнечном свете на высоте 18 000 футов его лицо казалось мне старым и истощенным. Когда мы, по словам пилота, пролетали над Омахой, отец сказал:

– Это гораздо дальше, чем мне всегда казалось, Ларри.

В его голосе явственно звучала, тяжелая печаль, и мне стало неловко оттого, что я его не понимаю. Но, получив письмо Катрин, я начал понимать.

Мы выросли в восьмидесяти милях от Омахи, в маленьком городке с названием Хемингфорд-Хоум: отец, мать, я и моя сестра Катрин, которую все звали просто Китти. На два года младше меня, она была красивым ребенком и уже тогда красивой женщиной: даже в ее восемь лет, когда произошел тот случай в амбаре, все понимали, что ее шелковые пшеничные волосы никогда не потемнеют, а глаза навсегда сохранят свою скандинавскую голубизну. Один взгляд в эти глаза – и мужчина готов.

Росли мы, можно сказать, по-деревенски. У отца было три сотни акров хорошей ровной земли, где он выращивал кормовую кукурузу и разводил скот. Мы называли ферму просто «наш дом». В те дни все дороги, кроме шоссе номер 80 между штатами и автострады номер 96 в Небраску, были грунтовые, а поездка в город считалась праздником, которого с волнением ждешь несколько дней.

Сейчас я один из лучших независимых юрисконсультов, так по крайней мере говорят, и, чтобы быть честным до конца, признаюсь, я думаю, это так и есть. Президент одной крупной компании как-то представил меня совету директоров как своего «наемного убийцу». Я ношу дорогие костюмы и ботинки из самой лучшей кожи. На меня работают полный день три помощника, и если понадобится, я могу взять еще дюжину. Но в те дни я ходил по грунтовой дороге в однокомнатную школу с перевязанными ремнем книгами за плечами, а Катрин ходила со мной. Иногда весной мы ходили босиком. Это было еще тогда, когда никто не возражал, если вы зайдете в кафе или Магазин без ботинок.

Когда умерла мама, мы с Катрин уже учились в школе Коламбиа-Сити, а еще через два года

отец потерял ферму и занялся продажей тракторов. Семья наша, таким образом, распалась, хотя в то время нам не казалось, что это так уж плохо. Отец продолжал работать, вошел в долю, и девять лет назад ему предложили один из руководящих постов компании. Я получил в университете Небраски стипендию за участие в футбольной команде и успел научиться чему-то еще, кроме умения гонять мяч.

А Катрин? Именно о ней-то я и хочу рассказать. Тот самый случай в амбаре произошел в одну из суббот в начале ноября. Сказать по правде, я не помню точный год, но Айк тогда был еще президентом. Мать уехала на пекарную ярмарку в Коламбиа-Сити, а отец отправился к нашим ближайшим соседям (до них целых семь миль) помогать хозяину фермы чинить сенокосилку. В доме должен был остаться его помощник, но в тот день он так и не появился, и примерно через месяц отец его уволил.

Мне он оставил огромный список поручений (для Китти там тоже кое-что нашлось) и наказал, чтобы мы не смели играть, пока не переделаем все, что поручено. Но дела отняли у нас совсем немного времени. Наступил ноябрь, и горячая пора на фермах уже прошла. Тот год мы завершили успешно, что случалось не всегда.

День я помню совершенно отчетливо. Небо хмурилось, и хотя холода еще не наступили, чувствовалось, что стуже не терпится прийти, не терпится заняться своим делом, начать морозить и покрывать инеем, сыпать снегом и леденить. Поля лежали голые. Медлительной и безрадостной стала скотина на ферме, а в доме появились странные маленькие сквозняки, которых раньше никогда не было.

В такие дни амбар становился единственным местом, где можно было приятно проводить время: Там всегда держалось тепло, настоянное на запахах сена, шерсти и навоза, а где-то высоко вверху, над третьим ярусом, таинственно переговаривались прижившиеся там ласточки. А запрокинув голову, можно было увидеть сочащийся сквозь щели в крыше белили ноябрьский свет.

А еще там была прибитая к поперечной балке третьего яруса лестница, спускавшаяся до самого пола. Нам запрещалось лазить по ней, поскольку лестница могла вот-вот развалиться от старости. Отец тысячу раз обещал матери снять ее и заменить новой и крепкой, но у него всегда находилось какое-нибудь дело. Например, помочь соседу починить сенокосилку. А помощник, которого он нанял, работой себя особенно не утруждал.

Взобравшись по этой шаткой лестнице – ровно сорок три перекладины, мы с Китти считали столько раз, что это запомнилось на всю жизнь, – можно было попасть на деревянный брус, идущий в семидесяти футах от засыпанного соломой пола. А если продвинуться по нему еще футов двенадцать (коленки дрожат, лодыжки болят от напряжения, а в пересохшем рту вкус словно от пробитого капсюля), то прямо под ногами оказывался сеновал. И можно прыгнуть и падать вниз все семьдесят футов с истошно-радостным «предсмертным» воплем в огромную мягкую, пышную перину из сена. Сено пахнет чем-то сладким, и когда наконец утопаешь и останавливаешься в этом запахе возрожденного лета, живот остается где-то там в воздухе и ты чувствуешь себя… Должно быть, как Лазарь: упал и остался жив, чтобы об этом рассказать.

Разумеется, нам это запрещалось. Если бы нас поймали, мать подняла бы такой крик, что всем стадо бы тошно, а отец, несмотря на то, что мы уже выросли, хорошенько вытянул бы нас обоих вожжами. И из-за самой лестницы, и из-за того, что если потеряешь равновесие не добравшись до края бруса, нависающего над рыхлой бездной сена, можешь упасть и разбиться насмерть о жесткий дощатый пол амбара.

Однако искушение было слишком велико. Когда кошки спят.., сами понимаете.

Тот день, как и все остальные подобные дни, начался восхитительной смесью чувства страха и предвкушения. Мы стояли у основания лестницы, глядя друг на друга. Китти раскраснелась, глаза ее стали темнее, но блестели ярче обычного.

– Кто первый? – спросил я.

– Кто предложил, тот и первый, – тут же ответила Китти.

– Кто первый? – спросил я.

– Кто предложил, тот и первый, – тут же ответила Китти.

– А девочек надо пропускать вперед. – парировал я.

– Если опасно, то нет, – сказала она, застенчиво опуская взгляд, как будто никто не знает, что в Хемингфорде она сорванец номер два. Но так уж она себя держала. Она соглашалась участвовать в чем угодно, но не первой.

– Ладно. – сказал я. – Я пошел.

В тот год мне кажется, исполнилось десять, я был худой как черт и весил около девяноста фунтов. Китти было восемь, и весила она фунтов на двадцать меньше. Лестница всегда выдерживала нас, и нам казалось, что она никогда не подведет. Надо заметить, подобная философия постоянно ввергает в неприятности многих людей и даже целые нации.

Забираясь все выше и выше, в тот день я впервые почувствовал, как лестница вздрагивает в пыльном воздухе амбара. Как всегда, на полпути вверх я представил себе, что будет, если лестница вдруг испустит дух, но продолжал лезть, пока не обхватил руками брус, потом взобрался на него и посмотрел вниз.

Повернутое вверх лицо Китти казалось оттуда маленьким белым овалом. В клетчатой рубашке и голубых джинсах она выглядела как куколка. А надо мной, еще выше, в пыльных углах под самой крышей ворковали ласточки. И опять как всегда:

– Эй, там внизу! – закричал я, и слова плавно опустились к ней на танцующих в воздухе пылинках.

– Эй, там наверху!

Я встал, чуть покачиваясь вперед-назад. Снова начало казаться, что в воздухе какие-то странные течения, которых не было внизу. Двигаясь с раскинутыми для равновесия руками дюйм за дюймом вперед по брусу, я слышал стук собственного сердца. Однажды во время этого этапа над самой моей головой пролетела ласточка, и отпрянув назад, я едва не сорвался. С тех пор я постоянно боялся, что это случится вновь.

Но в тот раз все обошлось, и я добрался до безопасного участка над стогом. Теперь взгляд вниз вызывал уже не страх, а скорее какое-то тревожно-восторженное чувство. Сладкий миг предвкушения…

Потом зажимаешь нос и делаешь шаг в пространство. И, как всегда, мгновенно цепкие объятия силы тяжести бросают тебя вниз. Хочется закричать: «О Господи, прости меня, я ошибся,

верни меня обратно!..» Но тут ты влетаешь с сено, словно артиллерийский снаряд, и падаешь, падаешь все медленнее в пыльном и сладком запахе вокруг, как в густой воде, пока не останавливаешься совсем в глубине стога, Где-то рядом шуршат, разбегаясь по безопасным углам, перепуганные мыши. А у тебя появляется странное чувство, будто родился вновь. Я помню, Китти как-то сказала, что после такого

Прыжка чувствует себя новой и свежей, как маленький ребенок. Тогда я пожал плечами: вроде бы понял, что она имеет в виду, а вроде и нет; но после ее письма я часто.об этом думаю.

Я выбрался из сена, загребая руками и ногами, как в воде, пока не слез на пол амбара. На спине под рубашкой, в штанах – везде было сено. Сено на кроссовках, сено на рукавах, ну и само собой разумеется, на голове.

Китти к тому времени уже добралась до середины лестницы, поднимаясь в пыльном столбе света. Ее золотые косички болтались за спиной и стучали ей по лопаткам. Порой свет бывал таким же ярким, как ее волосы, но в тот день мне казалось, что ее косы ярче и красивее.

Помню, мне тогда не понравилось, как раскачивается лестница, и я подумал, что она никогда не выглядела такой шаткой.

Но потом Китти забралась на брус высоко надо мной, и теперь я стал маленьким человечком внизу с повернутым вверх маленьким овалом лица, а ее голос плавно опустился сверху на пляшущих облаках пыли, поднятой моим прыжком.

– Эй, там внизу!

– Эй, там наверху!

Китти двинулась по брусу, и, когда я решил, что она добралась до безопасного участка над сеновалом, сердце у меня забилось чуть спокойнее. Я всегда волновался за нее, хотя она была и грациознее меня и, пожалуй, спортивнее, что, может быть, звучит странно, когда говоришь о младшей сестре.

Она замерла с вытянутыми вперед руками, приподнявшись на носках кроссовок, а потом бросилась вниз, словно лебедь. Это невозможно забыть и невозможно передать словами. Я могу лишь попытаться описать, что происходило. Но видимо, не настолько точно, чтобы понять, как это было красиво и как совершенно. Таких моментов, кажущихся бесконечно реальными и искренними, в моей жизни совсем немного. Нет, наверно, я не смогу передать вам, что имею в виду. Настолько хорошо я не владею ни словом, ни пером.

На какое-то мгновение она, казалось, повисла в воздухе, словно ее подхватила одна из этих непостижимых поднимающихся воздушных струй, что живут только на третьем ярусе амбара: светлая ласточка с золотым ореолом, каких в Небраске никто никогда не видел. Это была Китти, моя сестренка. Как я любил ее за эти мгновения полета с раскинутыми за выгнутой спиной руками)

А затем она упала вниз и исчезла из вида в куче сена. Из пробитой норы вырвался фонтан смеха и пыли. Я тут же забыл, как шатко выглядела лестница, когда по ней поднималась Китти, и к тому времени, когда она выбралась наружу, я был уже на полпути вверх.

Я попытался прыгнуть лебедем, но, как всегда, страх скрутил меня, и мой лебедь превратился в пушечное ядро. Наверно, я никогда не был до конца уверен, что сено окажется на месте, как верила в это Китти.

Трудно сказать, сколько это продолжалось, но прыжков через десять или двенадцать я посмотрел вверх и увидел, что стало темнее. Скоро должны были вернуться родители, а мы с Китти так обвалялись в сене, что они поняли бы все, едва на нас взглянув. Мы решили прыгнуть по последнему разу.

Поднимаясь первым, я снова почувствовал, как ходит подо мной лестница, и услышал очень слабый писклявый скрип выдирающихся из дерева старых гвоздей. В первый раз я по-настоящему испугался. Наверно, если бы я был ближе к полу, то слез бы, и на этом все закончилось, но брус – казался ближе и безопаснее. За три перекладины до верха скрип вырываемых гвоздей стал еще сильнее, и я похолодел от страха, решив, что вот теперь-то мое везение уходит:

Потом я обхватил руками занозистый брус, чуть облегчая нагрузку на лестницу, и почувствовал, как в выступившем неприятном холодном поту прилипает ко лбу соломенная труха. Забавы кончились. Я торопливо добрался до края, нависающего над сеном, и спрыгнул. Даже всегда приятная часть, падение, не доставила мне удовольствия. Падая, я представил, как бы я себя чувствовал, если бы вместо податливого сена мне навстречу летел деревянный пол.

Выбравшись на середину амбара, я увидел, что Китти взбирается по лестнице, и закричал:

– Слезай! Там опасно!

– Выдержит! – ответила она уверенно. – Я легче тебя!

– Китти!..

Я не закончил фразу, потому что в этот момент лестница не выдержала, издав гнилой треск ломающегося дерева. Я вскрикнул. Китти завизжала. Она добралась примерно до того же места, где был я, когда решил, что удача оставляет меня.

Перекладина, на которой стояла Китти, оторвалась, а затем расщепились обе боковые доски. Какое-то мгновение оторвавшаяся часть лестницы под ней выглядела словно нескладное насекомое богомол или палочник, которое стояло-стояло и вдруг решило двинуться вперед.

Потом, ударившись об пол с коротким сухим хлипком, лестница рухнула, подняв клубы пыли. Испуганно замычали коровы, и одна из них ударила копытом. Китти пронзительно завизжала:

– Ларри! Ларри! Помоги!

Я понял, что надо делать, понял сразу. Испугался я ужасно, но рассудок до конца не потерял. Китти висела на высоте шестидесяти футов от пола, бешено работая в пустом воздухе ногами в голубых джинсах, а где-то еще выше ворковали ласточки. Конечно, я испугался. До сих пор не могу смотреть на цирковых воздушных гимнастов, даже по телевизору, потому что при этом у меня внутри все сжимается. Но я знал, что надо делать.

– Китти! – крикнул я. -Держись! Не дергайся!

Она послушалась мгновенно. Ее ноги перестали дергаться, и она повисла, держась своими маленькими руками за последнюю перекладину на обломившемся конце лестницы, словно акробат, замерший на трапеции.

Я кинулся к сеновалу, схватил обеими руками огромную охапку сена, вернулся, бросил.

Побежал обратно. И еще раз. И еще.

Дальнейшее осталось в памяти смутно. Помню лишь, что мне в нос попало сено и я начал чихать и никак не мог остановиться. Я метался туда-обратно, скидывая сено в кучу там, где раньше было основание лестницы. Куча росла очень медленно. При взгляде на нее, а потом на Китти, висящую так высоко вверху, на память вполне могла прийти карикатура, на которой кто-нибудь прыгает с трехсотфутовой вышки в стакан с водой. Туда-обратно, туда-обратно…

– Ларри, я не могу больше держаться! – В голосе ее звучало отчаяние.

– Китти, ты должна! Продержись еще!

Туда-обратно. Сено набилось в рубашку. Туда обратно. Куча выросла уже до подбородка, но на сеновале, куда мы прыгали, стог был высотой футов в двадцать пять, и я подумал: если Китти только сломает ноги, можно будет считать, что ей повезло. И еще знал, что упав мимо кучи, она убьется наверняка. Туда-обратно…

– Ларри! Перекладина!.. Она отрывается! Я услышал ровный скрипящий крик выдирающихся под ее тяжестью гвоздей в перекладине. В панике Китти снова задергала ногами. Если она не остановится, то может не попасть в стог.

– Нет! – закричал я. – Нет! Прекрати! Отпускай руки! Падай, Китти!

Бежать еще раз за сеном было поздно. Времени не осталось ни на что, кроме слепой надежды.

Как только я закричал, Китти отпустила перекладину и упала вниз, словно нож, хотя мне показалось, что падала она целую вечность. С торчащими вверх косичками, с закрытыми глазами и бледным, как фарфор, лицом она молча падала, сложив ладошки перед губами, как будто молилась.

Она ударила в самый центр стога и исчезла из вида. Сено взметнулось, словно в стог попал снаряд, и я услышал удар о доски пола. От этого звука, громкого глухого удара, я похолодел. Слишком громко, слишком… Но мне нужно было увидеть.

Чуть не плача, я кинулся разгребать сено, огромными охапками бросая его за спину. Откопал ногу в голубых джинсах, затем клетчатую рубашку и, наконец, лицо Китти, смертельно-бледное с зажмуренными глазами, Глядя на нее, я решил, что она мертва. Весь мир тут же стал серым, по-ноябрьски серым, и только золотые, ее косички сохраняли свою яркость.

Потом она подняла веки, и в бесцветном сером мире возникли два темно-синих глаза.

– Китти? – еще не веря, хрипло позвал я, давясь пылью от сена. – Китти?

– Ларри? – удивленно спросила она. – Я жива?

Я вытащил ее из сена и крепко обнял, а она обхватила меня за шею и крепко сжала в ответ.

– Жива, – ответил я. – Жива, жива!

Она отделалась переломом левой лодыжки. Доктор Педерсен, врач из Коламбиа-Сити, когда пришел вместе со мной и отцом в амбар, долго вглядывался в тени под крышей. Там на одном гвозде еще висела наискось последняя лестничная перекладина.

Он долго смотрел, затем сказал, обращаясь к отцу:

– Чудо.

Потом презрительно пнул ногой натасканную мной кучу сена, сел в свой запыленный «де сото» и уехал.

Рука отца легла на мое плечо.

– Сейчас мы пойдем в дровяной сарай, Ларри, – сказал он очень спокойным голосом. – Я полагаю, ты знаешь, что там произойдет.

– Да, сэр. – прошептал я.

– И при каждом ударе ты будешь благодарить Бога за то, что твоя сестра осталась жива.

– Да, сэр.

И мы пошли. Он здорово меня отделал, так здорово, что я ел стоя целую неделю и еще две после этого подкладывал на стул подушечку. И каждый раз, когда он шлепал меня своей большой красной мозолистой рукой, я благодарил Бога.

Громко, очень громко. Когда наказание заканчивалось, я был уверен, что он меня услышал.

К Китти меня пустили перед тем, как ложиться спать. Я почему-то помню, что за окном у нее на подоконнике сидел дрозд. Сломанную ногу ей забинтовали и притянули к дощечке.

Китти смотрела на меня так долго и с такой любовью, что мне стало неловко. Потом она сказала:

– Сено. Ты подложил сено.

– Конечно, – буркнул я. – А что еще мне оставалось делать? Когда лестница, сломалась, я уже не мог забраться наверх.

– Я не знала, что ты делаешь. – сказала она.

– Да ты что? Я же был прямо под тобой!

– Я боялась смотреть вниз. Все это время я висела с закрытыми глазами.

Меня словно громом ударило.

– Ты не знала? Ты не знала, что я там делал? Она кивнула:

– Китти, да как же ты?..

Она посмотрела на меня своими глубокими синими глазами и сказала:

– Я знала, что ты сделаешь что-нибудь, чтобы помочь мне. Ты же мой старший брат. Я знала, что ты меня спасешь.

– Китти, ты даже не представляешь, как, все было.., на волоске…

Я закрыл лицо руками, но она приподнялась с постели, отняла мои руки и поцеловала меня в

щеку.

– Нет, Ларри. Я же знала, что ты там внизу… Ой, я уже хочу спать. Поговорим завтра. Доктор Педерсен сказал, что мне наложат гипс.

Гипсовую повязку она носила меньше месяца, и все ее одноклассники на ней расписались. Она даже меня уговорила расписаться. Потом ее сняли, и на этом все закончилось. Отец поставил новую крепкую лестницу на третий ярус, но я никогда больше не забирался наверх и не прыгал в сено. Насколько я знаю, Китти тоже.

Впрочем, я не могу сказать, что дело этим закончилось. На самом деле все закончилось девять дней назад, когда Китти бросилась вниз с последнего этажа здания страховой компании в Лос-Анджелесе. В бумажнике я держу вырезку из «Лос-Анджелес тайме» и, наверное, всегда буду носить ее с собой, но совсем не так, как люди хранят, например, фотографии тех, кого хотели бы помнить, или театральные билеты на действительно хорошее представление, или вырезку из программы чемпионата мира. Я ношу с собой эту вырезку, как человек носит тяжелый груз, потому что носить тяжести – это его работа. Заметка называется:

«СЛОЖИВ КРЫЛЬЯ. САМОУБИЙСТВО МОЛОДОЙ ПРОСТИТУТКИ».

Мы выросли. Это единственное, что я знаю, кроме фактов, не имеющих к делу в общем-то никакого отношения. Китти – собиралась изучать коммерцию в колледже в Омахе. Тем летом после выпуска из школы она победила на конкурсе красоты и вышла замуж за одного из членов жюри. Не правда ли, похоже на грязную шутку? Это моя-то Китти…

Пока я изучал в колледже закон, она развелась и написала мне длинное письмо, страниц десять или даже больше, о том, как плохо ей было и как было бы лучше, если бы она родила ребенка. Спрашивала, не могу ли я приехать. Но в юридическом колледже пропустить неделю – все равно что пропустить целый семестр на последнем курсе, когда изучаешь, скажем, живопись. Преподаватели – звери. Упустил что-то – пиши пропало.

Китти переехала в Лос-Анджелес и снова вышла замуж. Когда и этот брак распался, я уже закончил учебу. Получил еще одно письмо, уже не такое длинное, но еще более напитанное горечью.

«Видимо, я никогда не удержусь на этой карусели, – писала она. – Если ухватился за медное кольцо, то обязательно свалишься с лошади и расшибешь себе голову… А если так, кому все это нужно?

P.S. Можешь ли ты приехать, Ларри?.. Очень давно тебя не видела».

Я ответил, написав, что хотел бы приехать, но никак не могу. Как раз в то время я получил должность в одной очень престижной фирме: маленький человек у всех на виду, масса работы и никакой благодарности. Если я собирался подняться на следующую ступеньку, это нужно было сделать именно в том году, и мое длинное письмо было целиком о работе, о моей будущей карьере.

Я отвечал на все ее письма. Но почему-то никогда до конца не верил, что писала их сама Китти, примерно так же, как когда-то в детстве мне не верилось, что стог сена все-таки

окажется внизу. До тех нор, пока я не падал в него, и оно опять спасало мне жизнь. Я не мог поверить, что моя сестренка и та побитая жизнью женщина, что подписывал свои письма обведенным в кружочек именем Китти внизу страницы, одно и то же лицо. Моя сестренка была девочкой с косичками и еще с плоской грудью.

Писать перестала она. Изредка мы получали рождественские открытки или поздравления с днем рождения, и отвечала на них моя жена. Потом мы развелись, я переехал и просто забыл. В следующее Рождество и на день рождения открытки переслали мне уже на новый адрес. Первый новый адрес. Я подумал, что надо бы написать Китти и сообщить, что я переехал. Но так этого и не сделал.

Как я и говорил, эти факты ровным счетом ничего не значат. Важно лишь то, что мы выросли и Китти выбросилась из того здания страховой компании. Китти, которая всегда верила, что стог окажется на месте. Китти, которая сказала:

«Я знала, что ты сделаешь что-нибудь, чтобы помочь мне».

Это важно. И письмо Китти.

Люди в наше время так часто переезжают, что порой все эти перечеркнутые, адреса и наклейки с новыми кажутся мне немыми обвинениями. В левом углу конверта Китти напечатала обратный адрес, адрес места, где она жила до того, как бросилась из окна. Очень симпатичный квартирный дом на Ван-Найс. Мы с отцом ездили туда забирать вещи. Хозяйка отнеслась к нам хорошо. Китти ей нравилась.

Письмо было погашено за две недели до ее смерти. Я получил бы его гораздо раньше, если бы не переехал еще раз. Должно быть, она просто устала ждать.

«Дорогой Ларри,

Я много думала в последнее время.., и решила, что для меня было бы гораздо лучше, если бы та последняя перекладина оторвалась раньше, чем ты смог натаскать сена.

Твоя Китти».

Да, видимо, она устала ждать. Мне легче верить в это, чем в то, что она решила, будто я забыл. Я бы не хотел, чтобы она так думала, потому что это письмо в одно предложение, наверное, единственная вещь, которая заставила бы меня бросить все и ехать к ней.

Но даже не из-за этого так трудно бывает теперь заснуть. Закрывая глаза и впадая в дрему, я снова и снова вижу, как моя Китти с широко раскрытыми темно-синими глазами, прогнувшись и раскинув руки, летит вниз с третьего яруса амбара.

Китти, которая всегда верила в то, что внизу окажется стог сена.

ВЕРХОМ НА ПУЛЕ

Китти, которая всегда верила в то, что внизу окажется стог сена.

ВЕРХОМ НА ПУЛЕ

Я никогда и никому не рассказывал эту историю, но совсем не потому что я боялся быть не понятым, точнее.. мне было стыдно, да и это касается только меня – это мое, личное. Рассказывая ее я понимаю, что тем самым она теряет всякую ценность, становясь более приземленной и похожей на что-то вроде обычных россказней о привидениях перед сном. Хотя быть может больше всего я боялся того, что рассказывая ее кому-то вслух, я бы мог сойти с ума. Но с тех пор как умерла моя мать, я постоянно просыпаюсь в липком поту и меня мучают кошмары. Я боюсь выключать свет, но и при включенной лампе мне не спится. Ночи полны теней, вы не замечали? Они не исчезают даже при свете. Стоит только подумать как длинная тень превращается в фантазии, таящиеся в глубине вашей души.

Ничто.

Я был еще сосунком учившимся в университете штата Мэн когда это произошло. Мой отец умер, когда я еще был слишком мал чтобы его помнить, я был всего лишь ребенком, и был лишь только Алан и Джин Паркер, один против целого мира. Однажды миссис Мак-Курди, жившая от нас чуть выше по дороге, позвонила мне в комнатушку, которую я делил вместе с тремя другими студентами. Мой номер телефона, она нашла на магнитной доске, висевшей на холодильнике с тех самых пор, как его написала мама.

«У нее был инфаркт» сказала она в своей неизменной манере тянуть слова с отчетливым американским акцентом. «Все произошло в ресторане. Но не думай паниковать, это лишь только то что я слышала. Доктор кстати, считает что в этот раз все обошлось. По крайней мере она в сознании и даже может говорить.»

«Да? С чего вы взяли что я буду паниковать?» спросил я. Изо всех сил я пытался сохранить спокойный, где-то даже скучающий тон, хотя сердце сразу забилось быстрее и в комнате стало необычайно жарко. Поскольку все мои соседи находились на учебе и обычно возвращались только к вечеру, я был абсолютно один и предоставлен сам себе на протяжении всего дня.

«Ох, ахух. Первым делом она попросила меня позвонить тебе, но только постараться не напугать. Полна заботой тебе не кажется?»

«Ага.» Конечно я был напуган. Еще бы, когда кто-то звонит тебе и говорит что у твоей матери приступ и ее прямо с работы увезли в больницу, как вы себя чувствовали, черт побери?

«Твоя мать попросила тебя остаться до конца недели и уладить дело с учебой, а потом ты можешь приехать навестить ее.»

Ну да! Черта с два я останусь в этой провонявшей пивом крысиной дыре, пока моя мать лежит в больнице в ста милях к югу и быть может умирает.

«Она еще очень молода, твоя мать,» сказала миссис Мак-Курди. «Просто последние несколько лет выдались тяжелыми, ей требуется отдых. Ну и конечно сигареты, они то ее и добили. Нет она просто обязана бросить курить это дерьмо.»

Честно говоря я сомневался что она это сделает, хотя мать отлично понимала что они здоровья не прибавляют, но все же – моя мать любила курить. Я поблагодарил миссис Мак-Курди за звонок.

«Ну что ты, я считаю это своим долгом,» сказала она. «Так когда тебя ждать, Алан? В

субботу?» Скорее это был вопрос вежливости, поскольку она отлично знала ответ.

Я выглянул в окно, стоял прекрасный октябрьский день: казалось что большие светлые облака зависли над деревьями усыпавшими своими желтыми листьями всю Милл-стрит. Я взглянул на часы. Три двадцать. Ее звонок застиг меня как раз в то время, когда я собирался на мой четырех часовой семинар по философии.

«Вы смеетесь» спросил я. «Я приеду уже сегодня.»

Ее смех был сухим и растворился в тишине – миссис Мак-Курди была именно тем с кем было классно обсуждать то как бросить курить. «Ты молодец! Поедешь прямо в больницу, а уж потом домой?»

«Я думаю да» сказал я. В общем-то я решил не объяснять миссис Мак-Курди что моя старушка уже давно не на ходу, что то случилось с коробкой передач, и в ближайшем будущем она вряд ли попадет куда-либо кроме как на свалку. Я собирался добраться автостопом до Левистона, а уж от туда до нашего домика в Харлоу, конечно если не будет слишком поздно. Если же все таки я опоздаю, то я прикорну на одной и больничных скамеек. В этом не было ничего необычного, поскольку мне часто приходилось ловить попутку для того чтобы добраться из дома в школу, или спать облокотившись на автомат с кокой.

«Я думаю ключ от двери все еще лежит под красной тележкой, но я все же проверю,» сказала она. «Ты ведь понял что я имею ввиду?»

«Конечно.» Моя мать всегда держала старенькую красную тележку около задней двери. Летом в ней всегда росли цветы. Задумавшись над этими вещами, я только сейчас смог осознать что же случилось на самом деле: моя мать была в больнице, маленький, уютный домик в Харлоу в котором я вырос, будет сегодня темным и не гостеприимным – там совсем пусто и некому включить свет после захода солнца. Миссис Мак-Курди сказала что мать еще молода, но когда тебе самому двадцать один, то сорок восемь кажется уже историей.

«Будь осторожен Алан. Не гони.»

Моя скорость будет зависеть от того кто меня подберет и я надеялся, что он будет нестись как черт. Иначе мне никогда не успеть в Центральный Медицинский Центр штата Мэн вовремя. Впрочем нет поводов для беспокойства миссис Мак-Курди.

«Обещаю что не буду. Спасибо за все.»

«Не за что,» сказала она. «Надеюсь с твоей матерью будет полный порядок. Я думаю она очень обрадуется увидев тебя.»

Повесив трубку я нацарапал коротенькую записку, в которой в двух словах написал что произошло и куда я направляюсь. В записке я просил Гектора Пассмора, на мой взгляд наиболее ответственного из моих соседей, объяснить преподавателям что со мной случилось, чтобы меня случайно не отчислили за прогулы – двое или трое из моих учителей были бы совсем не против. Затем я положил пару сменного белья в дорожный рюкзак, туда же отправился пожеванный псом учебник «Вступление в Философию», и вышел из дому. Я пропускал курс уже целую неделю, но несмотря на данное обстоятельство, проблем с ним у меня не возникало. В ту ночь мое понимание мира изменилось до не узнаваемости, и мой учебник по философии не мог это объяснить как впрочем и принять. Я понял что существуют вещи, которые недоступны пониманию, они просто есть, и никакая книга в мире не может объяснить что они. Иногда бывает лучше забыть что эти вещи существуют. Если вы можете,

ЗАБУДЬТЕ.

Больница находилась в ста двадцати милях от Университета штата Мэн в Ороно по дороге через Левистон, в местечке под названием Андроскоггин, и самый быстрый путь туда лежал по шоссе 95. Честно говоря магистраль это не самый лучший выбор для путешествий автостопом, поскольку, копы из полиции штата, не упустят своего шанса оштрафовать водителя, который и остановился то, только для того, чтобы взять попутчика. Обдумав все это, я решил что пойду по 68-ой дороге уходящей на юго-восток от Бангора. Это обычная, проезжая дорога, где есть не плохой шанс поймать попутку, если ты конечно не похож на полного психа. Да и копы здесь встречаются гораздо реже.

Сперва меня взял на борт слегка мрачноватый страховой агент, и довез до самого Нью-Порта. Я стоял на пересечении дорог 68-ой и 2-ой около 20 минут, когда мне наконец повезло. Моим спасителем оказался мужчина в годах, который направлялся в Боудинхэм. Не отпуская руля одной рукой, другой он держал, обхватив свою промежность. Было похоже на то, что там что-то было, и это что-то никак не давало ему покоя.

«Моя женушка, черт побери, говаривала что я сдохну в канаве с ножом в спине, если не прекращу брать попутчиков», сказал он, «но когда я вижу такого паренька как ты, стоящего на обочине, то я, черт побери, вспоминаю себя в твои годы. Я тоже останавливал попутки. Тоже путешествовал. А теперь взгляни на меня, моя жена умерла четыре года назад, а все еще езжу на этом старом Додже. Черт, временами, я так по ней скучаю.» Он вновь обхватил рукой промежность. «Куда направляешься сынок?»

Я рассказал ему почему так тороплюсь добраться до Левистона.

«Плохо дело,» сказал он. «Мне так жаль что это случилось с твоей матерью!» Столь неожиданная нотка понимания и сочувствия прозвучавшая в его голосе глубоко задела меня, и я почувствовал как на глаза навернулись слезы. Большим усилием воли мне удалось успокоиться. Меньше всего на свете мне хотелось сейчас дать волю чувствам и разреветься сидя в этой дребезжащей неуклюжей развалюхе, сильно пахнущей мочой.

«Миссис Мак-Курди – та старая леди, которая позвонила мне – сказала, что все не так плохо. Моя мать еще очень молода, ей всего сорок восемь.»

«И все же это был удар!» Его голос был полон неподдельной тревоги. Он беспокойно почесал в промежности, скрытой под тканью зеленых трусов, своей огромной ручищей. «Удар, черт побери, это не шутки! Сынок, я бы сам довез тебя до Центральной больницы штата – и даже доставил бы до самых дверей – если бы не пообещал своему брату Ральфу, отвезти его в эту частную лечебницу в Гэйтс. Там находится его жена, у нее это заболевание… ну когда ни хрена не помнишь, понятия не имею, как они его называют, толи болезнь Андерсена или Альвареза, или что-то в таком роде.»

«Болезнь Альцгеймера,» сказал я.

«Хах, похоже, я сам ее подхватил. Дьявол, я просто обязан тебя довезти.»

«Вам совсем не нужно этого делать,» сказал я. «Я без проблем поймаю попутку из Гэйтс.»

«Да, но все же,» сказал он. «У твоей матери удар! Ей всего сорок восемь!» Он снова поправил

трусы. «Хренов стручок!» крикнул он, затем рассмеялся – скорее это было похоже на смех полный отчаяния. «Чертова грыжа!» Знай, сынок, мы все у господа под колпаком, и уж он то знает, кому надо надрать задницу. Но ты молодец, что решился бросить все ради своей матери.»

«Она хорошая мать,» сказал я, и снова комок подступил к горлу.

Я не помню, чтобы я так скучал по дому, когда учился в школе, ну разве что совсем немного в первую неделю учебы, но и этой недели мне хватило. У меня не было никого ближе мамы на этом свете. Я просто не мог себе представить жизни без нее. «Все не так плохо..», сказала миссис Мак-Курди, «..удар..», «..могло быть и хуже..». Черт, только бы она сказала мне правду, только бы все так и было на самом деле. Мы ехали молча. Это не было той быстрой ездой, на которую я так рассчитывал, старик придерживался стабильных сорока-пяти миль в час, иногда пересекая разделительную линию, чтобы сменить полосу движения, но мне показалось, что мы ехали целую вечность, и в этом было мало что хорошего. 68-ая магистраль, пронеслась мимо нас, уходя на мили в глубь лесов, разделяя маленькие городишки, которые то появлялись, то исчезали лишь изредка мерцая. В каждом из них был свой бар и маленькая заправочная станция: Нью-Шэрон, Шэрон, Офелия, Вест Офелия, Ганистан (который однажды был Афганистаном, невероятно но факт), Механик-Фолс, Кастл-Вью, Кастл-Рок. Яркая небесная синева темнела, с тем как день постепенно переходил в вечер. Водитель, сперва включил парковочные огни, вслед за этим зажглись передние фары Доджа. Он казалось, не замечал ни огней своего автомобиля, ни огней, от встречных машин, направленных прямо на него.

«Жена моего брата, даже не помнит своего имени,» сказал он. «Она уже и слов то не помнит, „за“, „да“, „нет“, „или“, „быть может“, все это для нее пустой звук. Вот что с тобой делает эта болезнь Андерсена, сынок. А ее глаза словно кричат… 'Заберите меня отсюда'… я уверен, что она бы это сказала, если бы помнила, как это делается. Ты ведь понимаешь о чем я?

«Да,» сказал я. Сделав глубокий вздох, я подумал, интересно, быть может, запах мочи в машине, был из-за собаки старика, которую он иногда брал с собой в дорогу. Я спросил, не будет ли он против, если я немного приоткрою окно. Так и не дождавшись ответа, я все-таки открыл окно, но старик не заметил этого, как не замечал он и света фар от встречных машин. Около семи часов мы въехали на холм в западной части Гэйтс и тут мой шофер закричал, «Смотри-ка, сынок! Луна! Будь я проклят, если она не похожа на открывашку!»

Она и в правду была похожа на открывашку – огромный оранжевый шар, медленно поднимающийся над горизонтом. И все же в ней было что-то пугающе необъяснимое, и это что-то было куда менее приятнее, чем просто открывашка. Она казалась одновременно чистой и порочной. Глядя на поднимающуюся луну, внезапно мне в голову пришла ужасная мысль: что если моя мать не узнает меня, когда я приеду в больницу? Что если она потеряла память, и не помнит даже слов «за», «да», «нет», «или», «быть может»? Что будет, если доктор скажет что нужен, кто-то, кто будет постоянно ухаживать за ней, до конца ее дней? И этим кем-то, конечно, буду я, потому как больше было не кому. Прощай колледж. Как быть с этим, друзья и соседи?

«Загадывай желание, боуу!» крикнул старик. От возбуждения его крик заставил меня поморщиться – как будто осколки стекла попали в ухо. Он резко дернул себя за член, и тот издал какой-то щелкающий звук. Я никогда еще не видел, чтобы кто-то мог, так себя дернуть за конец и при этом не лишиться его.

«Желания, загаданные в полнолуние сбываются, черт побери, так говаривал мой отец!»

И я пожелал чтобы моя мать узнала меня, когда я зайду к ней в комнату, чтобы радостный огонек загорелся в ее глазах и она произнесла бы мое имя.

Пожелав это, я тут же начал ругать себя за это. Мне казалось, что желание загаданное на эту нездоровую луну, не принесет ничего кроме неприятностей.

«Эх, сынок!», сказал старик. «Как бы я хотел, чтобы моя жена была сейчас здесь! Я бы попросил у нее прощения за каждое сказанное мной грубое слово!»

Двадцать минут спустя, с тем как день полностью погрузился во тьму, мы прибыли в Гэйтс Фаллс. Перед желтым указателем, стоявшим на перекрестке, старик свернул с дороги на обочину, чуть задевая передним правым колесом Доджа за бордюр. Этот звук отдавался болью у меня в зубах. Он посмотрел на меня диким полным возбуждения взглядом, казалось он свихнулся, хотя я не заметил этого в начале, старик был похож на психа. И все что он произнес, звучало как восклицание.

«И все же я отвезу тебя! Да сэррр! К черту Ральфа! Скажи только слово!»

Я очень хотел побыстрее добраться к матери, но мысль о том, что мне предстоит ехать еще двадцать миль в этой зассанной колымаге, щурясь от света встречных машин направленного на нас, не очень меня прельщала. Так же как и картина, что старик будет вилять по всей ширине Лисабон-стрит. Но больше всего мне не нравился он. Я не мог больше выдержать его почесываний и подергиваний, его резкого местами режущего голоса.

«Ни стоит,» сказал я, «все в порядке. Езжайте и позаботьтесь о своем брате.» Я открыл дверь, намереваясь выйти, и случилось именно то, чего я так боялся. Он схватил меня за руку своей скрученной ручищей. Это была та рука, которой он ерзал по промежности.

«Скажи только слово!» сказал он. Его голос, перешел в шепот. Он сильно сжал мою руку своими пальцами, чуть выше локтя. «Я довезу тебя до самой больницы! Ухх! Пусть я вижу тебя первый раз в жизни, как и ты меня! Хрен с этим „за“, „да“, „нет“, „или“, „быть может“! Я отвезу тебя туда!»

«Не беспокойтесь,» повторил я, во мне боролось желание выскочить из машины, оставив рубашку зажатой в его руке, как если бы это была цена за свободу. Он будто погружался в воду. Я думал, что дернувшись смогу ослабить его хватку, но быть может он даже успеет схватить меня за горло, но он не сделал этого. Его пальцы разжались, и он совсем отпустил мою руку, когда я наконец ступил на землю. И как всегда бывает, когда самый критический момент был позади, я удивился, что же меня собственно говоря так напугало. Он был просто стариком разъезжающим, в своем старом дребезжащем Додже, и был разочарован, что его предложение было отвергнуто. Старик, промежность которого не давала ему покоя. Какого черта я за паниковал?

«Спасибо вам за то что подвезли, и за предложение,» сказал я. «И все же не стоит, я пойду прямо, по этой дороге,» я показал на Плезант-Стрит.» – и спокойно поймаю попутку!»

Какое-то время он молчал, а потом кивнул. «Ахух, наверное ты прав,» сказал он. «Только держись подальше от города, никто не остановится в городе, потому как никто не хочет проблем с полицией.» Он был прав насчет этого, ловить попутку в городе, даже таком маленьком как Гэйтс, было пустой тратой времени. Я подумал что ему наверное немало пришлось поездить автостопом по стране.

«И все же сынок ты уверен? Ты ведь знаешь что говорят о птичке в клетке.» Я снова

засомневался. На счет птички он был тоже абсолютно прав. Плезант-стрит переходила в Ридж-роуд лишь через милю к западу от указателя, а та в свою очередь, тянулась на целых пятнадцать миль лесов, прежде чем выходила на шоссе 196 – пригород Левистона. Было уже совсем темно, а ночью всегда труднее остановить машину. Когда свет фар, выхватывает тебя из темноты, ты все равно выглядишь как сбежавший каторжник из Уиндхэмской Исправительной колонии, даже с нормальной прической, и аккуратно заправленной в джинсы рубашкой. Но я точно не хотел больше ехать со стариком. Особенно теперь, когда я с таким трудом, вырвался из его машины, все же с ним было что-то не в порядке – быть может из-за голоса, звучавшего немного грубовато и резко. К тому же мне всегда везло с попутками.

«Да уверен,» сказал я. «Еще раз большое спасибо.»

«В любое время сынок. В любое время. Моя жена…» Он вдруг замолчал, и я увидел как слезы заблестели у него в глазах. Еще раз поблагодарив его, я захлопнул дверь перед тем, как он успел сказать что-нибудь еще. Я поспешил через дорогу, моя тень то появлялась, то исчезала в свете указателя. Будучи уже довольно далеко, я оглянулся. Додж все еще стоял там, припаркованный напротив магазинчика «Фрукты amp; Фонтан Фрэнка». При свете указателя, я мог различить его сгорбленную фигуру. Старик сидел в машине облокотившись на руль. Внезапно я подумал, а не мог ли я убить его своим отказом?

Пока я размышлял, из-за угла выехала машина, и водитель мигнул своими фарами в сторону Доджа. В ответ, старик тоже мигнул фарами, и это означало что мои подозрения не оправдались. А моментом позже, Додж выехал задним ходом на дорогу и медленно скрылся из виду, свернув за угол. Я смотрел за ним, пока он не исчез, а затем поднял голову и посмотрел на луну. Она казалось начала терять свой неестественный оранжевый цвет, но все же в ней было что зловещее. Мне никогда еще не приходилось слышать, о желаниях загаданных на луну – на падающие вечерние звезды, да, но не на луну.

Пока я размышлял, из-за угла выехала машина, и водитель мигнул своими фарами в сторону Доджа. В ответ, старик тоже мигнул фарами, и это означало что мои подозрения не оправдались. А моментом позже, Додж выехал задним ходом на дорогу и медленно скрылся из виду, свернув за угол. Я смотрел за ним, пока он не исчез, а затем поднял голову и посмотрел на луну. Она казалось начала терять свой неестественный оранжевый цвет, но все же в ней было что зловещее. Мне никогда еще не приходилось слышать, о желаниях загаданных на луну – на падающие вечерние звезды, да, но не на луну.

Снова подумав о том что лучше бы я ничего не загадывал, я заметил что становится совсем темно, а я все еще стоял на этом перекрестке. Я шел вдоль Плезант-стрит, выставив руку, в надежде остановить проходящие машины, но они проносились мимо даже не снижая скорости. По обе стороны от дороги шла череда магазинов и домов, затем она кончилась, и я шел лишь в окружении густого леса. Каждый раз, когда вдалеке брезжил свет фар, отталкивающий мою тень, я выставлял свою руку, пытаясь надеть на себя, что-то наподобие обнадеживающей улыбки. И каждый раз, машина проезжала мимо, не замедляя скорости. Кто-то даже крикнул, «Найди работу, обезьянье дерьмо!» и засмеялся.

Я не боюсь темноты – или тогда не боялся – но постепенно я начал подумывать, а не совершил ли я ошибку, не поехав с водителем Доджа, прямо до больницы. Я бы мог заранее взять с собой плакат с надписью НУЖНО В ЛЕВИСТОН, БОЛЬНА МАТЬ, хотя я сомневался что это бы мне помогло. В конце концов, любой псих способен на такой трюк.

Я медленно плелся, шаркая ботинками по обочине, прислушиваясь к звукам ночного леса: из

далека доносился собачий лай, где-то рядом ухала сова, был слышен звук завывающего ветра. Небо было озарено лунным светом, но я не видел саму луну, высокая преграда из деревьев заслонила ее на время.

С каждым новым шагом отделявшим меня от Гэйтс, все меньше машин проезжали мимо меня. С каждой минутой я осознавал всю глупость своего решения, отказаться от предложения старика. Перед моими глазами предстала картина, моя мать в больничной койке с гримасой исказившей ее лицо, хватается за жизнь ради меня, даже не подозревая, что я так запросто отказался от шанса добраться до Левистона, из-за того что мне не понравился старик, со своим грубоватым голосом, и зассаной колымагой. Взойдя на небольшой холм, я снова увидел луну, озарившую все вокруг. Справа, заняв место деревьев, расположилось небольшое городское кладбище. Надгробия, выделялись бледным светом в ночи. Что-то маленькое и черное спряталось за одним из них, подозрительно наблюдая за мной. Подойдя поближе, я увидел, что была просто дикая лесная птица. Бросив на меня быстрый взгляд своих красных глаз, она скрылась в густой траве. Внезапная усталость, навалившаяся на меня, говорила о том, что мои силы были на исходе. С того момента, как мне позвонила миссис Мак-Курди, я действовал не задумываясь, сейчас же запас адреналина подошел к концу. Это была плохая новость. Хорошей же было то, что чувство срочности, покинуло меня, хотя бы на время.

Я выбрал Ридж-роуд вместо 68-ой дороги, и это был случайный ничем не обоснованный выбор, «за все надо платить» – так иногда говорила моя мать. У нее было много таких маленьких почти бессмысленных афоризмов на все случаи жизни. Смысл или бессмыслица, вот что донимало меня. Что если она умрет, пока я буду добираться до больницы. Надеюсь, что нет. По словам миссис Мак-Курди, доктор сказал, что все было не так плохо, миссис Мак-Курди, сказала что моя мать еще очень молода. Чуть тяжела на руку, это так, и к тому же много курит, но все же еще молода.

Рассуждая, я вдруг почувствовал как мои ноги тяжелеют с каждым шагом, будто ступая в застывающем цементе. Вдоль кладбища шла невысокая каменная стена, с двумя небольшими проломами проходящими сквозь нее. Подойдя к стене я удобно разместился в одном из них. Со этого места, мне открывался неплохой вид на Ридж-Роуд в обоих ее направлениях. Когда я увидел приближающийся свет от фар по направлению к Левистону, я бы мог успеть вернуться на дорогу, и попытаться остановить машину, но вместо этого я сидел держа в руках свой рюкзак и ждал, пока мои ноги хоть немного придут в себя. Густой туман, поднимавшийся из травы мягко устилал землю. Окружавшие кладбище деревья шелестели, будто бы перешептываясь друг с дружкой. Где-то в глубине кладбища было слышно журчание ручейка и лишь изредка раздававшееся кваканье лягушек. Место было живописное и успокаивающее, он больше напоминало картинку из томика романтических стихов.

Взглянув на дорогу, и лишний раз убедившись что она была совершенно пустынна, я положил свой дорожный рюкзак в круглый проем в стене, встал и развернувшись пошел на кладбище. Поднявшийся порыв ветра слегка трепал мои волосы. Туман, лениво кружил около моих ботинок. В задней части кладбища, надгробия были уже старыми и большая их часть уже повалилась. На одной из могил в передней части, лежали еще совсем свежие цветы. В лунном свете, я с легкостью смог прочитать имя: Джордж Стауб. Под ним, были даты, скупо описывающие весь период жизни Джорджа Стауба: 19 ЯНВАРЯ 1977 – 12 ОКТЯБРЯ, 1998. Это полностью объясняло присутствие цветов, которые еще не успели завять, 12 октября было всего два дня назад, а 1998-ой год был всего два года назад. Наверное друзья и знакомые Джорджа пришли для того, чтобы возложить цветы в день его смерти, два года спустя. Под именем и датами, было что-то еще – коротенькая надпись. Я наклонился чтобы прочитать ее, и тут же отпрянул, все еще не совсем осознавая, какого черта я делал ночью на этом кладбище.

ЗА ВСЕ НАДО ПЛАТИТЬ гласила надпись.

Моя мать была мертва, она умерла в эту самую секунду, и что-то послало мне это сообщение. Что-то, имевшее весьма черное чувство юмора. деревьев, и кваканью лягушек. Боясь услышать другой звук, звук исходящий из земли, и раздирающие душу крики, когда нечто не совсем мертвое вылезет от туда, схватив меня за ноги. Мои ноги заплелись, и я упал на спину, зацепившись локтем за одно из повалившихся надгробий, и чуть не ударившись головой о другое. Луна почти полностью озарила поляну. Теперь она была белой и гладкой как слоновая кость. Вместо паники, падение привело меня в чувство. Я не был уверен в том что я увидел, ведь это же не могло быть правдой, такие штучки срабатывали в фильмах Джона Карпентера, и Веса Карвена, но это было не кино, это была реальность. Ну хорошо, допустим, звучал голос в моей голове. Что если я просто встану и свалю от сюда, тогда я уж точно буду трястись до конца своих дней. «Твою мать,» сказал я, и встал. Сзади, мои джинсы совсем промокли, и от их прикосновения к коже я невольно поморщился. Все же, поборов себя, я снова приблизился к могиле Джорджа Стауба, это не было таким сложным как я ожидал. Ветер, поднявшийся из-за деревьев, говорил о приближающейся перемене погоды. Тени беспорядочно танцевали, окружив меня в плотной круг. Я склонился на могилой и прочитал:

Джордж Стауб

Январь 19, 1977 – Октябрь 12, 1998

Хорошо начнешь, плохо кончишь.

Я стоял там, склонившись над его могилой, положив руки на колени, не осознавая, как быстро бьется мое сердце, пока оно не забилось в обычном ритме. Всего на всего ошибка, вот все чем это было, а чего собственно говоря я ожидал. Даже будучи полным сил, я бы все равно ошибся, при свете луны буквы сливались друг с другом. Дело закрыто. За исключением того, я не мог ошибиться, там было написано: ЗА ВСЕ НАДО ПЛАТИТЬ. Моя мать была мертва. «Чтоб тебя,» повторил я, и пошел назад. Вместе с этим я услышал приближающийся звук мотора. Это была машина.

Я поспешил, обратно через пролом в стене, прихватив по дороге свой рюкзак. Машина была уже почти на вершине холма. Я выставил руку, как раз в тот момент когда она выехала на холм, мгновенно ослепив меня светом своих фар. Еще до того как водитель затормозил, я уже знал, что он остановится. Такое иногда случается, ты просто знаешь, это чувство хорошо знакомо тем кто уже порядком помотался автостопом по стране.

Машина медленно проехала мимо меня, моргнув фарами, и мягко осела на обочине, как раз напротив конца каменной стены, отделявшей кладбище от Ридж-Роуд. Я подбежал к ней, с раскачивающимся рюкзаком в руках, бьющимся о мои ноги. Это был Мустанг, одна из крутых моделей старого типа, конца 60-ых начала 70-ых годов. Мотор громко рычал, вторя звуку исходившему из глушителя, который скорее всего не пройдет тех осмотра на будущий год, потому… хотя это уже были не мои проблемы.

Я открыл дверь и протиснулся внутрь. Сев рядом с водителем, и положив на пол сумку, я почувствовал, как какой-то неприятный и очень знакомый запах ударил мне в нос. «Спасибо вам,» сказал я. «Большое спасибо.»

Парень за баранкой, был одет в выцветшие джинсы и в черную футболку-безрукавку. Он был загоревшим и хорошо сложенным, на его правом бицепсе красовалась татуировка в виде змейки. На голове у него была зеленая бейсболка с надписью Джон Дир, надетая задом на

перед. На футболке красовался маленький блестящий жетон, но со своего места я не мог прочитать что было на нем написано. «Нет проблем,» сказал он. «Добросить тебя до города?»

«Да,» сказал я. По городом он подразумевал Левистон, единственный городишко на севере Портланда. Захлопнув дверь, я заметил один из этих освежителей воздуха с запахом хвои, висевший на зеркале заднего вида. Черт, сегодня явно не мой день, сначала зассаная машина старика, теперь запах хвои. Но я мог расслабиться. Паренек, дал газу, и Мустанг взревев дернулся с места. Я пытался убедить себя, что все было нормально.

«Какие-то дела в городе?» спросил водитель. Он был приблизительно моего возраста, один из тех городских парней учившихся в технической школе в Ауборне, или быть может один из рабочих с текстильной мельницы оставшейся в этом районе. Наверняка он починил, этот Мустанг, в свободное время, подумал я, потому как, такие парни как он, занимаются тем, что пьют пиво, покуривают травку, и чинят свои машины или мотоциклы.

«Мой брат женится. Я буду его шафером.» Это была абсолютная ложь, не подготовленная заранее. И хотя я действительно не хотел, чтобы он знал о том, что случилось с моей матерью, это меня насторажило. Здесь было что-то не то. Я не знал, что именно, и откуда у меня была такая уверенность, но я это чувствовал. Я продолжил: «Бракосочетание состоится завтра, с последующей вечеринкой завтра вечером.»

«Серьезно? Ну да?» Он повернулся ко мне; глубоко посажанные глаза, симпатичное лицо, улыбающиеся полные губы, и подозрительный взгляд.

«Ага,» сказал я. Меня снова бросило в жар. Что-то произошло, быть может еще тогда, когда старик предложил мне загадать желание на зараженную луну вместо вечерних звезд. Или гораздо раньше, когда я взял трубку, услышав, как миссис Мак-Курди, сообщает мне, что моя мать в больнице, но ведь могло быть и хуже.

«Чертовски завидую,» сказал паренек с надетой задом наперед бейсболкой. «Брат женится, это же хорошо. Как тебя зовут?»

Я был не просто напуган, я был в ужасе. Все было не так, все, и я не понимал что происходит. Но я был уверен в одном: я хотел чтобы он знал мое имя не больше, чем то, за чем я еду в Левистон. Но это было еще не все. Я чувствовал, что мне никогда не добраться до Левистона. Я это знал так же как и то что парень остановится. И этот запах… к запаху хвои примешивался еще один, что-то было под ним, и я это чувствовал.

«Гектор,» сказал я, называя имя соседа по комнате. «Гектор Пассамор». Я произнес это совершенно спокойно, ничем не выдав себя, и это было хорошо. Что-то внутри меня, продолжало настаивать на том, что я не должен показывать ему своего испуга. Это был мой единственный шанс.

Он немного повернулся ко мне, и я смог прочесть, что было написано на его жетоне: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. Я знал это место, даже был там однажды, правда совсем не долго.

Так же я смог увидеть, большую, полосу, окружавшую его шею, напоминавшую татуировку на руке, только это была не татуировка, это был шов, множество маленьких черных швов. Их сделал кто-то, кто пришивал его голову обратно к туловищу.

«Очень приятно, Гектор,» сказал он. «Джордж Стауб.»

Моя рука казалось, поплыла, как в каком-нибудь сне. Я и вправду хотел чтобы это был сон. Но это была реальность. Под запахом хвои, сильно пахло каким-то химическим раствором, быть может формальдегидом. Я ехал в машине с трупом.

Мустанг ехал по Ридж-Роуд, со скоростью шестьдесят миль в час, пересекая лучи лунного света, светом своих фар. По обеим сторонам, деревья, кружились, молча склоняя свои головы под тяжестью ветра. Улыбнувшись, сверля меня своим пустым взглядом, он отпустил мою руку, и снова переключился на дорогу. Я вспомнил как в школе читал романы про графа Дракулу, и как будто колокольный звон прозвучал в моей голове: МЕРТВЕЦ ГНАЛ КАК ЧЕРТ.

Он не должен догадаться, что я понял. Это тоже прозвучало громом в моей голове. Этого было мало, но это было все. Я не должен показать ему, что я знаю, не должен. Я подумал о старике, где он был сейчас? В безопасности у своего брата. Или он все еще в пути? Быть может он был чуть впереди нас, ехал в на своем старом Додже, вцепившись в руль, дергая свой конец. Или он был тоже мертв? Нет, конечно нет. Мертвец ехал, быстро, но ведь старик выжимал не больше сорока пяти миль в час. Я почувствовал, легкий смешок зародившийся в душе. Если я засмеюсь, то он поймет. А он не должен, потому что это моя последняя надежда.

«Нет ничего лучше свадьбы,» сказал он. «Да,» сказал я, «каждый должен пройти через это минимум дважды.»

Мои руки сцепились и их била дрожь. Я чувствовал как ногти вдавились между костяшками, но боль была отдаленной, как новости из другого города. Он не должен понять, что я знаю, в этом было все дело. Деревья окружавшие нас, не пропускали свет, единственный свет исходил от холодной луны из слоновой кости. Я ехал в машине рядом с трупом, все время повторяя себе, что он не должен догадаться, о том что я все понял. Потому что он не был приведением, он был чем-то гораздо опаснее. Вы можете видеть привидение, но, что за существо остановило машину? Что это было? Зомби? Призрак? Вампир? Нечто другое?

Джордж Стауб засмеялся. «Дважды? Да это же вся моя семья!» «Моя, тоже,» сказал я. Мой голос звучал на удивление спокойно, как голос одного из этих опытных путешественников автостопом, проводящих в пути дни и ночи на пролет, иногда поддакивая в ответ на глупые бредни, в виде маленькой платы, за свой проезд. «Нет ничего лучше похорон.»

«Свадьбы,» мягко сказал он. В отражении приборной доски, его лицо было словно из воска, лицо трупа с которого сошел грим. Эта бейсболка, одетая наоборот, была просто ужасна. Она заставила меня задуматься, что же осталось под ней. Я где то читал, что перед самыми похоронами, гробовщики срезают верхнюю часть черепа, и вместо мозгов кладут какой-то обработанный хлопок. Вроде бы, для того чтобы на церемонии лицо не проваливалось.

«Свадьба,» промямлил я еле шевеля губами, и даже слегка усмехнулся – невинная усмешка. «Свадьба, вот что я имел в виду.»

«Мы всегда говорим, то что думаем, это мое мнение,» сказал водитель. Он все еще улыбался.

Да, Фрейд мыслил так же. Я знал это с уроков психологии. Но что мог знать о Фрейде и его теории, этот труп? Я сомневался, что студенты Фрейда, носили сальные футболки, перевернутые бейсболки, но все же он знал достаточно. Похороны. Бог мой, я только что сказал похороны. А не играет ли он со мной? Я не хотел чтобы он понял что я догадался. А он не хотел чтобы я понял что он догадался, о том что я знаю что он мертв. И я не мог позволить ему понять, что я знаю о том что он знал о…

Я почувствовал как сознание ускользает сквозь пальцы. Еще секунда, и все замелькает перед

глазами, а потом темнота. Закрыв глаза я увидел прообраз луны, слегка отдававший зеленым цветом.

«Парень, ты в порядке?» спросил он. Забота в его голосе пугала. «Да,» сказал я, открыв глаза. Все вернулось на место. Я почувствовал сильную боль от того что мои ногти, впились в кожу. И запах. Запах не только хвои и химикатов, там был еще один, запах свежей земли.

«Ты уверен?» спросил он. «Просто немного устал. Долго ловил машину. И иногда меня укачивает.» Внезапно меня осенило. «Я думаю, будет лучше, если я выйду и немного пройдусь, подышу свежим воздухом. Может тогда мой желудок успокоится. Да и потом кто-нибудь может -"

«Нет, так не пойдет,» сказал он. «Оставить тебя здесь? Черта с два. Может пройти и час и два, пока тебя кто-нибудь подберет. Я должен позаботиться о тебе. Черт, что это за песня? 'Привези меня вовремя к церкви…', вроде бы так. Нет я не могу тебя высадить. Открой-ка лучше окно, это тебе поможет. Сам знаю, что здесь пахнет не лучшим образом. Я повесил этот хренов освежитель, но видно от него мало толку. Конечно, ведь есть очень въедливые запахи.»

Я хотел было открыть окно, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха, но мои мышцы отказывались повиноваться. Все что я мог, было просто сидеть сцепив руки вместе, сдавливая ногтями кожу. Смешно, одна группа мышц, не хотела работать, другая, не могла перестать.

«Прямо как в этой истории,» сказал он. «Про парня который покупает почти новый Кадиллак всего за семь с половиной сотен долларов. Ты ведь знаешь эту историю?»

«Конечно,» сказал я, выдавив каждое слово. Я не знал этой истории, но я отлично знал, что я не хотел ее слышать, я не хотел слышать ничего из того что он говорил. «Одна из известных.» Дорога идущая впереди нас, мелькала как в чернобелом кино.

«Ты прав, чертовски известная. Так этот недотепа, присматривает себе машину, и вдруг видит почти новый Кадилак на лужайке одного парня.»

«Я же сказал, что я -»

«Да, ну и значит там табличка под стеклом – ПРОДАЕТСЯ.» У него была сигарета за ухом. Когда он поднял руку чтобы ее достать, его футболка немного приподнялась и я смог увидеть еще один большой черный шов. Затем он взял ее, и футболка вернулась на место.

«Паренек, знает, что Кадиллак ему не по карману, но все же, чем черт не шутит. Ну и он подходит к хозяину „Кэдди“ и спрашивает, сколько тот хочет за тачку. А хозяин, снимает повязку, потому что он мыл машину, – и говорит, 'Тебе сегодня повезло. Всего семь с половиной сотен баксов и машина твоя.»

«Паренек, знает, что Кадиллак ему не по карману, но все же, чем черт не шутит. Ну и он подходит к хозяину „Кэдди“ и спрашивает, сколько тот хочет за тачку. А хозяин, снимает повязку, потому что он мыл машину, – и говорит, 'Тебе сегодня повезло. Всего семь с половиной сотен баксов и машина твоя.»

Выскочил прикуриватель. Стауб достал его и поднес к концу сигареты. Он ехал в дыму, и я видел, как тоненькие струйки сочились из швов держащих его голову на плечах.

«Паренек смотрит на приборную доску „Кэдди“ и видит, что тачка даже еще не обкатана. Он

говорит хозяину, 'Ага, конечно, это так же смешно как стеклянная дверь в субмарине.» А тот отвечает, 'Никаких шуток приятель, выкладывай наличные, и она твоя. Вот дьявол, я возьму даже чек, ты мне нравишься.' А парень говорит…»

Я выглянул в окно. Все же я где-то слышал эту историю, давно, возможно, когда еще учился в школе. Но вместо Кадиллака там, говорилось про «Штормовик», но все остальное было похоже. Парень говорит – 'Быть может мне только семнадцать, но я не такой придурок, потому как никто не продаст такую машину, всего за семь с половиной сотен баксов. Тогда хозяин говорит ему что он делает это потому, как в ней воняет, и этот запах въелся в машину, он перепробовал все, но ничего не берет эту вонь. Он был в продолжительном отъезде по делам, уехал всего на…»

«… несколько недель,» сказал водитель. Он улыбался, как будто считал, что рассказывает нечто смешное. «И когда он вернулся, то нашел свою жену мертвой в машине, она умерла, сразу как только он уехал. Я не знаю, было ли это самоубийство или инфаркт, но она уже начала разлагаться, и машина провоняла этим запахом насквозь, поэтому он ее и продает.» Он хохотнул. «Хах, ни хрена себе история!»

«Почему же он не позвонил домой?» Мой рот не подчинялся мне. Мой мозг спал. «Он отсутствовал две недели по своим делам, и не разу не позвонил чтобы узнать что там с его женой?»

«Ну,» сказал водитель, «не в этом смысл, приятель, тебе не кажется? Какого хрена, он продал машину – вот в чем смысл. В конце концов, можно ездить с открытым окном, ведь так? Это всего на всего история. Фантастика. Я вспомнил о ней, из-за этой вони. А здесь действительно воняет.»

Он замолчал. Я подумал: он ждет чтобы я что-то добавил, хочет чтобы мы покончили с этим. И я тоже этого хотел. Правда. Но что потом? Что он сделает потом?

Он, показал на свой жетон с надписью: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. Я заметил, что под его ногтями была земля. «Вот где я был сегодня,» сказал он. «В парке ужасов. Я кое-что сделал для одного парня, и он дал мне однодневный пропуск. Моя подружка, должна была поехать со мной, но позвонила и сказала что не сможет, у нее опять эти месячные, из-за которых он скулит как собака. Это хреново, но я спрашиваю себя, где альтернатива? Лучше пусть течет, а иначе я окажусь в дерьме, мы оба будем в дерьме.»

Он издал звук, отдаленно напоминавший смешок. «Поэтому я поехал один. Не будет же этот билет пропадать просто так. Ты был когда-нибудь в парке ужасов?»

«Да,» сказал я. «Однажды. Когда мне было двенадцать.»

«С кем ты был там?» спросил он. «Ты ведь не ездил туда один, тебе ведь было лишь только двенадцать.»

Но ведь я ему не говорил об этом? Он просто играл со мной, все время водя меня за нос. Я было подумал, о том чтобы открыть дверь, и прыгнуть в ночь, стараясь закрыть голову руками, прежде чем ударюсь о землю, но он наверняка успеет схватить меня, и затолкнуть обратно в машину, прежде чем я прыгну. Все что мне остается, это сидеть здесь держа руки вместе.

«Нет,» сказал я. «Мы были там вместе с отцом.»

«Ты ездил верхом на пуле? Я ездил на этой хреновине четыре раза. Твою мать! Она

переворачивается! Он посмотрел на меня, и снова пустой смешок слетел с его губ. Лунный свет отражался в его глазах, делая их похожими на белые круги, похожими на глаза статуи. И тут я понял, что он был больше чем просто мертвец – он сошел с ума.

«Скажи мне правду, ты ведь ездил на ней, Алан?»

Я хотел сказать ему, о том что он не правильно назвал мое имя, меня звали Гектор, но какой был в этом смысл? Мы уже подошли к концу.

«Да,» прошептал я. Ни одного огонька кроме луны. Деревья кружились в диком танце, как на маскараде. Дорога впереди нас, то появлялась исчезала из виду. Я посмотрел на спидометр, и увидел что он гнал со скоростью восемьдесят миль в час. Мы оседлали пулю, да, именно сейчас, я и этот мертвец, который гнал как черт.

«Да, я ездил на ней.»

«Неа,» сказал он. Он затянулся, и я снова увидел, струйки дыма выходившие сквозь швы на шее. «Никогда. И только не с твоим отцом. Ты стоял там, ждал своей очереди, но только ты был с матерью. Очередь была длинная, там всегда длинная очередь, а твоя мать не хотела стоять там, на самом пекле. Она и тогда была уже толстой, и жара донимала ее. Но ты канючил, канючил, канючил весь день, и в конце когда подошла твоя очередь, ты струсил. Разве не так?»

Я молчал. Мой язык пристал к небу. Мертвец поднял свою руку. В свете приборной панели его кожа казалась желтой. Он едва коснулся ей моих сцепленных рук, и они безвольно разжались как от прикосновения волшебной палочки.

«Ведь так?»

«Да,» шептал я. Я не мог ничего поделать, я мог лишь только шептать. «Когда мы подошли к краю, я увидел, как высоко это было, как люди кричали там, и как она переворачивалась… я струсил. Мама дала мне оплеуху, и молчала до самого дома. Я никогда не ездил верхом на пуле.» По крайней мере, до этого момента.

«Парень, она того стоит. Она лучшая. Именно то, что нужно. Единственная стоящая вещь в этом парке. Я притормозил по пути домой, чтобы взять пару пива, около тамошнего магазинчика. Хотел заехать по дороге к своей подружке, чтобы отдать ей этот жетон, ради шутки.»

Он показал на жетончик висевший на его груди, затем, открыл окно и щелчком отправил сигарету в темноту. «Ты ведь знаешь что было дальше?»

Конечно же я знал. Одна из этих историй с приведениями, не так ли? Он разбился на своем Мустанге, и когда копы обнаружили его, он сидел на переднем сидении мертвый, а его голова покоилась на заднем сидении, с пустым стеклянным взглядом, уставившись в потолок, и теперь в полнолуние с сильным ветром его можно увидеть на Ридж-Роуд, уиии-хааа, мы вернемся после короткой рекламы. Теперь я знаю, то чего не знал раньше, самые страшные истории, те которые ты слышал от кого-то. Они просто кошмары.

«Нет ничего лучше похорон,» сказал он, и засмеялся. «Ведь именно так ты сказал? Ты прокололся здесь, Ал. Да именно здесь, вне всякого сомнения. Грубая ошибка.»

«Выпусти меня,» шептал я. «Пожалуйста.»

«Ну,» сказал он, поворачиваясь лицом ко мне, «мы ведь еще не закончили наш разговор? Ты знаешь кто я?» «Ты призрак,» сказал я.

Он слегка хмыкнул, и в отражении спидометра я увидел как уголки его губ скривились. «Ну же, ты же способен на большее. Хренов Каспер. Я что летаю? Или ты можешь видеть сквозь меня?» Он поднес одну руку к моему лицу, сжал и разжал кулак. Я мог слышать, сухой, скрип его сухожилий.

Я попытался что-то сказать. Не знаю что, да это и не важно, потому как не смог вымолвить ни звука.

«Я что-то вроде послания,» сказал Стауб. «Чертова дверь между мирами, что скажешь? Я появляюсь довольно таки часто, всегда когда есть подходящие обстоятельства. Следишь за мыслью? Я считаю, что кто бы там не правил балом, бог или еще кто, он любит позабавиться. Иногда он позволяет тебе поглядеть что же там за гранью бытия. И наверное это правильно. Сегодня все было как надо. Ты один на дороге… мать в больнице… ловишь попутку…»

«Если бы я поехал со стариком, то этого бы не произошло,» сказал я. «Ведь так?» Сейчас я отчетливо чувствовал запах, трупный запах, запах химикатов, и гниющего мяса, не понимая, как я мог перепутать это с чем-то еще.

«Трудно сказать,» сказал Стауб. «Быть может, старик о котором ты говоришь был тоже мертв.»

Я вспомнил резкий стеклянный голос старика дергающего свой конец. Нет, он был жив, и я променял запах его машины, на нечто гораздо хуже.

«Ладно, приятель, нам некогда рассуждать об этом. Еще пять миль, и мы снова въедем в жилой район. Еще семь миль и мы уже будем в черте Левистона. Так что ты должен решить.»

«Решить что?» Черт, если бы я только знал.

«Кто будет ездить верхом на пуле, а кто останется на земле. Ты или твоя мать.» Он повернулся, и посмотрел прямо мне в глаза, я увидел его глаза, заполненные лунным светом. Он улыбнулся шире, и я заметил, что большая половина зубов у него отсутствовала, выбило в результате аварии. Он отпустил руль.

«Я должен забрать одного из вас, приятель. И раз уж ты здесь, тебе и решать. Что скажешь?»

Но ведь это бессмысленно… чуть не слетело с моих губ, но я мог этого и не говорить, был ли в этом смысл? Он говорил серьезно. Со смертельной серьезностью.

Передо мной пробежали все те годы, которые мы провели вместе, Алан и Джина Паркер, одни на целом свете. У нас было много хорошего, но было и плохое. Заплатки на моих трусах, ужин приготовленный на скорую руку. Другие дети ежедневно получали четвертак, на горячий обед, я же всегда получал сэндвич с арахисовым маслом, или куском копченой колбасы завернутой в уже черствый кусок хлеба, как в этих россказнях про бедных детей просящих на хлеб. Она работала Бог знает в скольких ресторанах, и закусочных, чтобы содержать нас. Я вспоминал, ее временами отлучавшуюся с работы, чтобы поговорить со представителем из Организации по Помощи Детям. Она одетая в свой лучший костюм, он одетый слишком шикарно для на нашей крохотной кухни, даже я, будучи девятилетним маленьким мальчиком, смог бы объяснить все лучше чем она, его записная книжка и блестящая ручка зажатая между пальцев. Краснея, она отвечала на его обескураживающие вопросы, которыми он беспрерывно засыпал ее, со своей застывшей идиотской улыбкой, она предлагавшая ему лишнюю чашку кофе, ведь если он

напишет в рекомендации нужные слова, мы получим на пятьдесят долларов больше, чертовых пятьдесят баксов. Как лежа на ее кровати, я заливался слезами после его ухода, потом шел и садился рядом с ней, а она пыталась улыбнуться, говорила что ОПД, это не Организация Помощи Детям, а Общество Полных Дебилов. И потом мы вместе смеялись, потому что от это становилось легче. Когда в мире не было никого кроме тебя и твоей полной, дымящей как паровоз матери, смех был единственным спасением, от того чтобы не сойти с ума, и не начать бросаться с кулаками на стену. Но это было не все. Мы были маленькими людьми, и для нас, тех кто вел настоящую борьбу за выживание, как та мышь в мультике, смех над такими придурками, был единственным удовольствием, которое мы могли себе позволить. Она, работавшая на всех этих чертовых работах, иногда беря приработки, и откладывая все деньги заработанные с таким трудом, в копилку с надписью Деньги-На-Колледж-Для-АЛАНА – как в этих чертовых историях про нищих детей попрошаек, да, да – все время повторяя мне снова и снова, что я должен стараться изо всех сил, в то время как другие ребята в школе развлекались соря деньгами направо и налево, я не мог, и даже если бы она откладывала все свои чаевые до конца своих дней в мою копилку, этого все равно было бы мало, но все же я мог получить стипендию и различные премии, если бы собирался идти учиться в колледж, а я собирался, потому как это был единственный выход, для меня и для нее. И я действительно старался, потому что я не был слепым, я видел как она прибавляла в весе, видел как она курила сигарету за сигаретой (это было ее единственным удовольствием… то что осталось от ее личной жизни, если вы понимаете что я имею ввиду), и я знал что однажды нам придется поменяться ролями, и мне придется заботиться о ней. С высшим образованием, и хорошей работой, быть может мне бы это и удалось. И я хотел этого. Я любил ее. Она была не в настроении в тот день, когда мы были в парке ужасов стоя в очереди, и в конце когда я струсил она дала мне подзатыльник, это случалось довольно часто – но несмотря на это я любил ее. Быть может частично даже за это. Я любил ее так же сильно когда она била меня, как и когда целовала. Вы можете это понять? Я тоже. Так и должно быть. Я не думаю, что можно взять и запросто объяснить отношения в семье, а мы были семьей, я и она, самой маленькой семьей на свете, тесной семьей из двух человек, маленьким разделенным секретом. И если бы меня кто-нибудь спросил, я бы ответил что сделаю все что угодно ради нее. А сейчас был именно такой случай. Готов ли я был умереть ради нее, умереть вместо нее, несмотря на то что она уже прожила половину своей жизни, возможно даже большею ее часть. В то время как я еще только начинал свою.

«Что скажешь, Ал?» спросил Джордж Стауб. «Время не ждет.»

«Я не смогу ответить,» сказал я. Луна плывшая над дорогой была на удивление прекрасной. «Это не честный вопрос.»

«Я знаю, и поверь мне, так говорят все.» Затем он понизил голос. «Но знаешь что я тебе скажу приятель, если со светом первого дома стоящего на дороге, ты не решишься, мне придется забрать вас обоих.» Замолчав его лицо приняло радостное выражение, как если бы он вспомнил, что были еще и хорошие новости. «Вы бы могли ехать вместе, сев на заднем сидение, болтая о старых добрых временах, как ты считаешь?»

«Ехать куда?»

Он не ответил, быть может он просто не знал.

Деревья сливались перед глазами как чернила. Свет от фар утопал в ночи, дорога быстро мелькала. Мне было всего двадцать один. Я уже не был девственником, но с девушкой был всего раз, да и я был пьян в стельку, поэтому не помнил на что это было похоже. Было тысячу мест в которых я хотел побывать – Лос-Анджелес, Таити, быть может Лютенбах, Техас – и

тысячу вещей которые я хотел сделать. Моей матери было сорок восемь, и это было уже порядком, черт побери. Миссис Мак-Курди, сказала что она еще молода, но ведь она сама уже была старухой. Моя мать любила меня, работала все эти годы только ради меня, но есть ли в этом моя вина? Быть рожденным и требовать, что бы она жила только ради меня? Ей было сорок восемь. Мне было всего двадцать один. У меня как говорится, была еще вся жизнь впереди. Но как бы вы судили? Как бы вы ответили на такой вопрос?

Деревья проносились мимо. Луна была похожа на яркое мертвенно бледное глазное яблоко.

«Приятель, лучше поторопись,» сказал Стауб. «Мы уже почти приехали.»

Я открыл рот что бы ответить, но вместо слов вырвался только стон.

«Сейчас,» сказал он, и пошарил рукой на заднем сиденье. Его футболка опять задралась и мне снова открылся его страшный шрам на животе (я бы мог обойтись без этого зрелища). Были ли там внутренности, или всего на всего обработанный хлопок? Он повернулся обратно держа в руке банку пива – одну из тех самых, которые он наверняка купил перед своей последней поездкой.

«Я понимаю тебя,» сказал он. «Ты нервничаешь, и у тебя пересохло во рту. Вот возьми.»

Он протянул мне банку пива. Я взял ее, открыл, дернув за кольцо, и жадно глотнул. Пиво было холодным и не много горьким. С тех самых пор, я не пью пиво. Я просто не могу его переносить Я с трудом могу смотреть рекламу на ТВ.

Впереди нас, в темноте замерцал первый огонек. «Быстрее Ал, – ты должен решить. Это первый дом, он сразу за этим холмом. Если ты хочешь что-то сказать мне, то сейчас самое время.»

Огонек исчез, затем вернулся, на этот их было несколько. Это были окна домов. В них жили обычные люди – которые сейчас смотрели телевизор, кормили кошку, быть может даже спускали сидя в ванне.

Я представил нас стоящих в очереди в парке ужасов, Джина и Алан Паркер, большую женщину с маленькими темными заплатками подмышками ее кофты, и ее маленького мальчика. Она не хотела, стоять в этой очереди, Стауб бы прав на счет этого… но я ныл, ныл, ныл. Черт, он был прав и на счет этого. Она дала мне подзатыльник, но она все равно стояла со мной в очереди. Она всегда была со мной, и воспоминаниям не было конца, но время поджимало.

«Бери ее,» сказал я, когда свет окон первого дома стал отчетливо виден. Мой голос был громким, и полным отчаяния. «Забирай ее, возьми мою мать, не трогай меня.»

Банка выпала из моих рук на пол, и я закрыл лицо руками. Я почувствовал как он коснулся моей рубашки, перебирая пальцами, и осознал что все это была лишь проверка. Я не прошел тест, и сейчас он вырвет мое еще бьющееся сердце из груди, как один из этих восточных джинов-убийц. Я закричал. Он убрал руку – как будто бы передумав в последнюю секунду, и накрыл меня. В этот момент, запах мертвой гниющей плоти ударил мне в нос, и на мгновение я ощутил себя мертвым. За этим последовал щелчок открывающейся двери, и порыв свежего воздуха, ворвался в машину, смывая всю эту вонь.

«Сладких снов, Ал,» крикнул он мне на ухо, и вытолкнул из машины. Я выпал в эту ветреную октябрьскую ночь, готовясь к удару о землю. Наверное я кричал, я точно не помню.

Я не почувствовал удара о землю, но когда я очнулся я уже был на земле – я чувствовал ее под ногами. Открыв глаза, я тут же закрыл их. Свет от луны, ослепил меня. Как будто ток прошел через голову, и я почувствовал резкую боль но не в висках, как обычно бывает, когда тебе направляют яркий луч света прямо в глаза, а сзади чуть повыше шеи. Только сейчас я ощутил, что промок насквозь. Но мне было все равно. Я снова был на земле, и это было главным.

Чуть приподнявшись на локтях я осторожно приоткрыл глаза. Я знал где я нахожусь, и взгляда вокруг было достаточно чтобы убедиться в этом: я лежал на спине, там же где я и упал, на маленьком кладбище, на верху холма по Ридж-роуд. Луна почти полностью висела надо мной, светившая все также ярко, но все же меньше чем несколько секунд назад. Туман укрывавший кладбище как одеяло, стал более глубоким. Из него торчало несколько надгробий, похожих на маленькие островки посреди целого океана. Я попытался встать, голову снова пронзила адская боль. Осторожно потрогав сзади нее, я обнаружил большую шишку, и коснувшись ее я почувствовал что-то влажное, поднеся руку к глазам, в лунном свете мне показалось что моя кровь была черной.

Все же попытавшись еще раз подняться, я наконец-то встал на ноги утопая по колено в тумане. Я развернулся, отыскав глазами пролом в стене и Ридж-роуд сразу за ним. Я не видел своего рюкзака, потому как туман скрыл его, но я знал что он там. Прямо от дороги, в левом шарообразном проеме. Черт, я бы просто запнулся об него.

Вот как я все себе это представлял, достаточно кратко без лишних подробностей: я остановился, чтобы отдохнуть на этом холме, зашел на кладбище, огляделся, и пятясь назад в сторону дороги запутался в собственных ногах. Упал, ударившись головой о выступ торчащий из земли. Сколько же я был без сознания? Я не был одним из тех кто может высчитать время по луне с точностью до минуты, но предполагал что чуть дольше часа. Достаточно долго, чтобы мне приснился сон про поездку с этим чертовым мертвецом. Каким мертвецом? Джорджем Стаубом конечно, именем которое я прочел на надгробной плите, перед тем как упасть. Классический финал, не так ли? Черт-Что-За-Страшный-Сон-Мне-Приснился. А что если я приеду в Левистон, и моя мать окажется мертвой? Всего лишь маленькое безобидное предположение, что скажете?

Это была как раз одна из тех историй, которую вы бы могли бы рассказать много лет спустя, где-то уже в конце жизни, и люди бы понимающе качали головами и выражали сочувствие, сидя в своих твидовых жакетах с кожаными заплатами на локтях, говоря о том, как много вещей существует за гранью нашего понимания…, а потом – «К черту Потом,» крикнул я в темноту. Туман двигался медленно, как туман в облачном зеркале. «Я никогда не буду рассказывать об этом. НИКОГДА, НИ ЗА ЧТО, в жизни никому не расскажу, даже будучи уже при смерти.»

Но все произошло именно так, как я это запомнил, я был в этом уверен. Джордж Стауб остановил мне свой Мустанг, и этот безголовый ублюдок потребовал чтобы я сделал выбор. И я сделал свой выбор – с тем как мы спустились к первому дому у холма, продав жизнь своей матери после затянувшейся паузы. Это можно было понять, но от этого бремя моей вины не становилось легче. Никто не узнает об этом; может даже и к лучшему. Ее смерть будет выглядеть естественно – черт, будет естественной – и я больше не хотел это обсуждать.

Я вышел с кладбища через проем, и когда мои ноги натолкнулись на рюкзак, я поднял его и одел на плечи. Огни, появившиеся из-за холма вернули меня к реальности. Я выставил руку, будучи уверенным, что это старик на своем Додже вернулся за мной, прекрасная концовка ночного кошмара.

Только это был не он. Это был фермер с сигаретой в зубах, едущий в своем Форде, кузов которого был заполнен корзинами для яблок, просто обычный симпатяга: не старый и не мертвый.

«Куда держишь путь, сынок?» спросил он, и выслушав мой ответ сказал, «Нам по дороге.» Где-то через сорок минут, в двадцать минут десятого, он притормозил около центральной больницы штата Мэн. «Удачи тебе сынок. С твоей матерью будет полный порядок.»

«Спасибо,» сказал я отрыв дверь.

«Я смотрю ты сильно нервничаешь по этому поводу, но думаю с ней будет все ОК. Тебе нужно продезинфицировать это.» Он показал на мои руки.

Я взглянул на них и увидел глубокие следы. Я вспомнил как я сцепил их вместе, как ногти вгрызались в кожу, не в состоянии это прекратить. И я вспомнил заполненный лунным светом, будто радиоактивной водой, взгляд Стауба. Ты ездил верхом на пуле? Он спросил меня. Я ездил на этой хреновине четыре раза.

«Сынок?» окликнул меня водитель пикапа. «Ты в порядке?»

«А, что?»

«Ты весь дрожишь.»

«Да я в порядке,» сказал я. «Еще раз спасибо.» Захлопнув дверь пикапа я пошел по направлению к центральному входу, огибая ряд металлических колясок в которых отражался лунный свет.

Все же попытавшись еще раз подняться, я наконец-то встал на ноги утопая по колено в тумане. Я развернулся, отыскав глазами пролом в стене и Ридж-роуд сразу за ним. Я не видел своего рюкзака, потому как туман скрыл его, но я знал что он там. Прямо от дороги, в левом шарообразном проеме. Черт, я бы просто запнулся об него.

Вот как я все себе это представлял, достаточно кратко без лишних подробностей: я остановился, чтобы отдохнуть на этом холме, зашел на кладбище, огляделся, и пятясь назад в сторону дороги запутался в собственных ногах. Упал, ударившись головой о выступ торчащий из земли. Сколько же я был без сознания? Я не был одним из тех кто может высчитать время по луне с точностью до минуты, но предполагал что чуть дольше часа. Достаточно долго, чтобы мне приснился сон про поездку с этим чертовым мертвецом. Каким мертвецом? Джорджем Стаубом конечно, именем которое я прочел на надгробной плите, перед тем как упасть. Классический финал, не так ли? Черт-Что-За-Страшный-Сон-Мне-Приснился. А что если я приеду в Левистон, и моя мать окажется мертвой? Всего лишь маленькое безобидное предположение, что скажете?

Это была как раз одна из тех историй, которую вы бы могли бы рассказать много лет спустя, где-то уже в конце жизни, и люди бы понимающе качали головами и выражали сочувствие, сидя в своих твидовых жакетах с кожаными заплатами на локтях, говоря о том, как много вещей существует за гранью нашего понимания…, а потом – «К черту Потом,» крикнул я в темноту. Туман двигался медленно, как туман в облачном зеркале. «Я никогда не буду рассказывать об этом. НИКОГДА, НИ ЗА ЧТО, в жизни никому не расскажу, даже будучи уже при смерти.»

Но все произошло именно так, как я это запомнил, я был в этом уверен. Джордж Стауб остановил мне свой Мустанг, и этот безголовый ублюдок потребовал чтобы я сделал выбор. И я сделал свой выбор – с тем как мы спустились к первому дому у холма, продав жизнь своей матери после затянувшейся паузы. Это можно было понять, но от этого бремя моей вины не становилось легче. Никто не узнает об этом; может даже и к лучшему. Ее смерть будет выглядеть естественно – черт, будет естественной – и я больше не хотел это обсуждать.

Я вышел с кладбища через проем, и когда мои ноги натолкнулись на рюкзак, я поднял его и одел на плечи. Огни, появившиеся из-за холма вернули меня к реальности. Я выставил руку, будучи уверенным, что это старик на своем Додже вернулся за мной, прекрасная концовка ночного кошмара.

Только это был не он. Это был фермер с сигаретой в зубах, едущий в своем Форде, кузов которого был заполнен корзинами для яблок, просто обычный симпатяга: не старый и не мертвый.

«Куда держишь путь, сынок?» спросил он, и выслушав мой ответ сказал, «Нам по дороге.» Где-то через сорок минут, в двадцать минут десятого, он притормозил около центральной больницы штата Мэн. «Удачи тебе сынок. С твоей матерью будет полный порядок.»

«Спасибо,» сказал я отрыв дверь.

«Я смотрю ты сильно нервничаешь по этому поводу, но думаю с ней будет все ОК. Тебе нужно продезинфицировать это.» Он показал на мои руки.

Я взглянул на них и увидел глубокие следы. Я вспомнил как я сцепил их вместе, как ногти вгрызались в кожу, не в состоянии это прекратить. И я вспомнил заполненный лунным светом, будто радиоактивной водой, взгляд Стауба. Ты ездил верхом на пуле? Он спросил меня. Я ездил на этой хреновине четыре раза.

«Сынок?» окликнул меня водитель пикапа. «Ты в порядке?»

«А, что?»

«Ты весь дрожишь.»

«Да я в порядке,» сказал я. «Еще раз спасибо.» Захлопнув дверь пикапа я пошел по направлению к центральному входу, огибая ряд металлических колясок в которых отражался лунный свет.

Я подошел к информационной стойке, думая о том, что я должен выглядеть удивленным, когда они скажут, что моя мать умерла, это необходимо, иначе они не поймут… или быть может они просто подумают что я в шоке… или, что мы были в соре… или…

Я был так глубоко озадачен этой мыслью, что сперва даже не услышал слов женщины стоявшей за стойкой. Мне пришлось попросить ее повторить еще раз. «Я сказала, что она лежит в 487-ой палате, но вы не можете пойти к ней сейчас. Часы посещений заканчиваются в девять.»

«Но…» я даже опешил от неожиданности. Стоял там и теребил краешек стойки. Коридор освещали лампы дневного света, и только сейчас взглянув на руки, я смог заметить восемь маленьких, слегка припухших царапин, чуть выше костяшек. Водитель пикапа был прав, мне нужно было что-то с этим сделать.

Topreading.ru

«Женщина молча стояла за стойкой, терпеливо ожидая моего ответа. Судя по маленькой табличке стоявшей напротив нее, ее звали Ивон Эдерли.

«Но с ней все в порядке?»

Она взглянула на экран компьютера. «Все что я знаю, это что ее состояние стабилизировалось. И она находится на четвертом общем этаже. Если бы ей стало хуже, она была бы в реанимации. А это на третьем. И я уверена, что когда вы придете завтра, то сможете в этом убедиться сами. Посещения начинаются -"

«Она моя мама,» сказал я. «Я проехал автостопом всю дорогу от университета штата Мэн до больницы только ради нее. Может быть я могу заглянуть к ней, ну хоть на несколько минут.»

«Мы иногда делаем исключения для близких родственников,» сказала она, и улыбнулась. «Одну секундочку. Я проверю что можно сделать.» Взяв трубку она нажала несколько кнопок, без сомнения звоня в сестринскую на четвертом этаже, и я почти представлял себе весь последующий разговор, как если бы я обладал неким даром предвидения. Ивон, женщина стоящая за стойкой, спросит медсестру, если сын Джины Паркер, которая лежит в 487-ой палате, мог бы зайти к ней на несколько минут, чтобы поцеловать ее перед сном – и сестра ответит, О боже, миссис Паркер умерла всего около пятнадцати минут назад, мы только что спустили ее тело в морг, и у нас еще не было времени, чтобы изменить данные в компьютере, все это так ужасно.

Женщина за стойкой, сказала «Мюриел? Это Ивон. Тут внизу пришел молодой человек, его имя -" Она замолчала, нетерпеливо посмотрев на меня, широко раскрытыми глазами, и я сказал ей свое имя.» – Алан Паркер. Его мама, Джина Паркер, находится в 487-ой? Не мог бы он зайти к ней всего на...» Она замолчала. Голос на другом конце провода, принадлежавший медсестре с четвертого этажа, наверняка сообщал ей сейчас о том, что Джина Паркер только что умерла.

«Хорошо,» сказала Ивон. «Да, я понимаю.» Она опять замолчала, устремив свой взгляд куда-то в даль, затем прижала трубку к своем плечу, и сказала «Сейчас сестра Корриган, спустится к вашей матери, чтобы взглянуть не спит ли она. Это займет всего несколько минут.»

«Это никогда не кончится,» сказал я.

«Прощу прощения?» сказала она.

«Нет, ничего,» сказал я. «Просто это была очень длинная ночь и -"

" – и вы беспокоились о вашей матери. Конечно. Я думаю что вы действительно замечательный сын, если смогли все бросить и примчаться сюда к ней.»

Мне показалось, что прошло несколько часов как я стоял там, под светом неоновых ламп, ожидая пока медсестра снова подойдет к телефону. Ивон возилась с какими-то бумагами, лежавшими у нее на столе. Аккуратно проставляя галочки на одном из них напротив чьих-то имен, и я вдруг подумал, что если бы действительно существовал ангел смерти, то он был бы похож на эту женщину, ответственную работницу, стоявшую за стойкой с компьютером и большим количеством бумажной работы. Ивон держала трубку, зажатую между своим плечом и ухом. По громкоговорителю Доктора Фаркуаера срочно просили зайти в радиологию. Быть может в этот самый момент медсестра нашла мою мать мертвой, лежащею в своей кровати с широко открытыми глазами, и выражением умиротворения и спокойствия на ее лице.

Вновь ожившая трубка заставила Ивон невольно вздрогнуть. Выслушав, она сказала: «Да, хорошо, я все поняла. Да конечно я все сделаю. Спасибо, Мюриел.» Повесив трубку, она медленно посмотрела на меня. «Мюриел говорит, что вы можете подняться к маме, но только на пять минут, не дольше. Ваша мать приняла лекарства, и уже засыпает.»

Я стоял там, не веря своим ушам, смотря на нее в упор. Улыбка постепенно сошла с ее лица. «Вы в порядке, мистер Паркер?»

«Да,» сказал я. «Просто я думал что -"

«Ее улыбка вернулась, но на этот раз она была полна симпатии. „Многие люди думают так же," сказала она. „И это естественно. Вам позвонили и ничего не объяснив сказали, что ваша мать в больнице, вы сорвались и сломя голову примчались сюда… конечно вы предполагали худшее. Но Мюриел не разрешила бы вам подняться к вашей матери, если бы было что-то не так. Можете поверить мне на слово."

«Спасибо,» сказал я. «Большое вам спасибо.»

Я уже начал поворачиваться, когда она сказала: «Мистер Паркер? Вы сказали, что приехали из Университета штата Мэн, тогда откуда же у вас этот жетон? Парк Ужасов ведь находится в Нью-Хэмпшире, не так ли?»

Я взглянул на свою рубашку, и увидел маленький блестящий жетон, прикрепленный к грудному карману: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. И вспомнил тот момент, когда думал что мертвец собирается вырвать мое сердце. Теперь я понял, что это он прикрепил свой жетон мне на рубашку, как раз перед тем как вытолкнуть меня из машины. Как будто бы он хотел выделить меня, не оставляя мне тем самым ни единой надежды поверить, что этого был лишь кошмарный сон. Следы на руках лишь были тому подтверждением. Он заставил меня выбрать, и я сделал выбор.

Я взглянул на свою рубашку, и увидел маленький блестящий жетон, прикрепленный к грудному карману: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. И вспомнил тот момент, когда думал что мертвец собирается вырвать мое сердце. Теперь я понял, что это он прикрепил свой жетон мне на рубашку, как раз перед тем как вытолкнуть меня из машины. Как будто бы он хотел выделить меня, не оставляя мне тем самым ни единой надежды поверить, что этого был лишь кошмарный сон. Следы на руках лишь были тому подтверждением. Он заставил меня выбрать, и я сделал выбор.

Но как же моя мать может быть все еще жива?

«Это?» Я ткнул пальцем в жетон, успев стереть с него пыль. «Это мой талисман.» Ложь была ужасна, ее было слишком много. «Он у меня с тех пор, когда мы были в этом парке вместе с мамой, это было давно. Она взяла меня туда, прокатиться верхом на пуле.»

Ивон улыбнулась, как будто это было самым приятным, из того что ей давилось слышать. «Обними ее и поцелуй,» сказала она. «Это поможет лучше всяких таблеток.» Она указала пальцем в сторону коридора. «Лифты здесь, сразу за углом.»

Я был единственным посетителем, который ждал лифта. Слева от меня находилась Доска объявлений, уже отключенная в столь поздний час, прямо под ней стояла маленькая урна. Я отстегнул жетон от рубашки и бросил в урну. Затем стал вытирать руки о джинсы. Когда двери одного из лифтов открылись, я все еще продолжал вытирать их. Зайдя в лифт, я сразу же

нажал кнопку четвертого этажа. Лифт медленно пополз вверх. Над панелью с кнопками висело объявление о приеме крови на следующей неделе. Пока я читал его, мне в голову пришла мысль… хотя скорее это была уверенность в том, что моя мать умирает сейчас, в эту самую секунду, пока я поднимаюсь к ней на этаж на этом медленном грузовом лифте. Я сделал свой выбор; поэтому я здесь. Вот что имело значение. Двери лифта открылись, и я увидел еще одно объявление на котором, нарисованный палец был прижат к большим нарисованным красным губам. Под этим всем было написано: ПОЖАЛУЙСТА СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ! Сразу за площадкой, был коридор, расходившийся на право и на лево. Нечетные палаты были слева. Я медленно шел по коридору, чувствуя, как ступни тяжелеют с каждым шагом. Дойдя до 470-ой палаты я пошел медленнее, и остановился между палатами 481 и 483. Я просто не мог идти дальше.

Вспотевший как холодный и липкий полу замороженный сироп, мурашки по всему телу. Мой желудок, скручивало, как кулак в скользкой перчатке. Нет, я не могу. Лучше всего повернуться и убежать как трусливое цыплячье дерьмо каким я был. Я доеду автостопом до Харлоу и позвоню миссис Мак-Курди утром. Так будет на много проще.

Я уже разворачивался, когда медсестра выглянувшая из палаты моей матери окликнула меня. «Мистер Паркер?» спросила она почти шепотом.

В какой-то момент, я хотел сказать нет. Но потом кивнул.

«Быстрее. Поторопитесь. Она уже отходит…»

Это были именно те слова, которых я ждал, но все же это звучало ужасно, и я почувствовал как почва уходит из под ног.

Увидев это медсестра поспешила ко мне, шурша юбкой, с нескрываемой тревогой в глазах. На табличке, висевшей на ее груди, было написано: Ана Корриган. «Нет, нет, я совсем не то хотела сказать… Ваша мать почти заснула. О боже, какая же я глупая. С ней все в порядке, мистер Паркер, я дала ей успокоительное, и она засыпает, вот что я имела в виду. Вам уже лучше?» Она взяла меня за руку.

«Да,» сказал я, не зная лучше ли мне или хуже. Перед глазами все двоилось, и в ушах стоял звон. Я вспомнил о том как мелькала дорога впереди нас, совсем как в дорога в чернобелом кино в отражении серебристой луны.

Ана Корриган впустила меня в палату и я увидел свою мать. Она всегда была крупной женщиной, и хотя больничная койка была узкой и маленькой, она словно терялась в ней. Ее волосы, местами чуть больше серые чем черные рассыпались по подушке. Ее руки лежали поверх простыни как руки ребенка, или скорее как руки куклы. Лицо было спокойное, но кожа была чуть желтого цвета. Глаза были закрыты, но когда сестра, позвала ее по имени, они чуть приоткрылись. Они были по прежнему глубокими и голубыми, самая молодая ее часть была жива. Казалось они смотрели сквозь меня, но через секунду приобрели прежнее знакомое мне выражение. Она улыбнулась, и попыталась поднять руки. Одна из них послушалась. Другая слегка дернулась, и снова вернулась наместо. «Ал,» прошептала она.

Когда я подошел к ней, слезы текли по щекам. Около стены стоял стул, но я его даже не заметил. Я обнял ее, встав на колени рядом с ее кроватью. От нее пахло теплом и чистотой. Я поцеловал ее в лоб, в щеку, в уголок ее рта. Она подняла свою руку и коснулась моей щеки.

«Не плачь,» шептала она. «Ненужно.»

«Я приехал как только узнал,» сказал я. «Бетси Мак-Курди позвонила мне.»

«Я сказала ей… в выходные,» сказала она. «Лучше бы ты приехал в выходные.»

«Да черт с этим,» сказал я и прижался к ней еще теснее.

«Починил машину?»

«Нет,» сказал я. «Добирался автостопом.»

«О боже,» сказала она. Видимо каждое слово давалось ей с трудом, но ее речь была спокойной и осознанной. Она узнала меня, она знала кто она, где мы были и почему. Единственным плохим признаком, была ее слабая левая рука. Я почувствовал себя в безопасности. Вся эта история со Стаубом была лишь глупой шуткой… а может быть и не было никакого Стауба, все это была лишь игра моего воображения, может быть. Сейчас, стоя на коленях у ее кровати, обнимая ее, чувствуя запах ее духов, мысль, что это был лишь кошмарный сон казалась наиболее вероятной.

«Ал? У тебя кровь на воротнике.» Ее глаза закрылись, потом снова медленно открылись. Ее веки, должно быть, налились такой же тяжестью как и мои ступни, тогда, в коридоре.

«Это всего лишь шишка, мам.»

«Хорошо. Ты должен… беречь себя.» Ее веки снова закрылись, приоткрывшись на этот раз медленно и неохотно.

«Мистер Паркер, я думаю, что на сегодня достаточно,» сказала медсестра откуда-то сзади меня. «У нее сегодня был очень трудный день.»

«Я понимаю.» Я снова поцеловал ее в уголок рта. «Мама я ухожу, но приеду завтра.»

«Не… езди на попутках… это опасно.»

«Обещаю что не буду. Я поеду вместе с миссис Мак-Курди. Тебе надо поспать.»

«Я только и делаю… что сплю,» сказала она. «Я была на работе, убирала посуду с мойки. Даже не помню как это произошло, упала, а очнулась уже… здесь.» Она посмотрела на меня. «Это был удар. Доктор говорит… все не так плохо.»

«Ты в порядке,» сказал я. Я встал и взял ее руку в свою. Ее кожа была приятной, и мягкой как мокрый шелк. Натруженная рука, старого человека.

«Мне снилось, что мы были в парке в Нью-Хэмпшире,» сказала она. Я посмотрел на нее, почувствовав как холодок прошел по спине. «Да?»

«Ага. Стояли в очереди на этот аттракцион… который поднимается в высь. Ты помнишь?»

«Пуля,» сказал я. «Да мам, я помню.»

«Ты испугался, а я накричала на тебя.»

«Нет мам, ты -"

Ее рука сжала мою, и я увидел как уголки ее рта сжались. Это нетерпеливое выражение всегда

появлялось, когда, она знала что права.

«Да,» сказала она. «Я накричала на тебя и ударила. Сзади… по шее, ведь так?»

«Да, мам,» сдался я. «Именно так.»

«Я не должна была,» сказала она. «Было жарко, я очень устала, но все равно… я не должна была этого делать. Я хочу извиниться перед тобой.»

Я снова почувствовал, как по щекам текут слезы. «Ничего мам. Это ведь было давно.»

«Ты так и не прокатился,» прошептала она.

«Нет мам,» сказал я. «Я все же прокатился.»

Она улыбнулась мне. Она выглядела, маленькой и слабой, совсем не похожей на ту злую, грузную женщину накричавшую на меня и давшую мне по шее, когда мы подошли к концу очереди. Быть может она заметила на себе чей-то взгляд, одного из тех кто тоже стоял в очереди – потому что я помню как она сказала-На что это ты уставился? – выводя меня из очереди, ведя под палящим солнцем держа за шкирку… но мне не было больно, она ударила меня совсем не сильно; и я был ей даже благодарен, за то что она увела меня от этой страшной громыхавшей высоченной конструкции, с кабинками на обоих концах, от этого вращающегося монстра.

«Мистер Паркер, вам действительно пора,» сказал сестра.

Я поднял руку мамы к губам и поцеловал ее. «До завтра,» сказал я. «Я люблю тебя, мам.»

«Я тоже люблю тебя. Алан… прости за все эти подзатыльники. Я не должна была этого делать.»

Но она все же делала это. И я принимал это за должное. Это было нашим маленьким семейным секретом, что-то заложенное в генах.

«Увидимся завтра мам. Хорошо?»

Она не ответила. Ее глаза снова закрылись, больше не отрывшись. Ее грудь поднималась медленно и часто. Я отступил от кровати, не отводя от нее глаз.

Уже в коридоре я спросил медсестру, «С ней будет все в порядке? Правда?»

«Нельзя сказать с уверенностью, Мистер Паркер. Она пациента доктора Нунализа. Он очень хороший специалист. Завтра, вы сможете сами поговорить с ним-"

«А что вы думаете?» «Я думаю что с ней будет все нормально,» сказала сестра, ведя меня по коридору по направлению к лифту. «Она очень сильная женщина, и все обследования показали, что это был лишь легкий инсульт.» Она ненадолго замолчала. «Конечно ей придется кое-что изменить. Ее диету… стиль жизни…»

«А что вы думаете?» «Я думаю что с ней будет все нормально,» сказала сестра, ведя меня по коридору по направлению к лифту. «Она очень сильная женщина, и все обследования показали, что это был лишь легкий инсульт.» Она ненадолго замолчала. «Конечно ей придется кое-что изменить. Ее диету… стиль жизни…»

«Вы имеете ввиду сигареты.»

«О да. От этого тоже нужно отказаться.» Она говорила так, будто бы отказаться от этой привычки, для моей матери было также просто, как переставить вазу со стола в гостиной в холл. Я нажал кнопку, и двери лифта на котором я приехал, тут же открылись. В отсутствии посетителей, жизнь в Центральной больнице штата Мэн словно замирала.

«Спасибо за все,» сказал я.

«Не за что. Простите что напугала вас. Я действительно сказала глупость.»

«Не за что,» произнес я, словно вторя ее словам. «Ничего страшного.»

Я вошел в лифт, и нажал кнопку первого этажа. Сестра подняла руку и легонько помахала ей. Я тоже помахал ей, и двери лифта захлопнулись. Лифт поехал. Я взглянул на следы оставленные на своих руках, и подумал, что я был самым ужасным существом, самым низким из всех. Даже если это был всего лишь сон, я был самым, черт побери, нижайшим. Забери ее, сказал я. Она была моей матерью, но все же я сказал: Бери мою мать, не трогай меня. Она вырастила меня, работала ради меня, стояла вместе со мной в очереди под палящим солнцем в этом маленьком грязном парке развлечений в Нью-хэмпшире, как я мог сомневаться. Забери ее, не трогай меня. Цыплячье дерьмо, ты хреново цыплячье дерьмо.

Когда двери открылись, я вышел из лифта и направился к урне, жетон был там, лежал в чьем то почти пустом стакане из под кофе: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. Наклонившись я выудил жетон из холодного кофе, в котором он плавал, и обтерев о свои джинсы положил в карман. Я не должен был его выбрасывать. Это был мой жетон – мой талисман, мой. Я вышел из больницы на прощание помахав Ивон рукой. Снаружи, луна, плывущая в ночном небе, наполняла все вокруг своим странным и одновременно прекрасным светом. Никогда я еще не чувствовал себя таким уставшим и опустошенным. Если бы я мог выбрать снова, я бы выбрал себя. Каким смешным бы это не казалось, но я думал что смогу жить с тем, что она умерла бы из-за меня. Ведь разве это не тот самый классический конец, как во всех этих чертовых историях с привидениями.

Старик сказал, никто не остановит тебе машину в городе, и это было чистой правдой. Я шел по городу – три квартала по Лисабон-стрит, девять по Канал-Стрит, проходя мимо всех этих клубов с музыкальными автоматами, игравшими песни Незнакомца и Леда Зеппелина и французский AC/DC – даже не думая остановить попутку. Мало ли что могло произойти. Было уже одиннадцать когда я добрался до моста DeMuth. Идя по Харлоу-стрит я остановил первую же машину и через сорок минут, я уже искал ключи от дома под красной тачкой стоявшей у двери сарая, а через десять минут я уже был в постели. Засыпая, я подумал, что первый раз я был в этом доме, совсем один.

В девять пятнадцать утра, меня разбудил телефонный звонок. Я думал, что это звонили из больницы сказать, что моей матери внезапно стало хуже и она умерла всего несколько минут назад, так жаль. Но это была миссис Мак-Курди, позвонившая убедиться что я добрался нормально, и допытываясь всех подробностей моего ночного визита в больницу, она просила меня повторить все с начала три раза, и в третий раз, я чувствовал себя преступником оказавшимся на допросе в полиции, совершившим как минимум убийство, она так же поинтересовалась, не хотел ли я присоединиться к ней чтобы днем вместе съездить в больницу. Я сказал что это было бы просто замечательно.

Повесив трубку, я направился к большому зеркалу висевшему на двери в спальню. Из него на

меня глядел, высокий, небритый молодой человек, с небольшим пузом, на котором были лишь мятые трусы. «Ты должен перестать думать об этом», сказал я своему отражению. «Не можешь же ты до конца жизни вздрагивать от каждого телефонного звонка, думая что это касается твоей матери.»

Я буду стараться. Время сотрет это из моей памяти, так всегда бывало… но все же было удивительно, какими яркими и реальными были для меня подробности прошлой ночи. Я мог отчетливо видеть каждую тень, каждый угол. Передо мной все еще было молодое лицо Стауба, одетого в перевернутую бейсболку, с сигаретой за ухом, струйками дыма сочившимися сквозь швы на шее, при каждой новой затяжке. Я будто снова слышал эту историю про парня, продающего свой новый Кадиллак задаром. Быть может со временем мне удастся забыть все детали, но сейчас это казалось невозможным. К тому же после всего у меня остался этот жетон, он лежал на тумбочке около ванной. Жетон был моим сувениром. Ведь главный герой всех этих историй с призраками, тоже брал себе какой-нибудь сувенир в доказательство того, что все это была правда?

В углу комнаты, расположилась старая стереосистема и порывшись в своих старых записях, я достал одну из них с надписью СМЕСЬ и вставил в магнитофон. Кассеты я записывал, еще учась в школе, и сейчас с трудом помнил, что на них было записано. Боб Дилан пел об одинокой смерти Хэтти Кэролл, Том Пэкстон пел о своем старом бродячем приятеле, и Дейв Ван Ронк начал петь свой кокаиновый блюз. На середине третьего куплета, я замер стоя в ванне, с бритвой в руках. 'Башка полная виски, и брюхо полное джина', протяжно пел Дейв. 'Доктор сказал это убьет меня, но не сказал когда.' Вот где был ответ. Ведь я почему-то был уверен что моя мать непременно умрет сразу, а Стауб не поправил меня – но мог ли он, ведь я ни разу не спросил его об этом? – но это было неправдой. 'Доктор сказал это убьет меня, но не говорит когда.' Какого черта я мучаю себя? Ведь мой выбор был лишь естественной реакцией на сложившиеся обстоятельства? Ведь иногда же дети бросают своих родителей? Сукин сын хотел напугать меня – сыграть на моем чувстве вины – но я не купился на это, ведь так? Ведь все мы в конце будем ехать верхом на пуле?

Ты просто стараешься оправдаться. Пытаешься найти этому объяснение. Быть может ты прав… но когда он спросил тебя, ты выбрал ее. Ты никогда не простишь себе свой выбор приятель – ты выбрал ее.

Я открыл глаза и посмотрел в зеркало. «Я сделал, то что должен был,» сказал я себе. В это верилось с трудом, но все же в этот момент у меня не было выбора.

Когда я и миссис Мак-Курди приехали в больницу, моей матери было уже лучше. Я спросил ее, помнила ли она о своем сне про Парк Ужасов, в Лаконии. Она отрицательно покачала головой. «Я почти не помню о чем мы говорили,» сказала она. «Я уже дремала. Это важно?»

«Да нет,» сказал я, и поцеловал ее в лоб. «Ни капли.»

Пять дней спустя мою мать выписали из больницы. Некоторое время, ей пришлось ходить с тростью, но потом все пришло в норму, и уже через месяц, она снова вернулась на работу – сначала только на пол ставки, а потом на полную смену, как будто бы ничего не случилось. Я вернулся в колледж, и стал подрабатывать в пицерии «У Пата» в пригороде Ороно. Не то что бы я получал большие бабки, но их вполне хватило на то чтобы починить машину. Это было хорошо; езда автостопом утратила для меня всякий смысл, который я предавал этому.

Моя мать пыталась бросить курить, и ей это почти удалось правда ее хватило не на долго. Приехав на день раньше из колледжа погостить на апрельские каникулы, я застал нашу кухню

такой же прокуренной как и всегда. В ее глазах было одновременно торжество и стыд. «Я не могу,» сказала она. «Алан мне так жаль – я знаю что ты хочешь чтобы я бросила, знаю что должна, но без этого моя жизнь пуста. Я ничем не могу заполнить пустоту. Лучше бы я никогда даже и не начинала.»

Через две недели, я окончил колледж, у моей матери был новый удар – совсем небольшой. По настоятельной рекомендации доктора, она снова пыталась бросить курить, потом набрала пятьдесят фунтов и снова принялась за старое. «Как собака, возвращающаяся к своей рвоте,» фраза из Библии; одна из моих любимых. Мне с первого раза удалось устроиться на хорошую работу в Портланде – можно сказать, просто повезло, и я начал уговаривать маму бросить ее работу. Я знал что это будет трудно, но даже не представлял насколько.

Я уже почти сдался, бившись до последнего, пытаясь ее убедить.

«Вместо меня, подумай лучше о себе, ты должен устраивать свою жизнь,» сказала она. «Когда-нибудь ты женишься, Ал, поэтому лучше сбереги-ка деньги. Подумай о своей жизни.»

«Ты моя жизнь,» сказал я поцеловав ее. «Ты можешь сколько хочешь сопротивляться или спорить, но это так.»

И она сдалась. Мы прожили несколько счастливых лет – семь если быть точным. Мы жили раздельно, но я навещал ее почти каждый день. Мы много играли в джин, посмотрели кучу фильмов по видику, который я купил ей. У нас было ведро полное смеха, как любила говорить она. Я не знаю, должен ли я все эти годы Джорджу Стаубу или нет, но это были хорошие годы. Мне так и не удалось забыть ту ночь когда я встретил Стауба, хотя я так надеялся на это, но все детали, начиная со старика предлагающего мне загадать желание на полную луну и кончая пальцами Стауба на моей рубашке, прицепляющими к карману жетон, были такими же реальными как и в ту, первую ночь. А потом наступил день когда, я просто не смог найти свой жетон.

Я знал, что брал его собой когда переезжал в маленькую квартирку в Фолмаусе – жетон лежал в верхнем ящике моего ночного столика, вместе с парой расчесок, несколькими запонками и старым политическим жетоном с надписью гласившей BILL CLINTON, THE SAFE SAX PRESIDENT – но его там не было. И когда два дня спустя зазвонил телефон, я знал почему миссис Мак-Курди плакала. Это были те самые плохие новости, которых я так и не переставал ждать; за все надо платить.

Когда церемония закончилась, и казавшаяся бесконечной очередь друзей и знакомых подошла к концу, я вернулся в наш маленький домик в Харлоу, где мама проводила последние годы своей жизни, выкуривая сигарету за сигаретой и поглощая сладкие пончики. Были только Джина и Алан Паркер одни на целом свете; теперь я остался совсем один.

Я порылся в ее бумагах, прихватив некоторые из них, с которыми мне еще предстояло иметь дело, так же откладывая в сторону вещи которые бы я хотел сохранить и те, которые собирался отдать армии доброй воли. После этого, я встал на колени, и посмотрел под ее кроватью, увидев то, что я искал все это время, боясь признаться в этом даже самому себе: маленький пыльный жетончик с надписью: Я ЕЗДИЛ ВЕРХОМ НА ПУЛЕ В ПАРКЕ УЖАСОВ, Лакония. Я положил его на ладонь, иголка впилась в кожу, и я сильно сжал руку, наслаждаясь внезапной болью. Когда я разжал пальцы, мои глаза были полны слез, и двоившиеся слова накладывались друг поверх друга, как будто я смотрел трехмерное кино без специальных очков.

«Ты доволен?» крикнул я в пустоту. «Этого достаточно?» Но ответа не последовало. «Почему

именно сейчас? В чем же этот хренов смысл?» И снова не было ответа, а почему он собственно, должен быть? Ты просто ждешь своей очереди, вот и все. Ты ждешь своей очереди, стоя под этой порочной луной загадывая на нее желания. Ты ждешь своей очереди, слушая как они кричат-они платят деньги за адреналин, а там, Верхом на Пуле, этого добра всегда навалом. Ты тоже можешь прокатиться, или убежать. Но это ничего не изменит, я так думаю. И кажется, там должно быть что-то еще, но его нет – за все надо платить. Забирай свой жетон и проваливай отсюда.

ДОРОЖНЫЙ УЖАС ПРЕТ НА СЕВЕР

Когда Ричард Киннелл впервые увидел эту картину на дворовой распродаже в Розвуде, она его не напугала. Наоборот. Она ему сразу понравилась. Сразу заворожила. И он подумал еще, как ему повезло, что он совершенно случайно набрел на такую замечательную штуковину, которая рождала в душе какое-то особенное ощущение. Но уж точно – не страх. И только потом Киннелл понял («потом, когда было уже слишком поздно», как написал бы он сам в одном из своих романов, пользующихся у читающей публики неизменным и прямо-таки ошеломляющим успехом), что ощущения, рожденные этой картиной, очень напоминали те, что он испытывал в юности по отношению к некоторым запрещенным законом наркотическим препаратам.

Киннелл заехал в Розвуд по дороге из Бостона, куда его пригласили на конференцию писателей Новой Англии с эпохальным названием «Опасные стороны популярности» под эгидой PEN. Он давно уже понял, что PEN умеет найти достойные темы для обсуждения. На самом деле ему это даже нравилось. На таких мероприятиях он, как говорится, отдыхал душой. От Дерри до Бостона было двести шестьдесят миль, но Киннелл решил, что поедет сам, на машине. Конечно, он мог бы полететь на самолете, но в последнее время работа над очередной книгой неожиданно застопорилась, и ему хотелось какое-то время побыть одному, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий кризис. А тут как раз выдался подходящий случай.

На конференции Киннеллу задавали все те же вопросы, которые, по его собственному мнению, люди, близкие к литературе ужасов, вообще не должны задавать писателю. Спрашивали, где он берет сюжеты для своих романов и не бывает ли страшно ему самому, когда он работает над своей книгой. Из Бостона Киннелл выехал по мосту Тобин-Бридж и сразу свернул на шоссе № 1. Он никогда не ездил по скоростным автобанам, когда хотел подумать над разрешением назревших проблем. Скоростные трассы вгоняли его в странное состояние: как будто ты спишь и в то же время бодрствуешь. Состояние спокойное и даже приятное, но не особенно конструктивное в творческом плане. А вот дорога, идущая по побережью, с постоянными остановками у светофоров.., она действовала на Киннелла, как песчинка, попавшая в устрицу. Создавала как раз то ненавязчивое раздражение, которое способствует работе мысли. А иногда даже рождает жемчужину.

Хотя критики творчества Ричарда Киннелла в жизни бы не додумались употребить это сравнение. В одном из номеров «Эсквайра» за прошлый год появилась статья Брэдли Симонса про «Город кошмаров». Статья начиналась так: «Ричард Киннелл снова порадовал многочисленных почитателей. Король ужасов испытал очередной приступ неудержимой словесной рвоты и выдал нам энный шедевр. Сие извержение озаглавлено „Город кошмаров“.

Киннелл уже проехал через Ревир, Молден, Эверетт и Ньюберипорт. Сразу за Ньюберипортом, чуть к югу от границы штатов Массачусетс и Нью-Хэмпшир, располагался маленький аккуратненький городок – Розвуд. Отъехав примерно на милю от центра города, Киннелл

заметил, что на лужайке перед одним двухэтажным коттеджем разложены в ряд всякие штуки явно дешевого вида. К электрической плитке мутно-зеленого цвета была прикреплена картонка с надписью: «ДВОРОВАЯ РАСПРОДАЖА». По обеим сторонам узкой улицы стояли припаркованные автомобили. Между ними оставался тот самый проезд типа «захочешь – протиснешься», который матерно поминают нетерпеливые водители, не подверженные таинственному обаянию дворовых распродаж в маленьких городках. Но Киннелл как раз обожал дворовые распродажи. Особенно ему нравилось рыться в коробках со старыми книгами, которые иногда попадались на этих домашних базарчиках. Он протиснулся в узкий проезд и поставил свою «ауди» первой в линии машин, смотрящих в сторону Мэна и Нью-Хэмпшира.

На распродаже было достаточно людно. Человек десять – двенадцать бродили по донельзя замусоренной лужайке перед деревянным коттеджем, выкрашенным в серый и синий цвета. Слева от залитой бетоном дорожки, прямо на улице, стоял большой телевизор. Подставкой ему служили четыре мусорные корзины, но мусор в них, кажется, не бросали принципиально. На телевизоре красовалась очередная картонка: «КУПИ ЧТО-НИБУДЬ – НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ». Электрический шнур – тугой, как струна, – тянулся от телевизора в дом через распахнутую переднюю дверь. Тут же, в тени большого зонта с надписью «CINZANO», стояло пластиковое кресло. В кресле сидела толстая тетка. Перед ней – маленький карточный столик с коробкой из-под сигар, перекидным блокнотом и еще одной картонкой, на которой было выведено от руки: «ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ. ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ». Телевизор работал. Крутили очередную мыльную оперу, где все шло к тому, что красавец-герой и красавица-героиня сейчас займутся крайне небезопасным сексом. Толстая тетка мельком взглянула на Киннелла и снова уставилась в телевизор. Секунду она таращилась на экран, а потом опять повернулась к Киннеллу. И уставилась уже на него. Причем открыв рот.

Ага, читательница-почитательница, – подумал Киннелл, оглядывая лужайку в поисках картонной коробки со старыми книжками в мягких обложках, которая непременно должна была быть где-то здесь.

Книжек он не нашел. Зато увидел картину, прислоненную к гладильной доске и подпертую для устойчивости двумя пластиковыми корзинками. У Киннелла перехватило дыхание. Он сразу понял, что эту вещь он возьмет.

Сдерживая возбуждение, он небрежно шагнул к картине и опустился перед ней на одно колено. Это была акварель, безупречная с точки зрения техники. Впрочем, техника Киннелла как раз и не интересовала (что не раз отмечали прилежные критики, бравшиеся за разбор его книг). В произведениях искусства он ценил прежде всего содержание. Причем чем больше оно «пробивало», тем лучше. Киннелл любил, чтобы произведение рождало тревогу. И, если судить по такому критерию, картина была выше всяких похвал. Стоя на коленях между пластиковыми корзинами, набитыми всякой всячиной, он провел пальцами по стеклу, закрывавшему акварель. Потом огляделся, надеясь обнаружить еще нечто подобное, но такая картина была одна – все остальное являло собой стандартный для домашних базарчиков набор: пухлощекие куколки, молитвенно сложенные ладони и резвящиеся собачки.

Киннелл опять стал разглядывать акварель в рамочке под стеклом. Мысленно он уже переставил свой чемодан на заднее сиденье в салоне, а картину бережно уложил в багажник.

На картине был изображен молодой человек за рулем мощной спортивной машины – может, «гранд-ама», а может, и GTX, в общем, какой-то машины с откидным верхом – на мосту Тобин-Бридж на закате. Откидной верх был поднят, и поэтому черный автомобиль походил на недоделанный кабриолет. Молодой человек пристроил левую руку поверх боковой дверцы с опущенным стеклом, а правую небрежно держал на руле. Закатное небо над Тобин-Бридж в

желтых и серых подтеках с ярко-розовыми прожилками было похоже на громадный синяк. Жидкие светлые волосы свисали сосульками на низкий лоб, молодой человек ухмылялся, и сквозь приоткрытые губы были видны его зубы. Только это были не зубы, а самые настоящие клыки.

На картине был изображен молодой человек за рулем мощной спортивной машины – может, «гранд-ама», а может, и GTX, в общем, какой-то машины с откидным верхом – на мосту Тобин-Бридж на закате. Откидной верх был поднят, и поэтому черный автомобиль походил на недоделанный кабриолет. Молодой человек пристроил левую руку поверх боковой дверцы с опущенным стеклом, а правую небрежно держал на руле. Закатное небо над Тобин-Бридж в желтых и серых подтеках с ярко-розовыми прожилками было похоже на громадный синяк. Жидкие светлые волосы свисали сосульками на низкий лоб, молодой человек ухмылялся, и сквозь приоткрытые губы были видны его зубы. Только это были не зубы, а самые настоящие клыки.

Может быть, он их специально затачивал, – подумал Киннелл. – Может быть, он маньяк какой-нибудь. Людоед.

Ему это ужасно понравилось: сама идея, что людоед едет по Тобин-Бридж на закате. В шикарном «гранд-аме». Он знал, что подавляющее большинство из тех, кто присутствовал на писательской конференции PEN, наверняка бы подумали: Ага, самая что ни на есть подходящая картинка для Рича Киннелла. Небось повесит ее над столом для вдохновения. Такое перышко, чтобы пощекотать в старой поизносившейся глотке на предмет очередной порции неудержимой рвоты. Но ведь это самое подавляющее большинство были просто невеждами – во всяком случае, в том, что касается его собственных книг. И мало того: они носились со своим невежеством, обожали его, холили и лелеяли – непонятно, с какого перепугу. Точно так же, как некоторые холят, лелеют и обожают зловредных и глупых маленьких собачонок, которые облаивают гостей и время от времени норовят укусить почтальона за пятку. Картина понравилась Киннеллу не потому, что он писал романы ужасов. Он писал романы ужасов потому, что ему нравились вещи типа этой картины. Восторженные читатели часто присылали ему всякую ерунду – в основном картины. Большую часть этих картин Киннелл просто выбрасывал на помойку. И вовсе не потому, что они были плохими. А потому, что они были скучными и предсказуемыми. Но вот один парень из Омахи как-то прислал ему маленькую керамическую фигурку: вопящая от страха обезьянка высовывает голову из холодильника. И эту вещицу Киннелл оставил. С точки зрения художественного мастерства фигурка была исполнена из рук вон плохо, но в ней был элемент неожиданности. Какое-то странное соприкосновение, которое затронуло Киннелла и, как говорится, придало ему ускорение. В картине тоже что-то такое было. Только сильнее. Гораздо сильнее.

Киннелл уже потянулся к картине. Ему хотелось взять ее прямо сейчас – сию же секунду, – засунуть под мышку и объявить, что он берет эту вещь. Но тут у него за спиной раздалось:

– Простите, ведь вы Ричард Киннелл?

Он резко выпрямился и обернулся. Прямо за спиной стояла толстая тетка, загораживая большую часть обзора. Киннелл заметил, что, прежде чем подойти к нему, тетка подкрасила губы ярко-красной помадой и теперь улыбалась этакой кровоточащей улыбкой.

– Да, это я, – улыбнулся он в ответ. Толстуха указала глазами на картину:

– Мне бы следовало догадаться, что вы сразу к ней и направитесь, – проговорила она с

глуповатой улыбкой. – Она прямо ваша.

– Да, действительно. – Киннелл изобразил самую лучезарную из своих «парадно-выходных» улыбок. – И сколько вы за нее хотите?

– Сорок пять долларов, – тут же отозвалась тетка. – Скажу вам по правде, я сначала хотела семьдесят. Но она никому не нравится, да. Пришлось сбавить цену. Если вы завтра за ней вернетесь, я и за тридцатку, наверное, отдам. – Улыбка на лице тетки растягивалась все шире, а излучаемое ею радушие приняло прямо-таки устрашающие размеры. Киннелл даже заметил, что в уголках теткиных губ пузырится слюна.

– Нет, лучше я рисковать не буду. А то вдруг ее все-таки купят до завтра, – сказал он. – Я вам выпишу чек. Прямо сейчас, не откладывая.

Теткина улыбка растянулась почти до ушей, и тетка теперь стала похожа на какую-то нелепую пародию на Джона Уотерса. О, божественная Ширли Темпл!

– Вообще-то я не должна брать чеки. Ну да ладно, – произнесла она тоном скромницы-школьницы, поддавшейся наконец на настойчивые уговоры сексуально озабоченного приятеля. – И уж коли вы достали ручку, может, заодно мне автограф дадите, для дочки? Ее Микела зовут.

– Красивое имя, – отозвался Киннелл на автомате. Он взял картину и вернулся следом за толстой теткой к карточному столику. Действие на экране сменилось. Похотливая парочка временно уступила место изголодавшейся старушенции, которая шумно и жадно поглощала мысли.

– Микела читает все ваши книги, – сказала толстуха. – И откуда вы только берете эти свои безумные идеи?

– Не знаю. – Киннелл растянул губы в улыбке. – Они просто приходят, и все. Удивительно, да?

***

Толстуху, заправлявшую на распродаже, звали Джуди Даймент. Она жила в соседнем доме. Когда Киннелл спросил, не знает ли она случайно, кто написал картину, она сказала, что знает. Ее написал Бобби Хастингз, и из-за этого Бобби Хастингза она теперь тут и сидит. Продает вещи, которые когда-то принадлежали ему.

– Единственная его картина, которую он не сжег, – сказала Джуди. – Бедняжка Айрис! Вот кого мне действительно искренне жаль. А Джорджу, по-моему, все равно. И я точно знаю, что он так и не понял, почему Айрис решила продать этот дом.

Она закатила глаза, изображая классический взгляд, апеллирующий к собеседнику: мол, вы только представьте себе такое. Киннелл вручил ей чек, а Джуди протянула ему блокнот, куда она аккуратно записывала все вещи, которые ей удавалось продать, и суммы, которые она за них получала.

– Напишите, пожалуйста, что-нибудь для Микелы, – попросила она, вновь расплывшись в приторно-сладкой, глуповатой улыбочке. – Ну, пожалуйста.

Эта улыбка была для Киннелла как старый знакомый, который вдруг вновь возник в твоей

жизни, хотя ты-то втайне надеялся, что он давно умер.

– Ага-ага, – рассеянно отозвался он и быстренько изобразил в блокноте свое стандартное обращение к поклонникам типа «спасибо читателю за внимание». Он не следил за своей рукой. Даже не думал о том, что пишет. Он уже двадцать пять лет раздавал автографы, процесс был доведен до полного автоматизма. – Расскажите мне про эту картину. И про Хастингзов тоже.

Джуди Даймент скрестила на груди пухлые руки с видом человека, готового продекламировать благодарным слушателям свою любимую историю.

– Бобби было всего двадцать три года, когда этой весной он покончил с собой. Можете себе представить? Он был из тех молодых людей, кого называют измученными гениями. Но при этом жил дома с родителями. – Она вновь закатила глаза, апеллируя к Кеннеллу. Мол, вы только подумайте, и бывает же такое на свете. – У него было таких картин семьдесят, если не все восемьдесят. Не считая набросков. Он их в подвале держал, у себя. – Джуди указала взглядом на коттедж, а потом вперилась в картину с парнем зловещего вида, мчащимся по мосту Тобин-Бридж на закате. – Айрис.., это мать Бобби.., она говорила, что почти все его творения были просто ужасными. Еще похуже, чем это. Говорила, что от его картин у нее волосы дыбом встают. – Джуди понизила голос до шепота, покосившись на женщину, которая рассматривала разрозненный набор столового серебра и весьма неплохую коллекцию старых пластиковых стаканчиков из «Макдоналдса» с кадрами из фильма «Дорогая, я уменьшил детей». – Говорила, что там были всякие сексуальные сцены.

– О нет, – сказал Киннелл.

– А самые жуткие вещи он стал писать, когда пристрастился к наркотикам, – продолжала Джуди Даймент. – Когда он покончил с собой.., повесился у себя в подвале, где обычно писал картины.., там нашли больше сотни этих маленьких пузыречков, в которых продают кокаин. Нет, наркотики – это ужасно! Верно, мистер Киннелл?

– Ужасно.

– В общем, по-моему, в какой-то момент он просто дошел до точки. И решил эту точку поставить, чтобы дальше не мучиться. Собрал все свои наброски и картины.., кроме вот этой вон, как оказалось.., свалил на заднем дворе и сжег. А потом повесился у себя в подвале. К рубашке он приколол записку:

«Мне не вынести то, что со мной происходит». Какой ужас, да, мистер Киннелл? -Разве бывает что-то страшнее?

– Нет, не бывает, – отозвался Киннелл. Причем сказал он это искренне.

– Как я уже говорила, Джордж остался бы жить в этом доме, если бы сумел настоять на своем, – продолжала Джуди Даймент. Она вырвала из блокнота листок с автографом для Микелы, положила его рядом с чеком Киннелла и задумчиво покачала головой, словно недоумевая, как такое возможно, что подписи на обоих листах совпадают. – Но мужчины, они не такие, как женщины.

– Правда?

– Конечно. Не такие чувствительные и ранимые. Под конец от Бобби Хастингза остались лишь кожа да кости. Он даже не мылся. Грязный был.., от него, знаете, пахло.., в одной и той же футболке все время ходил. В черной такой, с фотографией «Лед Зеппелин». Глаза у него были

красные. На щеках – щетина, которую и бородой-то не назовешь. И весь запрыщавил. Все лицо было в угрях, как у подростка. Но Айрис любила его. Все равно любила. Мать всегда будет любить своего ребенка, во что бы он ни превратился.

Женщина, которая разглядывала столовое серебро и стаканчики из «Макдоналдса», все-таки выбрала кое-что для себя – подставочки под стаканы с кадрами из «Звездных войн» – и подошла к столику, чтобы расплатиться. Миссис Даймент взяла у нее пять долларов, аккуратно записала себе в блокнот: «НАБОР КУХОННЫХ ПОДСТАВОК. РАЗРОЗН. ВСЕГО – 12», после чего вновь повернулась к Киннеллу.

– Они переехали в Аризону, – продолжала она. – У Айрис там родственники, во Флагстаффе. Я знаю, что Джордж сразу начал искать работу.., он чертежник-конструктор.., вот только не знаю, нашел уже что-нибудь или нет. Но если нашел, то думаю, в Розвуд они уже не вернутся. Она попросила меня продать кое-какие вещи.., она – это Айрис.., и сказала, что я могу взять себе двадцать процентов за хлопоты. А ее деньги отправить ей чеком. Только, боюсь, денег немного получится. – Миссис Даймент вздохнула.

– Картина просто великолепная, – сказал Киннелл.

– Да. Жалко, что он их сжег, все остальные свои работы. Так бы хоть что-то было интересное. А то большая часть всех вещей, которые я тут пытаюсь продать, – обычный домашний хлам, только на выброс и годный. А это что?

Киннелл перевернул картину. На задней стороне рамки была приклеена какая-то бумажка.

– Наверное, название.

– И что там написано?

Киннелл приподнял картину, так чтобы Джуди было удобно самой прочитать надпись. Получилось так, что картина оказалась как раз на уровне его глаз, и Киннелл воспользовался случаем, чтобы еще раз ее рассмотреть. И снова его захватило пронзительное ощущение чего-то потустороннего, заключенного в этой в общем-то непритязательной акварели: молоденький мальчик за рулем мощной спортивной машины, ребенок со зловещей и искушенной усмешкой и омерзительными заточенными зубами.

А ведь оно очень подходит, название, – подумал он. – Лучше и не придумаешь, как ни старайся.

– «Дорожный Ужас прет на север», – прочла Джуди вслух. – А я ее и не заметила, эту штуку, когда мои мальчики таскали вещи. Это название, да?

– Наверное.

Киннелл не мог оторвать взгляд от усмешки блондинистого мальчика на картине. Я кое-что знаю, – говорила эта усмешка. – Я знаю что-то такое, что тебе никогда не узнать.

– Да, действительно сразу поверишь, что парень, который все это изобразил, явно прибалдел от наркоты, – с огорчением проговорила Джуди. Киннелл отметил, что огорчение было искренним. – Неудивительно, что он покончил с собой и разбил мамино сердце.

– Я, кстати, тоже еду на север, – сказал Киннелл, запихивая картину под мышку. – Спасибо за…

– Мистер Киннелл?

– Да?

– Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение? – Это было сказано совершенно серьезно. Безо всякой издевки и даже не по приколу. – Я должна записать номер на вашем чеке. Так надо.

Киннелл поставил картину на землю и полез за бумажником.

– Пожалуйста. Без проблем.

Женщина, которая купила подставочки под стаканы с кадрами из «Звездных войн», уже было направилась к своей машине, но задержалась перед телевизором на лужайке – засмотрелась на мыльную оперу. Когда Киннелл проходил мимо, женщина покосилась на картину у него в руках.

– Надо же, – проговорила она. – И ведь кто-то купил это уродство. Кошмарная вещь. Я ее каждый раз вспоминаю, когда свет гашу, и меня прямо дрожь пробирает.

– Да? И чего в ней такого уж жуткого? – спросил Киннелл.

***

Тетушка Киннелла, тетя Труди, жила в Уэллсе, примерно в шести милях к северу от границы штатов Мэн и Нью-Хэмпшир.

Киннелл съехал с шоссе на дорогу, которая огибала городскую водонапорную башню (ту самую, ядовито-зеленого цвета с забавной табличкой-призывом жирными буквами высотой фута четыре: «СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЕНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ»), и уже через пять минут зарулил на подъездную дорожку к аккуратному маленькому тетушкиному домику. На лужайке, разумеется, не было никакого включенного телевизора, водруженного поверх мусорных корзин, – только цветочные клумбы, настоящая страсть тети Труди. Киннеллу уже давно хотелось отлить, но он не стал останавливаться по дороге. Зачем останавливаться в придорожной закусочной, если можно заехать к тетке и там с комфортом сходить в туалет, а заодно послушать свежие семейные сплетни? Тетя Труди всегда была в курсе всего, что происходит в семье, и знала, что, где и кто. И, конечно, ему не терпелось показать ей свое новое приобретение – картину.

Тетя вышла ему навстречу, крепко обняла и «обклевала» все лицо своими фирменными быстрыми поцелуйчиками, которые стойко ассоциировались у Киннелла с чем-то птичьим и от которых его в детстве всегда трясло.

– Сейчас я тебе кое-что покажу, – сказал Киннелл. – Тебя так протащит, что ты из чулков своих выпрыгнешь.

– Интересная мысль, – развеселилась тетя Труди и с улыбкой уставилась на племянника, обхватив локти ладонями.

Киннелл достал из багажника картину. Тетю действительно протащило, но не так, как рассчитывал Киннелл. Она вдруг страшно побледнела. Киннелл в жизни не видел, чтобы люди бледнели вот так – словно вся краска разом сошла с лица.

– Жуткая вещь, нехорошая, – натянуто проговорила тетя, и было заметно, что она изо всех сил старается чтобы не дрожал голос. – Мне не нравится. Наверное, я понимаю, чем она привлекла тебя, Ричи. Только ты-то играешь в свои кошмары, а здесь оно все настоящее. Убери ее лучше обратно в багажник, сделай тете приятное. А когда будешь ехать через Сако, я тебе очень советую: остановись на мосту и брось ее в реку.

Киннелл обалдело уставился на тетю. Он никогда не видел ее такой. Тетя Труди плотно сжимала губы, пытаясь унять дрожь. И она уже не держала себя за локти – нет, она буквально вцепилась ладонями в локти, как будто пыталась сдержать себя, чтобы не сорваться с места и не убежать. Она как-то вдруг постарела и из крепкой шестидесятилетней женщины превратилась в дряхлую девяностолетнюю старуху.

Киннелл не мог понять, что происходит.

– Тетя? – осторожно проговорил он, уже начиная тревожиться. – Что-то не так?

– Вот это не так. – Она оторвала правую руку от левого локтя и ткнула пальцем в картину. – Удивительно даже, что ты сам ничего не чувствуешь – при твоем-то богатом воображении.

Нет, кое-что Киннелл чувствовал. Определенно чувствовал. Иначе бы не стал отваливать за картину сорок пять долларов. Но тетя Труди чувствовала что-то другое.., или что-то сверх того, что чувствовал он сам. Киннелл повернул картину к себе (до этого он держал ее так, чтобы тетушке было удобнее смотреть) и еще раз взглянул на нее. И увидел такое, от чего у него перехватило дыхание, как от удара под дых. Внутри все оборвалось.

Картина переменилась. Не сильно, но все же переменилась. Улыбка белобрысого парня растянулась шире, заточенные людоедские зубы стали видны еще лучше. Теперь он прищурился посильнее, и от этого вид у него стал еще более искушенным и еще более злобным.

Неуловимая перемена в улыбке.., губы, растянутые чуть пошире, так что острые зубы видны еще лучше.., другой прищур.., другой взгляд.., черты, которые очень зависят от субъективного восприятия. Такие вещи не запоминаешь в точности, всегда есть вероятность, что ты просто ошибся. Тем более что Киннелл не особенно-то и приглядывался к картине, когда ее покупал. Да и миссис Даймент совершенно его уболтала. Она была явно из тех непомерно общительных женщин, которые так тебя заговорят, что потом в голове еще долго будет зудеть.

Но была еще одна вещь, которую никак нельзя было списать на фокусы памяти и субъективного восприятия. Пока картина лежала в багажнике, молодой человек сдвинул левую руку – которую он поначалу держал поверх дверцы, – и теперь Киннелл разглядел татуировку, которой не было видно раньше. Обагренный кровью кинжал, оплетенный виноградными листьями. А под ним – надпись. Киннелл разобрал только два слова: «ЛУЧШЕ СМЕРТЬ». Но вовсе не обязательно быть популярным писателем – автором многих бестселлеров, чтобы сообразить, что там написано дальше. В конце концов, «ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ» – это как раз та вещь, которую бесноватые дорожные странники, приносящие только несчастья, типа этого парня с людоедской усмешкой, обычно и вытатуировывают у себя на руке. А на другой руке – туза пик или цветок в горшочке, подумал Киннелл.

– Тебе она очень не нравится, тетя? – спросил он.

– Очень не нравится.

И тут Киннелл заметил еще одну любопытную вещь. Тетя Труди, оказывается, отвернулась и

теперь делает вид, что с интересом смотрит на улицу (хотя на улице не было ничего интересного: обычная сонная и пустынная улица, разморенная жарким послеобеденным солнцем), лишь бы только ненароком не взглянуть на картину.

– Отвратительная картина. Давай ты ее уберешь, и пойдем в дом. Сдается мне, тебе надо кое-куда зайти.

***

Как только Киннелл убрал акварель в багажник, тетя Труди сразу воспряла духом и, как говорится, вновь обрела свою прежнюю savoir-faire. Они немного поговорили о матери Киннелла (живет в Пасадене), о его сестре (в Батон-Руже) и о его бывшей жене Салли (в Нашуа). Салли была дамой самостоятельной и не без прибабахов. Она держала приют для бездомных животных в здоровенном жилом автоприцепе и выпускала два ежемесячных журнала. В «Гостях с того света» публиковались статьи о всяких астральных делах и якобы правдивые истории из жизни духов и привидений. В «Пришельцах», как явствует из названия, печатались рассказы людей, которые так или иначе общались с инопланетянами. Киннелл давно уже не посещал никаких сборищ, на которых писатели встречаются с восторженными читателями, помешанными на фэнтези и ужасах. Как он иногда говорил знакомым, для одной жизни одной Салли вполне достаточно.

– Отвратительная картина. Давай ты ее уберешь, и пойдем в дом. Сдается мне, тебе надо кое-куда зайти.

***

Как только Киннелл убрал акварель в багажник, тетя Труди сразу воспряла духом и, как говорится, вновь обрела свою прежнюю savoir-faire. Они немного поговорили о матери Киннелла (живет в Пасадене), о его сестре (в Батон-Руже) и о его бывшей жене Салли (в Нашуа). Салли была дамой самостоятельной и не без прибабахов. Она держала приют для бездомных животных в здоровенном жилом автоприцепе и выпускала два ежемесячных журнала. В «Гостях с того света» публиковались статьи о всяких астральных делах и якобы правдивые истории из жизни духов и привидений. В «Пришельцах», как явствует из названия, печатались рассказы людей, которые так или иначе общались с инопланетянами. Киннелл давно уже не посещал никаких сборищ, на которых писатели встречаются с восторженными читателями, помешанными на фэнтези и ужасах. Как он иногда говорил знакомым, для одной жизни одной Салли вполне достаточно.

Когда он наконец собрался ехать, была уже половина пятого вечера. Тетя пошла проводить его до машины. Она настойчиво зазывала его остаться поужинать, но Киннелл решил не терять день.

– Если я выеду прямо сейчас, то успею проехать большую часть пути до темноты.

– Ладно, – сказала тетя. – И ты прости, что я так разругала твою картину. Конечно, она тебе нравится. Тебе всегда нравились.., всякие странные вещи. Просто мне она показалась.., какой-то не такой. Может быть, я чего-то не понимаю. Но это лицо… – Она невольно поежилась. – Ужасное лицо. Как будто ты на него смотришь.., и чувствуешь, что он тоже на тебя смотрит.

Киннелл улыбнулся и чмокнул тетушку в кончик носа.

– Тетя, ты просто чудо. У тебя у самой богатейшее воображение.

– Ну да, это у нас семейное. Кстати, не хочешь еще раз сходить в туалет на дорожку? Он покачал головой.

– Я же не для этого заезжал.

– Да? А для чего ты тогда заезжал?

– С тобой побеседовать, тетушка, – улыбнулся Киннелл. – Ты у нас все про всех знаешь: кто хороший, а кто плохой. И ты не боишься рассказывать то, что знаешь.

– Ладно, езжай уже. – Тетя пихнула его в плечо, изображая досаду. Но на самом деле она была очень довольна. – На твоем месте я бы поторопилась домой. Я бы, наверное, с ума сошла, доведись мне ехать одной в темноте с этим противным и злобным парнем, пусть даже он и лежит в багажнике. Я хочу сказать, ты его зубы видел? Ну вот!

***

Киннелл все-таки выехал на автобан, чтобы выгадать в скорости, и гнал как сумасшедший до самой заправки «Грей». На заправке он решил остановиться и еще раз взглянуть на картину. Должно быть, тетушкина тревога передалась и ему, как зараза. Впрочем, он был уверен, что дело не в этом. Просто не давало покоя одно неприятное ощущение. И вот теперь Киннелл мучился: показалось ему или картина действительно переменилась?

В кафе на заправке предлагали стандартный набор гурманских закусок – гамбургеры и газировка в банках. На заднем дворе была оборудована маленькая уютная площадка со столиками и даже садик для выгула собак. Киннелл запарковался рядом с фургончиком с номерами штата Миссури. Заглушил двигатель. Сделал глубокий вдох, на пару секунд задержал дыхание – и выдохнул. Он специально поехал в Бостон на машине, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий «затык» и возобновить работу над книгой. И вот ирония судьбы. По дороге туда он усиленно размышлял о том, как отвечать, если на конференции ему зададут очень правильные и заковыристые вопросы. Но никто ему этих вопросов не задал. Когда присутствующие уяснили, что нет, он не знает, откуда берутся его сюжеты, и что да, его самого иногда пугают его измышления, они потеряли всяческий интерес к его творчеству и стали выспрашивать, где найти подходящего литагента.

И вот теперь, по дороге домой, он только и думает, что об этой проклятой картине.

Неужели картина и вправду переменилась! Но если так – и нарисованный парень действительно сдвинул руку, так что Киннелл сумел прочесть надпись-татуировку, которую не было видно раньше, – тогда самое время садиться писать статью для одного из журналов Салли. Или даже серию статей с продолжением. Но с другой стороны, если картина не переменилась, тогда.., что тогда? Галлюцинация приключилась на нервной почве? Бред собачий. С чего бы ему вообще нервничать? Чувствует он себя замечательно. Жизнь удалась. У него все в порядке. Во всяком случае, было в порядке, пока не попалась эта картина, которая буквально зачаровала его, и теперь это очарование превратилось в какую-то странную, темную одержимость.

– Ладно, блин, успокойся. Просто в тот раз ты не рассмотрел как следует. – Киннелл произнес это вслух и вышел из машины. Что ж, может быть. Может быть. В конце концов, у него в голове «замыкает» не в первый раз. Все это фокусы восприятия. Тем более ему это вроде бы и по

штату положено. Он ведь писатель, и пишет ужасы, и иногда его воображение немного…

– Заносит, – буркнул Киннелл себе под нос и открыл багажник. Достал картину, взглянул на нее. И пока он смотрел – секунд на десять забыв о том, что человеку вообще надо дышать, – он вдруг понял, что эта картина его пугает. По-настоящему. Как иногда нас пугает неожиданный тихий шорох в кустах. Как иногда нас пугает какое-нибудь неприятное насекомое, которое может ужалить, если его спровоцировать.

Теперь парень с картины улыбался ему – да, именно ему, а не просто так, Киннелл был в этом уверен на сто процентов, – и улыбка была безумной, и заточенные людоедские зубы обнажились во всей красе, до самых десен. Глаза у парня горели и в то же время как будто смеялись. А вот моста Тобин-Бридж не было и в помине. И Бостона, который виднелся вдали, тоже не было. И закатного неба не было. Теперь на картине царили темень и ночь. Громадный черный автомобиль и его бесноватого водителя освещал лишь тусклый свет единственного фонаря, отбрасывавшего маслянистые отблески на дорожный асфальт и на хромированные детали автомобиля. Черный автомобиль (скорее всего все же «гранд-ам») въезжал в маленький городок у шоссе № 1. Киннелл узнал это место. Он сам проезжал там еще сегодня.

– Розвуд, – пробормотал он себе под нос. – Это же Розвуд. Дорожный Ужас прет на север, все правильно. По шоссе № 1 – той же дорогой, что и Киннелл. Парень по-прежнему держал левую руку на боковой дверце с опущенным стеклом, но теперь он повернул ее так, что татуировка была не видна. Но Киннелл знал, что она там есть. Ведь знал же? Ну да.

Блондинистый парень походил на фаната «Металлики», который сбежал из дурдома, куда его упекли за преступление, совершенное в невменяемом состоянии.

– Боже правый, – прошептал Киннелл, и впечатление было такое, что эти слова произнес не он, а кто-то другой. Его вдруг охватила внезапная слабость, как будто все силы разом покинули тело – утекли, точно вода из дырявого ведра. Киннелл тяжело опустился на бетонный поребрик, отгораживающий стоянку от садика. Он неожиданно понял, что есть одна правда, которую он почему-то не видел раньше, когда писал свои жуткие книги. В реальной жизни, когда человек вдруг сталкивается нос к носу с чем-то таким, что противоречит его здравому смыслу, он отзывается именно так. Тебе кажется, будто ты истекаешь кровью и умираешь. Только кровь течет не из тела, а из мозгов.

– Неудивительно, что он покончил с собой, этот парень, который такое нарисовал, – выдавил Киннелл, не в силах оторвать взгляд от картины. От этой жестокой и дикой усмешки. От этих глаз, проницательных и остекленевших одновременно.

«К рубашке он приколол записку, – сказала тогда миссис Даймент. – „Мне не вынести то, что со мной происходит“. Какой ужас, да, мистер Киннелл? Разве бывает что-то страшнее?»

Нет, не бывает.

Действительно, не бывает.

Киннелл поднялся, не выпуская из рук картину, и пошел через садик для выгула собак. Он сосредоточенно глядел себе под ноги, чтобы не наступить на собачьи «дела». На картину он не смотрел. Ноги дрожали и подгибались, но вроде пока держали. Впереди – там, где кончалась лужайка и начинались деревья, – молодая красивая девушка в белых шортах и красном топике без рукавов с завязочками на шее выгуливала коккер-спаниеля. Она улыбнулась Киннеллу издалека, но тут же поджала губы. Наверное, было у него в лице что-то такое, что заставило ее испугаться. Она пошла влево. Причем быстрым шагом. Спаниелю это не понравилось. Он изо

всех сил упирался, но девушка тащила его за собой, натягивая поводок. Бедный пес кашлял и хрипел.

Сосновая роща на задах лужайки спускалась в болотистую низину, где пахло гнилыми листьями и разлагающимися телами мертвых зверей. Ковер из сухих сосновых игл давно превратился в придорожную мусорную свалку: повсюду валялись обертки от гамбургеров, пластиковые стаканчики, смятые салфетки, банки из-под пива, пустые бутылки и сигаретные пачки. Киннелл заметил использованный презерватив, который лежал, словно дохлая змейка, рядом с разорванными в клочья дешевенькими трусиками с надписью «ВТОРНИК», стилизованной под неровный школьный почерк.

Киннелл углубился подальше в рощу. Здесь он рискнул еще раз взглянуть на картину. Он заранее подготовил себя к тому, что она может опять перемениться. Он даже не исключал возможности, что она будет двигаться, как в кино. Картина не двигалась. И, похоже, не изменилась. Но от этого Киннеллу легче не стало. Ему хватило одного только взгляда на лицо блондинистого парня. На эту зловещую, совершенно безумную улыбку. На эти заостренные зубы. Парень с картины как будто хотел сказать Киннеллу, Эй, старик, знаешь чего? Мне покласть на ваш гребаный мир, который вы называете цивилизованным. Я – человек настоящего поколения Х. И новое тысячелетие – вот оно, здесь, за рулем этой самой раздолбанной вздыбленной колымаги.

Киннелл вспомнил, что сказала тетя Труди, когда увидела эту картину. Она сказала: выбрось ее в реку Сако. И теперь Киннелл понял, что тетя была права. Правда, Сако осталась уже в двадцати милях позади. Но…

– Болото тоже сойдет, – сказал он. – Вполне сойдет.

Киннелл поднял картину высоко над головой, как спортсмен поднимает какой-нибудь кубок или другой победный трофей, позируя перед фотографами, и отшвырнул ее от себя. Она полетела над склоном, пару раз перевернулась – рамка сверкнула, отразив тусклый свет заходящего солнца, – и ударилась о ствол дерева. Стекло разлетелось. Картина упала на землю и медленно съехала вниз по сухому слону, устланному ковром из сосновых иголок, прямо в заросли камыша на болоте. Наружу остался торчать только один уголок рамки. Но если к нему не приглядываться, то его почти и не было видно. Остались только осколки стекла на склоне, совершенно не бросающиеся в глаза на фоне другого мусора.

Киннелл развернулся и пошел обратно к машине. Теперь ему стало легче. Он знал, как справляться с такими делами, и уже настраивал себя на то, что просто забудет про этот случай, «задвинет» подальше в темный чулан сознания и сделает вид, что ничего вообще не было… Ему вдруг пришло в голову, что именно так, вероятно, и поступает подавляющее большинство людей, которым пришлось столкнуться с чем-то подобным. Обманщики с непомерно богатым воображением и психопаты, которым мерещатся всякие страсти, записывают свои измышления, рассылают по журналам типа «Гостей с того света» и утверждают, что все это чистая правда. Но те, кто действительно соприкоснулся с потусторонним, молчат себе в тряпочку и убеждают себя, что ничего не было. Потому что если в твоей жизни появляются такие трещины, когда реальность разъезжается по швам, надо что-то делать. Если вовремя это не остановить, трещины превратятся в провалы, куда в конце концов все и рухнет.

Обернувшись, Киннелл заметил ту самую красавицу со спаниелем. Она настороженно наблюдала за ним с безопасного – как она, должно быть, надеялась – расстояния. Девушка

заметила, что он на нее смотрит, поспешно отвела глаза и направилась к ресторанчику на заправке. Ей снова пришлось тащить за собой упирающегося спаниеля. Шла она напряженно, изо всех сил стараясь не вилять бедрами.

Ты, наверное, думаешь, что я псих. Да, красотка? – подумал Киннелл. Он только сейчас заметил, что оставил багажник открытым. И теперь он зиял, как беззубая пасть. Киннелл раздраженно захлопнул багажник. – И не ты одна, я так полагаю. Ты и еще половина из тех, кто читает романы ужасов. Но я не псих. Я совершенно нормальный. Просто я совершил ошибку. Остановился на дворовой распродаже, которую должен был проезжать не глядя. Любой мог бы так ошибиться. Ты, например, могла бы. А эта картина…

– Какая картина? – сказал Киннелл вслух, обращаясь к закатному небу. Он даже выдавил из себя улыбку. – Лично я никакой картины в глаза не видел.

Он уселся за руль своей «ауди», завел двигатель и взглянул на индикатор топлива. Бензина осталось меньше полбака. До дома точно не хватит, придется еще заправляться. Но Киннелл решил, что заправится где-нибудь в другом месте. Сейчас ему хотелось лишь одного: отъехать как можно дальше – как можно дальше – от этого места, где он оставил картину.

***

Сразу на выезде из Дерри улица Канзас-стрит переходит в шоссе Канзас-роуд. За пределами городских предместий (одно слово, предместья, а так – настоящая сельская местность без намеков на город) шоссе превращается в обыкновенный проселок, Канзас-лейн. Немного подальше, там, где Канзас-лейн проходит между двумя межевыми столбами, гудронированное покрытие сменяется гравием. То есть одна из самых загруженных и оживленных улиц Дерри уже через восемь миль к западу превращается в узкую проселочную дорогу, проложенную по пологому склону холма. Лунными летними ночами она вся сверкает, напоминая призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса. На вершине холма стоит нескладный, но все равно симпатичный дощатый сарай с зеркальными окнами – с виду вроде конюшня, но на самом деле гараж с тарелкой спутникового телевидения на крыше, направленной прямо к звездам. Один остроумный корреспондент из «Дерри ньюс» назвал это строение «домом, который построил Гор»., кстати, совсем не имея в виду вице-президента США. Ричард Киннелл называл его просто домом. И в тот вечер он подъехал к дому с чувством несказанного облегчения. Он устал ужасно. Ощущение было такое, что с тех пор, как сегодня в девять утра он проснулся в отеле «Бостон-Харбор», прошел не день, а неделя по меньшей мере.

Никаких больше дворовых распродаж, – сказал себе Киннелл, глядя на луну. – Отныне и впредь.

– Аминь, – заключил он, закрыл машину и направился к дому. Наверное, стоило бы загнать машину в гараж, но Киннелл решил, что черт с ней. Сейчас ему хотелось лишь одного: выпить чего-нибудь крепкого, быстренько перекусить – разогреть какую-нибудь ерунду в микроволновой печи – и завалиться спать. Причем спать желательно без сновидений. Чтобы поскорее закончился этот день.

Он вставил ключ в замок, открыл дверь и отключил сигнализацию, набрав комбинацию цифр на панели у двери: 3817. Потом включил свет в прихожей, перешагнул через порог, закрыл за собой дверь, обернулся, мельком глянул на стену, где в рамочках под стеклом висели обложки всех его книг и.., закричал. То есть мысленно закричал. В уме. С губ не сорвалось ни звука – только испуганный вздох. Потом раздался глухой удар и тихий металлический лязг. Это ключи

выпали из его ослабевшей внезапно руки и шлепнулись на ковер.

«Дорожный Ужас прет на север», который сейчас должен валяться в камышах на болоте за автозаправочной станцией «Грей», висел на стене в прихожей.

В доме Киннелла.

Картина вновь переменилась. Парень уже никуда не ехал. Его машина стояла припаркованной на подъездной дорожке к коттеджу, где проходила дворовая распродажа. Вещи, предназначенные на продажу, по-прежнему были расставлены на лужайке: мебель, посуда, всякие керамические безделушки (собачки, курящие трубку, голозадые пупсики и рыбы с моргающими глазами). Только теперь двор был залит светом луны – все той же похожей на череп луны, что висела в небе над домом Киннелла. Как и днем, телевизор стоял на улице. И он был включен. Бледный свет от экрана падал на траву, на опрокинутое пластиковое кресло и на то, что лежало рядом. Это была Джуди Даймент. Вернее, ее бездыханное тело. И даже не тело, а только часть. Голову Киннелл увидел не сразу. Она стояла на гладильной доске, и мертвые глаза блестели при свете луны, точно две тусклые монеты в полдоллара.

Задние фары «гранд-ама» представляли собой красно-розовое пятно размытой акварели. В первый раз Киннелл увидел машину с картины сзади. Там, на багажнике, была надпись, выполненная в старинном готическом стиле. Два слова: «ДОРОЖНЫЙ УЖАС».

Все правильно, – тупо подумал Киннелл. – Все логично. Это не он, а его машина. Хотя, наверное, разница не велика.

– Так не бывает, – прошептал он себе под нос.

Но ведь было же. Было. Может быть, ничего подобного не случилось бы с кем-то другим, кто не настолько открыт для таких вещей. Но с Киннеллом это случилось. Ошарашенно глядя на картину, Киннелл вдруг вспомнил табличку на столике у Джуди Даймент. Там было написано: ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ (хотя у него Джуди все-таки взяла чек, пусть даже на всякий случай, и записала номер его водительского удостоверения). Но там было написано и кое-что еще:

ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ.

Киннелл прошел мимо картины в гостиную. У него было такое чувство, будто он здесь посторонний. Чужой в собственном теле. Он поймал себя на том, что разум – сам по себе, независимо от него – лихорадочно ищет, как отгородиться от происходящего. Ищет – но не находит.

Киннелл включил телевизор и декодер спутниковой антенны и настроился на канал V-14. Все это время он буквально физически ощущал присутствие картины в доме. Нет, не думал о ней, просто чувствовал, что она рядом, эта картина, которая каким-то непостижимым образом опередила его и проникла в дом.

– Знала, как срезать дорогу, – произнес Киннелл вслух и рассмеялся.

Topreading.ru

Киннелл включил телевизор и декодер спутниковой антенны и настроился на канал V-14. Все это время он буквально физически ощущал присутствие картины в доме. Нет, не думал о ней, просто чувствовал, что она рядом, эта картина, которая каким-то непостижимым образом опередила его и проникла в дом.

– Знала, как срезать дорогу, – произнес Киннелл вслух и рассмеялся.

На этот раз на картине не было ужасного белобрысого парня. Однако за рулем «гранд-ама» чернела какая-то размытая тень – наверняка это был он. Дорожный Ужас закончил дела в Розвуде. И попер дальше на север. И его следующая остановка…

Киннелл не стал додумывать эту мысль. Он заставил себя обрубить ее прежде, чем она оформится у него в мозгах и он осознает, что это может значить.

– В конце концов, я не знаю. Может быть, мне все это мерещится, – сказал он, обращаясь в пустоту. Он думал, что звучание собственного голоса поможет ему успокоиться. Но голос дрогнул, сорвался на хрип, и в итоге Киннелл еще больше перепугался. – Вполне может статься, что…

Он не знал, как закончить фразу. В голову лезла только строка из одной старой песни, которую в свое время исполнял кто-то из подражателей раннего Фрэнка Синатры в стиле «псевдохип-хоп»: Вполне может статься, что это начало чего-то ЗНА ЧИ-ТЕЛЬНОГО…

В телевизоре тоже играла песня. Вернее, даже не песня, а пока только вступление. И не Синатра, а Пол Саймон. На голубом экране горели белые буквы, как на мониторе компьютера:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НОВОСТНУЮ ЛЕНТУ НОВОЙ АНГЛИИ. Далее шла подробная инструкция, как делать запрос, но Киннеллу незачем было ее изучать. Он давно уже «баловался» с новостным телетекстом и знал, что надо делать. Он набрал нужную комбинацию цифр, ввел номер своей кредитной карты и код региона: 508.

– Вы заказали прочтение новостей по (секундная пауза) центральному и северному регионам штата Массачусетс, – произнес электронный голос. – Спасибо…

Киннелл положил телефонную трубку на рычаг и повернулся к телевизору. На экране уже возник логотип Новостной ленты Новой Англии. Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

– Ну давай же, давай.

Экран моргнул, и синий фон сменился зеленым. Появилось первое сообщение. Что-то насчет пожара в жилом доме в Тон-тоне. Потом последовал краткий отчет об очередном скандале вокруг собачьих бегов. Потом – прогноз погоды на завтра: тепло и ясно. Потихонечку Киннелл расслабился и начал уже сомневаться: может, там ничего и нет, на стене в прихожей. Может, ему просто все это привиделось. В конце концов, он ужасно устал после долгой дороги – вот и лезет в башку всякая ерунда. Но тут телевизор пронзительно забибикал, и на экране возникли слова «ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ». Киннелл уставился на экран.

НЛНА телетекст 19 АВГУСТА/20: 40 В РОЗВУДЕ ЗВЕРСКИ УБИТА ЖЕНЩИНА, ПОМОГАВШАЯ ОТСУТСТВУЮЩЕЙ ПОДРУГЕ. 38-ЛЕТНЯЯ ДЖУДИТ ДАЙМЕНТ УСТРОИЛА ДОМАШНЮЮ РАСПРОДАЖУ ВЕЩЕЙ ПО ПОРУЧЕНИЮ СВОЕЙ СОСЕДКИ. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРЕСТУПНИК ЗАРУБИЛ МИССИС ДАЙМЕНТ ТОПОРОМ. СОСЕДИ НЕ СЛЫШАЛИ НИЧЕГО

ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО. ТРУП ОБНАРУЖИЛИ ТОЛЬКО В ВОСЕМЬ ВЕЧЕРА, КОГДА СОСЕД ИЗ ДОМА НАПРОТИВ – ДЭВИД ГРЭЙВЗ – ПРИШЕЛ ВОЗМУЩАТЬСЯ, ЧТО ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ У МИССИС ДАЙМЕНТ СЛИШКОМ ГРОМКО РАБОТАЕТ ТЕЛЕВИЗОР. МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРИТ, ЧТО ТЕЛО БЫЛО РАСЧЛЕНЕНО. «ЕЕ ГОЛОВА ЛЕЖАЛА НА ГЛАДИЛЬНОЙ ДОСКЕ, – СКАЗАЛ ОН ПОЛИЦИИ. – ЭТО БЫЛО УЖАСНО. ТАКОГО КОШМАРА Я В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ». МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРИТ, ЧТО НЕ СЛЫШАЛ НИ КРИКОВ, НИ ШУМА БОРЬБЫ: ТОЛЬКО ЗВУК ТЕЛЕВИЗОРА И – НЕЗАДОЛГО ДО ТОГО КАК ПОЙТИ К МИССИС ДАЙМЕНТ – РЕВ МОЩНОГО АВТОМОБИЛЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОСНАЩЕННОГО ГЛУШИТЕЛЕМ, КОТОРЫЙ ОТЪЕЗЖАЛ ОТ СОСЕДНЕГО ДОМА ПО ШОССЕ №1. ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО АВТОМОБИЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ УБИЙЦЕ…

Да, за одним исключением.

Это – не подозрение, а непреложный факт.

Дыша тяжело – не как загнанный зверь, но уже близко к тому, – Киннелл бросился в прихожую. Картина действительно была там. И она снова переменилась. Теперь на ней были видны лишь два ослепительных белых круга – передние фары, – за которыми только угадывались темные очертания автомобиля.

Он едет дальше, – сказал себе Киннелл. И тут он все же подумал о тете Труди – милой тетушке Труди, которая все про всех знала: кто хороший, а кто плохой. О замечательной тетушке Труди, которая жила в Уэллсе, в каких-нибудь сорока милях от Розвуда.

– Пожалуйста, Господи, пусть он поедет по побережью, – сказал Киннелл вслух, протянув руку к картине. То ли ему опять показалось, то ли фары и вправду слегка раздвинулись, как будто нарисованная машина действительно мчалась вперед.., но как бы крадучись, неуловимо для глаза, как минутная стрелка движется по циферблату. – Пусть он свернет на шоссе, которое по побережью идет. Пожалуйста.

Он сорвал картину со стены и метнулся в гостиную. Камин, естественно, был заставлен экраном. Пройдет еще месяца два, если не больше, прежде чем понадобится его топить. Киннелл отшвырнул экран и засунул картину в камин. При этом он расколол стекло – которое уже разбивалось однажды, в рощице за заправочной станцией – о железную подставку для дров. Потом Киннелл бросился в кухню, на ходу размышляя о том, что он будет делать, если то, что он думает сделать сейчас, опять не поможет.

Должно помочь, – твердил он себе. – Должно, потому что.., должно. Просто должно и все.

Он распахнул кухонные шкафы и принялся лихорадочно рыться по полкам. Опрокинул открытую пачку овсяных хлопьев. Рассыпал соль. Уронил бутылку с уксусом. Бутылка разбилась о раковину, и в нос и глаза Киннеллу ударили едкие пары.

Здесь ее нет. Того, что нужно, здесь нет.

Он вбежал в туалет. Глянул за дверью. Ничего. Только пластиковое ведерко и жидкость для мытья ванны. Так. Тогда на полочке у сушилки. Ага, вот она. Рядом с брикетами угля.

Горючая жидкость.

Киннелл схватил бутылку и поспешил обратно в гостиную. Проходя через кухню, он мельком

глянул на телефон на стене. Наверное, стоило задержаться и позвонить тете Труди. Киннелл очень хотел позвонить. Тетя всегда ему доверяла. Она не станет задавать лишних вопросов. Если любимый племянник позвонит на ночь глядя и скажет, что ей надо срочно уехать из дома, уехать прямо сейчас, то она так и сделает.., но что, если блондинистый парень с картины за ней погонится? Что, если он рванет следом?

А он так и сделает. Киннелл знал, что он так и сделает.

Он пролетел через гостиную и остановился перед камином.

– Господи Боже, нет, – прошептал он.

На картине за растрескавшимся стеклом больше не было света фар, направленных прямо на зрителя. Теперь «гранд-ам» ехал вниз по крутому изгибу дороги, которая могла быть только съездом со скоростного шоссе. Лунный свет переливался, как жидкий шелк, на черных боках автомобиля. На заднем плане виднелась водонапорная башня. И слова, написанные на ней, легко читались при ярком свете луны. «СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЕНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ».

Киннелл плеснул на картину горючей жидкостью, но не попал с первого раза. Руки тряслись, и жидкость просто растеклась по той части стекла, которая осталась целой. Пятно замутило складной верх Дорожного Ужаса. Киннелл сделал глубокий вдох, примерился и плеснул опять. На этот раз жидкость попала точно на дырку в разбитом стекле и просочилась под рамку. Она пошла бурыми разводами по акварели, въедаясь в бумагу, растворяя краску.

Киннелл взял декоративную спичку из кувшинчика на каминной полке, зажег, чиркнув по кирпичам под очагом, засунул в дырку в стекле. Картина загорелась мгновенно – пламя охватило «гранд-ам» и водонапорную башню на заднем плане. Стекло, еще остававшееся в рамке, разом почернело и лопнуло, разлетевшись брызгами горящих осколков. Киннелл затоптал их ногами, поспешив погасить пламя, пока оно не подожгло ковер.

***

Он подошел к телефону и набрал номер тетушки Труди, даже не сознавая, что по щекам у него текут слезы. На третьем гудке сработал автоответчик. «Привет, – поздоровался он голосом тети Труди. – Я знаю, что мне не стоит этого говорить, дабы не поощрять грабителей, но меня нет дома. Я поехала в Кеннебанк смотреть новый фильм с Харрисоном Фордом. Если вы собираетесь меня грабить, пожалуйста, не забирайте мою коллекцию фарфоровых поросят. Если хотите мне что-то сказать, говорите после сигнала».

Киннелл дождался сигнала и наговорил, очень стараясь, чтобы голос его не дрожал:

– Тетя Труди, это Ричи. Когда вернешься домой, позвони мне, ладно? В любое время, пусть даже и поздно.

Он повесил трубку, взглянул на экран телевизора и снова набрал номер Новостной ленты телетекста, только на этот раз задав код штата Мэн. Пока компьютер на том конце линии обрабатывал заказ, Киннелл вернулся к камину и поворошил кочергой сморщенные, почерневшие останки картины. Запах был просто ужасный – по сравнению с ним, едкий запах пролитого уксуса казался просто божественным ароматом, – но Киннеллу было уже все равно. Картины больше не было. Она превратилась в пепел. И ради этого можно стерпеть что угодно. А если он снова вернется, Дорожный Ужас?

– Не вернется. – Киннелл поставил кочергу на место и вернулся к телевизору. – Я уверен, что он не вернется.

***

И все-таки каждый раз, когда сообщения на новостной линии начинались по новому кругу, Киннелл прочитывал их очень внимательно. От картины остался лишь пепел на кирпичах под очагом.., и в новостях не появлялось никаких сообщений о зверском убийстве пожилой женщины в Уэллсе, Сако или Кеннебанке. Но Киннелл все равно продолжать следить за телетекстом, как будто где-то подспудно едва ли не ждал, что на экране появится что-то вроде: «ГРАНД-АМ» НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ ВРЕЗАЛСЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КЕННЕБАНКСКИЙ КИНОТЕАТР. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ПОГИБЛО ОКОЛО ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК. Но ничего подобного не появилось.

В четверть одиннадцатого зазвонил телефон. Киннелл схватил трубку:

– Алло?

– Это Труди. С тобой все в порядке, мой хороший?

– Да, все в порядке.

– А то у тебя голос какой-то странный, – сказала тетя. – Дрожит.., да и вообще, не такой какой-то. Что случилось? Это все из-за нее? – И тут тетя сказала такое, что повергло Киннелла в леденящий ужас, но все-таки не удивило:

– Это все из-за этой картины, которая так тебе нравилась, да? Из-за этой проклятой картины?

Киннелл вдруг успокоился. Может быть, потому что тетя оказалась такой проницательной.., ну и, конечно же, из-за того, что с ней ничего не случилось.

– Да, может быть, – сказал он. – Меня как-то так колотило всю дорогу до дома. И я ее сжег. В камине.

Она все равно скоро узнает про Джуди Даймент, – твердил предательский внутренний голос. – У нее нет спутниковой тарелки ценой в двадцать тысяч долларов, но она получает «Юнион-лидер», и завтра же эта новость будет на первой полосе. Тетя умная женщина и сразу сообразит что к чему.

Да, все верно. Но дальнейшие объяснения могут подождать и до утра, когда возбуждение немного спадет.., когда он, возможно, найдет способ, как ему поразмыслить над всем, что случилось, не сходя при этом с ума.., и когда он будет уверен, что все закончилось и Дорожного Ужаса больше нет.

– Вот и славно, – с нажимом проговорила тетя. – И знаешь что? Ты бы и пепел развеял тоже. – Она на секунду умолкла и продолжила, понизив голос:

– Ты за меня волновался, да? Потому что ты мне показывал эту картину?

– Да, немножечко волновался.

– Но теперь тебе лучше?

Киннелл откинулся в кресле и закрыл глаза. Ему действительно стало легче.

– Э.., как кино?

– Замечательно. Харрисон Форд изумительно смотрится в форме. Вот если бы он еще как-то убрал эту шишку на подбородке…

– Спокойной ночи, тетя Труди. Завтра поговорим.

– Поговорим?

– Да. Я так думаю, – сказал Киннелл.

Он положил трубку на место, встал, подошел к камину и еще раз пошевелил кочергой пепел. Картина сгорела почти вся. Остался только кусок крыла черного автомобиля и обугливший клочок дороги. Но это, наверное, уже не страшно. Может быть, именно так и надо было поступить с самого начала? В конце концов, именно так и следует изничтожать сверхъестественных посланцев зла – жечь их огнем. Ну да. Он сам использовал этот сюжетный ход в нескольких своих книгах. В частности, в «Отбывающем поезде» – романе про железнодорожный вокзал, населенный призраками.

– Вот именно, – произнес Киннелл вслух. – Гори, детка, гори.

Он подумал о выпивке, которую обещал себе на подъезде к дому. Выпить, конечно, стоило. Но тут Киннелл вспомнил пролитый уксус (который уже, наверное, впитался в рассыпанные овсяные хлопья – ну и мысли иной раз приходят в голову!) и решил, что лучше сразу лечь спать. В романах ужасов – к примеру, в романах Ричарда Киннелла – герой, переживший подобное приключение, не спит до утра. Потому что не может заснуть.

Но жизнь – это не книга. В жизни люди ложатся спать и засыпают вполне нормально.

***

На самом деле он задремал уже в душе, привалившись спиной к стене и не успев даже смыть шампунь. Вода била его по груди. Киннеллу снился сон. В этом сне он снова попал на дворовую распродажу. В телевизоре, установленном на мусорных корзинах, показывали Джуди Даймент. Ее голова была на месте, но Киннелл видел, что она пришита к телу грубыми халтурными стежками, как будто пришивал ее неумелый хирург. Шов шел вокруг шеи, точно кошмарное ожерелье.

– Вы смотрите Новостную ленту Новой Англии, версию обновленную и исправленную, – сказала миссис Даймент, и когда она заговорила, Киннелл, который всегда видел яркие и живые сны, на самом деле увидел, как швы у нее на шее натягиваются и расслабляются при каждом слове. – Бобби Хастингз сжег все свои картины. Все до единой, включая и вашу, мистер Киннелл.., а она ваша, как вы сами, я думаю, уже поняли. Проданные товары возврату не подлежат, вы ведь читали уведомление. Вы еще радуйтесь, что я взяла у вас чек.

Сжег все свои картины. Ну да. Все правильно. Он и должен был сжечь их все, – подумал Киннелл в своем водянистом сне. – «Мне не вынести то, что со мной происходит», вот что он написал перед смертью. А когда человек доходит до предела и жжет за собой все мосты, вряд ли он станет медлить и размышлять, не спасти ли от пламени что-то одно – то особенное, что достойно остаться. А ведь ты действительно что-то такое особенное вложил в свой «Дорожный

Ужас прет на север». Да, Бобби? И, наверное, сам того не желая. Просто так получилось. Случайно. Ты был очень талантливым, я это понял сразу, но талант здесь вообще ни при чем. В том, что касается этой картины.

– Есть вещи, которые сохраняются навсегда, – говорила из телевизора Джуди Даймент. – Они возвращаются снова и снова, как бы ты ни старался от них избавиться. Они возвращаются. Они липнут к тебе, как зараза.

Киннелл протянул руку и переключил канал, но, как оказалось, по всему диапазону шла только одна передача: «Шоу Джуди Даймент».

– Можно сказать, он пробил брешь в основании Вселенной, – говорила она теперь. – Он, это Бобби Хастингз. И оттуда вывалилось вот такое. Замечательно, правда?

Ноги Киннелла поехали по скользкому кафелю. Он мгновенно проснулся. Хорошо еще, что не упал.

Он зажмурился – мыло попало в глаза, и глаза защипало (пока он спал и видел сон, шампунь стек на лицо густыми белыми ручьями). Он набрал воду в ладони и плеснул на лицо. А когда набирал воду снова, вдруг услышал какой-то звук. Какое-то сбивчивое тарахтение.

Не будь идиотом, – сказал он себе. – Здесь только шум воды в душе. И больше ты ничего не слышишь. Тебе просто кажется.

Или нет?

Киннелл протянул руку и выключил воду.

Он по-прежнему слышал это непонятное тарахтение. Глухое и мощное. И звук доносился откуда-то с улицы.

Киннелл вылез из душа и прошел, даже не вытеревшись, к себе в спальню на втором этаже. Он так и не смыл шампунь с волос, и впечатление было такое, что он стал седым, пока дремал в душе, – как будто сон про Джуди Даймент заставил его поседеть.

И зачем я вообще останавливался на этой проклятой распродаже? – спросил он себя. Но ответа на этот вопрос он не знал. И, наверное, не знал никто.

Когда Киннелл встал у окна, что выходило на подъездную дорожку к дому – на ту самую дорожку, которая лунными летними ночами искрилась, как призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса, – звук снаружи стал громче.

Он отодвинул занавеску и выглянул на улицу. Он вдруг поймал себя на том, что думает о своей бывшей жене Салли, с которой познакомился в 1978 году на международной встрече писателей и читателей фэнтези. О Салли, которая теперь живет в автоприцепе и выпускает два ежемесячных журнала: «Гости с того света» и «Пришельцы». Пока Киннелл смотрел на дорогу, эти названия наложились у него в сознании, как двойная картинка в стереоскопе.

Ему явился пришелец, который был явно гостем с того света.

«Гранд-ам» с картины стоял перед домом. Из двух хромированных выхлопных труб вырывались клубы белого дыма и медленно растворялись в воздухе. Надпись на багажнике, выполненная старинным готическим шрифтом, ясно читалась при свете луны. Дверца с водительской

стороны была открыта. Но это еще не все. Судя по свету, льющемуся на ступени крыльца, передняя дверь в доме Киннелла была открыта тоже.

Забыл запереть ее на замок, – подумал Киннелл, вытирая со лба мыльную пену вдруг онемевшей и потерявшей всякую чувствительность рукой. – Забыл поставить на сигнализацию.., хотя вряд ли бы это спасло. Для этого парня не существует замков и сигнализацией.

Что ж, может быть, Киннеллу и удалось направить его прочь от тетушки Труди, и это было уже кое-что. Но сейчас эта мысль не принесла ему облегчения.

Гости с того света.

Глухое тарахтение мощного двигателя в 442 лошадиные силы, не меньше. С баком на четыре барреля, усиленными клапанами и прямой инжекцией.

Киннелл – голый и мокрый, с головой в мыльной пене – медленно развернулся, не чувствуя под собой ног, и увидел картину. Именно там, где и думал увидеть: на стене над кроватью. «Гранд-ам» стоял на подъездной дорожке у его дома, дверца с водительской стороны была открыта, а из хромированных выхлопных труб валил дым. Под этим углом Киннеллу была видна дверь его дома, открытая нараспашку, и длинная тень человека на полу прихожей.

Киннелл – голый и мокрый, с головой в мыльной пене – медленно развернулся, не чувствуя под собой ног, и увидел картину. Именно там, где и думал увидеть: на стене над кроватью. «Гранд-ам» стоял на подъездной дорожке у его дома, дверца с водительской стороны была открыта, а из хромированных выхлопных труб валил дым. Под этим углом Киннеллу была видна дверь его дома, открытая нараспашку, и длинная тень человека на полу прихожей.

Гости с того света.

Гости с того света и пришельцы.

Теперь Киннелл слышал шаги. Тяжелые шаги – вверх по лестнице. Он знал, что блондинистый парень носит мотоциклетные сапоги. Ему не надо было этого видеть. Люди, которые делают на руках татуировки ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ, носят только мотоциклетные сапоги. И курят только «Кэмел» без фильтра. Подобные вещи – они как закон, обязательный к исполнению.

Да, и еще нож. У него обязательно есть с собой нож. Большой и острый. Что-то вроде мачете. Подходящая штука для того, чтобы снести человеку голову одним размашистым ударом.

И он наверняка сейчас улыбается, обнажая свои заточенные людоедские зубы.

Киннелл все это знал. Не зря же он сам навыдумывал столько ужасов.

У него было богатое и живое воображение.

– Нет, – прошептал Киннелл, вдруг осознав, что он совершенно голый. Только теперь до него дошло, что его бьет озноб. – Нет. Пожалуйста, уходи.

Но шаги приближались. Конечно, они приближались. Такому парню, как этот – с картины, – нельзя просто сказать:

«Уходи». Потому что он все равно не уйдет. Потому что, по законам жанра, истории так не кончаются.

Киннелл слышал, что белобрысый уже поднялся по лестнице. С улицы доносился рев незаглушенного двигателя «гранд-ама».

Парень шел по коридору. Его сбитые каблуки поскрипывали по натертому паркету.

Киннелла как будто парализовало. Неимоверным усилием воли он скинул с себя оцепенение и бросился к двери, чтобы запереть ее, пока эта тварь не вошла. Но он поскользнулся на лужице мыльной воды и на этот раз не устоял на ногах. Он упал на спину и увидел, как распахнулась дверь. Увидел тяжелые мотоциклетные сапоги. Парень с картины неторопливо направился туда, где лежал Киннелл – голый и мокрый, с головой в мыльной пене. А на стене над кроватью висела картина, и на картине «Дорожный Ужас» стоял припаркованным у его дома, и дверца с водительской стороны была открыта.

И все переднее сиденье автомобиля было залито кровью. Кажется, мне придется выйти на улицу, подумал Киннелл и закрыл глаза.

КУСАЧИЕ ЗУБЫ

Рассматривая витрину, он словно вглядывался через грязное стекло в собственное детство – в те прекрасные годы от семи до четырнадцати, когда его восхищали такие вещи. Хоган нагнулся, не обращая внимания на завывание ветра снаружи и сухой стук песчинок о стекло. На витрине было полно всякой волшебной дряни, в основном корейского и тайваньского производства, но на мусор он не обращал внимания. Там были самые большие Кусачие Зубы, которые он когда-либо видел. Да еще с ножками – большими оранжевыми картонными ножками в белых пятнах. Действительно закачаешься.

Хоган взглянул на толстуху за прилавком. Она была в майке с надписью «НЕВАДА – СТРАНА ГОСПОДНЯ» (многие буквы скрывались в ложбинке между ее немыслимыми грудями) и джинсах, обтягивающих ее зад в полгектара. Она продавала пачку сигарет бледному подростку, длинные белесые волосы которого были стянуты на затылке в хвостик шнурком от кроссовок. Подросток с личиком неглупой лабораторной крысы расплачивался мелочью, старательно отсчитывая ее из потной ладони.

– Простите, мэм? – обратился Хоган.

Она бросила на него короткий взгляд, и тут открылась задняя дверь. Вошел худой мужчина, закрывавший рот и нос платком. Ворвавшийся следом ветер внес вихрь песчинок и принялся трясти красотку на календаре, кнопками прикрепленном к стене. Вошедший катил за собой тележку, на которой стояла одна поверх другой три проволочные клетки. На верху одной сидел тарантул. В двух нижних находились гремучие змеи. Они быстро сворачивались клубком и снова разворачивались, возбужденно постукивая своими кольцами.

– Закрой дверь, Скутер, ты что, в конюшне родился, – проворчала женщина за прилавком.

Он взглянул на нее красными, воспаленными от песка глазами:

– Подожди, женщина! Не видишь, у меня руки заняты? Глаза у тебя есть? Господи! – Он потянулся поверх тележки и захлопнул дверь. Песок, кружась, осыпался на пол, а он потащил

тележку в подсобку, не переставая ворчать.

– Это последние? – спросила женщина.

– Все. Кроме Волка. – Он произносит «Во-ока». – Его я пристрою возле заправочных насосов.

– Ни в коме случае, – отрезала старуха. – Волк – наша звезда, если ты не забыл. Давай его сюда. По радио говорят, будет еще хуже, пока не станет лучше. Гораздо хуже.

– И кого ты думаешь обмануть? – Худой мужчина (муж, надо полагать), подбоченившись, смотрел на нее с какой-то усталой свирепостью, – Всего лишь паршивый миннесотский койот. Кто посмотрит, сразу разберется.

Ветер крепчал, постанывая в стропилах «Придорожного бакалейного и зоологического магазина Скутера», швыряя в окна пригоршни сухого песка. Действительно становилось хуже, и Хоган мог только надеяться, что сможет благополучно проехать. Он обещал Лите и Джеку вернуться домой к семи, максимум к восьми, а он был из тех, кто выполняет обещания.

– Займись им, – приказала громадина и раздраженно вернулась к подростку с крысиной мордочкой.

– Мэм? – снова спросил Хоган.

– Минуточку, сейчас, – недовольно сказала миссис Скутер. Она вела себя так, будто ее осаждала толпа покупателей, хотя, кроме Хогана и похожего на крысу мальчишки, в магазине никого не было.

– Десяти центов не хватает, паренек, – заметила она белобрысому, быстро окинув взглядом монеты на прилавке.

Мальчишка уставился на нее широко раскрытыми невинными глазами:

– Может, вы мне поверите в долг?

– Сомневаюсь, что папа римский курит «Мерит-100», но если бы и курил, я бы и ему не поверила.

Невинное выражение исчезло. Крысоподобный подросток какое-то время смотрел на нее с мрачным отвращением (что гораздо больше соответствовало его лицу, подумал Хоган), а потом принялся медленно рыться в карманах. «Убирайся отсюда, – сказал себе Хоган. – Ты никак не попадешь в Лос-Анджелес к восьми, если не будешь ехать, есть там буря или нет. Здесь такое место, где бывают только две скорости – медленная и нулевая. Заправился – и вон отсюда, выбирайся на шоссе, пока буря не разыгралась». Он готов бы уже последовать мудрому совету левого полушария, как вдруг снова взглянул на Кусачие Зубы в витрине, Кусачие Зубы на больших оранжевых картонных ножках. С белыми пятнышками! Убийственно. «Джеку они понравятся, – сказало правое полушарие. – И вправду, Билл, старина, если не Джеку, то тебе ведь они нравятся. Может, тебе где-то и попадутся Китовые Кусачие Зубы, чего не бывает, но такие, что ходят на больших оранжевых ножках? Вот тут уж я сомневаюсь».

Он прислушался к правому полушарию… и последовало все остальное. Мальчишка с косичкой все еще рылся в карманах; всякий раз, вынимая пустую руку, он делался все мрачнее. Хоган не любил курящих – его отец, выкуривавший по две пачки в день, умер от рака легких, – но он представил, сколько еще придется ждать.

– Эй! Пацан!

Подросток обернулся, и Хоган сунул ему двадцать пять центов.

– О! Спасибо, дядя!

– Не за что.

Парнишка завершил расчет с толстомясой миссис Скутер, сунул в один карман пачку, а в другой – пятнадцать центов сдачи. Он и не подумал вернуть сдачу Хогану, на что тот и не надеялся. Таких мальчиков и девочек в наше время уйма – они катятся, словно перекати-поле, по всем дорогам от океана до океана. Наверное, они были всегда, но Хогану нынешнее поколение казалось неприятным и слегка жутковатым, вроде гремучих змей, который Скутер сейчас принес в подсобку.

Змеи в убогих придорожных магазинчиках вроде этого не способны убить; яд у них сцеживают дважды в неделю и продают в больницы, чтобы делать лекарства. Это так же надежно, как алкаши, которые каждый вторник и четверг являются сдавать кровь. Но все равно змеи могут укусить, и очень больно, если подойти к ним слишком близко и разозлить. Такая же, подумал Хоган, и нынешняя шатающаяся по дорогам молодежь.

Миссис Скутер выплыла из-за прилавка; при этом слова у нее на майке колыхались вверх и вниз, вправо и влево.

– Вам чего? – спросила она. Тон ее был таким же агрессивным?

Запад славится своим гостеприимством, и за двадцать лет, что он торговал здесь, Хоган имел много случаев убедиться, что это репутация чаще всего не заслужена, но этой бабенке было присуще все очарование бруклинской продавщицы, которую за последние две недели побеспокоили целых три раза. Хоган считал, что такой сервис все больше становится столь же неотъемлемой принадлежностью Нового Запада, как и ошивающиеся вдоль дороги юнцы. Печально, но это так.

– Сколько это стоит? – спросил Хоган, указывая через давно не мытое стекло на то, что называлось «КИТОВЫЕ КУСАЧИЕ ЗУБЫ – ОНИ ХОДЯТ!» В витрине было полно новинок – китайские напальчники, жевательная резинка с перцем, нюхательный порошку доктора Уэкки, рентгеновские очки, пластиковая блевотина («О, как реалистично!»), всяческие жужжалки.

– Не знаю, – рявкнула миссис Скутер. – Где коробка, интересно?

Зубы единственные в витрине не имели упаковки, но они действительно были китовыми, думал Хоган, даже сверхкитовыми, раз в пять больше тех надувных зубов, которые так восхищали его в бытность мальчишкой в Мэне. Отрежь игрушечные ножки, и это будет похоже на челюсти какого-то библейского великана – клыки были, как огромные белые кирпичи, а резцы выпирали из невероятно красных пластмассовых десен, словно шесты для палатки. В одну из десен был вставлен ключик. Челюсти скреплялись толстой резиновой прокладкой.

Миссис Скутер сдула пыль с Кусачих Зубов, потом повернула их, пытаясь отыскать ценник на подошвах оранжевых ножек. Но не нашла.

– Не знаю, – холодно произнесла она, разглядывая Хогана так, будто это он украл ценник. – Только Скутер мог купить такое дерьмо. Они тут лежат, наверно, с Ноева потопа. Придется

спросить его.

Хогану вдруг осточертела эта баба вместе с «Придорожным бакалейным и зоологическим магазином Скутера».

Кусачие Зубы были действительно на славу, и Джеку они, конечно, понравились бы, но он обещал – не позже восьми.

– Ладно, – махнул он рукой, – я просто…

– Эти зубы стоили вроде 15.95, можете мне поверить, – сказал Скутер у него за спиной. – Это не пластик – это металл покрашен в белый цвет. Они бы здорово кусали, если б работали… но она их уронила на пол в позапрошлом году, когда вытирала пыль, и они поломались.

– О-о, – разочарованно протянул Хоган, – жаль, конечно. Я никогда не видел таких, чтоб с ножками.

– Таких теперь полно, – продолжал Скутер. – Их продают в магазинах новинок в Лас-Вегасе и Драйг-Спрингсе. Но таких громадных я нигде не видел. Страшно было уморительно, как они шагали по полу, вроде как крокодил. Жаль, что старуха их уронила.

Скутер с укором посмотрел на ее, но она разглядывала тучи песка за окном. Выражение ее лица Хоган не смог понять – то ли печаль, то ли отвращение, то ли все сразу.

Скутер обернулся к Хогану:

– Если хотите: я вам могу отдать за три пятьдесят. Мы все равно избавляемся от игрушек. Хотим здесь устроить видеопрокат. – Он закрыло дверь подсобки. Платок теперь спал у него с лица на грязный перед рубашки. Лицо у него было изможденным и чересчур уж худым. Под пустынным загаром можно было разглядеть признаки серьезной болезни.

– Ну делай этого, Скутер! – резко повернулась к нему толстуха, чуть ли не наваливаясь на него.

– Дура, – ответил Скутер. – Смотреть на тебя не могу.

– Я тебе сказала отвести Волка.

– Майра, хочешь, чтоб он был здесь, в магазине, – поди приведи его сама. – Он замахнулся, и Хоган был удивлен – прямо поражен до глубины души, – когда она уступила. – Все равно это паршивый миннесотский койот. Слушай, друг, три доллара – и эти Кусачие Зубы твои. Добавь еще один и забирай майриного Во-ока придачу. А за пять я тебе уступлю весь этот вонючий магазин. Все равно он ни хрена не дает с тех пор, как построили новую магистраль.

Длинноволосый подросток стоял в дверях, срывая целлофановую верхушку с пачки сигарет и с интересом наблюдая за этой маленькой комической сценкой. Он переводил сверкающие серо-зеленые глазки со Скутера на его жену и обратно.

– Черт с тобой, – резко произнесла Майра, и Хоган понял, что она вот-вот разрыдается. – Не хочешь быть паинькой – придется мне самой. – Она прошли мимо, чуть не задев его своей грудью величиной с валун. Хоган подумал, что еще бы чуть-чуть – и маленький человечек вряд ли устоял бы на ногах.

– Слушайте, – сказал Хоган, – я, наверное, поеду.

– Ладно, – успокоил его Скутер. – Не обращай внимания на Майру. У меня рак, а она все на себе тянет, и не мое дело, какие там у нее сложности. Бери эти распроклятые зубы. Спорю, твоему пацану они понравятся. И вообще, там, наверно, просто зубчик немного съехал. Спорю, рукастый мужик может сделать так, чтобы они снова топали и хлопали.

Он глянул по сторонами с растерянным видом. Ветер тонко взвыл, когда мальчишка открыл дверь и выскользнул в нее. Он, видимо, решил, что представление закончилось. Мгновенно кучка мелкого песка намелась в проход между консервами и собачьим питанием.

– Я сам когда-то немного мастерил, – признался Скутер.

Хоган долго не отвечал. Он никак не мог сообразить, что же сказать. Он взглянул на Китовые Кусачие Зубы, стоявшие на замызганном исцарапанном прилавке, лихорадочно гадая, как бы нарушить молчание (теперь, когда Скутер стоял прямо перед ним, видно было, что глаза у того странно блестят и сильно расширены от боли и какого-то мощного наркотика… дарвона или, может быть, морфия), и произнес первое, что пришло в голосу:

– Смотрите, не похоже, что они поломаны.

Он взялся за Зубы. Они действительно были металлические (слишком тяжелы для любого другого материала), и когда он слегка разжал челюсти, то удивился, на какой мощной пружине они держаться. С такой пружиной, конечно, они могут не только клацать, но и ходить. Как сказал Скутер? «Они бы здорово кусали, если б работали». Хоган слегка оттянул резиновую ленту, затем пустил. Он внимательно рассматривал Зубы, чтобы не смотреть в темные, полные боли глаза Скутера. Он взялся за ключик и рискнул взглянуть на того. С удивлением он заметил слабую улыбку на лице этого изможденного человека.

– Вы не против? – спросил Хоган.

– Что ты, парень, давай.

Хоган улыбнулся и повернул ключ. Сначала все шло хорошо: послышались слабые щелчки, и он заметил, как взводиться пружина. Потом, на третьем обороте, раздался громкий треск внутри, и ключ безжизненно обвис в скважине.

– Видите?

– Да, – сказал Хоган. Он поставил Зубы обратно на прилавок. Там они неподвижно стояли на оранжевых ножках.

Скутер просунул толстый ноготь между сжатыми левыми коренными зубами. Челюсти разошлись. Одна оранжевая ножка приподнялась и задумчиво сделала полшага вперед. Затем Зубы остановились и завалились набок. Кусачие Зубы уперлись в заводной ключик, изображая кривую, бестелесную ухмылку. Через полминуты громадные челюсти медленно защелкнулись. И все.

Хоган, который никогда в жизни не испытывал предчувствий, вдруг ощутил абсолютно четкое видение – жуткое и неприятное одновременно. Пройдет год, этот человек уже восемь месяцев будет в могиле, и если кто-то выкопает его гроб и снимет крышу, то увидит точно такие же зубы, сверкающие на его высохшем мертвом лице, словно эмалированная дверца.

Он заглянул Скутеру в глаза, сверкающие, словно изумруды в тусклой оправе, и вдруг понял, что дело не в том, хочется ли ему убраться отсюда; убираться надо.

– Ладно, – сказал он (искренне надеясь, что Скутер не протянет руку для пожатия), – мне пора. Всего хорошего, сэр.

Скутер действительно протянул руку, но не для пожатия. Он обернул Кусачие Зубы резиновой лентой (Хоган не понял, зачем – они ведь не работали), поставил их на картонные ножки и подтолкнул через замызганный прилавок.

– Спасибо, – сказал он. – И возьми эти Зубы. Бесплатно.

– О-о… спасибо, но я не могу…

– Можешь, – отрезал Скутер. – Возьми, дашь своему пацану. Он их с удовольствием поставит себе на полку, хоть они и не работают. Я-то знаю мальчишек. Троих вырастил.

– Откуда вы знаете, что у меня сын? – вырвалось у Хогана.

Скутер оскабился. Эта ухмылка была исполнена ужаса и патетики одновременно.

– У тебя на лице написано, – сказал он. – Давай, бери.

Ветер усилился настолько, что стены дома застонали. Песок бился в окна, словно снежная крупа. Хоган взял Зубы за тонкие ножки, снова удивившись их тяжести.

– Вот, – Скутер протянул бумажный мешок, такой же помятый и сморщенный, как его лицо. – Положи их туда. Если положишь Зубы в карман, они там поломаются.

Он положил мешок на прилавок, как бы понимая, как не хочется Хогану прикасаться к собеседнику.

– Спасибо, – сказал Хоган. Он сунул Кусачие Зубы в мешок и скатал его. – И от Джека спасибо – это мой сын.

Скутер улыбнулся, обнажив ряд зубов, таких же железных (но отнюдь не таких больших), как те, что в мешке.

– Рад был помочь, мистер. Будьте осторожны, пока не кончится ветер. Когда спуститесь с гор, будет спокойнее ехать.

– Я знаю. – Хоган прочистил горло. – Еще раз спасибо. Надеюсь, вы скоро… гм… выздоровеете.

– Было бы неплохо, – спокойно произнес Скутер, – но вряд ли карты так выпадут, как по-вашему?

– Г-м. Ладно. – Хоган с отчаянием понял, что не знает, как расстаться. – Берегите себя.

Скутер кивнул:

– Вы тоже.

Хоган отступил к двери, распахнул ее и еле удержался на ногах – таким сильным был ветер, чуть не расплющивший его о стенку. Мелкий песок засыпал ему лицо, и он зажмурил глаза.

Скутер кивнул:

– Вы тоже.

Хоган отступил к двери, распахнул ее и еле удержался на ногах – таким сильным был ветер, чуть не расплющивший его о стенку. Мелкий песок засыпал ему лицо, и он зажмурил глаза.

Закрыв за собой дверь, Хоган натянул ворот спортивной куртки на нос, спустился со ступенек и направился к своему «доджу»-фургону, который стоял возле заправки. Ветер трепал ему волосы, а песок стегал по щекам. Он собирался открыть дверь, когда кто-то тронул его за руку.

– Мистер! Эй, мистер!

Он обернулся. Это был белобрысый парнишка с бледным крысиным личиком. Одетый в майку и выцветшие джинсы, он ежился на ветру. Поодаль миссис Скутер тащила на цепи облезлого зверя к задней двери магазина. Волк-миннесотский койот походил на изголодавшегося щенка немецкой овчарки, притом из малорослого помета.

– В чем дело? – спросил Хоган, прекрасно зная, в чем.

– Вы меня не подвезете? – мальчишке на ветру приходилось кричать.

Хоган вообще-то никого не подвозил – после одного случая пять лет назад. Он подобрал девушку на окраине Тонопы. Стоявшая у обочины девушка походила на несчастное дитя с печальными глазами на плакатах Детского фонда, у которого мама и единственный друг погибли в одном и том же пожаре с неделю назад. Однако, когда она очутилась в машине, Хоган заметил позеленевшую кожу и сумасшедшие глаза наркоманки со стажем. Впрочем, было уже поздно. Она направила ему в лицо пистолет и потребовала бумажник. Пистолет был старый и ржавый, рукоятка его была обмотана изодранной изолентой. Хоган сомневался, заряжен ли он вообще и сможет ли выстрелить, но… у него были жена и ребенок в Лос-Анджелесе, да если бы он и был холост, стоило ли рисковать жизнью ради сто сорока долларов? Он так не думал даже тогда, когда только начал осваиваться на новой работе и сто сорок долларов значили для него гораздо больше, чем теперь. Он отдал девице бумажник. К тому времени рядом с его фургоном (тогда это был «форд-эконолайн», нее шедший ни в какое сравнение с нынешним «доджем» XRT), остановился грязный синий «Шевроле» с ее приятелем за рулем. Хоган попросил девицу оставить ему права и фотографию Литы и Джека. «Отсоси, дорогой», – сказала он и изо всей силы ударила его по лицу его же собственным бумажником, а потом выскочила и перебежала в синюю машину.

С голосующими лучше не связываться.

Но буря становилась все сильнее, а у мальчишки даже куртки не было. Что ему сказать? Отсоси, дорогой, заползи под камень со всеми прочими ящерками, пока ветер стихнет?

– Ладно, – произнес Хоган.

– Спасибо, отец! Большое спасибо!

Подросток подбежал к пассажирской двери, дернул ее, увидел, что она заперта, и остановился в ожидании, пока его впустят, втянув голову в плечи. Ветер парусом надувал майку у него на спине, обнажая худую прыщавую кожу.

Направляясь к водительской двери, Хоган оглянулся на «Придорожный бакалейный и зоологический магазин Скутера». Хозяин стоял у окна, наблюдая за ним. Он поднял руку в торжественном приветствии – ладонью наружу. Хоган помахал в ответ, вставил ключ в замок и

повернул. Открыв водительскую дверь, отпустил фиксатор и жестом пригласил парнишку.

Тот сел и с трудом, двумя руками, закрыл дверь. Завывающий ветер слегка покачивал фургон.

– Ого! – прохрипел мальчишка и пятерней пригладил волосы (шнурок он потерял, и теперь волосы беспорядочно болтались по плечам). – Ну и буря! Что надо!

– Да, – сказал Хоган. Между двумя передними сиденьями был подлокотник – в инструкциях он называется капитанским мостиком, – и Хоган сунул бумажным мешок в одно из его отделений. Потом повернул ключ зажигания. Двигатель сразу же заработал с добродушным урчанием.

Мальчишка вертелся на сиденье, одобрительно разглядывая внутренность фургона. Там были постель (сейчас сложенная), маленькая печка на сжиженном газе, несколько багажный отделений, где Хоган держал коробки с образцами, и крохотный туалет в конце.

– Не слабо, отец! – воскликнул подросток. – Все удобства. – Он повернулся к Хогану. – Куда едем?

– Лос-Анджелес.

Юнец ухмыльнулся:

– Ну, класс! И я туда же! – Он достал только что купленную пачку «Мерит» и выщелкнул сигарету.

Хоган включил фары и выжал сцепление. Затем отвел рычаг передач назад и повернулся к мальчишке:

– Давай я тебе кое-что объясню, – сказал он.

Тот уставился на него широко открытыми невинными глазами:

– Конечно, чувак, – нет проблем.

– Во первых, я в принципе никого не подвожу. С этим уже были некоторые неприятности, так что у меня вроде как привычка. Я тебя довезу до подножия холмов Санта-Клары, и все. Там напротив автобусная остановка -Сэмми. Рядом с трассой. Там ты сойдешь. Понял?

– Понял. Годится. Заметано, – взгляд тех же широко открытых глаз.

– Во вторых, если ты действительно намерен курить, то выйдешь прямо сейчас. Это ты усек?

На какое-то мгновение Хоган заметил совсем другой взгляд парнишки (несмотря на столь краткое знакомство, Хоган искренне хотел бы верить, что их было только два) – пристальный, изучающий. И тут же тот принял невинный вид безобиднейшего существа. Он сунул сигареты за ухо и показал Хогану пустые руки. При этом Хоган заметил непрофессиональную татуировку на левом бицепсе: «ДЕФ ЛЕППАРД 4-КРАТНЫЙ».

– Никаких сигарет, – произнес юнец. – Все.

– Годится. Билл Хоган. – Он протянул руку.

– Брайан Адамс, – сказал мальчик, быстро пожимая руку Хогана.

Topreading.ru

Хоган снова выжал сцепление и начал потихоньку выезжать на дорогу N 46. При этом его взгляд упал на кассету, лежавшую на приборной доске. «Безрассудный» Брайана Адамса.

«Ну конечно, – подумал он. – Ты Брайан Адамс, а я, ясное дело, Дон Хенли. мы только что заехали в „Придорожный бакалейный и зоологический магазин Скутера“, чтобы запастись материалом для наших новых альбомов». Выезжая на трассу и пытаясь что-то рассмотреть в тучах пыли, он поймал себя на мысли, что не перестает думать о девице – той, с окраины Тонопы, которая ударила его по лицу его же бумажником перед тем, как убежать. Все это начинало ему крайне не нравиться.

Потом сильнейший порыв ветра чуть не отбросил машину вправо, и он сосредоточил все внимание на дороге.

Некоторое время они ехали молча. Когда Хоган скосил глаза вправо, он заметил, что парнишка откинулся с закрытыми глазами – то ли спит, то ли дремлет, то ли притворяется, чтобы не разговаривать. Это-то ладно: Хогану и самому не хотелось разговаривать. Во-первых, он не знал, о чем можно беседовать с мистером Брайаном Адамсом из Ниоткуда, США. Можно спорить, что юный мистер Адамс не имеет отношения к торговле этикетками со штрих-кодами, которой занимался Хоган. К тому же просто ехать по шоссе уже было достаточно трудной задачей.

Как и предупреждала миссис Скутер, буря усиливалась. Шоссе превратилось в туманный призрак, пересекавшийся через неравные промежутки бурыми ребрами песчаных наметов. Они носились, как бешенные, и Хогану приходилось ползти на скорости не выше сорока. А он этого не выносил. Кое-где, однако, песок более равномерно распределялся по асфальту, полностью закрывая его, и тут Хогану приходилось сбрасывать скорость до двадцати пяти километров в час и ориентироваться по расплывчатому отражению света фар от столбов по краям шоссе.

То и дело из бешено крутящегося песка навстречу выскакивала машина, словно доисторическое ископаемое с круглыми сверкающими глазами. Одна из них, старый «линкольн-IV» размером с крейсер, шла точно по середине шоссе N 46. Хоган отчаянно засигналил и принял вправо, ощущая трение песка о шины, чувствуя, как губы у него отделяются от зубов в беспомощном оскале. Когда он уже был уверен, что придется свернуть в кювет, «линкольн» резко вывернул, так что они еле-еле, но все же смогли разойтись. Он как будто бы слышал, как его бампер пронзительно скрежещет, зацепив задний бампер «линкольна», но, скорее всего, это ему лишь почудилось в диком завывании ветра. Он только успел заметить водителя – лысого старика, неподвижно сидящего за рулем и сосредоточено, чуть ли не маниакально вглядывающегося в круговерть песка. Хоган показал ему кулак, но старый чудак даже не обратил на него внимания. «Наверное, даже не заметил меня, – решил Хоган, – хотя мы едва не поцеловались».

Некоторое время ему казалось, что он вообще съехал с трассы. Песок ударял в правые колеса с большей силой, и чувствовалось, насколько неустойчиво держится фургон. Инстинкт подсказывал ему резко принять влево. Вместо этого он лишь прибавил газ и шел прямо, чувствуя, как пот заливает его последнюю приличную рубашку. Наконец шины перестали подсасывать, и фургон снова сделался управляемым. Хоган перевел дыхание.

– Классно водишь, отец.

Он так сосредоточился на дороге, что забыл о пассажире, и от удивления чуть было не вывернул резко влево, что могло бы причинить новые неприятности. Повернув голову, Хоган

увидел, как белобрысый мальчишка наблюдает за ним. Его серо-зеленые глазки были необычайно оживлены, никакой сонливости в них не было.

– Просто повезло, – ответил Хоган. – Если бы пришлось ехать на одних левых колесах… но я знаю этот участок. Тут главное – добраться до Сэмми. как только спустимся, будет лучше.

При этом он промолчал о том, что сто с лишним километром туда им придется добираться часа три.

– Вы коммивояжер, да?

– Абсолютно точно.

Хоть бы мальчишка помолчал. Не мешал вести. Из туманной мглы впереди выплыли огни, словно желтые призраки. За ними проследовал «ирокез-Z» с калифорнийскими номерами. Фургон и «ирокез-Z» разошлись, как старушки в коридоре богадельни. Краем глаза Хоган заметил, что юнец вынул сигарету из-за уха и крутит ее в руках. Ну да, Брайан Адамс. Зачем он назвался таким именем? Как в старинном фильме, их тех, что крутят по телеку уже под утро, в черно-белом фильме, где бродячий торговец (его, конечно, играет Рей Милленд) подбирает опасного молодчика (в исполнении, скажем, Ника Адамса), только что сбежавшего из тюрьмы в Габбсе, или Боббсе, или как там…

– Что ты продаешь, чувак?

– Этикетки.

– Этикетки?

– Ну да. С нанесенным универсальным штрих-кодом. Вроде как марка с определенным количество черных черточек.

Мальчишка кивнул, что удивило Хогана:

– Ну да – их пропускают через фотоэлемент в универсаме, и на кассовом аппарате загорается цена, как по волшебству, так, что ли?

– Вот именно. Только никакого волшебства там нет, и фотоэлемента тоже. Там лазерное считывающее устройство. Их я тоже продаю. И большие, и портативные.

– Усек, чувачок. – В голосе юнца слышался слабый, но отчетливый сарказм.

– Брайан?

– Меня зовут Билл – не отец, не чувак и уж никак не чувачок.

Ему страстно захотелось вернуться назад, к Скутеру, и отказать этому щенку, когда тот просился в машину. Скутеры неплохие люди; они разрешили бы сопляку передать у них, пока не стихнет буря. Может, миссис Скутер даже дала бы ему пятерку, чтобы он посторожил тарантула, гремучих змей и Во-ока – потрясающегося миннесотсткого койота. Хогану все меньше нравились эти серовато-зеленые глаза. Он буквально ощущал, как они давили ему на лицо, словно камни.

– Ну да – Билл. Билл Этикеточный Чувак.

Билл не ответил. Юнец сплел пальцы и свел руки за головой, хрустнув костяшками пальцев.

– Ну, как говорила моя старуха, может, и немного, да жить можно. Так, что ли, Этикеточный Чувак?

Хоган что-то промычал и сосредоточился на дороге. Ощущение, что он совершил ошибку, переросло в уверенность. Когда он в тот раз подобрал девицу, Бог сподобил его отделаться от нее. «Пожалуйста, – молился он. -Еще разок, ладно, Господи? А еще лучше, если я ошибаюсь насчет пацаненка -может, это все из-за низкого давления, сильного ветра и имени, которое, в конце концов, довольно распространено».

Впереди показался громадный грузовик «мак» – серебристый бульдог над радиатором, казалось, всматривался в клубящуюся пыль. Хоган принял вправо, пока не почувствовал, как песок, наметенный у обочины, снова жадно вгрызается в шины. Громадный контейнер, который вез «мак», полностью заслонил вид слева от Хогана. Он полз сантиметрах в десяти от фургона, и, казалось, ему не было конца.

Когда он наконец исчез, белобрысый парнишка спросил:

– Ты, видно, не слабо башляешь, Билл, – такая тачка тянет штук на тридцать, не меньше. Так почему…

– Гораздо меньше, – Хоган не знал, ощущает ли «Брайан Адамс» ледяную нотку в его голосе, но сам ее хорошо ощущал. – Я вкалывал как проклятый.

– Все равно, голодный ты, конечно, не ходишь. Так почему бы тебе не бросить все это дерьмо и не вознестись в голубое небо?

Такой вопрос Хоган иногда задавал себе, отматывая бесконечные мили между Тимпом и Тусоном или Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом, такой вопрос волей-неволей возникает, когда по радио не ловится ничего, кроме отрывочного синтетического попа или затертых старых пластинок, и ты уже прослушал последнюю кассету с текстом нынешнего бестселлера, а впереди ничего, кроме бесконечных оврагов и кустов во владениях Дяди Сэма.

Он мог бы сказать, что лучше понимает своих клиентов и их нужды, разъезжая там, где они живут и торгуют, и это было правдой, но не в том дело. Мог бы сказать, что таскать коробки с образцами, которые не умещаются под самолетным креслом, страшно утомительно, а сдав их в багаж, томительно ожидать, когда они появятся на другом конце ленты в аэропорту, – целое приключение (однажды коробка с пятью тысячами этикеток от «пепси» залетела в Хило на Гавайи, вместо Хиллсайда, штат Аризона). И это было правдой, но опять не в этом дело.

Дело было в том, что в 1982 году он летел самолетом местной линии «Гордость Запада», который разбился в горах в тридцати километрах севернее Рино. Шесть из девятнадцати пассажиров и оба члена экипажа погибли. У Хогана был поврежден позвоночник. Он провел четыре месяца в больнице и еще десять месяцев носил тяжелый корсет, который его жена Лита называла Железной леди. Говорят (неважно, кто), что, если тебя сбросила лошадь, надо снова вскочить на нее. Уильям И.Хоган сказал, что это все чушь, и с тех пор ни разу не садился в самолет – только летал в Нью-Йорк на похороны отца, истратив при этом две упаковки валиума.

Отбросив все эти мысли, он заметил про себя две вещи: после «мака» с прицепом дорога была свободна, а мальчишка все смотрел на него своими бегающими глазками, ожидая ответа на вопрос.

– Я однажды попал в катастрофу, – сказал он. – С тех пор я предпочитаю такой транспорт, где можно съехать на обочину, если откажет двигатель.

– Тебе, видно, крупно не везло, Билл-чувак, – произнес паренек. В его тоне слышалось деланное сочувствие. – А теперь, извини, тебе предстоит еще одна неприятность. – Раздался резкий металлический щелчок. Хоган повернул голову и почти не удивился, заметив, что юнец держит финский нож с широким сверкающим лезвием.

«Ох, дерьмо, – подумал Хоган. Теперь, когда оно пришло, предстало перед глазами, он не ощущал особой обиды. Только усталость. – Ох, дерьмо, всего за шестьсот километров от дома. Черт побери».

– Выметайся, Билл-чувак. Тихо и спокойно.

– Чего тебе надо?

– Если ты хочешь, чтобы я ответил, значит, ты еще глупее, чем я думал. – Легкая улыбка играла в уголках рта мальчишки. Самодельная татуировка извивалась на его руке. – Мне нужны твои бабки и, наверно, этот бордель на колесах – хотя бы на время. Но не беспокойся – тут не очень далеко автобусная остановка. Те, которые не захотят останавливаться, будут, конечно, глядеть на тебя, как на собачье дерьмо под ногами, и тебе придется малость помучиться, но в конце концов кто-то тебя подберет. Теперь выметывайся.

Хоган с удивлением обнаружил, что он не только устал, но и зол. Был ли он зол в тот раз, когда девица украла у него кошелек? Он уже не помнил. – Кончай это дерьмо, – сказал он, поворачиваясь к сопляку. – Я тебя взял, когда ты попросился, и при этом тебе не пришлось унижаться. Если бы не я, ты бы до сих пор глотал песок с поднятой рукой. Так что убери эту штуку, мы…

Мальчишка вдруг резко наклонился, и Хоган почувствовал жгучую боль в правой руке. Фургон дернулся, затем застыл, въехав в очередной намет песка.

– Выкидывайся, я сказал. Или ты пойдешь пешком, Этикеточный Чувак, или ляжешь в ближайшей канаве с перерезанным горлом и твоей лазерной машинкой на заднице. И знаешь, что еще? Я буду курить до самого Лос-Анджелеса и каждый бычок буду гасить о твою вонючую приборную доску. Хоган взглянул на свою руку и заметил диагональный разрез поперек кисти. Тут его снова охватила злость… но теперь это было настоящее бешенство, а усталость, если еще и была, то спряталась где-то очень глубоко. Он попытался вызвать в памяти лица Литы и Джека, чтобы загнать это чувство внутрь, пока оно еще не охватило его целиком и не побудило натворить глупостей, но образы получались какие-то смазанные. Перед ним встал очень четкий образ, но совсем не тот – образ девицы из Тонопы, девицы со злобным ртом под печальными глазами невинного ребенка, девицы, которая сказала ему: «Отсоси, дорогой» и ударила его же собственным бумажником.

Он надавил педаль сцепления, и фургон поехал быстрее. Стрелка спидометра зашла за пятьдесят.

Сопляк удивился, потом задумался, потом обозлился.

– Что ты делаешь? Я же сказал тебе – выметайся! Ты что, хочешь собирать свои кишки в канаве?

– Возможно, – ответил Хоган. Он продолжал давить на газ. Стрелка дрожала уже около отметки

«70». Фургон преодолевал одну дюну за другой и трясся, словно больная собака. – Чего тебе надо, сосунок? Сломать шею? Мне для этого достаточно крутануть руль. Я привязался ремнем, а ты нет, как я заметил.

Серовато-зеленые глаза юнца теперь расширились, в них сверкнула смесь страха и злости. «Тебе же сказали выметаться, – говорили эти глаза. – Так и должно было быть, раз я выставил нож, – неужели ты не знаешь?»

– Ты не разобьешь машину, – произнес парнишка, но Хоган решил, что это он сам себя уговаривает.

– Ты не разобьешь машину, – произнес парнишка, но Хоган решил, что это он сам себя уговаривает.

– Почему бы и нет? – Хоган обернулся к юнцу. – В конце концов, я всегда смогу уйти, а фургон застрахован. Ты проиграл, жопа. Как по-твоему? – Ты, – начал мальчишка, но тут его глаза расширились, утратив всякий интерес к Хогану. – Берегись! – взвизгнул он.

Хоган бросил взгляд вперед и увидел, как из мглы надвигается четыре громадные белые фары. Это была цистерна, видимо, с бензином или пропаном. Сирена оглашала воздух, словно крик гигантского разозленного гуся: ГА! ГА! ГА-А-А!

Фургон съехал в сторону, пока Хоган вел переговоры с мальчишкой; теперь он перегораживал дорогу. Хоган резко рванул руль вправо, зная, что это ничего не даст – слишком поздно. Но и приближающийся грузовик двигался, пытаясь уйти вбок, как и Хоган, когда он расходился мс «линкольном». Две машины танцевали в тучах песка в опасной близости друг от друга. Хоган опять почувствовал, как правые шины вгрызаются в песок, и понял, что теперь, на скорости семьдесят километров в час, ему уже не удастся удержать фургон на асфальте. Когда громада цистерны проползла мимо (на ее борту была видна надпись: «КАРТЕР – ОРГАНИЧЕСКИЕ УДОБРЕНИЯ»), он почувствовал, что рулевое колесо перестало слушаться его и все больше тянет вправо. И краем глаза заметил, что юнец с ножом наклонился к нему. «Что с тобой, ты что, спятил? – хотелось ему заорать, но это был бы дурацкий вопрос, даже если бы было время его произнести. Ясное дело, сопляк спятил – стоило только всмотреться в эти серовато-зеленые глаза. Хоган сам спятил, впустив его в машину, но не в этом теперь дело; он столкнулся с ситуацией, из которой требовалось найти выход, и не мог позволить себе роскошь считать, будто все это происходит не с ним, даже на секунду, иначе завтра его найдут с перерезанным горлом и с пустыми глазницами, потому что глаза успеют выклевать ястребы. Это происходило на самом деле.

Юнец пытался всадить нож в шею Хогану, а машина раскачивалась, все сильнее увязая в засыпанной песком канаве. Хоган уклонился от ножа, выпустив руль из рук, и считал уже, что ему повезло, но тут почувствовал, как теплая кровь стекает по горлу. Нож расцарапал правую щеку от челюсти до виска. Он размахивал правой рукой, пытаясь перехватить запястье мальчишки, и тут левое колесо фургона наскочило на камень размером с телефонный автомат, и машину подбросило так высоко, как в кинотрюках, которые, несомненно, любил этот сопляк. Она продолжала двигаться в воздухе, вращая всеми четырьмя колесами, все еще со скоростью пятьдесят километров в час, и Хоган ощутил, как ремень безопасности больно врезался ему в грудь и живот. Как и в прошлой катастрофе в воздухе, Хоган не сознавал, что все это происходило на самом деле.

Мальчишку, который все еще держал в руке нож, подбросило верх. Голова его ударилась о

крышу, когда верх и низ фургона поменялись местами. Хоган видел, как тот нелепо размахивает левой рукой, и с удивлением сообразил, что мальчишка все еще пытается ударить его. Он действительно гремучая змея, это была правда, но у него никто не отцеживал яд.

Тут фургон ударился о твердую землю пустыни, багажные полки сорвались, и юнец снова ударился головой о крышу, на сей раз гораздо сильнее. Нож выскользнул у него и руки. Шкафчики в задней части фургона раскрылись, папки с образцами и лазерные считывающие устройства рассыпались по полу. До Хогана донесся невообразимый визг – крыша «доджа» долго царапала каменистую землю на противоположном конце кювета, и он подумал: «Вот что происходит внутри консервной банки, когда ее открывают ножом».

Ветровое стекло провалилось внутрь, усеянное миллионами зигзагообразных трещин. Хоган закрыл глаза, прикрыл лицо руками, а фургон по прежнему катился, пока не разбилось боковое стекло со стороны водителя и не посыпались камешки и пыль и снова не задрался нос. Фургон покачался, будто собирался опрокинуться в сторону парнишки… и затих.

Хоган секунд пять сидел неподвижно, закрыв глаза, уперешись в подлокотники и чувствя себя так, как капитан Керк после атаки на Клингон в фильме «Взвод». Он отметил про себя, что на колени ему сыплется грязь, битое стекло и что-то еще, но не понимал, что именно. Он ощущал, что ветер наносит тучи пыли сквозь выбитые окна.

Потом его внимание привлекло что-то быстро движущееся. Эта была мешанина из белой кожи, бурой земли, ободранных пальцев и красной крови. Это был кулак, и он угодил Хогану прямо в нос. Боль была невыносимой и резкой – будто кто-то выстрелил из ракетницы прямо перед глазами. На мгновение все перед глазами расплылось в огромную белую вспышку. Не успел он опомниться, как пальцы юнца сжались у него на горле, так что невозможно стало дышать.

Мальчишка, мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США, перегнулся через широкий подлокотник между сиденьями. Кровь из дюжины ран на голове стекала у него по щекам, лбы и носу, словно индейская боевая окраска. Серо-зеленые глаза с безумной яростью уставились на Хогана.

– Посмотри, что ты наделал! – вопил сопляк. – Посмотри, сволочь, что ты сделал со мной!

Хоган попытался высвободиться и смог перевести дыхание, когда хватка мальчишки на мгновение ослабла, но, поскольку он по-прежнему был пристегнут ремнем, двинуться ему было некуда. Мгновение спустя руки мальчишки снова сошлись у него под подбородком, и на сей раз большие пальцы впились в дыхательное горло, отчего он стал задыхаться.

Хоган пытался высвободить свои руки, но пальцы юнца, жесткие, как прутья тюремной решетки, мешали ему. Он пытался отодвинуть его руки, но они не поддавались. Теперь был слышен другой ветер – высокий, ревущий звук в его собственном мозгу.

– Посмотри, что ты наделал, кретин! Я истекаю кровью! – донесся голос паренька, но откуда-то очень издалека.

«Он убивает меня, – подумал Хоган, и какой-то голосок ответил: „Конечно, отсоси, дорогой“.

Это вернуло его прежнюю злость. Он нащупал то, что у него было на коленях, кроме грязи и стекла. Это оказался бумажный мешок с каким-то объемистым предметом внутри – Хоган не помнил, каким. Зажав его в руке, он двинул мальчишку снизу в челюсть. Раздался глухой стук. Мальчишка завизжал от внезапной боли и, разжав пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в горло Хогана, отлетел назад.

Хоган судорожно вздохнул и вдруг услышал звук, похожий на свист закипающего чайника.

Это от меня такой звук? Господи, что это со мной?

Он еще раз перевел дыхание. В воздухе было полно пыли, он закашлялся, но все равно это было божественно. Он взглянул на свой кулак и увидел, что внутри мешка четко вырисовываются контуры Кусачих Зубов.

И вдруг ощутил, что они движутся.

В этом движении было нечто настолько человеческое, что Хоган вздрогнул и выронил мешок; это было все равно, что коснуться человеческой челюсти, которая вдруг затевает беседу с вашей рукой.

Мешок ударил парнишку по спине и свалился на покрытый ковром пол машины, пока «Брайан Адамс» с трудом поднимался на колени. Хоган слышал, как щелкнула резиновая лента… и раздались звуки, в которых безошибочно угадывалось клацанье сходящихся и расходящихся зубцов.

«Видимо, зубчик немного съехал, – говорил Скутер. – Рукастый мужик может сделать так, чтобы они снова топали и хлопали».

«А может, это сделалось от сильного удара, – подумал Хоган. – Если я останусь жив и еще раз проеду здесь, я обязательно расскажу Скутеру, что все, что нужно для того, чтобы завести пару поломанных Кусачих Зубов, -это перевернуть машину, а потом двинуть ими чокнутого пассажира, который хочет задушить тебя; так просто, что и ребенок поймет».

Зубы клацали и щелкали внутри порванного бумажного мешка, бока которого вздувались, будто трепещущее ампутированное легкое. Мальчишка отползал от мешка, даже не глядя на него, – полз в конец фургона, качая головой из стороны в сторону. Кровь мелким дождем стекала с его слипшихся волос.

Хоган сообразил, что зажат ремнем, и попытался расстегнуть его. Ничего не вышло. Квадрат в середине пряжки не сдвинулся ни на миллиметр, а лямки будто судорогой свело, и они по-прежнему врезались в слой жирка выше его талии и больно давили на грудь. Он стал ерзать в кресле, надеясь таким образом ослабить ремень. Кровь отлила у него от лица, щеки начали хлопать, как отклеившиеся обои, – и только. В ужасе он принялся брыкаться, но при этом повернул голову, чтобы проследить за парнишкой.

Ничего хорошего. В дальнем углу фургона он отыскал свой нож, заваленный кучей реклам и инструкций. Он схватил его, отбросил волосы с лиц а и взглянул на Хогана. Он ухмылялся, и в этой ухмылке было что-то такое, отчего мошонка у Хогана съежилась до размеров двух персиковых косточек.

«Ага, вот ты где! – говорила эта ухмылка. – На пару минут я вышел из строя – это было всерьез, но вот со мной все в порядке. Было небольшое отклонение от текста, но теперь мы будем опять строго следовать ему».

– Ты застрял, Этикеточный Чувак? – спросил юнец, стараясь перекричать рев ветра. – Ну да. У тебя заело ремень да? Класс.

Парнишка попробовал встать, но у него подкосились колени. Лицо его приняло удивленное

выражение, которое в других обстоятельствах можно было бы счесть комичным. Он снова откинул с лица окровавленные волосы и пополз к Хогану, сжимая сделанную под кость рукоятку ножа левой рукой. С каждым сокращением его хилого бицепса показывалась татуировка «Деф Лаппард», напоминая Хогану, как менялись на ходу слова «НЕВАДА – СТРАНА ГОСПОДНЯ» на майке Майры.

Хоган, схватившись обеими руками за пряжку ремня, вцепился в захваты большими пальцами с не меньшей силой, чем мальчишка в его дыхательное горло. Никакой реакции. Ремень заморозило. Он снова обернулся к мальчишке. Тот дополз до складной постели и остановился, его лицо снова приняло комичное выражение крайней растерянности. Он смотрел прямо перед собой -видимо, на что-то на полу, и Хоган вдруг вспомнил о Китовых Кусачих Зубах. Они все еще клацали.

Вдруг Зубы вышли из раскрытого конца порванного бумажного мешка на своих смешных оранжевых ножках. Клыки, резцы и коренные зубы быстро сходились и расходились, производя звуки, подобные биению кусочка льда в шейкере. оранжевые, в крохотных белых пятнышках туфельки, казалось, шлепали по серому ковру. Хогану вспомнила Фред Астер с тросточкой под мышкой и с соломенной шляпой в вытянутой руке.

– О, дерьмо! – насмешливо произнес подросток. – Этим ты меня бил? Я убью тебя, Этикеточный Чувак, и тем принесу пользу миру.

«Ключ, – подумал Хоган. – Ключик сбоку, которым они заводятся… не вращается».

И вдруг его опять осенило: он точно понял, что сейчас произойдет. Мальчишка хотел их достать.

Зубы вдруг перестали идти и клацать. Они просто остановились на наклонном полу фургона, чуть-чуть разведя челюсти. Хотя у них не было глаз, они, казалось, с любопытством рассматривали молокососа.

– Кусачие Зубы, – удивленно произнес мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США. Он потянулся и обхватил их правой рукой точно так, как предвидел Хоган.

– Кусайте его! – закричал Хоган. – Откусите ему чертовы пальцы немедленно!

Голова сосунка отдернулась, в серовато-зеленых глазах застыло изумление. Он взглянул на Хогана с идиотским видом, а потом принялся хохотать. Смех его звучал на высоких тонах визгливо, в унисон с ветром, который завывал о всем фургоне и развевал шторы, словно призрак.

– Кусайте меня! Кусайте меня! Ку-у-у-сайте меня! – причитал юнец, будто это был самый страшный анекдот, который он слышал в жизни. – Эй, Этикеточный Чувак! А я-то думал, что это я ударился головой!

Он зажал рукоятку ножа в зубах и сунул указательный палец левой руки между Кусачими Зубами.

– …сайте-е-е! – кричал он с ножом во рту. Он хихикал и вертел пальцем между гигантскими челюстями. – Сайте-е-е!…вайте… сайте-е-е! Зубы не двигались. Оранжевые ножки тоже. Предчувствие Хогана улетучилось, как сон. Парнишка еще раз повертел пальцем между Кусачими Зубами, начал вытягивать его… и вдруг завопил во всю глотку:

– О, дерьмо! ДЕРЬМО! СВОЛОЧЬ!

У Хогана сердце чуть не выскочило из груди, а потом он понял, что, хотя юнец еще вопит, на самом деле он смеется. Смеется над ним, Зубы все это время оставались совершенно неподвижными.

Сопляк взял Зубы в руки, чтобы присмотреться к ним, а нож вынул изо рта. Он поводил длинным лезвием перед Зубами, словно учитель перед нерадивым учеником.

– Кусаться нельзя, – сказал он. – Это очень плохое повед…

Одна оранжевая ножка вдруг сделала шаг вперед на грязной ладони подростка. Тут же раскрылись челюсти. И прежде чем Хоган сообразил, что происходит, Кусачие Зубы сомкнулись на носу сопляка.

Тут уж Брайан Адамс завопил по-настоящему – от боли и неизбывного изумления. Он вцепился в Зубы правой рукой, пытаясь стащить их, но они вцепились в его нос так же крепко, как ремень вокруг Хогана. Кровь с обломками хрящей потекла красными струйками между клыками. Парень подался назад, и какое-то время Хоган видел только его дергающееся тело, мельтешащие локти и брыкающиеся ноги. Потом сверкнул нож.

Мальчишка снова завопил и уселся на пол. Длинные волосы как занавеской закрывали ему лицо; сцепленные зубы торчали, будто руль какого-то странного корабля. Ему как-то удалось просунуть лезвие ножа между Зубами и тем, что осталось от его носа.

– Убейте его! – хрипло выкрикнул Хоган. Он терял рассудок; где-то в глубине не осознавал, что теряет рассудок, но сейчас это не имело никакого значения. – Давайте, убейте его!

Парнишка издал долги, пронзительный, как пожарная сирена, вопль и повернул нож. Лезвие хрустнуло, но ему удалось немного развести челюсти. Они упали ему на колени. Вместе с частью носа.

Сопляк откинул назад волосы. Он скосил свои серовато-зеленые глаза, пытаясь видеть искромсанный обрубок посреди лица, рот исказился гримасой боли; вены на шее вздулись, как провода.

Мальчишка потянулся за Зубами. Они немного отбежали назад на своих карикатурных оранжевых ножках, они маршировали на месте, ухмыляясь юнцу, который сидел на корточках. Кровь хлестала ему на рубашку.

Мальчишка сказал то, что подтвердило убеждение Хогана в том, что он, Хоган, спятил – только в белой горячке можно произнести такое:

– Д-дай бне бмешок дозы, с-сукин с-сын!

Подросток снова потянулся за Зубами, но теперь они побежали из-под его руки вперед, между расставленными ногами, и тут донесся чавкающий звук – они захлопнулись на выступе в выцветших джинсах, чуть ниже того места, где кончается змейка.

Глаза у Брайана Адамса широко раскрылись. И рот. Он поднял руки на высоту плеч, широко разведя их, и какое-то время напоминал пародиста, который изображает, как Эл Джонсон поет «Мамми». Нож перелетел через его плечо и врезался в стенку фургона.

– Боже! Боже! Бо-о-о-о…

Оранжевые ножки топтались, будто исполняли шотландский танец. Розовые десны Китовых Кусачих Зубов в бешенном темпе сходились и расходились, будто произнося «да! да! да!», а потом забегали взад-вперед в том же темпе, словно говоря «нет! нет! нет!»

Когда начала рваться джинсовая ткань – и не только она, судя по звуку, Билл Хоган потерял сознание.

Он приходил в себя дважды. В первый раз, видимо, прошло немного времени, потому что буря еще завывала и было еще светло. Он стал оглядываться, но ощутил чудовищную боль в шее – конечно же, порез. И, наверное, не так уж плохо, как могло бы быть… или как еще будет завтра.

Он всегда загадывал не дальше завтрашнего дня.

Сопляк, – надо проверить, точно ли он мертв.

Не надо. Конечно, мертв. Иначе был бы мертв ты.

Тут донесся новый звук – размеренное клацанье Зубов.

Они идут за мной. С сопляком они покончили, но они еще голодные и идут за мной.

Он снова положил руки на пряжку ремня, но замок заело напрочь, а в руках уже не оставалось никакой силы.

Зубы медленно приближались – судя по звуку, они уже были у спинки сиденья, – и воспаленный рассудок Хогана начал сочинять стишок в ритме их беспрестанного чавканья: «Клац-чавк, клац-чавк! Мы – Зубы, топ-топ-топ! Мы идем, мы дудим, его съели, тебя съедим!»

Хоган закрыл глаза.

Клацающий звук исчез.

Хоган ждал, прошло томительно долгое время, прежде чем послышался щелчок, затем тихий звук рвущихся волокон. Пауза, снова щелчок, снова треск волокон. Пауза, снова щелчок, снова треск волокон.

Что происходит?

Третий раз щелкнуло, что-то порвалось, он почувствовал, как слегка дернулась спинка сиденья, и понял. Зубы добираются до него. Каким-то образом добираются до него.

Хоган вспомнил, как Зубы сошлись под змейкой на джинсах мальчишки, и приказал себе отключится. Песок, задуваемый сквозь выбитое стекло, хлестал его по щекам.

Щелк… хрясь. Щелк… хрясь. Щелк… хрясь.

Звуки раздавались совсем близко. Хоган не хотел туда смотреть, но не смог удержаться. Зубы подбирались к нему. И за правым бедром, там, где подушка сиденья переходила в спинку, он увидел широкую белую ухмылку. Она отвратительно медленно продвигалась вверх, на немыслимых оранжевых ножках, зацепив складку серого обивочного материала между резцами… потом челюсти разошлись, и складка конвульсивно подалась вперед.

Когда Зубы уперлись в карман брюк Хогана, он снова потерял сознание.

Когда он пришел в себя во второй раз, ветер утих и стало почти темно: воздух приобрел мрачный пурпурный оттенок, которого Хоган еще никогда не видел в пустыне. Кучки песка, которые виднелись через остатки разбитого окна, напоминали игривых детей привидений.

Сначала он ничего не мог вспомнить; последним что всплыло в памяти, было то, что он глянул на индикатор горючего, увидел, что в баке осталась только восьмая часть, а потом заметил вывеску у дороги: «ПРИДОРОЖНЫЙ БАКАЛЕЙНЫЙ И ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МАГАЗИН СКУТЕРА – БЕНЗИН – ЗАКУСКИ – ХОЛОДНОЕ ПИВО – ЖИВЫЕ ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ!»

Он сообразил, что надо некоторое время придерживаться этой амнезии; на какой-то период подсознание должно иметь возможность не пускать опасные воспоминания. Но не вспомнить тоже опасно. Очень опасно. Потому что… Подул ветер. Песок ударял в плохо защищенный левы борт фургона. Звук очень напоминал (Зубы! Зубы! Зубы!) Хрупкая амнезия рассеялась, отпустив потом воспоминаний, и Хоган весь похолодел. Он вздрогнул, припомнив звук (чавк!) Кусачих Зубов, когда они приблизились к мошонке мальчишки, и рукой прикрыл свою собственную, бешено вращая глазами при виде удаляющихся Зубов.

Он сообразил, что надо некоторое время придерживаться этой амнезии; на какой-то период подсознание должно иметь возможность не пускать опасные воспоминания. Но не вспомнить тоже опасно. Очень опасно. Потому что… Подул ветер. Песок ударял в плохо защищенный левы борт фургона. Звук очень напоминал (Зубы! Зубы! Зубы!) Хрупкая амнезия рассеялась, отпустив потом воспоминаний, и Хоган весь похолодел. Он вздрогнул, припомнив звук (чавк!) Кусачих Зубов, когда они приблизились к мошонке мальчишки, и рукой прикрыл свою собственную, бешено вращая глазами при виде удаляющихся Зубов.

На самом деле он их не видел, но удивился, с какой легкостью его плечи последовали за движением рук. Он взглянул на свои колени и медленно убрал руки с мошонки. Ремень безопасности больше не удерживал его. Его огрызки валялись на полу. Металлический язычок еще сидел в пряжке, но позади него был лишь оборванный кусочек красной ткани. Ремень не был обрезан – он был перекушен.

Он взглянул в зеркало заднего вида и увидел кое-что еще: задняя дверца фургона была распахнута, и только слабый отпечаток, по форме отдаленно напоминавший человека, остался на сером ковре там, где находился мальчишка. Мистер Брайан Адамс из Ниоткуда, США, исчез.

И Кусачие Зубы тоже.

Хоган медленно выбрался из фургона, словно у него был острый приступ радикулита. Он обнаружил, что если держать голову прямо, то вполне терпимо… но стоило ему забыть об этом и повернуть ее в любом направлении, как боль взрывалась в шее, плечах и верхней части спины. А о том, чтобы запрокинуть голову назад, даже подумать было страшно.

Он медленно дошагал до задней дверцы, слегка щупая рукой зазубренную поверхность с облезшей краской и прислушиваясь к хрусту стекла под ногами. Он боялся свернуть за угол. Он боялся, что увидит там юнца на корточках, с ножом в левой руке и с бессмысленной ухмылкой. Но он не мог стоять так до бесконечности, когда уже совсем стемнело, осторожно держа голову на израненной шее, как сосуд с нитроглицерином, и Хоган наконец решился. Никого. Парнишка действительно исчез. Хотя, быть может, только на первый взгляд.

Порыв ветра разметал волосы Хогана по исцарапанному лицу и вдруг успокоился. И тогда послышался резкий скрежет позади фургона. Он выглянул туда и увидел, как подошвы кроссовок подростка исчезают за насыпью канавы. Ноги кроссовок расходились под углом. На минуту они перестали двигаться, как будто то, что тащило тело юнца, немного передохнуло, а потом снова поползли рывками.

Перед мысленным взором Хогана внезапно с ужасной, невыносимой отчетливостью предстала картина: Китовые Кусачие Зубы на своих смешных оранжевых ножках стоят над краем канавы, в пурпурном свете, разлитом над этим пустынными просторами к западу от Лас-Вегаса. Их поступь заглушается копной длинных белокурых волос подростка.

Кусачие Зубы работали.

Кусачие Зубы утаскивали мистера Брайана Адамса в Никуда, США.

Хоган отвернулся и поплелся в другую сторону, бережно неся на плечах свою взрывоопасную голову. У него ушло пять минут на то, чтобы преодолеть кювет, и пятнадцать, чтобы уговорить водителя, но то и другое ему удалось. И за все это время он ни разу не обернулся.

Девять месяцев спустя, в ясный жаркий июньский день, Билл Хоган снова проезжал мимо «Придорожного бакалейного и зоологического магазина Скутера»... только он оказался переименованным. Теперь вывеска гласила: «У МАЙРЫ – БЕНЗИН – ХОЛОДНОЕ ПИВО – ВИДЕО». Под словами был нарисован волк -а может, просто Во-ок, – воющий на луну. Сам Во-ок, замечательный миннесотский койот, сидел в клетку в тени под верандой, нелепо расставив задние лапы и опершись мордой о передние. Он не пошевелился, когда Хоган вышел из машины заправиться. Никаких признаков тарантулов или гремучих змей не было.

– Привет, Во-ок, – сказал он, поднимаясь по ступенькам. Обитатель клетки перекатился на спину и высунул длиннющий красный язык, поглядывал на Хогана.

Внутри магазин выглядел просторнее и чище. Хоган подумал, что отчасти дело в том, что погода хорошая, но не только в этом: окна были вымыты, а это совсем другой коленкор. Стены вместо сухой штукатурки были отделаны сосновыми панелями, пахнущими свежей смолой. Возле двери в подсобку появился бар с пятью стульями. Прилавок с игрушками оставался, но там не было сигарет, жужжалок и нюхательного порошка доктора Уэкки.

Витрина была заставлена коробками с видеокассетами. Объявление, написанное от руки, гласило: «ФИЛЬМЫ КАТЕГОРИИ „Х“ В ПОДСОБКЕ – СТАРШЕ 18 ЛЕТ».

Женщина за кассой стояла вполоборота к Хогану, подсчитывала что-то на калькуляторе. Хоган решил было, что это дочь Скутеров – дополнение к трем мальчикам, которых Скутер, по его словам, воспитал. Тут она подняла голову, и Хоган увидел, что это миссис Скутер собственной персоной. Трудно было поверить, что это та самая женщина, чья слоновья грудь едва умещалась в майку с надписью «НЕВАДА – СТРАНА ГОСПОДНЯ», но так и было. Миссис Скутер потеряла самое малое килограммов двадцать пять и выкрасила волосы в ярко-каштановый цвет. Только морщины у глаз и по краям рта были те же.

– Заправились? – спросила она.

– Да. На пятнадцать долларов. – Он вручил ей двадцатку, и она бросила ее в кассу. – Много изменений с тех пор, как я тут был в последний раз.

– Да, много изменений после смерти Скутера, – согласилась она и достала пятерку сдачи.

Вручая ее, она впервые взглянула на него и, поколебавшись, сказала:

– Скажите… вы не тот парень, который чуть не убился в ту бурю в прошлом году?

Он кивнул и протянул руку:

– Билл Хоган.

Она больше не колебалась: просто потянулась через прилавок и крепко пожала его руку. Видимо, смерть мужа повлияла на нее в лучшую сторону… а может, просто завершилась полоса изменений в ее жизни.

– Жаль вашего мужа. Он мне казался хорошим парнем.

– Скут? Да, был хороший, пока не заболел, – согласилась она. – А вы как? Выздоровели?

Хоган кивнул:

– Я шесть недель ходил с корсетом на шее – кстати, уже не в первый раз, но сейчас все в порядке.

Она смотрела на шрам.

– Он это сделал? Тот сопляк?

– Да.

– Вам крепко досталось.

– Да.

– Я слышала, что он пострадал в столкновении, заполз в пустыню и помер. – Она с хитрецой всматривалась в Хогана. – Это так?

Хоган слегка улыбнулся:

– Примерно так, надо полагать.

– Шериф сказал, что звери хорошо над ним поработали. Пустынные крысы, они, знаете ли, просто ужасные.

– Об этом я ничего не знаю.

– Шериф говорил, что собственная мать не могла опознать пацана. – Она положила руку на свою значительно уменьшившуюся грудь и открыто взглянула ему в глаза. – Помереть мне на месте, если вру.

Хоган громко рассмеялся. Теперь, когда прошло много месяцев после той бури, он все чаще делал это. Ему иногда казалось, что с того дня он вступил в несколько иные отношения с жизнью.

– Хорошо, что он вас не убил, – заявила миссис Скутер. – Еще чуть-чуть бы… Видно, вас Бог хранил.

Topreading.ru

– Точно, – согласился Хоган. Он взглянул на витрину с видеокассетами. – Я вижу, вы убрали игрушки.

– То паршивое старье? Ясное дело! Самое первое, что я сделала после… – Глаза у нее вдруг расширились. – Ой! Господи! У меня же одна ваша вещь! Если бы я забыла, пришел бы призрак Скутера и преследовал бы меня!

Хоган удивленно нахмурился, но женщина уже зашла за прилавок. Она встала на цыпочки и что-то достала с полки высоко над пачками печенья. Это были, как без всякого удивления заметил Хоган, Китовые Кусачие Зубы. Миссис Скутер положила их рядом с кассой.

Хоган смотрел на этот холодный оскал с глубоким убеждением, что он это уже видел. Вот они, самые большие в мире Кусачие Зубы на своих смешных оранжевых ножках, рядом с игрушечным Хитрым Джимом, холодные, как горный ветер, будто с ухмылкой говорят ему: «Привет! Ты нас не забыл? Мы-то ТЕБЯ, дружок, не забыли. Так-что».

– Я их нашла на крыльце на следующий день, как утихла буря, -пояснила миссис Скутер и засмеялась, – как старый Скут отдал их вам бесплатно и положил в дырявый мешок. Я хотела их выбросить, а он велел положить куда-нибудь на полку и отдать вам. Он сказал, что коммивояжер, который заехал раз, скорее всего появится снова… и вот вы тут.

– Да, – согласился Хоган, – вот я тут.

Он взял Зубы и сунул палец между слегка разведенными челюстями. Подушечкой пальцы провел по коренным зубам сзади, и ему вспомнились вопли мальчишки, мистера Брайана Адама из Ниоткуда, США, там, в фургоне: «Кусайте меня! Кусайте меня! Кусайте-е-е-е меня!»

Осталась ли сзади на Зубах легкая ржавчина от крови парня? Хогану показалось, что он что-то видит, но, может, это просто падала тень.

– Я их берегла, потому что Скутер сказал, что у вас есть мальчик.

– Да, – кивнул Хоган и подумал: «У мальчика пока что есть отец. И я знаю, почему. Интересно, шли ли они пешком на этих маленьких оранжевых ножках через пустыню потому, что это их дом… или потому, что они как-то знали то, что знал Скутер? Рано или поздно человек, живущий разъездами, обязательно возвращается туда, где был хоть раз, так же как убийцу тянет на место преступления?»

– Что ж, если они вам нужны, они ваши, – сказала она. Какой-то миг это звучало торжественно… а потом она рассмеялась. – Черт, я бы их, наверно, выбросила, если б не забыла. Конечно, они по-прежнему поломаны. Хоган повернул ключик, торчащий из челюсти. Он дважды провернулся с легким щелчком и безжизненно обвис в скважине. Сломаны. Разумеется, они были сломаны. И будут, пока сами считают нужным. Дело не в том, как они вернулись сюда, а зачем. Вопрос: что им нужно?

Он опять сунул палец в эту белую стальную ухмылку и прошептал:

– Кусайте меня – хотите?

Зубы только стояли на холодных оранжевых ножках и скалились.

– Похоже, они не разговаривают, – заметила миссис Скутер.

– Нет, – подтвердил Хоган и вдруг поймал себя на том, что думает о мальчишке. О мистере Брайане Адамсе из Ниоткуда, США. Сейчас полно таких мальчишек. И таких взрослых. Они, как перекати-поле, кишат вдоль дорог, всегда готовые забрать у вас бумажник, сказать: «Отсоси, дорогой» – и убежать. Можно не подвозить никого (он так и делал), можно поставить охранную систему в доме (и это он сделал, но все равно вокруг жестокий мир, где самолеты иногда падают с неба и сумасшедшие способны появиться где угодно, так что небольшая дополнительная страховка никогда не помешает. В конце концов у него есть жена. И сын.

Было бы неплохо, если бы у Джека на столе стояли Китовые Кусачие Зубы. На всякий случай. Просто на случай.

– Спасибо, что сохранили их, – сказал он, осторожно поднимая Кусачие Зубы за ножки. – Думаю, мой пацан будет в восторге, хоть они и поломаны.

– Спасибо скажите Скуту, не мне. Дать мешок? – Она ухмыльнулась. – У меня пластиковый, точно без дырок.

Хоган покачал головой и сунул Кусачие Зубы в карман куртки.

– Повезу их так, – сказал он и улыбнулся ей. – Так удобнее.

– Дело ваше. – Когда он направился к двери, она крикнула:

– Постойте! Я вам сделаю классный сэндвич из курицы с салатом!

– Не сомневаюсь, спасибо, – сказал Хоган. Он спустился по ступенькам и с минуту постоял на ярком солнце пустыни, весело улыбаясь. Он был весел – очень весел в эти дни. Он начинал думать, что так и надо жить – весело. Слева от него Во-ок – удивительный миннесотский койот – встал на ноги, просунул морду через прутья клетки и залаял. В кармане Хогана Кусачие Зубы щелкнули разок. Звук был негромкий, но Хоган его услышал… и почувствовал, что они движутся. Он похлопал по карману.

– Спокойно, ребята, – сказал он.

Он неторопливо зашагал по двору, уселся за руль нового «шевроле» и покатил в Лос-Анджелес. Он обещал Лите и Джеку быть дома к семи, самое позднее – к восьми, а он был их тех, кто выполняет обещания.

ЗАВТРАК В КАФЕ «ГОТЭМ»

Как-то я вернулся домой из брокерской фирмы, в которой работаю, и нашел на обеденном столе письмо – а вернее, записку – от моей жены с сообщением, что она уходит от меня, что ей необходимо некоторое время побыть одной и что со мной свяжется ее психотерапевт. Сидел на стуле у обеденного стола, вновь и вновь перечитывая короткие строчки, не в силах поверить. Помнится, около получаса у меня в голове билась одна-единственная мысль: «Я даже не знал, что у тебя есть психотерапевт, Диана».

Потом я поднялся, пошел в спальню и огляделся. Ее одежды не было (если не считать подаренного кем-то свитера с поблескивающей поперек груди надписью «ЗОЛОТАЯ БЛОНДИНКА»), а комната выглядела как-то странно, неряшливо, будто ее обыскивали, ища что-то. Я проверил свои вещи – не взяла ли она чего-нибудь. Мои руки казались мне холодными

и чужими, словно их накачали транквилизатором. Насколько я мог судить, все, чему следовало там быть, там было. Я ничего иного и не ждал, и тем не менее комната выглядела странно, словно она ее дергала, как иногда в раздражении дергала себя за кончики волос.

Я вернулся к обеденному столу (который занимал один конец гостиной – в квартире ведь было всего четыре комнаты) и перечел еще раз шесть адресованных мне фраз. Они остались прежними, но теперь, заглянув в странно взъерошенную спальню, в полупустой шкаф, я был уже на пути к тому, чтобы им поверить. Она была ледяной, эта записка. Ни «целую», ни «всего хорошего», ни даже «с наилучшими» в заключение. «Береги себя» – такой была максимальная степень ее теплоты. И сразу под этим она нацарапала свое им».

«Психотерапевт». Мои глаза снова и снова возвращались к этому слову. «Психотерапевт». Наверное, мне следовало бы радоваться, что это не был «адвокат», но радости я не испытывал. «С тобой свяжется Уильям Хамболд, мой психотерапевт».

– Свяжись вот с этим, пупсик, – сказал я пустой комнате и прижал ладонь к паху. Но это не прозвучало круто и язвительно, как мне хотелось, а лицо, которое я увидел в зеркале напротив, было белым, как бумага.

Я прошел на кухню, налил себе апельсинового сока в стакан и уронил его на пол, когда попытался взять со стола. Сок облил нижние ящики, стакан разбился. Я знал, что непременно порежусь, если начну подбирать осколки – у меня тряслись руки. Но я начал их подбирать. И порезался. В двух местах. Неглубоко. Я все думал: это шутка, потом понял, что нет и нет. Диана не была склонна к шуткам. Но только я же ничего подобного не ждал и ничего не мог понять. Какой психотерапевт? Когда она у него бывала? О чем она говорила? Впрочем, пожалуй, я знал, о чем. Обо мне. Вероятно, всякую чушь о том, как я всегда забываю спустить воду, кончив мочиться, как я требую орального секса до надоедливости часто. (На какой частоте возникает надоедливость? Я не знал). Как я мало интересуюсь ее работой в издательстве. И еще вопрос: как она могла обсуждать самые интимные стороны своего брака с человеком по имени Уильям Хамболд? В самый раз для физика из Калифорнийского технологического института или заднескамеечника в Палате лордов.

И еще супервопрос: почему я не замечал, как что-то назревало? Каким образом я мог нарваться на это, точно Сонни Листон на знаменитый неуловимый апперкот Кассиуса Клея? По глупости? Из-за отсутствия чуткости? По мере того как проходили дни и я перебирая в памяти последние шесть-восемь месяцев нашего двухлетнего брака, у меня сложилось убеждение, что причина заключалась и в том, и в том.

В тот вечер я позвонил ее родителям в Паунд-Ридж и спросил, не у них ли Диана.

– Да, она здесь и она не хочет разговаривать с вами, – сказала ее мать. – Больше не звоните. Тишина в трубке у моего уха.

***

Два дня спустя мне в контору позвонил знаменитый Уильям Хамболд. Удостоверившись, что он действительно говорит со Стивеном Дэвисом, он тут же начал называть меня Стивом, Может, вам чуточку трудно в это поверить, однако было именно так. Голос Хамболда был мягким, тихим, интимным, и мне представился кот, мурлыкающий на шелковой подушке.

Когда я спросил про Диану, Хамболд ответил, что «все идет настолько хорошо, насколько можно было ожидать», а когда я спросил, нельзя ли мне поговорить с ней, он выразил мнение,

что «это на данном этапе было бы контрпродуктивно». Затем, совсем уж немыслимо (во всяком, случае, на мой взгляд), он осведомился карикатурно заботливым тоном, как поживаю я.

– Лучше некуда, – ответил я. Я сидел за столом, опустив голову, обхватив лоб левой рукой. Глаза у меня были зажмурены, чтобы не смотреть в ярко-серую глазницу экрана моего компьютера. Я много плакал, и было такое ощущение, что под веки попал песок. – Мистер Хамболд.., ведь «мистер», а не доктор?

– Я предпочитаю «мистера», хотя имею степени…

– Мистер Хамболд, если Диана не хочет вернуться домой, если она не хочет разговаривать со мной, так чего же она хочет? Зачем вы звоните?

– Диана хотела бы получить доступ к сейфу, – сказал он вкрадчивым, мурлыкающим голоском. – Вашему ОБЩЕМУ сейфу.

Тут я понял, почему у спальни был такой мятый, взъерошенный вид, и ощутил первые яркие проблески злости. Ну, конечно же! Она искала ключ к сейфу. Она не интересовалась моей небольшой коллекцией серебряных долларов, чеканившихся до Второй мировой войны, или кольцом с розовым ониксом, которое купила мне к первой годовщине нашей свадьбы (годовщин этих у нас было всего две).., но в сейфе хранилось бриллиантовое колье, которое я ей подарил, и примерно на тридцать тысяч долларов ценных бумаг. Ключ был в нашем летнем домике в Адирондакских горах, вспомнил я. Не нарочно, а по забывчивости я оставил его на книжном шкафу у самой стены среди пыли и мышиного помета.

Резкая боль в левой руке. Я посмотрел и увидел, что она стиснута в тугой кулак. Я раскрыл пальцы. В подушечке ладони ногти отпечатали глубокие полумесяцы.

– Стив? – промурлыкал Хамболд. – Стив, вы слушаете?

– Да, – ответил я. – Мне надо сказать вам две вещи. Вы готовы?

– Разумеется, – сказал он все тем же мурлыкающим голоском, и на миг мне представилось, как Уильям Хамболд мчится по пустыне на «Харлей-Дэвидсоне» в окружении своры Ангелов Ада. А на спине его кожаной куртки:

«РОЖДЕН ДЛЯ КОМФОРТА».

– Разумеется, – сказал он все тем же мурлыкающим голоском, и на миг мне представилось, как Уильям Хамболд мчится по пустыне на «Харлей-Дэвидсоне» в окружении своры Ангелов Ада. А на спине его кожаной куртки:

«РОЖДЕН ДЛЯ КОМФОРТА».

Снова боль в левой руке. Она вновь непроизвольно стиснулась в кулак, как смыкаются створки устрицы. На этот раз, когда я его разжал, два маленьких полумесяца из четырех кровоточили.

– Во-первых, – сказал я, – сейф останется запертым до тех пор, пока какой-нибудь судья по бракоразводным делам не распорядится открыть его в присутствии адвоката Дианы и моего. А тем временем никто его не обчистит, и это точно. Ни я, ни она. – Я помолчал. – И ни вы.

– По-моему, враждебная позиция, которую вы заняли, контрпродуктивна, – сказал он. – И, Стив, если вы подумаете о том, что сейчас наговорили, возможно, вам будет легче понять, почему ваша жена настолько эмоционально сокрушена, настолько…

– Во-вторых, – перебил я его (это мы, враждебно настроенные, умеем!), – то, что вы называете меня уменьшительным именем, я нахожу оскорбительно фамильярным и бестактным. Попробуйте еще раз по телефону, и я сразу повешу трубку. Попробуйте назвать меня так в лицо, и вы на опыте убедитесь, насколько враждебна моя позиция.

– Стив.., мистер Дэвис.., мне кажется… Я повесил трубку. Сделав это, я ощутил что-то вроде удовольствия – в первый раз после того, как я нашел на обеденном столе записку, придавленную ее тремя ключами от квартиры.

***

В тот же день я поговорил с приятелем в юридическом отделе, и он порекомендовал мне своего друга, который брал бракоразводные дела. Я не хотел развода – я был в бешенстве из-за нее, но по-прежнему любил ее и хотел, чтобы она вернулась, – однако мне не нравился Хамболд. Мне не нравилась сама идея его существования. Он действовал мне на нервы – он и его мурлыкающий голосишко. Мне кажется, я предпочел бы крутого крючкотвора, который позвонил бы и сказал: «Отдайте нам ключ от сейфа до конца рабочего дня, Дэвис, и, может быть, моя клиентка сжалится и решит, оставить вам что-нибудь сверх двух пар исподнего и карточки донора, усекли?».

Это я мог бы понять. А вот от Хамболда разило подлой пронырливостью.

Специалиста по разводам звали Джон Ринг, и он терпеливо выслушал повесть о моих горестях. Подозреваю, почти все это он уже много раз слышал раньше.

– Будь я совершенно уверен, что она хочет развода, по-моему, мне было бы легче, – закончил я.

– Так будьте совершенно уверены, – сразу же сказал Ринг. – Хамболд просто ширма, мистер Дэвис.., и потенциально сокрушительный свидетель, если дело дойдет до суда. Не сомневаюсь, что сначала ваша жена обратилась к адвокату, и когда адвокат узнал про пропавший ключ от сейфа, он рекомендовал Хамболда. Адвокат не мог бы вам позвонить, это было бы нарушением этики. Предъявите ключ, друг мой, и Хамболд исчезнет со сцены. Можете не сомневаться.

Почти все это я пропустил мимо ушей. Мои мысли сосредоточились на его первых словах.

– Так вы считаете, она хочет развода, – сказал я.

– Безусловно, – сказал он. – Она хочет развода. Очень хочет. И, покончив с браком, не намерена остаться с пустыми руками.

***

Я договорился с Рингом обсудить все подробнее на следующий день. Домой из конторы я

вернулся как мог позднее, некоторое время бродил по квартире, решил пойти в кино, не нашел ни одного фильма, который хотел бы посмотреть, включил телевизор, не нашел ни одной заинтересовавшей меня программы и опять принялся бродить из комнаты в комнату. В какой-то момент я обнаружил, что стою в спальне у открытого окна в четырнадцати этажах над улицей и швыряю вниз все мои сигареты, даже затхлую пачку «Вайсройз», завалявшуюся у дальней стенки ящика письменного стола, – пачку, которая, возможно, пролежала там десять лет или дольше, иными словами, с того времени, когда я понятия не имел, что на свете существует такая тварь, как Диана Кислоу.

Хотя в течение двадцати лет я выкуривал от двадцати до сорока сигарет в день, не помню, чтобы у меня внезапно возникло желание покончить с курением, не помню и никакой внутренней борьбы – ни даже логичной мысли, что, может быть, третий день после ухода вашей жены – не самый оптимальный момент, чтобы бросить курить. Я просто выкинул через окно в темноту нераспечатанный блок, полблока и две-три начатые пачки, которые нашел в комнатах. Затем закрыл окно (мне в голову не пришло, что было бы эффективнее выбросить не курево, а курильщика – ни разу не пришло), растянулся на кровати и закрыл глаза.

***

Следующие десять дней, пока я терпел худшие следствия физического отказа от никотина, были трудными, часто тягостными, но, пожалуй, не настолько скверными, как я ожидал. Меня тянуло закурить десятки.., нет, сотни раз, я этого не сделал. Были минуты, когда мне казалось, что я сойду с ума, если сейчас же не закурю, а встречая на улице курящего прохожего, испытывал почти непреодолимое желание завизжать: «Отдай, мудак! Она моя!», но удерживался.

Худшие минуты наступали поздно ночью. Мне кажется (но я не уверен: мои мыслительные процессы того времени вспоминаются мне крайне смутно), будто я решил, что, бросив курить, буду лучше спать, но ничего подобного! Иногда я лежал без сна до трех часов утра, сцепив руки под подушкой, глядя в потолок, слыша сирены и погромыхивание тяжелых грузовиков. И я думал о круглосуточном корейском супермаркете почти прямо напротив моего дома. Я думал о белом сиянии флюоресцентных плафонов внутри, таком ярком, что оно приводило на память соприкосновение Кублер-Росс со смертью. Видел, как оно выплескивается на тротуар между витринами, которые еще через час два молодых корейца в белых бумажных колпаках начнут заполнять фруктами. Я думал о мужчине постарше за прилавком, тоже корейце, тоже в бумажном колпаке, о блоках и блоках сигарет на полках у него за спиной, величиной не уступающих скрижалям, с которыми в «Десяти заповедях» Чарльз Хестон спускается с Синая. Я думал о том, как встану, оденусь, пойду туда, куплю пачку сигарет (а может быть, девять или десять пачек) и, сидя у окна, буду курить «Мальборо» одну за другой, а небо на востоке зарозовеет, и взойдет солнце… Я этого не сделал, но ночь за ночью в предрассветные часы я засыпал, считая не слонов, а марки сигарет: «Уинстон»… «Уинстон 100с»… «Вирджиния слимс»… «Дорал»… «Мерит»… «Мерит 100с»… «Кэмел»… «Кэмел филтерс»… «Кэмел лайте».

Попозже – примерно тогда, когда последние три-четыре месяца нашего брака, правду сказать, начали представляться мне более ясно – у меня сложилось убеждение, что мое решение бросить курить именно тогда, быть может, не было таким скоропалительным, как казалось сперва, и вовсе не безрассудным. Я не отличаюсь блестящим умом, да и особым мужеством тоже, но это решение можно счесть и блестящим, и мужественным. Во всяком случае, это не исключено: иногда мы становимся выше самих себя. В любом случае отказ от курения помог мне в первые дни после ухода Дианы сосредоточить мысли на чем-то конкретном; обеспечил моей тоске словесную форму, которой иначе она была бы лишена – не знаю, поймете ли вы.

Скорее всего нет. Но не знаю, как выразить это иначе.

Прикидываю ли я, что отказ от курения в тот момент мог сыграть свою роль в том, что произошло тогда в «Кафе Готэм»? Естественно… Но это меня не трогает. В конце-то концов никто из нас не способен предсказать финальiый результат наших поступков, да и мало кто пытается. Большинство поступает так, как поступает, чтобы продлить удовольствие или на время заглушить боль. И даже когда наши поступки диктуются самыми благородными побуждениями, последнее звено в цепи слишком часто обагрено чьей-то кровью.

***

Хамболд позвонил мне через две недели после того вечера, когда я бомбардировал сигаретами Восемьдесят Третью улицу, и на этот раз он строго придерживался «мистера Дэвиса», как формы обращения. Он спросил меня, как я поживаю, и я ответил ему, что хорошо. Отдав таким образом дань вежливости, он сообщил мне, что звонит по поручению Дианы. Диана, сказал он, хотела бы встретиться со мной и обсудить «некоторые аспекты» нашего брака. Я подозревал, что «некоторые аспекты» подразумевают ключ к сейфу, не говоря уж о разных других финансовых вопросах, которые Диана сочтет нужным прояснить до того, как вытолкнуть на сцену своего адвоката, однако моя голова сознавала одно, а тело вело себя совсем иначе. Я чувствовал, как краснеет моя кожа, как все быстрее колотится сердце. Я ощущал дерганье пульса в руке, держащей трубку. Не забывайте, в последний раз я видел ее утром того дня, когда она ушла. Но видел ли? Она спала, зарывшись лицом в подушку.

Однако у меня хватило здравого смысла спросить, о каких, собственно, аспектах мы говорим.

Хамболд сально хихикнул мне в ухо и ответил, что предпочел бы отложить это до нашей встречи.

Хамболд сально хихикнул мне в ухо и ответил, что предпочел бы отложить это до нашей встречи.

– Вы уверены, что это такая уж хорошая идея? – спросил я, чтобы оттянуть время. Я ведь знал, что это очень плохая идея. И еще я знал, что соглашусь: Я хотел увидеть ее еще раз. Чувствовал, что должен увидеть ее еще раз.

– О, да, я в этом убежден, – сказано это было мгновенно, без колебаний. И последние сомнения в том, что Хамболд и Диана тщательнейшим образом отработали это между собой (и, да, вполне вероятно, советуясь с адвокатом), тут же улетучились… – Всегда следует дать пройти какому-то времени, прежде чем главные участники конфликта встретятся – дать им поостыть, однако, на мой взгляд, встреча лицом к лицу теперь облегчит…

– Позвольте мне сообразить, – сказал я. – Вы имеете в виду…

– Завтрак, – сказал он. – Послезавтра? У вас найдется для него время?

«Ну конечно, найдется, – подразумевал его тон. – Просто, чтобы снова ее увидеть.., почувствовать легчайшее прикосновение ее руки. А, Стив?».

– В любом случае первую половину дня в четверг я свободен, так что тут затруднений не возникнет. Мне привести с собой моего.., моего психотерапевта?

Снова сальный смешок задрожал у меня в ухе, будто нечто секунду назад извлеченное из формочки для желе.

– А у вас он есть, мистер Дэвис?

– Собственно говоря, нет. Вы уже наметили место? Я было спросил себя, кто будет платить за этот обед, и тут же улыбнулся собственной наивности. Сунул руку в карман за сигаретой, и мне под ноготь вонзился кончик зубочистки. Я вздрогнул, выдернул зубочистку, осмотрел ее кончик на предмет крови, ничего не обнаружил и сунул зубочистку в рот.

Хамболд успел что-то сказать, но я прослушал. При виде зубочистки я вновь вспомнил, что ношусь по волнам мира без сигарет.

– Простите?

– Я спросил, знаете ли вы «Кафе Готэм» на Пятьдесят Третьей улице? – сказал он уже с легким нетерпением… – Между Мэдисон и Парком?

– Нет, но не сомневаюсь, что сумею его отыскать.

– В полдень?

Я хотел было сказать ему, чтобы он сказал Диане, чтобы она надела свое зеленое платье в черную крапинку с длинным разрезом на боку, но решил, что это может оказаться контрпродуктивным.

– Прекрасно, значит, в полдень.

Мы сказали то, что обычно говорят, кончая разговор с тем, кто вам уже не нравится, но с кем у вас есть дела. Затем я расположился перед компьютером и задумался, достанет ли у меня сил встретиться с Дианой, если я не выкурю предварительно хотя бы одной сигареты.

***

По мнению Джона Ринга, ничего прекрасного здесь не было. Ни в чем.

– Он вас подставляет, – сказал он. – И она с ним вместе. При такой расстановке сил адвокат Дианы будет там присутствовать незримо, а я – ни в каком качестве. Воняет за милю.

«Может быть, но тебе-то она никогда не всовывала язык в рот, чувствуя, что ты вот-вот кончишь», – подумал я. Но, поскольку таких вещей не говорят адвокату, чьими услугами вы только-только заручились, я сказал лишь, что хочу увидеть ее еще раз, посмотреть, нет ли шанса все уладить.

Он вздохнул.

– Не морочьте себе голову. Вы видите в этом ресторане его, вы видите ЕЕ, вы преломляете с ними хлеб, выпиваете немного вина, она закладывает ногу за ногу, вы смотрите, вы мило беседуете. Она снова закладывает ногу за ногу, вы смотрите и смотрите, и, возможно, они убедят вас сделать дубликат ключа к сейфу…

– Не убедят!

Topreading.ru

– ..и в следующий раз вы увидите их в суде, и все вредное для вас, что вы наговорили, пока смотрели на ее ноги и вспоминали, как они обвивались вокруг вас, будет занесено в протокол. А вы обязательно наговорите много вредного, потому что в ресторан они явятся, заранее приготовив все нужные вопросы. Я знаю, что вы хотите ее увидеть, я способен это понять, но НЕ ТАК! Речь ведь идет не о справедливой ничьей, приятель. Хамболд это знает. Как и Диана.

– Никому повестки не вручали, и если она просто хочет поговорить…

– Не прячьтесь от правды, – сказал Ринг. – На этой стадии веселой вечеринки никто не хочет просто разговаривать, а либо хотят потрахаться, либо отправиться домой. Развод уже совершился, Стивен. И эта встреча – простое и чистое зондирование. Выиграть вы не можете ничего, а вот проиграть – так все. Глупо!

– Тем не менее…

– Вы неплохо зарабатывали, особенно последние пять лет…

– Знаю, но…

– И ТРИ года из этих пяти, – Ринг оборвал меня тем голосом, каким пользовался в суде, словно вдел руки в рукава пальто, – Диана Дэвис не была ни вашей женой, ни вашей сожительницей, ни вашей помощницей в любом смысле слова. Она была просто Дианой Кислоу из Паунд-Риджа и не шествовала перед вами, рассыпая цветочные лепестки или дудя в рожок.

– Да, но я хочу ее видеть.

А то, что я думал, ввергло бы его в полное бешенство: я хотел увидеть, наденет ли она зеленое платье в черную крапинку – ведь она, черт дери, прекрасно знала, что оно – мое любимое.

Он снова вздохнул.

– Я должен кончить этот спор, не то мне придется пить мой обед, а не есть его.

– Идите поешьте. Диетическое меню. Деревенский сыр.

– Ладно. Но сначала я еще раз попытаюсь убедить вас. Такая встреча – это своего рода рыцарский турнир. Они явятся в полном вооружении. А вы явитесь, одетый только в улыбку. Даже без набедренной повязки. И первый удар они нанесут именно туда.

– Я хочу ее увидеть, – сказал я. – Я хочу увидеть, как она. Извините.

Он испустил саркастический смешок.

– Отговорить вас мне не удастся?

– Нет.

– Ну, хорошо. В таком случае я хочу, чтобы вы следовали моим указаниям. Если я узнаю, что вы про них забыли и все испортили, я, возможно, приду к выводу, что мне будет проще вообще отказаться от этого дела. Вы меня слышите?

– Слышу.

– Отлично. Не кричите на нее, Стивен. Они могут подстроить так, что вам по-настоящему

захочется наорать на нее. Воздержитесь!

– Ладно.

Я не собирался орать на нее. Если я сумел бросить курить через два дня после того, как она ушла от меня – и не закурил снова! – уж как-нибудь я сумею продержаться сто минут и три перемены блюд, не назвав ее стервой.

– И на него не орите. Это во-вторых.

– Ладно.

– Одного «ладно» мало. Я знаю, он вам не нравится, да и вы ему не слишком нравитесь.

– Он же меня даже не видел. И он.., психотерапевт. Как он мог составить обо мне мнение, хорошее или плохое?

– Не прячьтесь от правды, – сказал он. – Ему платят, чтобы он составлял мнение. Если она заявит ему, что вы перевернули ее вверх тормашками и изнасиловали с помощью кукурузного початка, он не скажет: «Предъявите доказательства», он скажет: «Ах вы бедняжка! И сколько раз?». Вот и скажите «ладно» с убеждением.

– Ладно, с убеждением.

– Уже лучше, – но он сказал это без всякого убеждения. Он сказал это, как человек, который хочет перекусить и забыть обо всем.

– Не касайтесь существенных вопросов, – продолжал он. – Не обсуждайте имущественных вопросов даже под соусом: «Как вы отнеслись бы к такому предложению?». Придерживайтесь одних сантиментов. Если они озлятся и спросят, зачем вы вообще пришли, если не намерены обсуждать конкретные вещи, отвечайте, как сейчас ответили мне: потому что хотели еще раз увидеть свою жену.

– Ладно.

– А если они тогда встанут и уйдут, вы переживете?

– Да.

Я не знал, переживу или нет, но полагал, что переживу, и еще я чувствовав, что Рингу не терпится окончить этот разговор.

– Как адвокат – ваш адвокат – повторяю вам, что эта встреча – идиотство, и если она всплывет во время судебного разбирательства, я попрошу сделать перерыв только для того, чтобы вытащить вас в коридор и сказать: «Я же говорил!». Поняли наконец?

– Да. Передайте от меня привет диетическому блюду.

– Клал я на диетическое блюдо, – угрюмо отозвался Ринг. – Если за обедом я не могу выпить двойное кукурузное виски, так могу по крайней мере взять двойной чизбургер в «Пиве с Бургерами».

– Слова, достойные истинного американца.

– Надеюсь, она даст вам по рукам, Стивен.

– Знаю, что надеетесь.

Он повесил трубку и отправился за своим заменителем алкоголя. Когда я увиделся с ним в следующий раз, уже потом, через несколько дней, между нами возникло что-то такое, чего нельзя было касаться, хотя, мне кажется, мы поговорили бы об этом, знай мы друг друга хотя бы чуточку побольше. Я понял это по его глазам, как и он, конечно, по моим – мысль о том, что будь Хамболд адвокатом, а не психотерапевтом, то он, Джон Ринг, был бы там с нами. А в этом случае он мог бы оказаться в морге рядом с Уильямом Хамболдом.

***

Из конторы я пошел в «Кафе Готэм» пешком – вышел в П часов 15 минут. Я пришел загодя ради собственного душевного спокойствия – иными словами, чтобы удостовериться, что кафе находится именно там, где сказал Хамболд. Я – такой и был таким всегда. Диана, когда мы только поженились, называла это моей «одержимостью», но, думаю, под конец она разобралась. Я скрепя сердце полагаюсь на компетентность других людей, только и всего. Я отдаю себе отчет, что такая черта характера способна действовать на нервы, и знаю, что Диану она доводила до исступления. Но только она словно бы так и не поняла, что мне самому эта черта не так уж приятна. Однако в чем-то меняешься быстро, в чем-то – медленно. А кое в чем не меняешься вовсе, как ни стараться.

Ресторан находился точно там, где сказал Хамболд, о чем свидетельствовала зеленая маркиза со словами «Кафе Готэм» на ней. На зеркальных стеклах – белый силуэт города. Он выглядел очень нью-йоркским и вполне заурядным – просто один из примерно восьмисот дорогих ресторанов, втиснувшихся в центр города.

Найдя место встречи и временно успокоившись (то есть в этом отношении; мысль, что я увижу Диану, держала меня в жутком напряжении, и мне отчаянно хотелось закурить), я свернул на Мэдисон и пятнадцать минут бродил по галантерейному магазину. Просто рассматривать витрины снаружи было нельзя: если Диана и Хамболд подъедут с этой стороны, они могут меня увидеть. И Диана, конечно, узнает меня даже со спины по развороту плеч и покрою пальто, а этого мне не хотелось. Мне не хотелось, чтобы они знали, что я приехал загодя. Ведь, казалось мне, в этом можно усмотреть просительность, даже жалкое заискивание. А потому я вошел внутрь магазина.

Я купил совершенно не нужный мне зонтик и вышел на улицу ровно в полдень по моим часам, зная, что переступлю порог «Кафе Готэм» в 12 часов 5 минут. Заповедь моего отца: если тебе нужно быть там, приходи на пять минут раньше. Если им нужно, чтобы ты был там, приходи на пять минут позже. Я достиг того состояния, что уже не знал, что кому нужно, и почему, и как долго, но отцовский завет, кажется, предлагал наиболее безопасный вариант. Если бы речь шла только о Диане, думаю, я вошел бы туда точно в назначенное время.

Нет, вероятно, я лгу. Наверное, если бы речь шла об одной Диане, я бы вошел в 11 часов 45 минут, сразу, как приехал, и подождал бы ее в зале.

Несколько секунд я постоял под маркизой, заглядывая внутрь. Зал был ярко освещен, что я одобрил. Не терплю темные рестораны, где не видишь, что ты ешь и что пьешь. Белые стены с бодрящими импрессионистическими рисунками. Понять, что на них изображено, было невозможно, но это не имело значения: их спектральные цвета и широкие штрихи действовали,

как визуальный кофеин. Я поискал взглядом Диану и увидел у стены примерно в середине длинного зала женщину, которая могла быть ею. Определить точнее было трудно, так как она сидела ко мне спиной, а у меня нет ее дара узнавать людей в подобных позах. Однако плотный лысеющий мужчина рядом с ней определенно выглядел, как Хамболд. Я глубоко вздохнул, открыл дверь ресторана и вошел.

***

Отторжение от табака распадается на два этапа, и я убежден, что рецидивы чаще происходят на втором. Физическое отторжение длится от десяти дней до двух недель, после чего большинство симптомов – потение, головные боли, тик, резь в глазах, бессонница, раздражительность – исчезают. Затем начинается куда более длительный этап психологического отторжения. Его симптомы могут включать депрессию – от легкой до умеренной, – тоскливое настроение, определенную степень ангедонии (иными словами, вялое безразличие ко всему), забывчивость, даже своего рода преходящую дислексию. Все это я знаю, потому что заглянул в соответствующую литературу. После того, что произошло в «Кафе Готэм», мне казалось, что это очень важно. Полагаю, можно сказать, что мой интерес находился где-то на границе между Страной Увлечений и Царством Маний.

Наиболее обычный симптом второй фазы – это ощущение некоторой нереальности. Никотин улучшает контакт синапсов и повышает концентрацию внимания – другими словами, расширяет путь поступления информации в мозг. Не очень сильно и не специфически по линии активного мышления (хотя заядлые курильщики утверждают обратное), но когда его действие прекращается, у вас остается ощущение – навязчивое в моем случае, – будто граница между снами и явно стирается. Мне много раз чудилось, что прохожие и машины, и маленькие сценки на тротуаре, которые я наблюдал, на самом деле скользят мимо меня на длинной ленте, которую спрятанные рабочие сцены тянут, крутя огромные ручки и вращая огромные барабаны. И еще чудилось, будто ты все время чуть пьян, поскольку это состояние сопровождалось ощущением беспомощности и душевной измотанности, ощущением, будто все будет продолжаться так без конца, к лучшему ли, к худшему ли, потому что ты (разумеется, я имею в виду себя) настолько занят некурением, что ни на что другое почти не остается ни времени, ни сил.

Не уверен, какое отношение все это имело к произошедшему, но убежден, что какое-то, бесспорно, имело, поскольку я почувствовал, что с метрдотелем творится что-то очень неладное, едва увидел его, а едва он заговорил со мной, я уже знал это твердо.

Он был высок, лет около сорока пяти, строен (во всяком случае, во фраке – в обычной одежде он выглядел бы тощим), усат. В одной руке он держал меню в кожаной папке. Иными словами, выглядел он точно так же, как батальоны метрдотелей в батальонах шикарных нью-йоркских ресторанов. Только его бабочка сбилась в сторону, и что-то темнело на рубашке, прямо над верхней пуговицей фрака. Не то пятно, не то комочек желе. Кроме того, на затылке у него торчал вихор, как у Алфалфы в старом сериале «Маленькие проказники». И я чуть было не расхохотался – не забудьте, я очень нервничал, – и мне пришлось закусить губу, чтобы удержаться.

– Да, сэр? – спросил он, когда я приблизился к его столу. Слова эти прозвучали как «дей, сайр?». Все метрдоты в Нью-Йорке говорят с акцентом, и ни единый из этих акцентов не поддается точному определению. Девушка, с которой я встречался в середине восьмидесятых, отличавшаяся большим чувством юмора (и, к несчастью, еще большим пристрастием к наркотикам), как-то сказала мне, что все они родом с одного островочка, а потому у них у всех

один родной язык.

«И какой же?» – спросил я.

«Снобби», – ответила она, и я покатился со смеху.

Вот о чем я вспомнил, когда посмотрел через его стол на женщину, которую заметил снаружи – теперь я почти не сомневался, что это Диана, и мне вновь пришлось закусить губу изнутри. В результате фамилия Хамбояда вырвалась у меня изо рта так, словно я ее вычихнул.

Бледный лоб метрдота нахмурился. Его глаза впились в мои. Когда я подходил к нему, они мне показались карими, но теперь они выглядели черными.

– Извините, сэр? – переспросил он. Прозвучало это, как «изнити, сайр», а, судя по тону, означало: «А пошел бы ты на… Джек!» Его длинные пальцы, бледные, как и лоб – похожие на пальцы пианиста, – нервно забарабанили по краю меню. Кисточка, которой оно было снабжено, своего рода недоношенная закладка, покачивалась взад и вперед.

– Хамболд, – сказал я. – Столик на троих. Я обнаружил, что не могу отвести взгляда от его бабочки, сбившейся настолько, что ее уголок почти задевал его нижнюю челюсть, и от этого комочка на белоснежной накрахмаленной рубашке. И вблизи оно больше не напоминало соус или желе, а походило на полузапекшуюся кровь.

Он листал книгу заказов, а непокорный вихор у него на затылке колебался из стороны в сторону над остальными прилизанными волосами. Я видел кожу на дне бороздок, которые оставил в них гребешок, и перхотинки на плечах фрака. Мне пришло в голову, что хороший метрдотель вполне мог бы уволить подчиненного за подобное неряшество.

– А, да, мсье («А, дей, мусью»), – он нашел искомую фамилию. – Ваш столик… – Его глаза было поднялись, но он вдруг умолк, и его взгляд, став еще более пронзительным, если это было возможно, скосился вниз мимо меня. – Сюда нельзя приводить собак, – сказал он резко. – Сколько раз я вам повторял, не приводить сюда эту СОБАКУ?

Он не то чтобы закричал, но его голос обрел такую громкость, что люди за столиками вблизи от его стола, больше смахивавшего на церковную кафедру, перестали есть и начали с любопытством оглядываться по сторонам.

Я тоже посмотрел вокруг. Он говорил так требовательно, что я ожидал увидеть кого-то с собакой. Но позади меня не было никого, а собаки – тем более. Тут мне, не знаю почему, пришло в голову, что он имел в виду мой зонтик, который я забыл сдать в, гардероб. Быть может, на жаргоне Острова Метрдот «собака» означает зонтик и особенно в руках клиента в ясный день, словно бы не угрожающий дождем.

Я вновь посмотрел на метрдота и увидел, что он уже удаляется от столика с моим меню в руке. Видимо, он почувствовал, что я не пошел за ним – во всяком случае – он оглянулся через плечо, слегка подняв брови. Теперь его лицо не выражало ничего, кроме вежливого: «Так вы идете, мусью?», и я пошел за ним. У меня не было ни времени, ни сил гадать, что может быть не так с метрдотом ресторана, где я ни разу не бывал до этого дня, и куда, вероятно, никогда больше не загляну. Мне предстояло иметь дело с Хамболдом и Дианой – и не курить при этом, а потому метрдот «Кафе Готэм» пусть сам разбирается со своими проблемами, включая собаку.

***

Диана обернулась, и сначала я не увидел в ее лице и глазах ничего, кроме ледяной вежливости. Затем различил за вежливостью злость.., или мне так показалось. В последние наши два-три месяца вместе мы часто ссорились, но я не мог вспомнить, чтобы хоть раз заметил что-то похожее на скрытую злость, которую ощутил в ней сейчас, – злость, которую должен был прятать макияж, и новое платье (голубое, без крапинок, без разреза сбоку, длинного или короткого), и новая прическа. Плотный мужчина за ее столиком что-то говорил ей, и, протянув руку, она прикоснулась к его локтю. Когда он обернулся в мою сторону и начал приподниматься со стула, я заметил в ее лице еще что-то. Она не только испытывала ко мне злость, она меня боялась. И хотя она не произнесла еще ни слова, я уже был в бешенстве. Выражение ее глаз все отвергало заранее. С тем же успехом она могла вывесить между ними на лбу табличку: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО ОПОВЕЩЕНИЯ». Я считал, что заслуживаю лучшего. Разумеется, это может быть лишь способ заявить, что ничто человеческое мне не чуждо.

Диана обернулась, и сначала я не увидел в ее лице и глазах ничего, кроме ледяной вежливости. Затем различил за вежливостью злость.., или мне так показалось. В последние наши два-три месяца вместе мы часто ссорились, но я не мог вспомнить, чтобы хоть раз заметил что-то похожее на скрытую злость, которую ощутил в ней сейчас, – злость, которую должен был прятать макияж, и новое платье (голубое, без крапинок, без разреза сбоку, длинного или короткого), и новая прическа. Плотный мужчина за ее столиком что-то говорил ей, и, протянув руку, она прикоснулась к его локтю. Когда он обернулся в мою сторону и начал приподниматься со стула, я заметил в ее лице еще что-то. Она не только испытывала ко мне злость, она меня боялась. И хотя она не произнесла еще ни слова, я уже был в бешенстве. Выражение ее глаз все отвергало заранее. С тем же успехом она могла вывесить между ними на лбу табличку: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО ОПОВЕЩЕНИЯ». Я считал, что заслуживаю лучшего. Разумеется, это может быть лишь способ заявить, что ничто человеческое мне не чуждо.

– Мсье, – сказал метрдот, выдвигая стул слева от Дианы. Я его почти не слышал, и уж, конечно, его эксцентричное поведение и сбившаяся в сторону бабочка тут же вылетели у меня из головы. По-моему, даже о табаке я на секунду забыл – в первый раз с того момента, когда я бросил курить. Я был способен только думать о ее тщательно спокойном лице и удивляться, как я могу быть в таком бешенстве на нее и все же хотеть ее так отчаянно, что мне было больно на нее смотреть. Усиливает ли разлука любовь или нет, но зрение она, бесспорно, освежает.

Кроме того, я успел подумать, действительно ли я видел все то, о чем думал. Злость? Да, не исключено и даже вероятно. Если бы она не была зла на меня хотя бы в какой-то степени, то осталась бы дома – вывод напрашивался сам собой. Но – боится? Почему, во имя всего святого, Диане меня бояться? Я никогда даже пальцем ее не тронул. Да, полагаю, во время наших ссор я иногда повышал голос, но ведь и она тоже!

– Приятного аппетита, мсье, – сказал метрдот из какой-то иной вселенной, где обычно пребывает обслуживающий персонал, только просовывая головы в нашу, когда мы их призываем, чтобы попросить о чем-то либо пожаловаться на что-то.

– Мистер Дэвис, я Билл Хамболд, – сказал спутник Дианы. Он протянул крупную руку, которая выглядела красноватой, словно воспаленной. Я слегка ее пожал. В нем все было крупным, а широкое лицо отливало багрянцем, который часто появляется на щеках любителей выпить после первого стаканчика. Я дал ему лет сорок пять – примерно через десять лет его начинающие отвисать щеки превратятся в брыли.

– Очень рад, – сказал я, думая о том, что говорю не больше, чем о метрдоте с темным комочком на рубашке, и только торопясь покончить со вступительным рукопожатием, чтобы снова повернуться к хорошенькой блондинке с нежным румянцем на матовой коже, светло-розовыми губами и ладной тоненькой фигурой. К женщине, которая не так давно любила шептать «вот так вот так вот так» мне на ухо, вцепляясь в мои ягодицы, будто в седло с двумя луками.

– Сейчас мы устроим вам выпить, – сказал Хамболд, оглядываясь в поисках официанта, как человек, для которого нет ничего привычнее. Ее психотерапевт демонстрировал все симптомы и сигналы потенциального алкоголика, Замечательно!

– «Перье» с лимоном мне подойдет.

– Для чего? – осведомился Хамболд с широкой улыбкой. Он взял стоявший перед ним бокал с недопитым мартини и пил, пока маслина с воткнутой в нее зубочисткой не прижалась к его губам. Он выплюнул ее, поставил бокал и посмотрел на меня. – Ну, пожалуй, пора и приступить.

Я пропустил его слова мимо ушей. Я-то уже приступил. С той самой секунды, когда Диана посмотрела на меня.

– Привет, Диана, – сказал я. Просто поразительно, что она выглядела даже элегантнее и красивей, чем раньше. И более желанной, чем раньше. Словно узнала что-то новое – да, всего за две недели разлуки, пока она жила с Эрни и Ди-Ди Кислоу в Паунд-Ридже, – чего я никогда не сумею узнать.

– Как ты, Стив? – спросила она.

– Прекрасно, – сказал я. И добавил:

– Собственно, не так уж. Мне очень тебя не хватает.

В ответ – только выжидательное молчание. Большие зелено-голубые глаза смотрели сквозь меня. И, безусловно, никакого отклика, никакого «и мне тебя не хватало».

– И я бросил курить. Это тоже не способствовало моему душевному спокойствию.

– Наконец бросил? Это хорошо.

Во мне вновь всколыхнулось бешенство, на этот раз по-настоящему свирепое, из-за ее вежливо-безразличного тона. Словно я солгал, но это ни малейшего значения не имело. Два года каждый день (такое у меня было ощущение) она меня поедом еда из-за сигарет. Как из-за них у меня будет рак, как из-за них у нее будет рак, как она и думать не станет о ребенке, пока я не брошу, так что я могу поберечь время и не тратить возражений на эти разговоры. И вот теперь это ничего не значит, потому что я ничего не значу!

– Стив.., мистер Дэвис, – сказал Хамболд. – Я подумал, что для начала вы могли бы ознакомиться со списком претензий, которые Диана определила за время наших сеансов – крайне исчерпывающих, могу я добавить – в течение последних, двух недель. Несомненно, это может послужить трамплином для перехода к главной цели, из-за которой мы здесь, а именно: как упорядочить период прекращения совместного проживания, который обеспечит ориентирование вам обоим.

Рядом с ним на полу стоял кейс. Крякнув, он его поднял, поставил на четвертый, свободный,

стул и начал отпирать замочки, но тут я перестал обращать на него внимание. Меня не интересовали трамплины для прекращения совместного проживания, что бы это ни означало. Во мне мешались паника и бешенство – пожалуй, такого странного чувства я еще никогда не испытывал.

Я посмотрел на Диану и сказал:

– Я хочу попробовать еще раз. Мы не могли бы помириться? Есть на это шанс?

Выражение абсолютного ужаса на ее лице сокрушило надежды, о которых я даже не подозревал. Ужас, сменившийся злостью.

– Как это на тебя похоже!

– Диана…

– Где ключ от сейфа, Стивен? Где ты его спрятал? Хамболд как будто встревожился. Он протянул руку и потрогал ее за локоть.

– Диана.., по-моему, мы согласились, что…

– Мы согласились, что этот сукин сын припрячет все, что сумеет под ближайший камень, а потом будет ссылаться на бедность, если мы это допустим!

– Ты в его поисках всю спальню перерыла, перед тем как уйти, верно? – сказал я тихо. – Перевернула все вверх дном, будто грабитель.

Тут она покраснела. Не знаю, от стыда, от злости или от того и другого вместе.

– Сейф мой не меньше, чем твой! И веши мои так же, как твои!

Хамболд еще больше встревожился. На нас начали оглядываться. И почти все посмеивались! Да уж, люди – самые причудливые из Божьих творений.

– Прошу вас.., прошу.., не надо…

– Куда ты его запрятал, Стивен?

– Я его не прятал. И не думал даже. Случайно забыл в летнем домике, и все.

Она иронически улыбнулась.

– Уж конечно. Совершенно случайно. Угу! – Я промолчал, и ироническая улыбка исчезла. – Мне он нужен! – И быстро поправилась:

– Мне нужен дубликат!

«А людям в аду нужна вода со льдом», – подумал я, но вслух сказал:

– Тут ведь ничего не поделать, верно?

Она замялась, возможно, услышав в моем голосе что-то такое, чего не хотела слышать, не хотела признать.

Topreading.ru

– Да, – сказала она. – В следующий раз, когда ты меня увидишь, я буду с адвокатом. Я с тобой развожусь.

– Почему? – Теперь я услышал в своем голосе жалобную ноту, будто овечье блеяние. Мне это не понравилось, но, черт возьми, что я мог сделать. – ПОЧЕМУ?

– О Господи! Ты думаешь, я поверю, будто ты на самом деле так туп?

– Я просто не могу…

Ее щеки стали еще алее, краска поднималась к вискам.

– Да, вероятно, ты именно ждешь, что я этому поверю. Так типично!

Она взяла стакан с водой и выплеснула дюйма два на скатерть, потому что рука у нее тряслась. Я тут же перенесся в тот день, когда она ушла: вспомнил, как смахнул стакан с апельсиновым соком на пол, как велел себе, пока у меня трясутся руки, не подбирать осколки, чтобы не порезаться, и как все равно начал их подбирать и поранился в награду за свои старания.

– Прекратите! Это контрпродуктивно, – сказал Хамболд. Точно учитель у игровой площадки, старающийся предотвратить драку, прежде чем она началась. Он, казалось, совсем забыл про список дерьма, составленный Дианой.

Его глаза шарили по дальнему концу зала, высматривая нашего официанта или любого другого, чей взгляд ему удалось бы перехватить. В эту минуту терапия интересовала его куда меньше, чем возможность добавить еще, как говорится.

– Я только хочу узнать… – начал я.

– То, что вы хотите узнать, не имеет никакого отношения к тому, для чего мы здесь, – сказал Хамболд, и на мгновение он словно обрел деловую хватку.

– Да, верно. Наконец-то, – сказала Диана надрывным настойчивым голосом. – Наконец-то речь идет не о том, чего хочешь ты, что нужно тебе.

– Я только хочу узнать… – начал я.

– То, что вы хотите узнать, не имеет никакого отношения к тому, для чего мы здесь, – сказал Хамболд, и на мгновение он словно обрел деловую хватку.

– Да, верно. Наконец-то, – сказала Диана надрывным настойчивым голосом. – Наконец-то речь идет не о том, чего хочешь ты, что нужно тебе.

– Не понимаю, что это значит, но я готов выслушать, – сказал я. – Если ты хочешь попробовать совместное консультирование вместо.., а.., терапии.., ну, того, чем занимается Хамболд.., я не против…

Она подняла руки до уровня плеч, вывернув ладони.

– Боже мой! Верблюд Джо с пачки «Кэмел» шагает в Новый Век! – сказала она и опустила руки себе на колени. – После всех тех дней, когда ты уезжал в закат, такой высокий в седле! Скажи, что это не так, Джо!

– Прекратите, – сказал ей Хамболд. Он перевел взгляд со своей пациентки на почти уже бывшего мужа своей пациентки. (Да, это произойдет, даже легкое ощущение нереальности, возникающее от некурения, уже не могло замаскировать от меня эту самоочевидную истину). – Еще одно слово от вас обоих, и я объявлю эту встречу завершенной. – Он одарил нас улыбочкой, настолько явно искусственной, что она от обратного показалась мне умилительной. – А мы даже еще ничего не заказали!

Это – первое упоминание о еде с того момента, когда я присоединился к ним, – словно бы предварило разразившиеся ужасы, и я помню, как от одного из соседних столиков на меня повеяло запахом лососины. За две недели, после того как я бросил курить, мое обоняние удивительно обострилось, но я не считаю это такой уж удачей, и особенно когда речь идет о лососине. Прежде она мне нравилась, но теперь я не выношу ее запаха, а о вкусе и говорить нечего. Для меня она пахнет болью и страхом, и кровью, и смертью.

– Он начал, – сказала Диана сердито.

«Ты начала, ты перевернула квартиру вверх дном, а потом ушла, когда не сумела найти того, что тебе требовалось», – подумал я, но промолчал. Хамболд явно не шутил: если мы начнем это школьное дерьмо, «нет, не я, нет ты», он возьмет Диану за руку и уведет ее. Его не остановит даже перспектива выпить еще.

– Ладно, – сказал я мягко.., и поверьте, этот мягкий тон дался мне очень нелегко! – Что дальше?

Естественно, я знал: перечисление обид, иными словами, дерьмовый список претензий Дианы. И еще много о ключе к сейфу. Вероятно, единственное удовлетворение, какое мне удастся извлечь из этой отвратительной ситуации, сведется к тому моменту, когда я заявлю им, что дубликата они не получат, пока судебный исполнитель не вручит мне письменного распоряжения судьи предоставить его. С тех пор как Диана отбыла из моей жизни, я к содержимому сейфа не прикасался и не собирался к нему прикасаться в ближайшем будущем.., но и она не прикоснется! Пусть грызет сухари и пытается свистнуть, как говаривала моя бабушка.

Хамболд извлек пачку листков, сколотых цветной причудливой скрепкой, из тех, которые изготовляют на заказ. И мне пришло в голову, что я явился сюда катастрофически неподготовленным к этой встрече – и не только потому, что мой адвокат где-то сейчас вгрызается в чизбургер. У Дианы – новое платье; у Хамболда – его кейс на заказ; а у меня – только новый зонтик в солнечный день. Я поглядел вниз, туда, где он лежал возле моего стула, увидел, что на ручке все еще висит ярлычок с ценой, и у меня запылали уши.

Зала благоухала (как большинство ресторанов с тех пор, как в них запретили курить) цветами, вином, свежемолотым кофе, шоколадом, только что испеченными булочками – но особенно ясно я различал запах лососины и, помню, подумал, что если смогу есть здесь, то, вероятно, смогу есть где угодно.

– Главные проблемы, – указанные вашей женой – по крайней мере пока, – это ваше равнодушие к ее работе и неспособность доверять в личном плане, – сказал Хамболд. – Относительно второго, должен указать, что ваше нежелание открыть Диане доступ к сейфу, принадлежащему вам обоим, вполне исчерпывает вопрос о доверии.

Я открыл было рот, намереваясь указать, что с доверием не все так просто, что я не доверяю Диане – она вполне способна забрать все и присвоить. Однако прежде чем я успел произнести

хоть слово, меня перебил метрдот. Он не только кричал, но и визжал – я постарался передать это, однако сплошная цепочка «и» не дает представления о реальном звуке. Казалось, все нутра у него полно пара, а в горле засел свисток, предупреждающий, что чайник закипел.

– Эта собака… Иииииии!.. Я вам без конца повторял про собаку… Иииииии!.. Все это время я не могу спать… Иииииии!.. Она говорит, порежь себе лицо, дырка эта!.. Иииииии!.. Как ты меня доводишь!.. Иииииии!.. А теперь ты притащил эту собаку сюда… Иииииии!

В зале, конечно, сразу воцарилась тишина. Все перестали есть, перестали разговаривать, когда худая, бледная, одетая в черное фигура зашагала по центральному проходу, выдвинув голову вперед, быстро перебирая длинными, как у цапли, ногами. Теперь на лицах не было ни единой улыбки, только изумление. Бабочка метрдота повернулась на полные девяносто градусов и теперь смахивала на стрелки часов, показывающие шесть. Руки он заложил за спину и немного наклонялся вперед от талии, так что мне вспомнилась иллюстрация в моем учебнике литературы для шестого класса, изображавшая Икебода Крейна злополучного школьного учителя, созданного Вашингтоном Ирвингом.

И смотрел ii на меня, приближался он ко мне. Я уставился на него, ощущая себя почти загипнотизированным – как бывает во сне, когда, тебе снится что ты должен сдавать экзамен, к которому не готовился, или что ты сидишь совсем голый на обеде в твою честь в Белом доме, – и, возможно, я продолжал бы сидеть так, если бы не Хамболд.

Я услышал, как скрипнул его стул, и посмотрел в его сторону. Он стоял, выпрямившись, небрежно держа салфетку в одной руке. Вид у него был удивленный, но и разъяренный. Я внезапно понял две вещи: что он пьян, сильно пьян, и что он усмотрел в происходящем оскорбление и его радушию. И его компетентности. В конце-то концов ресторан выбрал он, и поглядите – главный церемониймейстер сорвался с катушек!

– Иии!.. Я тебя проучу! В последний раз проучу…

– Мой Бог; он обмочил свои брюки! – ахнула женщина за соседним столиком. Голос ее был тихим, но далеко разнесся в тишине, которая наступила, пока метрдот набирал воздуха в легкие для нового визга, и я увидел, что она не ошиблась. По брюкам фрачной пары тощего визгуна расползлось темное пятно.

– Послушайте, болван! – сказал Хамболд, поворачиваясь к нему, и метрдот выдернул левую руку из-за спины. Она сжимала самый большой мясницкий нож, какой мне доводилось видеть. Не меньше двух футов длиной, и верхняя часть лезвия чуть выгибалась, точно абордажная сабля в старом пиратском фильме.

– Берегитесь!!! – крикнул я Хамболду, а щуплый мужчина в очках без оправы, сидевший за столиком у стены, завизжал. Извергая на скатерть перед собой пережеванные коричневатые кусочки.

Хамболд словно бы не услышал ни моего крика, ни визга очкарика. Он грозно хмурился на метрдота.

– Не думайте, что еще когда-нибудь увидите меня здесь, если вы таким образом… – начал Хамболд.

– Иичии! ИИИИИИИИИ! – провизжал метрдот и взмахнул ножом, повернув его плоской стороной лезвия. Послышался шелестящий звук, будто шепотом произнесли короткую фразу. Точкой послужил звук погружения лезвия в правую щеку Уильяма Хамболда. Кровь из раны

брызнула фонтаном мелких капелек. Они украсили скатерть веером пунктиров, и я увидел (никогда этого не забуду), как ярко-алая капля упала в мой бокал с водой и канула на дно, а за ней протянулась розоватая нить наподобие хвоста. Что-то вроде окровавленного головастика.

Щека Хамболда рассочилась, открыв зубы, а когда он прижал ладонь к извергающей кровь ране, я увидел на плече его темно-серого костюма что-то розовато-белое. Только. Когда все осталось позади, я осознал, что это была мочка уха.

– Скажи это себе в уши! – яростно визжал метрдот на кровоточащего психотерапевта Дианы, который стоял столбом, держась за щеку. Несмотря на кровь, лившуюся между его пальцев и через них, Хамболд обрел жуткое сходство с клоуном, получившим очередную пощечину. – Зови к своим паршивым сплетникам – друзьям с улицы.., ты, мразь… Иии!.. ДРУГ СОБАЧИИ!

Теперь уже визжали другие люди, главным образом, я полагаю, при виде крови. Хамболд был могучего сложения, и кровь из него хлестала, как из зарезанной свиньи. Я слышал, как ее капли стучат по полу, точно вода из прохудившейся трубы, а его белая рубашка была теперь красной на груди. Галстук, который прежде был красным, теперь стал черным.

– Стив? – сказала Диана. – СТИВЕН? За столиком у нее за спиной чуть слева обедали мужчина и женщина. Теперь мужчина – лет тридцати, красивый мужественной красотой кинозвезды – стремительно вскочил и кинулся в сторону двери.

– Трои, не бросай меня! – завизжала его дама, но Трои даже не оглянулся. Он совершенно забыл про библиотечную книгу, которую должен был вернуть, а может быть, про автомобиль, который обещал отполировать.

Если посетителей в зале сковал паралич (было так или нет, я решить не берусь, хотя как будто успел увидеть очень много и запомнить все), в эту секунду он исчез. Снова раздался визг, и все повскакали на ноги. Несколько столиков опрокинулось. Хрусталь и фарфор разлетались осколками. Я увидел, как мужчина, обнимая за талию свою даму, проскочил за спиной метрдота. Ее пальцы впивались ему в плечо, будто клешни. На мгновение ее взгляд скрестился с моим. Глаза у нее были пустые, как у греческого бюста. Смертельно бледное лицо ужас преобразил в харю ведьмы.

Все это заняло секунд десять или, может быть, двадцать. Мне они запомнились как серия фотографий или кадриков на киноленте. Временного протяжения у них не было. Время перестало существовать для меня в тот миг, когда Алфалфа, метрдот, выхватил левую руку из-за спины, и я увидел мясницкий нож. И все это время человек во фраке продолжал извергать путаные слова на своем особом метрдотельском языке, том, который моя былая приятельница называла «снобби». Некоторые и правда были иностранными, другие просто бессмысленными, а некоторые – поразительными.., почти проникающими в душу. Вам когда-нибудь приходилось читать длинное путаное предсмертное признание Голландца Шульца? Большую часть я забыл, но то, что помню, наверное, не забуду никогда.

Хамболд, пошатываясь, попятился, все еще держась за располосованную щеку. Его ноги под коленями ударились о край стула, и он тяжело опустился на него. «Он выглядит, как человек, которому только что сказали, что у него рак», – подумал я. Он начал поворачиваться к Диане и ко мне. Ошеломленные глаза были широко раскрыты. Я еще успел увидеть, что из них катятся слезы, когда метрдот стиснул рукоятку ножа обеими руками и погрузил его в макушку Хамболда. Звук был такой, словно кто-то ударил палкой по кипе полотенец.

– Жук! – вскрикнул Хамболд. Я абсолютно уверен, что его последним словом на планете Земля

было… «жук»!

Затем его плачущие глаза закатились под лоб, и он рухнул лицом в тарелку, сбросив на пол бокалы и рюмки выброшенной вперед рукой. В этот момент метрдот – теперь все его волосы на затылке, а не часть их торчали вихрами – высвободил нож из рассеченного черепа. Из раны, будто вертикальный занавес, взметнулась волна крови и обрызгала платье Дианы на груди и животе. Она опять вскинула руки к плечам, выставив ладони вперед, но на этот раз от ужаса, а не от раздражения. Она вскрикнула и прижала окровавленные ладони к глазам. Метрдот даже не посмотрел на нее, а повернулся ко мне.

***

– Эта твоя собака, – сказал он, словно начиная разговор и не обращая ни малейшего внимания на вопящих, обезумевших людей, которые у него за спиной лавиной устремлялись к двери. Глаза у него были очень большие, очень темные. Они снова показались мне карими, но только радужки были словно обведены черными кругами. – Эта твоя собака такая завывала. Все радио на Кони-Айленде не потянут против этой собаки, мать твою.

В руке у меня был зонтик, и только одного я вспомнить не могу, как ни стараюсь, – когда, собственно, я его схватил. Наверное, в тот момент, когда Хамболд застыл, парализованный сознанием, что его рот удлинили дюймов на восемь, но вспомнить точно не могу. Я помню, как похожий на кинозвезду красавец ринулся к двери, и знаю, что его имя – Трои, потому что это имя выкрикивала ему вслед дама, но я не помню, как поднял зонтик, который купил в галантерейном магазине. Тем не менее он был зажат у меня в руке, и ярлычок с ценой торчал из моего кулака, и когда метрдот согнулся, точно в поклоне, и рассек ножом воздух, намереваясь, мне кажется, вогнать нож в мое горло, я взмахнул зонтиком и ударил его по запястью, как в былые времена учитель хлопал непослушного ученика линейкой.

– Ук! – крякнул метрдот. Его рука резко опустилась, и лезвие, предназначавшееся для моего горла, пропороло намокшую розоватую скатерть. Однако он ножа не выронил и снова вскинул. Попытайся я опять ударить его по руке, не сомневаюсь, я промахнулся бы, но вместо этого я нацелился на его лицо и нанес прекрасный удар – настолько прекрасный, насколько в возможностях зонтика – ему по виску, и в этот момент зонтик раскрылся – точно визуальное воплощение ударной концовки анекдота.

Но мне это смешным не показалось. Цветок зонтика полностью заслонил метрдота от меня, когда он отшатнулся, и его свободная рука взметнулась к месту ушиба, и мне не понравилось, что я его не вижу. Не понравилось? Сковало ужасом – впрочем, я уже был скован ужасом.

Я ухватил Диану за кисть и рывком поднял на ноги. Она подчинилась молча, шагнула ко мне, споткнулась на высоких каблуках и неуклюже упала мне в объятия. Я ощутил ее прижатые ко мне груди и влажную теплую липкость поверх них.

– Иииич! Мудрак ты! – завизжал метрдот, а может быть, он обозвал меня «мудаком». Значения это, вероятно, не имеет, я понимаю. И все-таки, мне кажется, что имеет. Глубокой ночью мелкие вопросы свербят меня не меньше, чем самые важные. – Сукин мудрилло! Все эти радио! Баюшки-баю! Клал я на друзей-приятелей! Клал я НА ТЕБЯ!

Он двинулся к нам вокруг столика (зал у него за спиной совсем опустел и напоминал салун в вестерне после драки). Мой зонтик все еще лежал ручкой поперек столика, растопырившись за его краем, и метрдот задел его бедром. Зонтик свалился перед ним, и пока он отшвыривал его

ногой, я поставил Диану на ноги и потащил в глубину зала. К выходу бежать смысла не имело. В любом случае до него было слишком далеко, но даже если бы мы и добрались туда, дверь все еще заклинивали перепуганные визжащие люди. Если он наметил меня – или нас обоих, то без всякого труда нагнал бы нас и распотрошил, как пару индюшек.

– Вши! Вши вы!.. Иииии!.. Вот так с твоей собакой, а? Вот так с твоей лающей собакой!

– Останови его! – взвизгнула Диана. – Господи, он убьет нас обоих! Останови его!

– Вы у меня сгниете, твари! – Все ближе. Зонтик явно не очень его задержал. – Все сгниете!

Я увидел три двери. Две напротив друг друга в маленьком алькове, где, кроме того, помещался платный телефон. Мужской и женский туалеты. Нет! Даже если они на одного и дверь запирается изнутри – нет! Такой псих без труда сорвет задвижку, и нам некуда будет бежать.

Я поволок ее к третьей двери и втащил сквозь нее в мир чистой зеленой плитки, ярких флюоресцентных плафонов, сверкающего хрома и ароматов горячей еды. Над всем господствовал запах лососины. Хамболду так и не удалось сделать заказ, но я знал, что в любом случае лососину он заказал бы.

Там, балансируя нагруженным подносом на ладони, стоял официант. Рот у него был разинут, глаза выпучены. Вылитый Дурак Гимпель из рассказа Исаака Зингера.

– Что… – сказал он, и тут я его оттолкнул. Поднос взмыл в воздух, тарелки и бокалы разбились о стену.

– Эй! – завопил кто-то. Могучий мужчина в белом халате и белом поварском колпаке, точно облачко на голове, его шею обвязывал красный платок, и в одной руке он держал ложку, с которой стекал какой-то коричневый соус. – Эй! Сюда нельзя так ходить!

– Нам надо выбраться, – сказал я. – Он спятил. Он…

Тут меня осенило, как объяснить без объяснений, и я на мгновение прижал ладонь к левой груди Дианы – к намокшей материи ее платья. В последний раз я прикоснулся к ее груди и не знаю, было ли это приятно или ни то ни се. Я протянул руку к шеф-повару, показывая ему ладонь в пятнах крови Хамболда.

– Господи Боже ты мой! – сказал он. – Сюда. В заднюю дверь.

В этот же миг дверь, через которую вошли мы, снова распахнулась, и внутрь ворвался метрдот – безумные глаза, вихры торчат во все стороны, будто колючки свернувшегося в шар ежа. Он огляделся, увидел официанта, отмел его, увидел меня и бросился ко мне Я опять рванулся в сторону, таща Диану, и слепо наткнулся на мягкое брюхо шеф-повара. Мы проскочили мимо. Платье Дианы оставило кровавый мазок на груди его халата. Я заметил, что он не побежал с нами, что он поворачивается к метрдоту и хочет предостеречь его, предупредить, что ничего не получится, что это худшее намерение в мире и, вероятно, самое последнее в его жизни, но не было времени.

– Эй, – крикнул шеф-повар. – Эй, Ги, что такое? – сказал он, назвав метрдота французским именем, и больше ничего не сказал. Раздался тяжелый хлопок, напомнивший мне звук ножа, опустившегося на череп Хамболда, и повар взвизгнул Звук был водянистый, а затем последовал густой влажный всплеск – он преследует меня в снах. Не знаю, что это было, и не хочу знать.

Я втащил Диану в узкий проход между двумя плитами, обдавшими нас тяжелым палящим жаром. За ним была дверь с двумя задвинутыми стальными засовами. Я протянул руку к верхнему и тут услышал, что Ги, Метрдот из Ада, бормоча, приближается к нам.

Мне хотелось ухватить засов, хотелось верить, что я сумею открыть дверь и мы выскочим наружу, прежде чем он приблизится на, расстояние удара ножом, но что-то во мне – что-то, решительно цеплявшееся за жизнь, – не поддалось иллюзии. Я прижал Диану к двери, встал перед ней защитным движением, восходящим, должно быть, к каменному веку, и приготовился встретить его.

Он бежал по узкому проходу между плитами, поднимая над головой зажатый в левой руке нож. Если во мне и тлела надежда на помощь Дурака Гимпеля, она тут же угасла. Он вжимался в стену у двери в зал ресторана, глубоко засунув пальцы в рот, и его сходство с деревенским дурачком еще усилилось.

– Не следовало тебе быть забывчивым про меня! – визжал Ги, совсем как Йода в «Звездных войнах». – Твоя отвратительная собака!.. Твоя громкая музыка, такая дисгармоничная!.. Иииии!.. Да как ты…

На одной из ближних горелок левой плиты стояла большая кастрюля. Я потянулся и столкнул ее на него. Только через час я обнаружил, как сильно при этом обжег руку. Ладонь была вся в пузырях, точно крохотные булочки, и еще пузыри на трех средних пальцах. Кастрюля соскользнула с горелки, перевернулась и обдала Ги от пояса вниз чем-то вроде кукурузы с рисом и примерно двумя галлонами кипящей воды.

Он завизжал, пошатнулся, попятился и опустил руку без ножа на другую плиту, почти прямо в голубовато-желтое газовое пламя под сковородой – тушившиеся в ней грибы теперь превращались в угольки. Он снова завизжал и на этот раз в таком высоком регистре, что у меня заболели уши, и поднес руку к глазам, будто не в силах поверить, что она скреплена с его туловищем.

Я поглядел вправо и увидел возле двери гнездышко чистящих и моющих средств – «Стекло-Х», и «Хлорокс», и «Уборщик в канистре А» на полке, а сбоку – щетка с совком, нахлобученным на ручку, будто шляпа, и швабра с отжимом в стальном ведре.

Когда Ги вновь ринулся на меня, держа нож в той руке, которая не побагровела и не вздувалась, как кишка, я схватил швабру за ручку, покатил ведро на колесиках перед собой, а затем ткнул им в Ги. Он откинулся, но не попятился. Его губы подергивались в странной улыбочке. Он смахивал на собаку, которая, во всяком случае, временно забыла, как рычать. Подняв нож на уровень лица, он сделал им несколько мистических пассов. По лезвию струился свет флюоресцентных плафонов. Оно блестело между разводами крови. Он, казалось, не ощущал боли ни в обожженной руке, ни в ногах, хотя их обдало кипятком, и брюки у него пестрели рисинками:

– Паршивый мудило, – сказал Ги, творя мистические пассы. Он походил на крестоносца, готовящегося к битве. То есть если вы способны вообразить крестоносца в облепленных рисом брюках фрачной пары. – Убью тебя, как убил твою паршивую лающую собаку.

– У меня нет собаки, – сказал я. – Я не могу ее завести. Запрещено договором об аренде.

По-моему, это единственные слова, которые я сказал ему на протяжении всего кошмара, и я не уверен, что произнес их вслух. Быть может, они только мелькнули у меня в голове. У него за

спиной шеф-повар старался подняться на ноги. Одной рукой он цеплялся за ручку морозильной камеры, другая была прижата к окровавленному халату, в котором поперек пухлого брюха зияла огромная багровая усмешка. Он, как мог, старался удержать свой кишечник на месте, но это ему не удавалось. Одна глянцевитая петля, цвета синяка, уже свисала наискосок от левого бока, будто жуткая часовая цепочка.

Ги сделал выпад ножом, я парировал, ткнув в него ведром на швабре, и он попятился. Я подкатил ведро к себе и стоял, крепко сжимая деревянную ручку швабры, готовый направить на него ведро, если он опять шагнет вперед. Моя обожженная рука ныла, и я чувствовал, как по моим щекам ползут капли пота, словно растопившееся масло. За спиной Ги шеф-повар сумел-таки встать. Медленно, как больной, впервые поднявшийся с постели после тяжелой операции, он побрел по проходу к Дураку Гимпелю. Мысленно я пожелал ему удачи.

– Отодвинь засовы, – сказал я Диане.

– Что?

– Засовы на ДВЕРИ. Отодвинь их.

– Я не могу пошевелиться, – сказала она с рыданием, так что я лишь с трудом уловил слова. – Ты меня СОВСЕМ ЗАДАВИЛ!

Я чуть-чуть шагнул вперед, освобождая для нее место. Ги оскалил на меня зубы, сделал обманный выпад ножом, потом отдернул руку и ощерился в своей нервной злобной усмешечке, когда я опять покатил на него ведро на поскрипывающих колесиках.

– Вшивая вонючка, – сказал он тоном человека, обсуждающего шансы любимой команды в предстоящем сезоне. – Посмотрим, как ты опять громко включишь радио, вонючка. Мудрак!

Он замахнулся, я покатил ведро. Но на этот раз он почти не отступил, и я понял, что он подбадривает себя и вот-вот перейдет в нападение. Я почувствовал, как моей спины коснулись груди Дианы, когда она попыталась вдохнуть поглубже. Я отодвинулся, но она не повернулась к двери, не отодвигала засовы, а стояла, как стояла.

– Открой дверь, – сказал я ей уголком рта, точно гангстер. – Отодвинь чертовы засовы, Диана!

– Не могу, – прорыдала она. – Не могу! Руки не шевелятся! Заставь его прекратить, Стивен. Перестань его УГОВАРИВАТЬ, заставь его ПРЕКРАТИТЬ!

Еще одно ее слово, и я свихнулся бы. Нет, правда.

– Повернись и отодвинь засовы, Диана, не то я просто посторонюсь, и пусть…

– ИИИИИИИИИ! – провизжал он и ринулся в атаку, рубя и коля ножом. Я изо всей мочи толкнул ведро вперед и сбил его с ног. Он взвыл и опустил нож по длинной отчаянной дуге. На волосок ближе, и лезвие отхватило бы мне кончик носа. Он неуклюже рухнул на широко раздвинутые колени, и его лицо оказалось прямо перед отжимом, подвешенным к ведерку. Идеально! Я опустил швабру ему на шею. Шнуры рассыпались по плечам его черного фрака, точно пряди колдовского парика. Его лицо впечаталось в отжим. Я нагнулся, свободной рукой ухватил рукоятку отжима и повернул ее. Ги завопил от боли, но швабра приглушала его голос.

– ОТОДВИНЬ ЗАСОВЫ! – завизжал я на Диану. – ОТОДВИНЬ ЗАСОВЫ, СТЕРВА БЕСПОЛЕЗНАЯ! ОТОДВИНЬ…

Бау! Что-то твердое и острое впилось мне в левую ягодицу. С воплем я невольно сделал шаг вперед – мне кажется, больше от удивления, чем от боли, хотя было очень больно. Я упал на колено и выпустил рукоятку отжима. Ги отполз, и из-под шнурков швабры появилась его голова. Дышал он так громко, что казалось, будто он лает. Впрочем, быстроты его это не лишило: едва распутавшись со шваброй, он замахнулся на меня ножом. Я уклонился, почувствовав, как всколыхнулся воздух, рассеченный лезвием у самой моей щеки.

Только когда я кое-как поднялся на ноги, мне стало ясно, что произошло – что она сделала. Я молниеносно посмотрел на нее через плечо. Она ответила мне вызывающим взглядом, прижимаясь к двери спиной. Мне в голову пришла сумасшедшая мысль: она ХОЧЕТ, чтобы меня убили. Может, она вообще все подстроила. Отыскала сумасшедшего метрдота и…

Ее глаза расширились.

– Берегись!

Я обернулся как раз вовремя, чтобы встретить его бросок. По сторонам его лицо было ярко-алым, если не считать белых кружков, оставленных дырками для пропуска воды в отжиме. Я встретил его шваброй наперевес, целя в горло, но угодив в грудь. Однако атаку я остановил и даже принудил его отступить на шаг. А дальше все решила счастливая случайность. Он поскользнулся в воде, вылившейся из перевернувшегося ведра, и упал, ударившись головой о плитки пола. Без единой мысли и лишь смутно воспринимая собственный визг, я схватил с плиты сковородку с фибами и изо всей мочи опустил ее на его повернутое вверх лицо. Глухой стук, за которым последовало жуткое (но, к счастью, краткое) шипение от соприкосновения кожи его лба и щек с раскаленным металлом.

Я повернулся, оттолкнул Диану и отодвинул засовы, запиравшие дверь. Я распахнул ее, и меня, как молотом, ударил солнечный свет. И запах воздуха. Не помню, чтобы когда-нибудь еще воздух пахнул чудеснее – даже в первые дни школьных каникул.

Я схватил Диану за локоть и вытащил ее в проулок, заставленный мусорными баками с запертыми крышками. В дальнем конце этой каменной расселины небесным видением манила Пятьдесят Третья улица, где сновали ничего не ведающие машины. Я поглядел через плечо в открытую дверь кухни. Ги лежал на спине, и обугленные грибы окружали его голову, как экзистенциалистская диадема. Сковорода соскользнула в сторону, открыв багровое лицо со вздувающимися волдырями. Один глаз был открыт, но взгляд, устремленный на флюоресцентный плафон, смотрел невидяще. Кухня позади была пустой. На полу багровела лужа крови, на белой эмали холодильной камеры багровели отпечатки ладони, но шеф-повар и Дурак Гимпель исчезли.

Я захлопнул дверь и показал на проулок.

– Иди!

Она не шевельнулась и только посмотрела на меня.

Я легонько толкнул ее в левое плечо.

– Иди.

Она подняла руку, словно регулировщик на перекрестке, мотнула головой и ткнула в меня пальцем.

– Не смей ко мне прикасаться!

– А что ты сделаешь? Натравишь на меня своего психотерапевта? Мне кажется, он протянул ноги, радость моя.

– Не смей так со мной разговаривать! Не смей! И не прикасайся ко мне, Стивен, предупреждаю тебя.

Дверь кухни распахнулась. Повернувшись – не думая, просто повернувшись, – я ее захлопнул и перед щелчком защелки услышал придушенный вскрик – злости или боли я не понял, да меня это и не интересовало. Я привалился к двери спиной и уперся ногами в асфальт.

– Не смей так со мной разговаривать! Не смей! И не прикасайся ко мне, Стивен, предупреждаю тебя.

Дверь кухни распахнулась. Повернувшись – не думая, просто повернувшись, – я ее захлопнул и перед щелчком защелки услышал придушенный вскрик – злости или боли я не понял, да меня это и не интересовало. Я привалился к двери спиной и уперся ногами в асфальт.

– Хочешь постоять тут и обсудить все? – спросил я Диану. – Судя по звукам, он полон сил. – В дверь снова ударили. Я сдвинулся вместе с ней, но тут же опять ее захлопнул. Потом напрягся, готовясь к его новой попытке, но все было тихо.

Диана посмотрела на меня долгим, долгим взглядом, злобным и неуверенным, а потом пошла по проулку, опустив голову. Волосы у нее свисали по сторонам шеи. Я стоял, прислонясь к двери, пока Диана не прошла примерно три четверти пути до улицы, а тогда отступил и опасливо уставился на дверь. Она осталась закрытой, но я решил, что это ничего не гарантирует, и подтащил к ней мусорный бак и только тогда затрусил за Дианой.

Когда я добрался до выхода из проулка, ее там уже не было. Я посмотрел вправо в сторону Мэдисон, но ее не увидел. Поглядел влево – и вон она медленно переходит Пятьдесят Третью. Голова ее все еще опущена, и волосы все еще свисают по сторонам лица, как занавески. Никто не обращал на нее внимания. Люди перед «Кафе Готэм» пялились сквозь зеркальные стекла, как посетители бостонского океанариума перед аквариумом акул в час кормежки. Выли приближающиеся сирены – много их.

Я перешел улицу, протянул руку, чтобы потрогать ее за плечо, передумал и просто окликнул по имени.

Она обернулась. Ее глаза потускнели от ужаса и шока. Платье спереди выглядело, как детский нагрудничек, омерзительно лиловый. От нее разило кровью и истраченным адреналином.

– Уйди, – сказала она. – Я больше не хочу тебя видеть. Никогда.

– Ты меня там пнула в задницу, стерва, – сказал я. – И меня чуть не убили по твоей милости. Да и тебя тоже. Отказываюсь тебя понимать.

– Мне четырнадцать месяцев хотелось пнуть тебя в задницу, – сказала она. – А когда предоставляется случай осуществить мечту, тут уж не до раздумий, вер…

Я ударил ее по лицу. Я ни о чем не думал. Просто отвел руку и ударил. И за всю мою взрослую жизнь мало что доставляло мне подобное удовольствие. Мне стыдно это вспоминать, но я

слишком далеко зашел в моем рассказе, чтобы лгать, пусть даже не договаривая.

Ее голова качнулась. Глаза расширились от шока и боли, утратили тупое ошеломленное выражение.

– Сволочь! – крикнула она, прижимая ладонь к щеке. Теперь ее глаза наполнились слезами. – Какая же ты СВОЛОЧЬ!

– Я спас тебе жизнь, – сказал я. – Ты что – не понимаешь? До тебя не доходит? Я СПАС ТЕБЕ ЖИЗНЬ.

– Ублюдок, – прошептала она. – Давящий, присвоивший право решать, мелочный, самодовольный, самовлюбленный ублюдок. Я тебя ненавижу.

– Подотрись своим дерьмом. Если бы не этот самодовольный мелочный ублюдок, ты бы сейчас валялась мертвая.

– Если бы не ты, меня тут вообще не было бы, – сказала она, а по Пятьдесят Третьей улице с визгом пронеслись три первые полицейские машины и остановились перед «Кафе Готэм». Из них посыпались полицейские, будто клоуны в цирковом номере. – Если ты еще когда-нибудь прикоснешься ко мне, я выцарапаю тебе глаза, Стив, – сказала она. – Держись от меня подальше.

Мне пришлось зажать руки под мышками. Они тянулись убить ее, сомкнуться у нее на шее и убить ее.

Она прошла шесть-семь шагов, потом снова обернулась ко мне. Она улыбалась. Жуткой улыбкой, куда более ужасной, чем все, что я видел на лице Ги, Ресторанного Демона.

– У меня были любовники, – сказала она, улыбаясь этой жуткой улыбкой. Она лгала. Ложь была написана у нее на лице, но боли это не смягчило. Она ведь ХОТЕЛА, чтобы это было правдой. Это тоже было написано у нее на лице. – Трое за последний год. Ты никуда не годен, и я находила себе настоящих мужчин.

Она повернулась и пошла по улице, как женщина шестидесяти пяти лет, а не двадцати семи. Я стоял и смотрел ей вслед. Перед тем как она завернула за угол, я снова выкрикнул это. То, с чем не мог смириться, то, что застряло у меня в горле, будто куриная косточка.

– Я спас твою жизнь! Твою проклятую жизнь! Она остановилась на углу и посмотрела на меня. Жуткая улыбка так и не сошла с ее лица.

– Нет, – сказала она. – Не спас. И она скрылась за углом. С тех пор я ее не видел, хотя, полагаю, увижу. Встретимся в суде, как говорится.

***

На следующем углу я зашел в супермаркет и купил пачку «Мальборо». Когда я вернулся на угол Мэдисон и Пятьдесят Третьей, Пятьдесят Третью перегораживали голубые барьерчики, которые используют полицейские, чтобы огораживать места преступлений и маршрут процессий. Однако ресторан был виден и оттуда. Отлично виден. Я сел на край тротуара, закурил сигарету и начал следить за происходящим. Подъехало пять-шесть машин «скорой помощи». Шеф-повара увезла первая – без сознания, но, видимо, еще живого. За его кратким

появлением перед его поклонниками на Пятьдесят Третьей последовало появление носилок с трупом в чехле. Хамболд. Затем появился Ги, накрепко привязанный к носилкам, он дико оглядывался по сторонам, пока его не задвинули в машину. Мне почудилось, что на мгновение наши глаза встретились, но, вероятно, это просто мое воображение.

Когда машина с Ги тронулась и проехала через дыру в баррикаде из барьерчиков, отодвинутых двумя полицейскими в форме, я швырнул сигарету, которую курил, на канализационную решетку. Не для того я выжил этот день, чтобы вновь травить себя табаком, решил я.

Я глядел вслед удалявшейся машине «скорой помощи» и пытался представить себе, как жил человек в ней там, где живут метрдоты – в Квинсе, в Бруклине или даже, может быть, в Райе или Мамаронеке. Я пытался вообразить, как выглядит его столовая, какие картины могут висеть на стенах. Это у меня не получилось, но я обнаружил, что способен довольно легко вообразить его спальню, хотя и без всякой уверенности, разделял он ее с женщиной или нет. Я видел, как он лежит с открытыми глазами, но абсолютно неподвижно и смотрит в потолок в глухие ночные часы, когда луна висит на черной тверди, будто глаз трупа, полуприкрытый веком; я мог представить себе, как он лежит там и слушает лай соседской собаки, ровный, монотонный, нескончаемый, пока звук этот не превращается в серебряный гвоздь, забиваемый ему в мозг. Я воображал, что лежит он неподалеку от стенного шкафа, полного фрачных пар в пластиковых чехлах химчистки. Я видел, как они висят там в темноте, будто казненные преступники. Я раздумывал, была у него жена или нет. А если была, то убил ли он ее перед тем как отправиться в ресторан? Я вспомнил комочек на его рубашке и решил, что такой вариант вполне возможен. И задумался о судьбе соседской собаки, той, которая лаяла, не унимаясь. И о судьбе семьи ее хозяина.

Но главным образом я думал о Ги, лежавшем без сна все те ночи, в которые и я лежал без сна. Лежавшем и слушавшем лай собаки в соседнем доме или дальше по улице, как я слушал сирены и погромыхивание тяжелых грузовиков. Я думал о том, как он лежал там и смотрел на тени, которые луна разбрасывала по потолку. Думал о вопле – Иииии! – накапливавшемся у него в голове, точно газ в закрытой комнате.

– Иииии, – сказал я… Просто чтобы послушать, как это звучит. Я бросил пачку «Мальборо» на сточную решетку и начал топтать ее, не поднимаясь с тротуара. – Иииии. Иииии. Ииииии.

Полицейский у барьера оглянулся на меня.

– Эй, приятель, может, уймешься? Нам тут и так хватает. «Конечно, – подумал я. – Как и нам всем». Но я ничего не сказал. А вот топтать пачку перестал – она и так уже превратилась в лепешку – и перестал примеряться к этому звуку, хотя продолжал слышать его у себя в голове – а почему бы и нет? Смысла в нем столько же, как и во всем остальном.

Ииииииии.

Ииииииии.

РР.